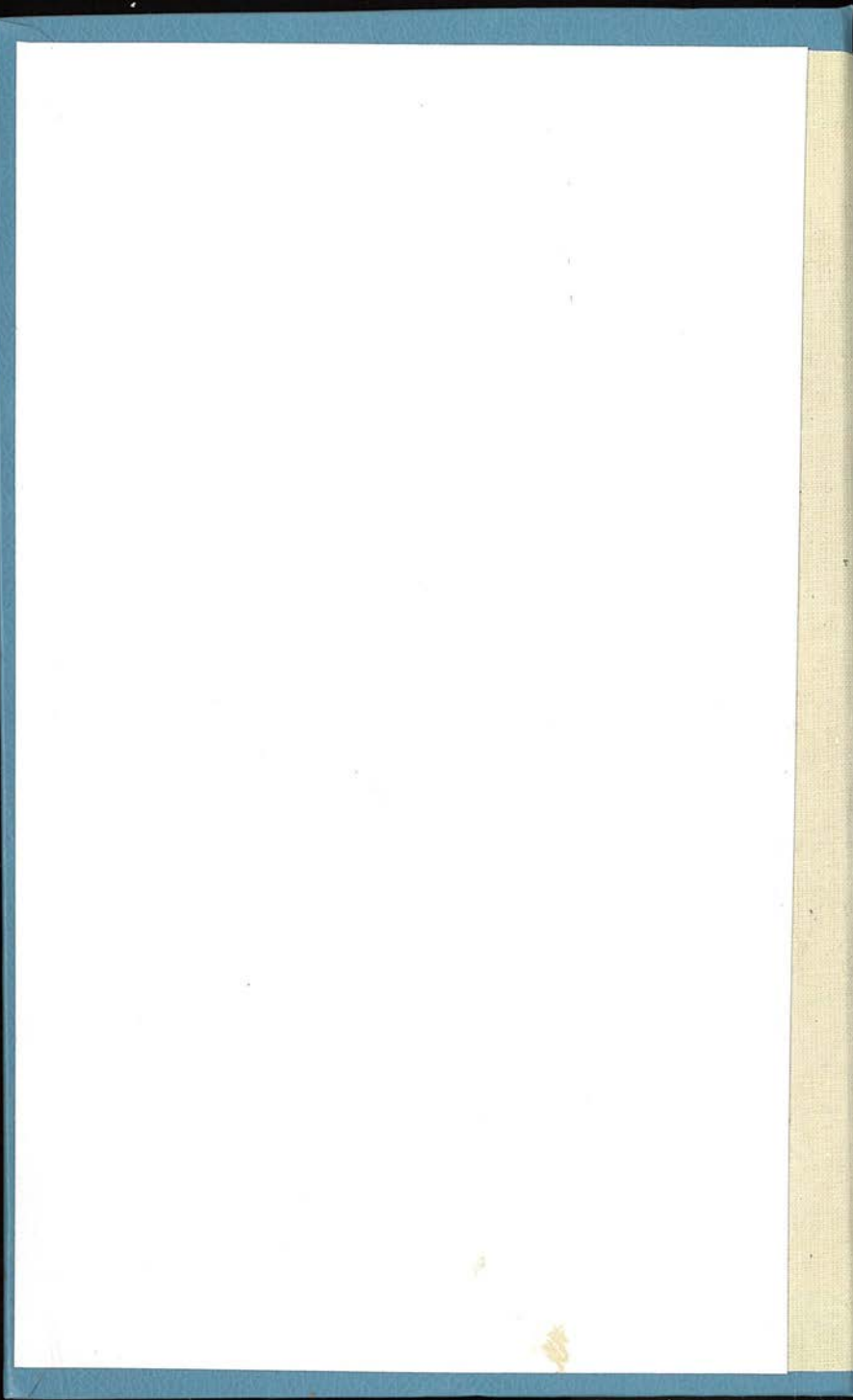

H596

И. С. Нечуй-Левицький
Старосєвицьки
батьошкє та матушкє
к., 1905

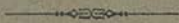

И. С. Нечуй-Левицький.

СТАРОСЬВИЦЬКИ
БАТЮШКЫ та МАТУШКЫ.

ПОВИСТЬ-ХРОНЫКА.

ТРЕТЕ ВЬДАННЯ.

КІЕВЪ.
Изданіе Е. П. Череповскаго.
1905.

6. 186

221

Іван Левинський

891.79-3

Н 59

V

Н 596

Иванъ Нечуй—Левицький.

СТАРОСЬВИЦЬКИ

БАТЮШКЫ ТА МАТУШКЫ.

ПОВИСЬТЬ—ХРОНЫКА.

38495

3458

Трете видання.

~~ЧИТАЛЬНЯ
Подгавське
Обласної бібліотеки~~

КІЕВЪ.

Лито-Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеєвска
1905.

д. № 22.

Дозволено цензурою. Київъ, 12 февраля 1905 г.

2023 470750

10

Державна історична
бібліотека УРСР

83

23

СТАРОСЬВИЦЬКИ

Батюшкы та Матушкы.

ПОВИСЬТЬ—ХРОНЫКА.

Трете видання.

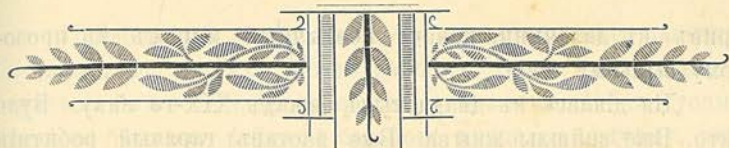
~~М. Ф. С. 1914~~

СТАРОСРЯНІТКА

БІБЛІОТЕКА ТА МАНІПУЛЯЦІЇ

ПОВІСЬ — ЗАПИСКА

ТРЕХ ВІДАНЬ

СТАРОСЬВИЦЬКИ

БАТЮШКИ ТА МАТУШКИ.

ПОВІСЬТЬ—ХРОНИКА.

Широко роскынулось село Вильшаныця, недалеко одъ Роси, по зеленыхъ горбахъ та долинахъ. Середь села въ долини лыснивъ довгий ставокъ. Коло самой гребли проты млына на прыгорку стояла стара дубова церква зъ пятьма банямы, а коло неи, неначе вгнздывшысь въ густому вышныку, стояла ще стариша за церкву, прысадкувата, широка дзвинуця зъ стовпчыкамы навкругу. Проты церкви черезъ дорогу була оселя вильшаныцького съвященика; за старымъ домомъ зеленивъ старый садокъ. И прыгорки, й довги долины, й зелени левады въ вербахъ по-надъ ставкомъ—усе зеленило й лыснило на веселому сонци, а били чысти хаты скрызъ билилы въ садкахъ, нибы чыясъ вередлыва рука, граючысь, роскыдала йихъ въ поетычному безладди по горбахъ та долинахъ.

На пивдень, за пологымы левадамы та синожатымы, за купама вильхы та верболозу, проты сынього неба ясно выризувалась ламана смуга горяного берега Роси. По горахъ та западынахъ мрилы лисы; помижь лисама нибы тонулы въ срибни имли то тамъ, то тамъ села, блыщали хресты на билыхъ баняхъ церковъ, мрилы на прыгоркахъ били хаты. Высокий берегъ, оповытый прозорымъ туманомъ,

мривъ въ далечини, неначе поетичный миражъ въ прозорому сыньому неби.

Дія діялась въ двадцятыхъ рокахъ XIX-го вику. Було лито. Вже зайшли жныва. Вже наставъ гарячий робитній часъ. Стояла година, ще й до того бувъ будень, — а въ двори й за дворомъ въ сьвященника стовпылась сыла народа: въ Вильшаныци тилькы що поховалы старого сьвященника, Петра Моссаковського. Уся громада зійшлась въ його двирь на поминальный обидь.

Усе шыроке подвирья сѹспиль було заставляне не столами, а дошками, покладянымы на пенькахъ та окоренкахъ. Вповоджъ цихъ дощокъ сидили доли довгымы рядкамы парафіяны покійного панотця. За подвирьямъ стовпылась сыла дитей, хлопцивъ та дивчатъ и заглядала въ двирь черезъ тынъ. Диты повилазылы на тынъ и обсилы його, неначе горобци. На городи палало трое багаттывъ, а кругомъ йныхъ вешталысь молодыци, сновыгалы бабы. Въ легенькому дьму одъ багаття було выдно зъ десятокъ здоровыхъ золійныкивъ та горшкивъ зъ усякою стравою для обида. Незабаромъ молодыци почалы насыпаты въ здорови мыскы та яндылы страву й ставылы по дошкахъ; други выносилы зъ хаты въ ряднахъ и роскладалы по столахъ покраяный на скыбки хлибъ та кныши. Коло самисинького порога довгымы рядкамы сидалы за обидь старци та старчыхы слыве зъ усихъ близчыхъ силъ. Народа було сыла. Мисьця для всихъ не ставало: одни рядкы, пообидавшы, вставалы, други сидалы на томисць. Письяя чоловікивъ сидалы молодыци та бабы.

Прыслуговуючи наймычкы та молодыци насылу настачалы стравы. Тутъ обидало все село, обидалы прохожи, проиызжачи; старци посходылысь зъ усіен околыци... Горилка выходыла видрамы, та й ще неможна було настачыты на всихъ.

Чотыри сыны небижчыка отця Петра, — два сьвященныкы, одынъ діяконъ и одынъ дякъ — зъ здоровымы пляшкамы въ рукахъ ходылы помижъ столами и пидрядь частувалы усихъ.

Найщедрише частували вони парафіянъ свого панотця, бо знали, що громада заразъ по обиди почне выбирати заступника на місце старого покійного панотця. А йимъ усимъ однаково бажалось зайняты батькове місце въ ридному, здоровому й багатому сели.

На прычилку, въ холодку пидъ высокымы черешнямы, були понакрываны столы для духовенства та значнишыхъ парафіянъ—господаривъ. Невисткы покійныка выталы гостей.

Сонце стало на вечирньому пружи. Сьвященикы встали з-за столивъ, а за нымы разомъ повставалы уси люде на всьому шырокому двори. Гоминъ стыхъ одразу. Настала така тыша, неначе на всьому двори не було жывои души. Стало чуть, якъ щебеталы въ садку пташкы. Старый сывый сьвященикъ, обернувшысь до церкви, почавъ правыты здоровымъ басомъ парастасъ. Його голось розлягався по всьому подвирьи. Старый батюшка на прыкинци парастаса пиднявъ голось и голоснише поклыкнувъ „вичную память“ небижчыкови. И все духовенство, яке тутъ було, засьпывало „вичная память!“ А въ той часъ тытарь, сывый ажъ билый, зъ довгымы вусамы, трычи навхрестъ пидійнявъ вгору здоровый полывяный червоный жбанъ сыты, прыдержуючы зверху рукою хлибъ, котрымъ бувъ накрытый жбанъ. Уси люде, що стоялы въ двори и за дворомъ, почалы хрестытысь та кланятысь до церкви: сотни рукъ замахалы, сотни головъ то нахылялысь, то пиднималысь, сотни усть шепотилы не дуже тыхо: „вичная память! вичная память!“ И несподивано неначе схопывся середъ тыши въ двори витерь, и неначе зашелестивъ на витри лысть въ садку на дереви. И той шелестъ помаленьку стыхавъ, докы зовсимъ не стыхъ... и зновъ въ двори и на прычилку стало тыхо, тыхо, ажъ мертво...

Сыны покійныка зъ усимъ духовенствомъ пишы въ покой. Чоловикы поздймалы дошки й повносылы въ повитку; поодкочувалы пидъ тынъ пенькы та окоренкы. Сыла людей розсыпалась по двори. Молодыцы та старцы повыхо-

дылы зъ двору за ворота. Зисталась въ двори сама громада. Почалысь выборы нового сьвященника.

Громада загомонила й загула, неначе загулы бджолы въ пасици пизнього литнього вечора писья важкого горячого дня: по всеому двори люде позбывалысь въ купки й стыха розмовлялы. Насылу було чуты то тамъ, то тамъ: „а хто пакъ оце буде въ насъ за сьвященника? кого намъ обираты?“ Одни радылы, що найкраще було-бъ обираты на парафію одного зъ старшыхъ сынивъ покійныка, котри вже были сьвященныкамы въ сусиднихъ селахъ; други обзывалысь за третього сына—діякона; але ще тихише ходывъ гоминь, що старши сыны покійного панотця не дуже мырять зъ своимы парафіянамы, а діяконъ пье по корчмахъ горилку й бьеться не тилькы зъ людмы, але часомъ и зъ жыдамы, навить зъ жыдивкамы.

— Панове громадо!—спокійнымъ, але твердымъ голосомъ промовывъ старый тытарь, кругомъ котрого стовпылысь таки жъ сами стари диды:—спомижъ чотырохъ цихъ настоятеливъ на парафію оберимо соби за сьвященника найменшого покійныкового сына, Харытона. Винъ зрисъ на нашихъ очахъ; мы його добре знаемо. И чоловикъ винъ добрый, богобоящый, не гордый; часомъ вряды-годы выще зъ нами по чарци, але не пьянствуе, не тыняеться по корчмахъ; винъ и до людей прывитный та ласкавый, и гортанъ мае добру. Нема що й казаты! Зъ його буде добрый сьвященныкъ. Нанышимо прошення до владыкы, даймо йому пидводу та грошей на дорогу, та й нехай зъ Богомъ рушае до Кыива. Чы такъ, панове громадо?

— Такъ, такъ! тытарь добре радить!—загомонилы диды кругомъ тытаря, и ця гадка, неначе стриламы полетила по всеому двори.

Тытарь выйшовъ зъ свого круга, пройшовъ вздовжъ и впоперекъ по двори помижъ громадянамы та пытавъ въ усихъ и въ кожного, чы прыстають воны на його думку за цього одного зъ чотырохъ теперишнихъ настоятеливъ на Вильшаныцьку парафію. Передъ тытаремъ люде розступа-

дысь; головы безъ шапокъ колывались, и одъ кинця до кинця скризъ було чутъ: „такъ, такъ! це правда! Нехай Харытинъ буде въ насъ за сьвященика!“

Тытаръ пишовъ въ покои й оповистывъ сьвященикамъ и самому Харытонови, що парафіяны обибралы його на парафію. Старшымъ сынамъ покійныка очевыдячки стало ніяково. Харытинъ поклонывся покирненько й подякувавъ за честь.

— Выйдоть-же, пане дяче, до громады!—сказавъ тытаръ, легенько кланяючысь Харытонови.

Харытинъ выйшовъ на ганокъ. Сълидкомъ за нимъ выйшлы сьвященикы, окримъ бративъ. Гоминъ въ громади одразу стыхъ. Тытаръ зъ сходявъ голосно спытавъ:

— Чы згоджуетесь, панове-громадо, щобъ маты добродія Харытона въ себе за сьвященика на наши парафіи?

— Згода! згода!—гукнула громада, якъ одынъ чоловікъ:—нехай винъ буде въ насъ за сьвященика!

Харытинъ нызько поклонывся й подякувавъ громади.

— Волюмо Харытона! Харытинъ нехай буде въ насъ за панотця!—зновъ загуло зъ усихъ бокивъ.

Харытинъ зновъ поклонывся й хотивъ щось сказаты, щобъ подякуваты громади; але вже й першыхъ його сливъ неможна було почуты. Пиднявся шумъ та гамъ, якимъ звичайно кинчаються уси громадськи зборы. Громада гула, неначе витерь въ лиси. Задни лавы заколывались и посунули зъ двору. Неначе вода въ здорову залыву, що несподивано одразу прорывае греблю, вони погналы попередъ себе кupy дитворы, хлопцивъ та молодыць, котри выслы коло ворить. Заворушылось и все стовпыще въ двори и широкою фылею полилось зъ ворить на улыцю. Въ двори стало порожньо й тыхо.

На ганку все ще стоявъ щасливый Харытинъ, высокый, тонкый, ривный станомъ, биловыдый, зъ густымы рясавымы кучерямы, що спадалы трохы не до плечей. Винъ пыльно дывывся на густу массу чорныхъ шапокъ, схожу на чорну риллю, докы й останній чоловікъ не выйшовъ зъ

двора. Въ його на деликатному выду зайнявсь румянець, якъ винь, провившы очыма всіхъ до останку, вертався въ сьвітлицю середь сусидивь сьвященикивъ, котри очевыдячки спочували до його й булы прыхыльниши до його, нижь до бративь.

— Поздоровляемо вась, Харытоне Петровичу!—перши загомонилы проворни матушки:—теперычки жь шукайте соби десь гарну паниматку, та й нехай вамъ Богъ благословить на парафію систы.

Харытонивь брать, діяконь, глянувъ сердыто на матушокъ, неначе пятака йимъ кынувъ, и промовывь:

— Въ батька ще й ноги не захололы, а вы вже й провесилля...

— Та що жь, брате! Жывый живе й гада!—обизвався найстаршый брать:—вже батька не вернемо зъ домовыны. А оть выйдуть сороковыны, то й щасты, Боже, Харытонови й одружытысь и высьвятытысь.

— Оце правда! Це мудре слово! Хиба жь въ насъ не знайдеться зъ кымъ одружытысь, чы що? А гаятысь теперынькы зъ цимъ такы не выпадае,—задриботили матушки.

Воны вже неначе й забулы за похоронь и почалы перебираты та прыгадуваты усихъ знайомыхъ паннивъ въ околыци. Одна матушка згадала мижь ынчымы паннамы за Онысю Прокоповычывну. Почувшы це ймення, Харытинь лыпнувъ засоромлянымы очыма й зновъ спустывъ йихъ додолу. Передь нымъ въ одну мить, неначе блискавка, блиснувъ Онысынъ выдъ. Винь згадавъ йии й—забувъ навить на той часъ за смерть и похоронь батька. Разъ винь бабывъ йии въ Богуслави на ярмарку й одъ того часу не мигъ йии забуты. И теперь винь неначе побачывъ йии середь ярмаркового натовпу, на ясному сонци, въ шовковому червонястому горсети, въ картати плаhti, въ сорочци зъ мережанымы рукавами, въ квиткахъ та мережкахъ, обсыпану гарячымъ сонцемъ,—неначе середь ярмаркового стовпыща, шуму та гаму, десь узялася райська птыця, прылы-

нула и впала середь чорныхъ та бѣлыхъ свытокъ, середь смушевыхъ чорныхъ шапокъ.

Хочъ гости вже й пообидали й добре выпылы, але по старынному звичаю за столи зновъ поставылы здорови пляшки настойкы та наливкокъ. Гости все пылы по чарци та стыха балакалы. Розмова йшла поважна, неголосна. Гости очеvyдячки шанувалы память небижчыка й говорылы стыха, нибы небижчыкъ ще й теперъ лежавъ на лави, або неначе ще й доси не скинчывся похоронъ. Тилькы вряды-годы якась тамъ дуже голосна та прудка матушка, забувшы за похоронъ, дзеленькала, неначе въ голосный дзвоникъ дзвоныла.

Харытинъ сыдивъ, похылившы голову й похнюпывшысь, а думы снувалысь въ його въ голови, якъ ниткы на снивныци. И похоронъ, и выборы, й несподивана батькивська парафія, й завыснить його бративъ,—все це ворущылось въ його думахъ. Винъ насылу чувъ гоминъ въ покояхъ, не розбиравъ навить ни сливъ, ни тямкы розмовы въ тому густому гомони. И чогось йому почувся бнчыи густый гоминъ; —не въ покояхъ, а десь бнде, десь неначе на богуславському ярмарку. Чогось його думы зновъ перелетили до Богуслава, й винъ неначе побачывъ ярмарковый натовпъ, ярмаркове вештання. Люде сновыгають мижъ возамы, мижъ крамныцямы, мижъ яткамы, неначе комашня. Винъ навить почувтъвъ гарячий одъ сонця ярмарковый духъ куравы, возивъ, колись, пахощи одъ травы та перейдивъ сина на возахъ. А зъ того натовпу зновъ выглянула до його Оныся, вся въ квиткахъ та мережкахъ. Винъ нибы вглядивъ йи чудови темни очи: на його нибы вправъ зъ тыхъ очей гострый поглядъ. И щось мыле, невыразно прыемне та прывитне одразу сповныло його серце. Винъ почувавъ, що й доси памятае той гарный веселый Онысынъ выдъ, що й доси не забувъ за ти темни очи.

— Харытоне Петровычу! Чого це ты такъ напындючывся та задумався, й по чарци не пьешъ?—сказавъ до його старший братъ.

Харытинъ опамятовався й схаменувсь.

— Ой, що жъ це минн верзеться въ голови? Це жъ гришни думкы та ще й на батьковому похорони! Батька тилькы що засыпалы землю, а я вже гришу гришнымы думкамы. Цуръ йимъ, пекъ йимъ, тымъ думкамъ!

Але ти гришни думкы все чогось настырливо лизлы йому въ голову. Винъ згадавъ, якъ ховалы батька, якъ същивалы „вичну память“, а гришни думы все ворущылысь въ його серци. А пышний выдъ въ стричкахъ та въ квиткахъ все мривъ передъ нымъ навить въ легенькому дыму кадыла, въ прозорому повитри спорожнилого двора та садка, въ важкому повитри невеличкыхъ покоивъ покойного панотця. Черезъ недавній същивъ „вичной памяти“ по батькови йому почувся дзвинкый Онысынъ голосокъ на ярмарку.

— Ой, гришу! одже-жъ гришу?—подумавъ Харытонъ:—а все оти цокотухы розворущылы мои думкы, згадалы минн про Онысю. А, бодай васъ лыха годына взяла! Це жъ грихъ! Це жъ грихъ?

А той грихъ въ квиткахъ та стричкахъ все манячывъ передъ нымъ и неначе дражнывъ його богобоящу душу.

Надъ вечиръ одынъ по другому розйихалысь уси сусиды й знайоми небижчыка Моссаковського. Сыны, не змагаючысь, спокійно подилылысь батькивськымъ добромъ; старши браты, взяшы соби де-що зъ батькивського добра на памятку про батька, зоставылы Харытонови, якъ найменчому въ симъи, по народньому звычайу на Украини, усе нерухоме добро й господарство. Вони попросылы одного старого съвященика, который вже не мавъ парафіи, „наблюдаты“ вильшаныцьку парафію, докы Харытинъ высъвятытьсь на съвященика, а самы посъпишалы до господа, бо вже зайшлы жныва. ✕

Наставъ вечиръ. И въ покояхъ, и въ двори стало порожньо й неначе мертво писля здорового натовпу, выбирчого гаму та вештанья. И димъ, и двиръ неначе вмерлы разомъ зъ помершымъ господаремъ, старымъ панотцемъ. Зостався въ сумныхъ покояхъ самъ Харытинъ зъ своїмы думами та

мріямы про сьвященство та про Онысю въ квиткахъ та стричкахъ, та въ червоныхъ черевычкахъ.

Дуже помалу тяглыся для Харытона дни до сороковинь. А тымъ часомъ до Оныси часто зайизджалы женихы, а найчастіше одъ другихъ вчашавъ Марко Павловичъ Балабуха, філософъ. Винъ тилькы що покынувъ недавно передъ тымъ реформовану давню Кывивську академію, щобъ питты на село на парафію.

Оныся Степанивна була однимъ—одна дочка старого сьвященника въ сели Чайкахъ. Чайкы були за двадцять верстовъ одъ Вильшаныци. Вони роскынулыся на горяному високому правому берези Роси. Высокий берегъ бувъ нибы попереризуваный впоперекъ узенькымы западынамы та ярамы й по-декуды по-надъ Россю закыданий скелыстымы террасама. Роскишни западыны та долины, мальовнычи террасы пышалыся, нибы закыдани й застеляни чудовымы садкамы. То тамъ, то тамъ, одъ берега до самого верху гиръ билилы чыстеньки хаткы, то нибы ховаючыся одъ сонця та завирюхъ по-пидъ скеляма, то потопаючы въ долинахъ въ зеленыхъ садкахъ. По обидва боки села, якъ дви зелени сътины, стоявъ густый дубовый лись. Посередъ села нибы стремла на щолопочку на найвыщи терраси й неначе пышала дубова церква зъ пятьма билымы баняма. Коло церкви прытулывся домокъ сьвященника Прокоповыча. Одъ його по крути гори до самого берега Роси неначе спадавъ зеленымы рунамы роскишний старый садокъ. Проты села, по-надъ Россю, на десятки верстовъ скризь було выдко села на пологыхъ лукахъ, на подоли та ривныни, поцяцькованыхъ то жовтымы нывама, то зеленымы лугама та гайкама, то левадама.

I.

Була неділя. Прокоповычи тилькы що пообидалы. Старый панотець пишовъ въ пасику й лигъ въ катрази спаты. Въ кимнати сьдили маты й дочка та лузали насинья.

Вони розмовляли за панычівъ, що прыйїзджали до Оныси Степанівны.

— А що пакъ, дочко, оце будемо діяты! Чы швыдко підемо замижъ, чы ще довгенько будемо перебендюваты?— спытала маты въ дочкы.

— Про мене, мамо, йдить соби замижъ хочъ и сьгодні,— сказала дочка осьмихаючысь.

— Цуръ дурной-нависной! Хиба жъ я оце за себе говорю?— сказала маты.

— А то жъ за кого?—спытала дочка.

— Та за кого жъ пакъ, якъ не за тебе!

— За мене?... Якъ за мене, то не знаю,— сказала дочка, закопылившы спидню губу.

— А хто жъ повиненъ знаты, якъ не ты? Це жъ твое дило, а не мое. Мини зъ твоими жєныхамы не жыты. Чы вже-жъ мало йнхъ до насъ навидувалось?

— Та мене жъ, мамо, хвалыты Бога, ниhto не обйихавъ билымъ конемъ,— сказала дочка,—але, мамо, сказаты по-щыри правди, монхъ жєныхивъ хочъ по симъ за цыбулю продавай на богуславському ярмарку, та й то ниhto не купыть...

— Ну, це вже твои выгадки! Не всихъ такы продасы по симъ за цыбулю. Вже одного академыста Балабуху не продасы й за симъ цыбуль.

— Я бъ, мамо, його й дурно оддала, абы винъ тилькы не йиздывъ до насъ, одчєпывся одъ мене.

— Але й вередлыва жъ ты,—нема де правды диты. Балабуха чоловикъ вчений, займе добру парафію, буде благочыннымъ, а може и протоіереємъ.

— Про мене, нехай буде й архыереємъ; колы-жъ, мамо, въ його такы губы, що неначе винъ все чогось зъ людей крывыться.

— Отъ и выгадала. Яки-жъ у його губы? Таки, якъ въ усихъ людей.

— Колы жъ, мамо, якъ винъ сьміється, то якъ разъ такъ, наче тытарева коняка сьміється до нашого рябого коня. А що вже гордый та гоноровытый!...

Не встыгла Оныся скинчыты розмовы, якъ за дворомъ затарахкотивъ визъ. Загавкалы собаки й кынулысь за двиръ. Маты й дочка выбиглы зъ кимнаты въ съвитлицю й кынулысь до виконъ. Въ ворота вйизджавъ богуславскый визокъ, обшытый лубкамы. За двома кинськымы головами та шыямы въ шлеяхъ було выдно здорому постать академыста Балабуха. Балабуха сыдивъ на визку, неначе копыця сина, въ литни сыни шынели зъ такымъ довгымъ комиромъ, що винъ закрывавъ його шыроку спыну й телипавсь по-задъ визка, закрываючы колеса слыве до маточынъ. Визокъ ставъ пидъ коморою. Балабуха взявся обома рукамы за полудрабки й майнувъ на повитри, задераючы ноги черезъ полудрабокъ. Визокъ залущавъ въ його рукахъ и розигнувся, якъ лычана колыска.

— Ой, панычу, помаленьку злазьте, бо воза поламаете!—сказавъ погонычъ, оглядаючысь:—зновъ насъ батюшка лаятымутъ, якъ лаялы за того воза, що вы ростошчылы торикъ.

— Розскажи своему батькови!—сказавъ Балабуха й, закынувшы ноги черезъ полудрабокъ, скочывъ дололу. Його здорова, важка постать ажъ гупнула, неначе хто кынувъ на землю лантухъ пашни.

— Отъ тоби на!—сказала Оныся, заглядаючы въ викно:—за вовка промовка, а вовкъ у хату.

— Йды, дочко, та прычепурись!—сказала маты:—надинь товсте намысто та квиткы на голову.

— Намысто надину й квиткы надину, а Балабуси, надись, дамъ гарбуза,—сказала Оныся, сьміючысь и втикаючы въ кимнату.

— Годи, моя дытыно, гарбузуваты! треба жъ колысь будли—кого покохаты та й замижъ питты,—тыхо промовыла маты.

Балабуха стоявъ коло воза, а йому пидъ ноги кыдалысь, якъ скажени, тры собаки. Наймычка выбигла зъ ломакою й прогнала собакъ. Балабуха, ледви соваючы ногамы, посунувъ до хаты. Въ синяхъ винъ знявъ зъ себе шынелю й картузь и кынувъ на довгу скрыню; потимъ вытягъ зъ кышени червону хуетку, высякавъ носа й пишовъ въ съвитлицю.

Въ сьвитлыци не було никого. Балабуха зновъ вытягъ зъ кышени хустку, нащось зновъ втеръ носа, трычи кашлянувъ и почавъ тыхою ходою ходыты по сьвитлыци одъ кутка до кутка, поглядаючы то на двери въ кимнату, то на свои шыроки, на коркахъ, чоботы, пошыты „въ рангъ“, якъ тоди казали. Сьвитлыця була просторна, зъ малымы викнами на чотыри шыбки. Дви сьтини були суспиль завишани образами, неначе иконостась. Въ одному кутку высивъ пидъ самою стелею здоровый образъ Печерської Богородыци, въ другимъ кутку—Почаивської. Передъ образами высилы лямпадкы, а на образахъ билилы довги рушныкы, роскишно повышывани лапатымы квиткамы та дрибнымы взорцямы. Пидъ самисинькою стелею высилы, суспиль одынъ коло другого, велики образы, а пидъ ными высивъ другой рядокъ трохи менчыхъ. На сьтини коло дверей на картынахъ чорнили постати якихсь архыерейвъ та ченцивъ въ клобукахъ та мантияхъ. Картины высилы навить надъ дверыма. На ти сьтини, де були двери въ кимнату, высивъ здоровый, пидъ самою стелею, кылимъ. На кылими були выткани не квиткы, а якисъ дуже ясни, нибы квитчасти плямы, або червони та били латкы, а кругомъ йихъ замисъ лыстя, вылысь якисъ нибы курячи та гусячи лапкы. Тутъ стояла проста канапа, прыкрыта кылимомъ. Кругомъ сьвитлыци стоялы прости непомальовани зъ высокымы спынкамы стильци, били, чысто вымыти. Въ кутку коло порога стояла шафа зъ склянымы дверыма, на два етажи, помальована сыньою фарбою. За склянымы дверцямы стоялы чудернацьки пляшкы та жбаны. На дверяхъ бувъ намальований Авраамъ зъ здоровымъ ножемъ въ рукахъ, що налагодывсь заколоты на жертву Исаака, а на другихъ—козакъ запорожець зъ пляшкою въ одни руци й зъ чаркою въ други.

Балабуха на самоти роздывлявсь на картыны, хочъ визъ бачывъ йихъ вже й не разъ. Його голова трохи не доставала до сволока, й неначе одпочывала на шырокихъ плечахъ. Необстрыжени волоскы на выскахъ закручувалысь кучерямы, неначе гарный смушокъ. Густы, але не товсти

брови на узькому лоби неначе висили надъ темными ясными й незвычайно спокойными очима. Довги щокы були повни внызу й кинчалысь мякымъ широкымъ пидбориддямъ. Балабуха бувъ зовсимъ такы непоганий зъ лыця, тилькы трохи товстый довгий нисъ та мясести выпнути шыроки губы трохи псували красу облыччя. Середь верхньої губы було знать шыроку ямку, неначе хто вдавывъ йици пальцемъ, одъ чого губа ныбы респнула посередыни, й зъ одной губы стало дви, а спидня, товста та шырса, такъ вывернулася, що на йици ажъ шкура натяглася и лыснила. Балабуха й справди мавъ таку прыродню мину въ устахъ, неначе кривывся зъ кого, закопылывши спидню губу. Одежа на академыстови була „зъ достатку“, чыста й нова й новомодня: довгий сыний суконный сиртукъ зъ шырокымъ комиромъ и билымы здоровымы гудзямы, безъ роспиркы з-заду, жовта жылетка, бланшови панталоны, такы узькы внызу, що черезъ йихъ було знать халявы, та здорови высоки стоячи били комири зъ такымы гострымы кинцямы, що про йихъ тоди панночки говорылы, ныбы вони рижуть хмары, а стари батюшки говорылы всьмишкы, що нымы можна бъ оратъ поле, якъ плугомъ. Одъ тыхъ комиривъ, одъ чорной намотаной на шыи хусткы половына лыця й шыя здавалысь ще товстишымы, а губы ще шыршымы; голова була неначе здорова квочка, що сыдила въ обычайци, въ котру byly застромляни зъ двоухъ бокивъ дощечкы. Чорни довги, але товсти вуса спускалысь нанызъ, а обголяни щокы й пидбориддя сынили, якъ бузъ, неначе вони прыпалы сажею.

Наука въ академии обрыдла Балабуси. Йому заманулось женытсь, и винъ, скинчывшы риторыку й фылозофию, покынувъ богословию й пойихавъ шукаты соби жинкы.

Тыхо рыпнули двери зъ кимнаты. Авраамъ зъ Исаакомъ зныкы, а натомисць въ свытылю ввійшла матушка. Вона была вже немолода. Въ неи голова была заверчена намаскою; черезъ намитку блыщавъ парчевый очипокъ зъ здоровымы золотымы й червонымы квиткамы. На йици была теменька плахта, теменька запаска й шовкова темнокорычнева

ЧИТАЛЬНЯ
Полтавської
Обласної бібліотеки

Державна історична
бібліотека УРСР

133-03
38425

32152

470750

юбка зъ дрибненькымы роскыданымы срибнымы лысточкамы. Вона була въ жовтыхъ сапанцяхъ. На шый высивъ чымалый блискучый червинець.

Балабуха прывытався, нызько поклонився хазяйци й поцилувавъ йи въ руку. Вона поциловалась зъ нымъ въ губы.

— Выбачайте, паниматко! може вы одпочывали по обиди, а я оце васъ збудывъ,—промовивъ Балабуха басомъ, але тыхо, неначе боявся когось збудыты въ кимнати: слова його тяглыся нешвыдко, неначе його хтось сылувавъ говорыты.

✓ — Ни, Марку Павловычу,—сказала матушка:—я не одпочывала, а мій старый десь оце хрое въ пасици.

— А Оныся Степанивна дома?—спытавъ Балабуха.

— Дома. Онысю! гукнула матушка черезъ поригъ въ кимнату:—вийды, серце, та вынесы намъ по чарци... Чы горилкы, чы наливкы?—спытала вона въ академыста.

Академысть трохы не прохопивсь: „та того й того!“ але схаменувся и, трохы подумавшы, сказавъ:—та воно письялы дороги лучче бъ тиен, якъ його...—тобъ-то, горилкы чарку...

— Вынесы, доню, намъ горилочки, та наберы на тарилку пырижкивъ!—зновъ сказала матушка неначе въ порожній простиръ черезъ поригъ.

Въ кимнати було тыхо. Не було навить чуты шелесту, тилькы здоровый кить вийшовъ зъ кимнаты, постоявъ на порози й зновъ тыхо, мовъ академычний поважный профессоръ, пишовъ назадъ.

Оныся не забарылась. Вона швыдко зьявилась въ дверяхъ, висока, тонка та ривна, якъ тополя. Нахылившы трохы голову, щобъ не черкнутысь тямямъ объ одвинокъ, вона вступыла въ свитлицю зъ пляшкою й чаркою на тарилци. Балабуха трохы не крыкнувъ, ледви вдержавъ голосъ...

На Оныси була картата плахта, выткана зъ вовны пополовини зъ шовкомъ невеличкымы квадратыкамы. Квадратыкы були заткани жовтогарячимъ шовкомъ зъ билымы, якъ срибло, тонкымы обидкамы; внызу телипалысь червони кытычкы, неначе волоськы горихы, або дзвоничкы. Червона зъ сынимы та зеленымы квиткамы запаска блищала, неначе

жеврила. Вышитый червонымы та синими взорцями подилъ сорочки спадавъ на червони черевыкы. Ясно-сыній шовковый горсетъ бувъ затканый золотымы квиточкамы. На черно-волоси голови неначе цѣвивъ винокъ квитокъ. Стрички вкрывалы вси плечи до пояса, неначе зъ головы на плечи лывся лывцемъ дощъ зъ стричокъ. На шыи червонило пять разкывъ товстого „доброго“ намыста зъ золотымы дукачамы. Лице въ Оныси було oryginalне: зверху шыроке, внизу узьке. На шырокому й високому чоли неначе биглы дви довги чорни темни стрилкы: то чорнили тонки довги бровы. Гостри кинци довгыхъ бривъ десь побиглы на выпнути выскы й тамъ неначе звыкалы пидъ пучечкамы квитокъ, котри высылы за вухамы. Пидъ бровамы нибы горилы темни, якъ угиль, гостри блискучи довгеньки очи. Лице кинчалось трохи гострымъ пидбориддямъ. Маленьки темночервони уста були выпнути. Матовый цѣвить лыця бувъ трошечкы жовтуватый, але його одсьвижавъ ледви примитный, розлитый по щокахъ румянець.

Оныся ввійшла й неначе зъ собою прынесла ше билше свѣта въ свѣтлицю, залыту гарячимъ литнымъ сонцемъ.

Балабуха стоявъ и дывывся. Винъ забувъ навить поздоровкатысь и поклонытысь. Оныся сама поздоровкалась и поставыла тарилку на стилъ. Стрички заметлялысь на плечахъ, неначе одъ витру. Черезъ стричкы було выдно тонкий, ровный, якъ стрила, ще дытячий станъ. Балабуха такы опамятався, пидбигъ до Оныси, зигнувся й поцилувавъ йи въ руку. Оныся засьміялась, моргнувшы до матери, й подумала: — Йий Богу, кривытыся! одже жъ нибы кривытыся зъ мене!

— И колы-жъ оце моя Оныся встыгла вбратысь въ нову плахту, въ нову запаску ще й начепляты стричокъ та квитокъ на голову?—думала матушка, поглядаючи скося на свою доню.

Оныся сила на канапи. Йи ривна, блискуча постать була нибы намальована на здоровому кылыми яснымы блискучымы фарбамы. Балабуха сивъ на стильци пидъ викномъ и поглядавъ на неи несмыливымы очыма.

— Чого це я такъ злякався ціей панни?—думавъ Балабуха:—я жъ такы академысть, филозофъ, а вона и въ граматыци, и въ рыторыци не була й не вміе навить просклоняты „mensa“; а я жъ знаю Горація та Овидія на-память одъ дошки до дошки.

Балабуха пидвивъ гордо голову, закинувъ ногу на ногу, обперся ликтемъ объ стилъ и прымостывся въ академычни пози. Оныси та гордовыта поза чомусь була несподобна. И вона була такъ-само горда, розумна й завзята й не любила гордыхъ та натурыстыхъ людей. Вона любила верховодыты, а не корытысь.

Въ хати на-часыну стало тихо. Уси замовклы, тилькы було чути, якъ мухы былысь объ шибкы, залыти гарячимъ сонцемъ.

— Чого жъ оце мы сыдымо? Выпыймо по чарци, то може й повеселишаемо та розговорымось, сказала матушка, палываючы горилку въ чарку.

— И то розумне слово,—обизвався Балабуха густымъ басомъ, зъ повагомъ ростягуючы слова:—„in vino veritas“,—говорылы латынці.

Матушка выпыла пивъ чаркы й налыла Балабуси; Балабуха выхылывъ чарку до дна й укынувъ у ротъ одразу пивъ пырога.

— А ты, доню, не покоштуешъ часомъ оціей поганои та гиркой?—спытала маты въ дочки.

— Спасыби, мамо! я не пью,—сказала Оныся швыдко й голосно, якъ одризала.

— Та, бачъ, за здорова шанивного гостя хочъ прыгубъ, сказала матушка, подаючы дочки чарку.

Оныси було ніяково не выпыты. Вона встала, помочыла губы въ чарци й поставыла чарку на тарилку, обтераючы уста хусточкою.

Письля чаркы розмова пишла жвавише. Матушка росказувала про господарство, за урожай, за пасику. Балабуха вкыдавъ подекуды сливце та все поглядавъ на Онысю. Оныся все повертала очи на мальованый поставецъ коло порога, не наче вона вперше його бачыла.

Матушка заговорила про небижчика вильшаныцького сьвященика, про похоронъ.

— А вы були на похорони?—спытавъ Балабуха въ Оныси.

— Ни: я боюсь мерцивъ. Я бѣ три noci не спала писья похорону,—сказала Оныся й зновъ почала роздвлятысь на зелени одвиркы дверей та на Авраама, который пиднявъ здорови перелякани очи на небо, неначе й винъ углядивъ тамъ якогось мерця.

— Який въ васъ гарный садокъ, та ще й надъ водою,—сказавъ Балабуха, обертаючысь просто до Оныси.

— Садокъ гарный, але цього року не вродыла „хруста“, сказала Оныся, вкыдаючы новомодне заграничне слово.

— Може, „фрукты“,—сказавъ Балабуха:—бо це слово латынське четвертой деклинаціи, и воно рода мужеського, тымъ то треба казаты фруктъ, а не фрукта.

— Ой, та й поганый же, та ще й вчыть мене,—подумала Оныся й почервонила:—потрывай же ты, велькорозумный-академысте! ось я тобі пидсуну хрукту!

Матушка прымытыла, що третя людына зайва тамъ, де зйдеться хлопець зъ дивчыною, встала й промовыла:—пиду жъ я въ пасику та розбуджу свого старого: а докы винъ спатыме!

Матушка выйшла. Въ сьвитлыци стало тыхо, такъ що було чуты, якъ Балабуха важеко дыхавъ, пиднимаючы шыроки та высоки груди.

— Звидкиль почать? що сказаты? Ой, музы! О, Горацию! О, Овидію! поможить мини прыступыты до цієї червоной запаскы,—молывсь въ думци Балабуха до давнихъ богивъ.

А богы мовчалы й не помагалы. Въ Балабухы выступывъ на лоби пить. Винъ перекынувъ праву ногу на ливу, потимъ ливу на праву, а слова повтикалы зъ його памяти.

— Ой, Афыно-Палладо; ой, божественна Діано! ой, Венеро!—кынувся зновъ на Олимпъ Балабуха за помичцю, дывлячысь на Онысю. Богыни классычного сьвиту чогось проты його воли сновыгалы у його въ голови одна за другою, биглы рядкамы, ганялысь одна за другою, неначе въ хрещыка гра-

лы, та все гарни, прынадни, одна краща одъ другои. А слова все такы не йшли на языкъ. Балабуха вытягъ хусточку зъ кышени, обтеръ гарячого лоба, сховавъ хусточку, зновъ обперся рукою объ стилъ и поклавъ ливу ногу на праву.

— Чы не поклыкаты бѣ на помичѣ Горация? а може Аристотеля?—думавъ Балабуха, перебираючы въ уми еллинивъ та латыннивъ. Але винъ почувавъ, що й Гораций кудысь утикъ, Аристотеля й конемъ не доженешъ. Передъ нымъ тилькы вертилысь нимфы въ якомусь дивному лиси въ темновати печери, надъ тихою прозорою водою. На нимфахъ були червони запаскы та картати плахты, а зелена осока та квіткы вкрывали йихъ головы, падали по плечахъ, якъ у русалокъ.

— Вы, Онысіе Степановно, мовъ лисова Діана!—ни зъ сього ни зъ того выхопився Балабуха та й почервонивъ и замовкъ.

Оныся лыпнула на його здывованымы очыма: „чы винъ сміється зъ мене, чы говорыть вже дуже по-вченому“,—подумала Оныся й мовчала. Балабуха й самъ схаменувъ и втямивъ, що винъ выявивъ свою палку мрію, яка була зовсимъ не до речи, що треба було говорыты зовсимъ не такимъ академычнимъ языкомъ.

— Вы, Онысіе Степановно... я... вы...—зновъ почавъ Балабуха:—якъ побачывъ я васъ, то мини ставъ съвить невымыслый!

— Хйба я така страшна, що вже й съвить вамъ завязала!—одрубала Оныся смилыво.

— Вы жартуете? Краса страшна,—це правда; але такъ, якъ были страшны для людей давны богы, якъ страшный Богъ,—почавъ филозофствуваты Балабуха:—ваши чорны бровы, неначе гостри стрилы въ Купыдона,—кого вразять, той вже на-выкы вашъ.

— У кого жъ то были такы стрилы? Вы мабуть говорыте про своихъ вчителывъ?—обизвалась Оныся.

— O, sancta simplicitas! яка ты часомъ буваєшь гарна своею такы простотою!—промовывъ неначе самъ до себе Балабуха.

— Чы винъ оце сміється зъ мене, чы глузуе, що винъ вчений, а я проста,—подумала Оныся й почала сердытысь.

— Вы такъ говорите по-письменному, що я ничего не второпаю,—говорить бо по-людскый! сказала Оныся.

— Чы вже жъ пакъ вы не розуміете, ще я васъ люблю, а колы вы мене любите, то я ладень хочъ и сьогонди до васъ старостивъ слаты,—сказавъ Балабуха й самъ здывався, що винъ сказавъ ци слова такъ дуже просто й ясно, й ни-крышки не по-вченому.

— Такъ бы вы й сказаны, то я бъ знала, про що пьеться,—сказала Оныся й засьміялась, ни тришечки не засоромившысь; вона чула таки речи може десятый разъ.

Балабуха осьмихнувся. Въ його ротъ ростягся, а по обидва боки рота зъявылысь по два пружкы, неначе по дви ыжыци.—Въ академіи студенты черезъ ци пружкы жартувалы зъ Балабухы й говорылы, що якъ винъ засьміється, то въ його по одинъ бикъ рота набігають супыны, а по другой—герундіи. Оныси здалося, що Балабуха дывыться на неи згорда й сьміється зъ неи.

— Потрывай же ты, академысте! Я жъ тоби накладу въ визъ такы правдывыхъ гарбузивъ,—подумала Оныся, и въ неи зъявылась и справди думка пожартуваты зъ академыстомъ, накласты-йому въ визъ той „хрусты“. Оныся сама до себе зареготалась одъ своен несподиваной думкы.

— Чого вы сьмієтесь? Чы вы таки весели та щасливи?—пытавъ Балабуха, й соби осьмихаючысь.

Рыпнули двери зъ синей. Въ хату ввійшла матушка. Вона вглядила, що молоди люде обое сьміються, й подумала, що вже все скинчылось доладу, якъ сьлидъ.

— Оце я будыла, будыла свого старого, та й не добудылась,—весело промовыла матушка:—колы ваша ласка, выпыймо по чарци та ходимъ до пасыкы въ садокъ,—може гуртомъ розбудымо старого.

Матушка налыла по чарци, выпыла сама й почаствувала Балабуху. Балабуха стукнувъ чарку до дна и въ смакъ ззивъ пырога, неначе пысьля дуже важкой, але добре скинченои праци.

— Може выпьемъ ще по други?—спытала матушка.

— Ни, спасыби вамъ, паниматко, --весело сказавъ Балабуха; — *est modus in rebus*, якъ казавъ Гораций:—йе мира для всього.

— Вы все повченому говорите, а мы люде прости, й просто горилочку пьемо, — сказала матушка.

Матушка взяла пляшку й тарилку зъ пирогами й повела Балабуху въ садокъ. Оныся выскочыла въ кимнату, зачыныла за собою двери й перекрывыла Балабуху передъ дверыма, вывернувшы зъ усіей сылы спидню губу.

Заразъ за домомъ рись старый роскишный садъ. Стари яблуні, груші та черешні густо вкрывалы террасу, якъ старый лись. Пидъ густымы гилькамы по чысти, якъ оксамыть, трави, була протоптана стежка до пасики. Одъ террасы гора круто спускалась до самой Роси, а по гори, неначе выпадкомъ прычепляни, стремилы стари груші та яблуні. Зъ горы було выдно до сãмого нызу стари стовбури дерева, котри нибы пидпиралы гущавыну гилля та лысту, неначе зелену стелю. Въ одному мисци на краю террасы розрослысь густы слывы, якъ молодой лись. Въ кинци садка густый вышныкъ неначе вхопывся за крутый бикъ горы й повысь надъ кручею, якъ густе зелене руно. Сонце повернуло на захидъ и кынуло съвить збоку. Гаряче проминня вдарыло въ бикъ горы, розсыпало золото по зеленому косогори, пронызало садъ наскризь золотымы ниткамы, пронызало кожну гильку, кожний лыстокъ, облыло съвитомъ стари стовбури, лягло на зелени крути гори довгымы золотымы пасмамы. Уся гора, весь садокъ съвитывся й блыщавъ наскризь зверху до нызу. Очи тонулы въ зелено-золоти глыбыни й спынялысь на густыхъ зеленыхъ вербахъ надъ водою, на блыскучи тыхи води. А за Россю, на подоли, нибы спочывавъ густый дубовый лись, якъ темно-зеленый оксамытовый кылимъ, въ котрого темно-зелени верхы булы облыты сонцемъ.

-- Якый у васъ, паниматко, рай!--крыкнувъ Балабуха, заглянувшы зъ террасы нанызъ въ зелено-золоту безодню:—мини здається, що Адамъ позавыдувавъ бы, якбы побачывъ вашъ садокъ.

Балабуха оглянувся. Винъ думавъ подивитись на Онысю середь того раю, але Оныси не було. Балабуха зитхнувъ и тыхою ходою пишовъ за матушкою, заклавши руки за спыну.

Пасика була на краю садка, въ маленьки западини, въ зеленому вышнику. За зеленымы вышнями заковтила нызька огорожа, обплетяна кулыкамы. За огорожею було видно верхы уликивъ, прыкрытыхъ мыскамы-яндоламы, неначе жовтымы шырокымы капелюхамы.

Матушка одчынула маленьки дверци. За дверцями на гряцкахъ жовтилы здорови головы повнякивъ-гвоздыкивъ, чорнили чорнобрывци, стлалысь по трави гирлянды настурцивъ. Одынъ соняшныкъ роскынувъ роскишный лысть надъ огорожею й схыливъ важку жовту голову черезъ тынь. Бджолы сновыгалы роємъ надъ пасикою, неначе крапли брызкалы вздовжь и впоперекъ. Запахло медомъ, вошынамы та гвоздыкамы.

Балабуха ввійшовъ у пасику. Одна бджола вдарылась въ його лыце, неначе хто йи кынувъ зъ усией сылы. Отець Степанъ спавъ у катрази, прычынившы двери. Матушка одчынула двери й ввійшла въ катрагу. За нею ввійшовъ Балабуха.

— А вставай, панотче, -- Богъ гостя принисъ, -- крикнула вона.

Отець Степанъ обиззався кризь сонъ, схопывся, сивъ на постели й дывывся соннымы очыма на Балабуху.

— Що? га? де?—пытавъ винъ переляканымъ голосомъ.

— Ось! ось!—сказала матушка, тыкаючы йому пляшку зъ горилкою въ руки.

— Невже! -- крикнувъ, якъ опечений, отець Степанъ и схопывся зъ лижка, вытрищывшы очи на Балабуху.

Балабуха стоявъ и достававъ головою пидь саму покривлю катрагы. Отцеви Степанови спросоння здалось, що передъ нымъ стоять архыерей.

Батюшка опамятався протеръ очи, прыдывывся до Балабухы и впизнавъ його.

— Чы це академысть прыйхавъ до насъ? — крикнувъ винъ хрыпкымъ заспанымъ голосомъ и кынувся обниматы та цилуваты Балабуху, що було для його трохи незручно. Отець Степанъ бувъ невеликый на зристь, прысадкуватый, товстеный та кудлатый: волосся на голови, на коротки бородини стерчало неначе роспатлане витромъ, а густы бровы поодставали на кинчыкахъ и стремилы, неначе закручени вуса. Винъ пиднявъ руку вгору, ледви доставъ Балабушыни плечи, пиднявся навшпынькы й трычи поцилувався зъ Балабухою.

— Pax vobis, serenissime pater! Мыръ дому цьому й жывшымъ въ йому! — сказавъ Балабуха, обнявши рукамы отца Степана й пиднимаючи його.

— А чомъ ты, стара, оце мене не збудыла! — промовивъ отець Степанъ до матушки.

— Хиба жъ я не будыла? Штовхала тебе та торсала, а ты тилькы ногамы дрыгавъ та махавъ рукамы. Мій панотець, Марку Павловичу, мае поганий звычай: бьеться споросоння, хочъ такый зъ себе непоказный. Ось телепнувъ мене спросоння по руци такъ, що ажъ рука горыть и сынякъ выстувывъ.

— Сидайте-жъ, академысте, въ мои господи, сказавъ отець Степанъ, прысовуючы до стола ослона: — сидайте, та выпьемъ по чарци: може я сонъ прожену.

Отець Степанъ позихнувъ, хрестячы широкого рота.

— Ой, затуляй бо рота, бо ще бджолы влетять: подумаютъ, що уликъ, — сказала матушка.

— Оце-жъ такы, уликъ! може подумаютъ, що вичко, — сказавъ батюшка.

— Еге! добре вичко. Якъ выйде рій, то ще, бороны Боже, весь влетыть тобі въ ротъ: нетреба буде й збираты, — бо ты ротомъ зберешъ його — сказала матушка сміючысь.

Отець Степанъ наливъ чарку, поздоровкався й выпивъ до Балабухы, а потимъ подавъ чарку Балабуси.

— Мы вже зъ паниматкою выпылы по чарци, сказаты правду. Не знаю, чы пыты, чы не пыты, — сказавъ Балабуха.

— Та пийте! тилькы недобри люде не пьють, — сказавъ батюшка.

Балабуха выпывъ и закусывъ пирогомъ. За першою чаркою пишла друга, за другою третя. Швыдкий, проворный, говорючий панотець розговорывся, выпиваючи чарку за чаркою; а Балабуха все поглядавъ черезъ пасику въ зелений садокъ, чы не зьявятся тамъ на стежци Оныся. Оныси не було выдко въ садку.

— Отъ вы вчытесь тамъ въ академіи все по-латынському, все пишете вирши, а чы вчать пакъ васъ тамъ съпиваты на гласы: „на Господы возвахъ и на Богъ Господь и явися намъ“? — спытавъ отецъ Степанъ.

— А чомъ же? Вчать, — сказавъ Балабуха згорда.

— А чы вмiете вы съпиваты „Господы возвахъ“, гласъ третій? а засъпивайте? — несподивано спытавъ батюшка.

— Та годи, годи, старый! Отъ и выгадуе ни се — ни те. Де вже, щобъ въ академіи цього не вчылы, — сказала матушка, постерегаючи, що старый хоче экзаменуваты зятя.

— Цц! цмокнувъ батюшка: — отъ и не вмiете, хочъ и вчылысь въ академіи: а ну-те на „Богъ Господь“, гласъ восьмый?

Балабуха засъмiявся, одначе зятягъ на гласъ восьмый. Винъ знавъ, що стари батюшкы люблять экзаменуваты панычывъ, а пры тому й почванытысь своимъ хыстомъ.

— Такъ, та не зовсимъ, — сказавъ отецъ Степанъ: — въ насъ на селахъ ось якъ съпивають! — сказавъ батюшка и зарышивъ нызъкымъ басомъ на весь садокъ: „Богъ Господь“ на гласъ восьмый.

— А ну-те, засъпивайте на четвертый гласъ? — зновъ сказавъ батюшка, наливаючи чарку.

Балабуха зятягъ на четвертый гласъ. Отець Степанъ пидтягувавъ, щобъ показаты сылу своєю гортани. Въ пасици пиднявся такый дуетъ, що заглушывъ гудиння бджиль.

— Добру гортанъ маєте! Отъ за це люблю! И горилку добре пьете! И за це люблю! — сказавъ отецъ Степанъ, цидуючы въ губы Балабуху. — Колы бъ вы знали, Марку Пав-

ловычу, якъ я очепуривъ та опорядивъ свою церкву! Яки образы поставивъ въ церкви! Та вы и въ Кыиви такихъ не знайдете! Отъ ходимъ, голубчыку, я вамъ покажу!

Отець Степанъ схопився жваво зъ мисця, вхопивъ за руку Балабуху й потягъ зъ катрагы. Матушка пишла сьлидкомъ за ными. Въ пасици кругомъ йихъ сновыгалы бджолы, набылысь въ бороду батюшци. Одна бджола вдарылась въ його щоку и впустыла жало; винъ навить не скривився й тилькы скинувъ йи пальцями та все не выпускавъ руки студента, неначе боявся, щобъ винъ не втикъ. Стежечка йшла до хвиртки въ цвынтарь. Отець Степанъ потягъ Балабуху въ хвирточку й прывивъ до церкви. Церква була одчыняна. Сторожъ замитавъ и прыбиравъ у церкви.

Ступившы на поригъ церкви, отець Степанъ выпустивъ руку Балабухы й перехрестився. Сьлидкомъ за нымъ пишовъ Балабуха зъ матушкою.

Церква була невелика, дубова, зъ нешырокымы банями, зъ вузькымы викнами. Викна булы високо одъ земли. Середъ ясного дня въ церкви було темнуvато, тилько гарячий промивъ прорвався въ виконце, простягся черезъ усю церкву, якъ золоте полотныще, и впавъ на иконостась, на старынни ризани квиткамы та виноградомъ ряма, позолочени й помальовани золотысто-зеленымъ та червонымъ кольоромъ. Уся церква була обставляна образами, якби сьвитлыця въ отця Степана; навить въ баняхъ мижъ викнами высилы образы. — Отець Степанъ ходивъ одъ образа до образа й показувавъ пальцемъ. Въ бабынци высивъ здоровый образъ страшного суда, на которому внызу намальовано було червоне пекло. Въ пекли сьвитылысь выщирени здорови зубы якоись страшнои кинської головы, а мижъ зубамы сьдивъ на престоли сатана, зъ рогамы, зъ билымы зубамы. Въ його на рукахъ сьдивъ Юда, неначе маленька дытына. Голова неначе хотила проковтнуты сатану зъ престоломъ та зъ Юдою, але вдавылась, и сатана застрягъ у сами пельци, зачепився за горянку высокымъ трономъ и не мигъ пройты дали. До головы йшли рядкамы голи гришныкы: ткачи зъ клубкамы въ

рукахъ, кравци зъ ножыцями, мирошныкы зъ каминнямъ на мотузкахъ, перекинутыхъ черезъ плечи, розпатлани голи видьмы, пысари зъ перамы й здоровымы каламарямы въ рукахъ; за нымы купа жыдивъ зъ пейсамы, а позадь усихъ поганялы гришныкивъ нагайкамы рогати та хвостати чорты.

— Дывитесь!—сказавъ отецъ Степанъ:—це я выдумавъ, а маляръ намалювавъ.

— Ой, Господы, Господы!—сказала матушка, важко зитхаючы.

— Ось идить лышень сюды!—сказавъ отецъ Степанъ, вхопившы Балабуху за руку:—ось я вамъ покажу образъ. У васъ у Кыиви такого нема.

Отець Степанъ прививъ Балабуху въ правый прывирь. На сѣтини высивъ великый образъ Покровы. Отець Степанъ ставъ и згорнувъ руки передъ образомъ. Середь образа бувъ намальований амвонъ, пеначе дви перекинути сковороды, накладыни одна на другу. На амвони стоявъ молоденькый дяконъ зъ распущенымы кисьмы, якъ маленька панна въ широкому крынолыни. Винъ бувъ на зристь якъ-разъ попидъ руки всимъ постатямъ. На сами голови въ дякона, въ хмарахъ, стояла Богородиця, вдвое билша одъ його, зъ омофоромъ въ двоухъ рукахъ. Кинець омофора стремивъ, неначе вырезаный зъ бляхы. По одынъ бикъ дякона стоявъ Андрей юродывый, спустывшы зъ одного плеча червону хламыду. Голи груди булы повни, а круглый жывить зъ пупомъ стремивъ осторонь одъ його напередъ, неначе билый гарбузъ, прыбытый до Андрея килкомъ. Андрей пиднявъ у-гору кулакъ, зъ котрого стремивъ здоровый палець, неначе прытыка; зморщывшы густы чорни бровы, винъ гризно дывывся на сывого дида й неначе говорывъ: „ей, стережысь, старый, бо якъ телешну, то й зубы выбираешъ!“ Дидъ стоявъ бокомъ до Андрея й неначе просывся: „и батечку, й голубчыку, не бый мене, бо я не вынный!“ По другый бикъ дякона стоявъ царъ въ зубчасти корони; винъ обернувся до архыерея набикъ головою й гордо на його поглядавъ скоса, заклавшы назадъ руки. Архыерей не

вважає на царя, стоить рівно, якъ сьвятой, зъ такимъ хрестомъ въ рукахъ, неначе винъ вытягъ його на кладовищи зъ могилки. На архыерееви була одежа, неначе вирізана зъ бляхы, а спереду висивъ омофоръ, якъ дошка. За архыереемъ виглядали ченци зъ чорными бровами, зъ білыми бородами, неначе вони попидвязували бородамы білымы хусточкамы, а тамъ дали виглядали якісь фізіоміи, не то дивки зъ распущеными кисьмы, не то парубки. Одынъ неначе позакладавъ за щокы кислицы, въ другого неначе бышиха рознесла одну щоку, въ третього неначе сивъ чырякъ пидъ бородою, а очи були таки звбилшкы, якъ його кулакы. Внизу на ряи було пидпысано велькымы славянськымы буквамы: „Сей образъ соорудылы рабы Божи Чайкивськи бабы. Року Божого 1817“.

— А що, Марку Павловичу, гарный образъ?—спытавъ отець Степанъ.

— Хто його зна... Діаконъ дуже малый, неначе дивчына, а Андрей чогось неначе дуже лютой, неначе хоче бытысь, —сказавъ несмыливо Балабуха.

— Отъ и выгадали! Тымъ вченимъ скрызъ недогода! Таки образы хіба въ Лаври знайдете,—сказавъ гордо отець Степанъ:—отъ подывиться-жъ ще на цей образъ!

На образи Ілія тикавъ на небо на страшныхъ баскыхъ коняхъ зъ огнястымы червоными грывама. Искры сыпалысь зъ рота въ коней, а зъ низдеръ та зъ вухъ летивъ клубкамы дымъ. Червона одежа падала на землю просто на Елысея, котрый перекинувся на спыну, задравшы до горы руки й ноги.

— Щось тутъ багато вже вогню, неначе въ казкахъ розсказують про якихъсь коней, що дышуть вогнемъ,—сказавъ Балабуха.

— Етъ, Марку Павловичу! я думавъ, вы насъ похвалыте, а вы ни се—ни те говорыте,—сказавъ отець Степанъ зъ досадою, махнувшы рукою, й побигъ хутчи зъ церкви. За нымъ выйшла матушка й Балабуха.

— Хотивъ вамъ показаты Неопалыну Купыну въ олтари, та вже не покажу. Вы насъ осьмієте,—сказавъ отецъ Степанъ, прямуючы черезъ цвынтарь въ садокъ.

Тымъ часомъ якъ старый Прокопѡвычъ показувавъ Балабуси образы, Оныся встругнула й справди Балабуси штуку. Вона посадыла погоныча въ пекарни полуднуваты й послала дивчатъ на горѡдъ вырваты два гарбузы. Дивчата, ладнїи на таки штуки, побиглы на горѡдъ и прынесли два здоровн гарбузы, ще й килькы маленькыхъ.

— Пидить, дивчата, та вкыньте цѡму панычеви въ визъ оци гарбузы, та добре замостить въ сино, въ задокъ, на самисиньке днс,—сказала Оныся.

— Мы, Онысж, вкынемо въ визъ одного гарбуза панычеви, а другого для погоныча почепымо пидъ возомъ, пидъ передкомъ,—сказали наймычкы.

— Про мене, й почепить, та тилько добре привязить, щобъ до-дому довели,—сказала Оныся сьміючысь.

Дивчата достали мотузка, оперезалы кругомъ билого гарбуза й понесли до воза. Одна наймычка помостыла гарбуза въ задку, на самому дни пидъ синомъ, ще й маленькыхъ гарбузцивъ накыдала, а друга полизла пидъ визъ и прычепыла гарбуза до пидтокивъ. Зъ реготомъ воны побиглы до хаты, нагынаючысь по-пидъ тыномъ, ще й прынесли два маленькыхъ гарбузци, якъ двое яблучокъ. Оныся побигла въ сины й поклала ти гарбузци въ кышеню Балабушыной хламыды.

Письля такои штуки Оныся накрыла въ сьвитлыци стиль и поставыла полудень. Синешни двери одъ задvirку рыпнули. Въ сины ввійшлы Прокоповычи зъ гостемъ. Проты йихъ зъ сьвитлыци ввійшла въ сины Оныся, червона, якъ макивка, зъ веселымы, блискучымы, насъмишкуватымы очыма.

— А я, мамо, вже полудень зготувала,—сказала Оныся до матери.

— Добре зробыла, моя доню! бо вже часъ полуднаты,—сказала Прокоповычка.

— О, зъ васъ добра господня буде,—сказавъ поважнимъ тономъ Балабуха, поглядаючи на Онысю, якъ на свою бѣду господиню:—мабуть вы черезъ те господарювання й не вийшли до насъ у пасику.

— Коли бджиль боюсь,—сказала Оныся ледви здержуючы сьмихъ.

— Васъ и бджолы не покусали бѣ: подумалы бѣ, що вы квитка,—сказавъ комплиментъ Балабуха.

Увійшли въ свѣтлицю й силы за полудень. Зновъ пішла кругомъ чарка. Печена курка й пироги пощезали зъ тарилокъ. Письля полудня Оныся вынесла на тарилци пляшку наливкы. Прокоповичи частувалы гостя дуже прывитно, якъ свого зятя, й просылы частише навидуватысь до йихъ. Матушка розвела розмову про свое господарство, перелічыла волю, коровы, вивци, навить свини, перелічыла уликы въ пасици й навить натякнула на сотню карбованцивъ, захова- ну въ-спряту—въ скрынни. Балабуха слухавъ, розсправляючи высоки комири, й скоса водивъ очыма за тонкымъ станомъ Оныси, котра бигала то зъ кимнаты въ свѣтлицю, то зъ свѣтлицы въ кимнату.

Передъ вечоромъ Балабуха почавъ прощатысь. Прокоповичи выпровадылы його въ ганокъ. Матушка вынесла на ганокъ на тарилци пляшку зъ наливкою. Ще выпылы по чарци на ганку, й Балабуха розспрощався. Визокъ загойдався й залущавъ пидъ ногами академыста. Коныкы рушылы зъ двору. Балабуха з-за двору ще разъ знявъ картуза й нызенько поклонывся просто до Оныси. Оныся закрыла губы рукавомъ и насылу здержала сьмихъ, а наймычки выглядалы въ виѣна зъ пекарни й реготалысь такъ, що на йихъ очахъ повѣстувалы слезы.

Надвори було тыхо. Жара спадала. Одъ садкивъ, одъ вербъ ляглы тини й наче повивалы на шляхъ холодкомъ. Балабуха йихавъ улыцямы, попидъ высокымъ гиллямъ садкивъ, котри выглядалы з-за тынивъ.

— Музо моя, богыне моя!—думавъ Балабуха, прыгадуючы собі Онысю:—яка жъ ты гарна! яки поетычни думы ты навиваешъ на мене!

Балабуха почутівъ, що пидъ нымъ лежить щось тверде й такы добре муляе.

— Але якъ же оце ты погано вымостывъ! Я чогось усе зйизджаю на одынъ бикъ,—сказавъ Балабуха до погонюча, пересовуючысь зъ ямы на другый бикъ.

— Діяна! щыра Діяна! висока, ривна, станъ тоненькый, нижкы маленькы, пальци классычны, тонкы, довгы. Ой, муляе жъ, бый його сыла божа!—И Балабуха зновъ пидсунувся выще й почавъ вгнизджуватысь, якъ квочка въ гнизди.

— А що, панычу! мини здається, що мы тутъ не оженимось,—сказавъ понуро погонючъ.

— Чому жъ такъ? Певно, ты не оженился, але я ожениюсь.

— Ба й вы не оженийтесь!—сказавъ сумно погонючъ.

— Та чому жъ такъ?—сказавъ Балабуха, обсмихнувшысь.

— Бо мене чортъ-зна якъ нагодувалы,—и чаркы горилкы не далы. Я зовсимъ голодный.

— Ну, це ще невелика беда. Зате мене нагодувалы й напоиы, ажъ у голови гуде.

Край села стояла корчма. Визокъ котывся до корчмы.

— Панычу, купить оселедця та чарку горилкы, бо ййи-Богу йисты хочу!—сказавъ погонючъ.

— Добре! спыняй кони! Я й самъ ладень выпыты чарку,—сказавъ Балабуха.

Погонючъ спынивъ кони. Балабуха гукнувъ на жыдивку и звеливъ ййи вынести оселедця, паляныцю та горилкы.

Тымъ часомъ свыни збиглысь до воза й чогось усе лизлы пидъ визъ. Погонючъ махавъ та стьобавъ по ййихъ спынахъ батогомъ, а вони уперто такы лизлы пидъ колеса.

— Якого це дидька вони лизуть пидъ визъ?—крыкнувъ Балабуха.

Погонючъ пополудчувавъ. Выпылы по чарци й пойихалы. Все свыны кынулысь бигты за возомъ, якъ собаки.

— Що це за напасть! Свыны бижать за возомъ,—сказавъ Балабуха, протыраючы очы.

Балабуха згадавъ, якъ винъ въ академіи зъ студентамы пывъ тры дни й тры ночи, й до того допывся, що за

нымъ увечери по брацькому манастыри нибы все бигалы свыни й хапалы його за полы. Згадавши ти страхи, Балабуха трохы тревожився.

— Чы то свыни, чы собаки бижать за возомъ?—спытавъ винь у погоныча.

— А вже жъ свыни; а що жъ билше, якъ не свыни,—сказавъ погонычъ, обертаючи голову.

— Що воно тамъ въ нечыстого муляе? Чы не вкравъ ты часомъ чого та сховавъ пидъ мене? А стань!

Погонычъ спынивъ кони. Балабуха пидвися, почавъ розгрибати сино й вглядивъ щось кругле та здорове.

— А бачъ, укравъ, та не вмивъ сховаты,—сказавъ докирлыво Балабуха.

— Хто? Я!—крыкнувъ погонычъ и скочивъ зъ козелъ:—та нехай мене святий хрестъ побье, колы я що вкравъ.

Погонычъ прыбигъ до воза, засунувъ руки въ сино й вытягъ гарбуза. И панычъ, и погонычъ пороззявлялы роты и тилько дывылысь на те диво.

— Отъ вамъ и гостынець! Я жъ казавъ, що намъ билше не йиздыты до ціен панны,—крыкнувъ погонычъ и хрьопнувъ гарбузомъ объ землю, ажъ зъ його кышкы выскочылы.

Свыни кынулысь до гарбуза, а люде коло шынку зареготалысь.

— Сидай швидче та поганяй!—крыкнувъ Балабуха на погоныча.

— Постривайте, ще вызбираю маленьки гарбузци, щобъ додому не везты.

Погонычъ выбиравъ зъ сина гарбузци й выкыдавъ на шляхъ. Въ Балабухы душа неначе змерла. Винъ зблидъ, потимъ почервонивъ, потимъ зновъ зблидъ. Погонычъ сивъ и погнавъ кони.

— „Ой, вы, Евы! Ой, вы, спокусытелькы! Це не Діана,—це фурія, аспидъ, васылискъ! Чомъ же ты мини просто не сказала, що не пидешъ за мене?“—Гордый студентъ обидвся на смерть. Уся любовь його зныкла, неначе погонычъ выкынувъ йи зъ гарбузамы на шляхъ.

— Отъ тоби на! Пойили свини нашу коляду!—промовивъ самъ до себе погоничъ: —а я думаю, чога то наймычки речуться, ажъ на коминъ спынаються, та все на мене скоса поглядають. Та й прокляти жъ тутъ въ Чайкахъ дивчата.

— Що прокляти, то правда!—обизвався Балабуха.

Вже сонце заходило, якъ Балабуха дойизжавъ додому, до села Хыльокъ. Те сельце неначе хто вкынувъ въ глубокий яръ. Кругомъ яру стремилы крути горы й тилькы розступылысь трошки въ одному мисци, де блыщавъ ставочокъ. На дни тієї щилыны бувъ мочаръ, росла осока та очереть, такъ що ніякъ не можна було тудою прокласты шляхъ. Въ Хылькы треба було спускатысь зъ невысокои, але дуже крутои горы.

Тилькы що визъ почавъ спускатысь, зъ-пидъ воза обирвався гарбузъ и покотывся рядомъ зъ возомъ зъ горы, неначе навипередкы.

— Панычу! зновъ гарбузъ ганяється за нами!—крыкнувъ здывованый парубокъ, тыкаючи на гарбузъ пужалномъ.

Балабуха глянувъ и не пойнявъ-бы виры своимъ очамъ, якбы на гарбуза не показувавъ погоничъ. Кони вбиглы просто въ царыну въ одчыннани ворота, а гарбузъ за возомъ покотывся й соби черезъ ворота.

— Панычу, загубылы гарбуза!—крыкнувъ непомиркованый царынникъ и побигъ ловыты гарбуза, щобъ догодыты своему панычеви.

— О, ехидна! о, Мегера! о, породиння сатаны! Це не Венера,—це самъ сатана въ плаhti! Побый тебе громокыдачъ зъ Олымпа стриламы, зъ твоины чорнымы бровамы. Ой, видьма жъ! Певно, родыма видьма! Умудрылась прычепыты пидъ возомъ гарбуза!

Балабуха прыйихавъ додому, неначе вбитый. Маты выбигла на ганокъ стричаты академыста. Балабуха ставъ у ганку й почавъ трусыты свою довгу шынелю. Зъ кышени повыпадалы маленьки гарбузци.

— Що то, сыну? Яблука повыпадалы, чы що?—спытала маты, достаючи рукою зъ земли гарбузци.—Та це жъ гар-

бузець!... гмъ, гмъ... Що це таке? Чы не дала тоби часомъ Оныся гарбуза?

Сынъ тилькы рукою махнувъ и пишовъ въ садокъ. Маты важе зитхнула.

— Отъ тоби й Оныся! Отъ тоби пять коривъ и сто карбованцивъ,—сказала вона, вдарывшысь объ полы рукамы.

Сынъ пишовъ въ садокъ и довго ходивъ по стежкахъ, поky зовсімъ смеркло надвори. Винъ перебравъ въ думци вси подіи дня, передумавъ усе: и якъ стривъ Онысю, и якъ говоривъ зъ нею; винъ неначе й теперъ бачивъ йи чорни, тонки та густы бровы зъ гострымы кинцямы, бачивъ осьмихъ, трешкы пидняту верхню губу, зъ-пидъ котрой й теперъ въ темряви неначе блищали передъ його очыма били верхни зубкы, дрибни та тоненьки. Коханя заворушылось въ його души бурливо та шумливо, кыпило, ныбы мицне пиво; але винъ нагадавъ гарбузы... його гордисть заколыхалась до самого дна серця й выкинула, якъ бурлива фыля на берегъ, те почування. Той гарбузъ бачылы люде въ Чайкахъ, бачивъ царынникъ въ Хылькахъ, бачивъ погоничъ. Про його будуть говорыты скризъ въ околыци; його обсьміють.

— Пострывай же ты, червона запаско! Хиба вмру, що тоби не оддамъ за свое! Я знайду таку красуню, що тоби й не снылась, и не прывыджувалась. Хиба жъ я не филозофъ, не академысть?

Маты поклыккала сына вечеряты, а сынъ не схотивъ йисты й вже пизно увійшовъ у хату й вправъ на постиль.

II.

Харытинъ Моссаковський не диждавъ и сороковынъ по батькови. Справывшы девятыны, винъ прыбрався, пидголывся, надивъ нови, але прости чоботы, пидстрыгъ трохы кучеряви косы, запригъ поганенького коня й пойхавъ въ Чайкы до Оныси Прокоповычывны.

На тимъ такы тыжни бувъ въ Богуслави ярмарокъ. На ярмарку були стари Прокоповычи. Вони стрились зъ сусидами, и сусиды розказали, що йихъ дочка накладыла крадькома гарбузивъ Балабуси въ визъ, ще й почепыла на мотузку одного гарбуза пидъ возомъ. Прокоповычи, прыйихавшы до дому, накрылы Онысю мокрымъ рядомъ, а батько трохи не попобывъ йи.

— Гарбузуй, гарбузуй, дочко, та й миру знай. Йиздылы до тебе женихы, то й перестануть,—репетувала маты:—а намъ не робы сорому передъ людьмы!

— Не бійтєсь, мамо, не перестануть! Мене, хвалыть Бога, ще нихто не обйихавъ билымъ конемъ. Та колыбъ хто й обйихавъ, то я не боюся билыхъ коней. А вашого Балабухы я не люблю: винъ гоноровытый, дывыться на мене згорда та верзе щось таке, що я не втямлю: кви-кви-кви! кувикає по-якомусь, нечыстый його зна, по-якому! Не знаєшь, чы винъ тебе хвалыть, чы зъ тебе сьміється та глузує.

Тилькы що Оныся скинчыла розмову, надвори забрехалы собаки. Въ синяхъ хтось пытавъ у наймычки: „чы батюшка й матушка дома? а панна дома?“

Въ сьвитлицю рпнулы двери: то ввійшовъ Харытинъ Моссаковський. Старый Прокоповычъ ввійшовъ до його зъ кимнаты.

Харытинъ прыбрався й прычесався. На йому бувъ довгий чорный темносый сиртукъ. Били комири були выкладчасти, якъ у простыхъ шляхтычывъ. Пидстрижене русе волосся закручувалось кругомъ шыи густымы кучерямы. Высокий, тонкий, ривный станомъ, зъ билымъ матовымъ, трохи сухорлявымъ лицемъ, зъ ясно-сынымы очыма, Моссаковський мавъ деликатну постать блондына, хочъ його руки були чорни й чымали, звыкли до важкои роботы. Невылычки вуса й ривни, тонки бровы были трешкы темниши одъ волосся на голови й дуже прыставалы до ясно-сыныхъ очей. Не вважаючи на те, що винъ бувъ дякъ, винъ не пишовъ у пекарню, а сьмылыво ввійшовъ у сьвитлицю. Въ ти часы не було ще велькои бдлычки мижъ сьвященикамы

та дякамы. Дякы тоди не застоювали чергы въ пекарняхъ, або въ ганкахъ у съвященикывъ.

Маты зъ дочкою стоялы за дверыма въ кимнати й прыслушалысь до розмовы въ съвитлыци.

— Це прыйхавъ дякъ зъ Карапышивъ, Моссаковський, сынъ покійного съвященика вильшаныцького,—тыхесенько премовыла маты до дочки.— Йиздылы до тебе академысты, а теперь почалы йиздыты дякы!

— Дякы дурнисинько йиздытымуть до мене. Цуръ, дурня! Я дячыхою не буду,—ще тыхише обизвалась Оныся.

Але цикависть узяла свое. Надъ дверыма въ съвитлыцю, мижъ одвиркомъ и стелею була щилына на всю довжыну дверей. Оныся прыставыла стильця, стала на його й почала роздвлятысь въ дирку на гостя. Маты кывала пальцемъ, замирялась кулакомъ, щось грызливо шепотила, смыкала Онысю за одужу, а Оныся стояла й пыльно роздвлялась на Харытона. Надывывшысь въ смакъ, вона тихесенько, якъ кишка, злисла зъ стильця.

— А що? якый? чы молодой, чы старый?—не втерпила й соби Прокоповычка, щобъ не спытаты въ дочки.

— Молодый, биявый, высокый, тонкый, и говорыть дуже несмылыво та тихо,—шепотила Оныся матери пидъ самисинькымъ вухомъ:—але чорта-зъ-два: за дяка не пиду; въ насъ высоки пороги для дякывъ.

Незабаромъ зъ съвитлыци выйшовъ Прокоповычъ и попросывъ жинку податы горилкы й закускы, а Оныси сказавъ, щобъ вона вынесла все те въ съвитлыцю.

— А вже жъ пакъ! Чого я до його выйду? Не бачыла зроду дякывъ, чы що?—сказала Оныся.

— Та його вильшаныцька громада обибрала на свою парафію за съвященика. Оце думаютъ йихать въ Кыивъ до владыкы зъ прошеннямъ. Ты лышь, дочко, не дуже кырпугны та мерщи выходъ до гостя.

— Хйба такъ! Якъ буде съвященикомъ та ще въ Вильшаныци, то й выйду,—сказала Оныся.

— Прибирайся, дочко, та йды! Въ Вильшаныци церковного поля, левадь, синокосивъ конемъ не обйхаты за цилый день,—парафія велика.

Трохы перегода Оныся выйшла разомъ зъ матирью. Моссаковський нызько поклонывся й почервонивъ, неначе дивчына. Винъ давно бачывъ Онысю,—вона теперь здавалась йому въ десять разъ кращою.

Вси силы. Моссаковський сивъ, поклавъ на обое колина руки, неначе егыпецька статуя, й спустывъ очи додолу. Винъ не сьмивъ навить пидвесты очи на Онысю. Оныся обвела його гострымы очыма. Винъ здавался для неи багато кращымъ одъ Балабухы.

— Чы винъ смырний, чы тилькы вдае зъ себе тыхого,—думала Оныся, водячы очыма по його лыци, бровахъ та очахъ.

Господарь выпывъ чарку до гостя й подавъ гостевн. Гисть выпывъ пивъ чаркы, несъмилыво поставывъ чарку на стилъ и, не закусывшы, зновъ сивъ на стилецъ, спустывъ очи внызъ и поклавъ обыдвѣ руки на колина, простягнувшы довги пальци. Прокоповычъ завивъ розмову про покійного Моссаковського, згадавъ, де вони стричалысь, про що розмовлялы, а гисть ледви вставлявъ сливце, ледви одслонявъ свои тыхи сыни очи. Винъ не сьмивъ навить глянуты на Онысю.

Розмова перервалася. Въ хати стало тихо. Прокоповычка жалкувала за Балабухою й очевыдячки одбувала гостя, буцимъ панщину, сыдячы на канапи.

— Чы вы пакъ булы въ наши церкви? Чы вы бачылы наши нови образы?—несподивано выхопывся Прокоповычъ, котрый самъ дуже любывъ образы й картыны й слыве кожного гостя водывъ до церкви показуваты свои образы.

— Дай, старый, покій зъ образами! Не встыглы выпыты по чарци, а ты вже зъ образами.

Прокоповычъ бувъ радый, що йе передъ кымъ похвалятысь образами, й такы потягъ Харытона до церкви. Винъ показавъ йому вси нови образы й навить Неопалыму купыну

въ вивтари, де бувъ намальованийъ здоровый кущъ шыпыны, чы глodu, зъ червонымы ягодамы: кущъ палавъ у полумья, а коло полумья Мойсей стоявъ на одни нози въ чоботи, а другу, босу, задеръ до купыны, неначе гривъ йи коло вогню; въ рукахъ стырчавъ здоровый мужыцькый чобитъ зъ довгою халявою, а за купыною було видно Росъ и богуславську церкву.

— Ой, дывни-жъ ваши образы! Господы, яка краса!—дыувався Харытинъ, хрестячысь передъ кожnymъ новымъ образомъ:—якъ стану на парафii, то покличу того самого маляра, щобъ и мини намалювавъ и купыну, й пекло, й Илю на огневыхъ коняхъ.

— Колыбъ вы знали, яки тамъ апостолы высятъ у бани! Який тамъ Андрей Первозванный! Я вамъ скажу,—такого и въ Лаври нема. Шкода, що выситъ дуже високо. Якбы драбына, то можна-бъ полизты та зблызька прыдывытысь,—хвалывся старый Прокоповычъ, озыраючысь, чы нема въ церкви де драбыны.

Харытинъ трохы заметушывъсь. Винъ боявся лазыты високо, бо въ його крутылась голова, а одмовытысь було нiяково, бо винъ пидходывъ пидъ смакъ старого, щобъ запобигты ласкы въ його.

— Гляньте, який огонь въ пекли. Ну, такы горыть, такы горыть, неначе чорты що-годыны, що-хвылыны дровъ пидкыдають!—репетувавъ Прокоповычъ.

— Ой, Господы, якъ горыть, зовемъ такы горыть,—говорывъ Моссаковський и перехрестывся до пекла.

— А якыхъ чортивъ повыгадувавъ капосный маляръ! Вы, пане дяче, тилькы прыдывныть: отой, що поганяе въ пекли нагайкою блудныць въ червоныхъ намыстахъ... вгадайте, на кого схожий? на кого скинувся?

— Не вгадаю. Неначе на богуславського станового,—промовывъ Моссаковський.

— Та це жъ винъ самый! Це й нисъ його, неначе бульбашка, й очи вытришкувати, тилькы псяюха маляръ поста-

ыввѣ йому на голови волячи рогы та причепывѣ ззаду свынчого хвоста.

— А отой, що лупить кьемъ шынкаривѣ, чы пакъ не вгадаете, на кого схожий?—сказавъ Прокоповычъ.

— Цього вже не вгадаю,—сказавъ Моссаковський,—хочъ и догадувався, на кого чортъ скинувся, бо въ його довги вуха дуже позвишувались, а нисъ задерся вгору.

— Невже пакъ не вгадаете? Це жъ нашъ столоначальныкъ духовного правленія. Якось я проговорывся передъ маляромъ: намалуй, кажу, ты того хаптурныка въ пекли на самому дни пидъ Юдою, щобъ не бравъ зъ насъ хабаривѣ. Колю дывлюсь, а винъ його й запывсавъ до чортивѣ, ще й давъ йому кыя въ руки. Гляньте, якъ працюе, бидораха, ажъ языка высолопывѣ.

Похвалывшысь новымы образами, Прокоповычъ бувъ дуже радый, що знайшовъ доброго цинувальныка, котрый втямывъ високе чайкивське малярство. Замкнувши церкву, Прокоповычъ взявъ за руку Моссаковського, одвивъ його далеченько одъ церкви ажъ пидъ ограду й показавъ пальцемъ на бани.

— Ожъ прыдивитися лышень до нашихъ бань? Що тамъ намальовано! Та це жъ намъ маляръ выперьъ на бани дванадцять малыхъ пророкивъ и чотыри великыхъ. Ото шкода, що нема драбыны! Отъ, якбы вы вылизлы на церкву, та прыдывылысь близько, якъ винъ понамальсывувавъ пророкивъ. Дивно, дивно!

Прокоповычъ зырнувъ кругомъ себе, шукаючы драбыны. Въ Моссаковського затрусылысь ноги. Важка драбына лежала на травѣ и вже заросла бадыллямъ.

— А що, якъ старый причепытѣся, щобъ поставыты драбыну, та прысылуе лизты до опасання або за опасання!—пройшла думка въ Харытонови голови.

Прокоповычъ кынувся до драбыны й почавъ йи пидниматы. Драбына була важка, а старый бувъ малый на зрисьтѣ и недуже мицный чоловикъ. Винъ пнувся, пнувся та й кынувъ йи въ траву.

— Не піднімайте, бо підвередьтесь!—сказавъ гість.— Та сказаты правду, я трохи боюсь лазыты високо,—прызнався Моссаковський.

— Оце! такый же зъ васъ парубокъ. Моя Оныся лазыла выще за опасання, а якъ була малою, то зъ хлопцями по латахъ лазыла въ клуни горобцивъ дерты, якъ та кишка,—сказавъ щиро старый.

Веселый старый, похвалывшысь своимъ дывомъ малярства, повивъ Моссаковского въ покой. Въ свитлыци йихъ ждали дамы. Маты не спускала зъ очей Оныси: вона боялась, щобъ Оныся зновъ не понаклала гостеви въ визъ гарбузивъ.

— А що, дочко, якъ тобі показався цей дякъ?—спытала маты.

— Винъ кращый одъ Балабухы, й такый тихый, спокійный. Я люблю тихыхъ та добрыхъ людей,—сказала Оныся.

— И, вже й ты! Балабуха людина здорова, доросла, чоловікъ въ сыли й до того вчений, а це якыйсь простакъ карапышанський.

— Я тихъ вченихъ не дуже люблю, бо й я сама проста. Балабуха ще прысылувавъ бы мене говорыты по-латынський, а я й по-московський незугарна.

Оныся кынулася до викна й глянула въ садокъ, де стежкою йшовъ рядомъ за батькомъ Моссаковский. Высокий, тонкий станомъ, винъ показався Оныси черезъ шыбки ще кращымъ н деликатнищымъ.

— Дывиться, мамо, чымъ-же винъ поганый? Очи сыни, якъ небо, бровы тонки...

— Вже й бровы! знайшла красу! Та винъ зовсимъ безъ бривъ,—сказала маты:—отъ у твого батька, такъ правда, що бровы — сказала вона, дывлячысь на кудлати та крючковати бровы старого Прокоповыча.

— Тикайте, мамо, бо насъ выдно знадвору,—сказала Оныся, оступаючысь одъ викна, але не одвертаючы лыця одъ шыбки.

— Тикай, дочко, бо винъ близько вже, вглядьты,—сказала маты, одвертаючы плечи, але не лыце.

Прокоповыч увійшовъ зъ гостемъ въ сьбитлицю. Зновъ почали наливаты та выпиваты по чарци. Моссаковський сьдивъ, поклавшы руки на коліна, и ледви насъмлювався пидвесты вика й кинуты очыма на Онысю. Оныся прымитыла, що чогось втратыла прыроджену сьмыльвисть. Вона сьдила мовчкы й соби спустыла очи додолу. Другыхъ женихивъ вона сама зачипала въ розмови, сьмплыво говорыла зъ нымы, жартувала, навить глузувала зъ йихъ;—теперь вона почувала, що не сьміє чомусь слова промовыты.

— Що це зо мною?—подумала Оныся;—чы вже жъ я злякалась цього дяка?

Старый Прокоповычъ почавъ затыгаты на гласы, выпившы чарокъ зъ десять настойкы зъ перцемъ. Моссаковський сьдивъ и не сьмивъ голосомъ повесты. Винъ посьдивъ, помовчавъ, и передъ вечеромъ попрощався й пойихавъ.

— Чы прыйде, чы не прыйде вдруге?—промовыла сама до себе Прокоповычка.

Оныся заплющыла очи, розвела пальци обохъ рукъ, потимъ покрутыла палець кругомъ пальця й загадала, чы прыйде, чы не прыйде. Пальци зійшлысь нигтямы. „Прыйде,“—крыкнула вона й пидекочыла.

— Побачымо,—сказала маты:—йиздылы академысты, а теперь почалы йиздыты до тебе дякы.

Пишлы дни за днямы. Оныся почувала, що вона чогось нбы жде Моссаковського, що винъ не выходыть у неи зъ думкы. Мынувъ тыждень, настала субота. Оныся кинулась сама пидмазуваты та прыбираты въ покояхъ, вышарувала жовтымъ пискомъ помистъ, помыла викна, повитерала образы, повисала на образы найкраще вышывани рушныкы; на викнахъ поставыла склянкы зъ квіткымы... Настала неділя. Оныся встала у-досьвита, прыбралась въ нову плахту, прычепурылась, надила на голову вси стричкы й квіткы й пишла до церкви. Дя ей чогось здавалось, що Моссаковський донкче прыйде до церкви, що вона його тамъ побачыть.

Служба одійшла, а Моссаковський не прыйихавъ. Оныся сила обидаты, йила—якъ не йила, й по обиди пишла въ са-

докъ. Вона гуляла по гори й усе поглядала за синій лисъ, на поле за лисомъ, вкрьте густымы копами, де вився шляхъ до Карапышивъ.

— Чого це я його жду? Невже я люблю його?—думала Оныся, ходячы по садку. Сами руки несамохить рвали найкращи квиткы й закладали за стричкы на голови, за косы. Довго ходыла по саду, докы сонце не вдарыло косымъ проминнямъ по гори й пронызало наскризъ садокъ, роскнутый по крутыхъ бокахъ горы. Оныся прислухалась, чы не загуркотыть визъ за Россю, коло порона, або въ двори. А надвори було тихо, тихо й душно. Вона вернула въ покои, сила на канапи й смутно похылыла голову.

— Оце, нема зъ кымъ чаркы горилкы выпыты,—сказавъ старый батько:—колыбъ прыйхавъ хочъ карапышанський дякъ.

Оныся сплахнула. Блди щокы одразу почервонили. Не встыгъ батько промовыты ти слова, надвори затарахкотивъ легкий визокъ, забрехалы собаки.

— Одже Богъ гостей несе,—сказавъ Прокоповычъ, заглядаючы въ викно.

Оныся стревожылась. Въ ней затрусылысь ноги такъ, що вона ледви мала сылы побигты й подывытысь въ викно.

— Онысю, ставай колупаты пичъ! прыйхавъ Моссаковський та ще й зъ братомъ, певне зъ сватомъ,—гукнувъ батько.

Оныся злякалась й зблidlа, нибы пополотнила. Вона вся затрусылась, охолела й стояла на однимъ мисци. Двери въ съвитлицю рыпнули. На Онысю чогось напавъ такой страхъ, що вона кынулась бигты зъ кимнаты и втикла въ садокъ.

— Боже мій! чого це я такъ злякалась. Я не побоялась академыста, а злякалась цього молодого хлопця,—думала Оныся, прыклькуючы на помичъ усю свою сьмыливысть.

А сьмыливысть не верталась до неи. Вона стояла надъ горою, втопыла злякани гарячи очи въ зелену безодню садка, въ зелене марево, розлите надъ старымъ деревомъ, дывылась на його й ничего не бачыла. Зеленый сьвитъ дрыжавъ въ йи очахъ, перелывався, якъ вода въ Роси, снувавъ, нибы

рій зеленої мошки. А Оныся стояла й нічого не розумила. Сонце кинуло під яблуню гарячий промінь. Сьвітть упавъ на її щоку, обсыпавъ її нібы огнемъ, а вона нічого не почувала, та все дывылась у зелену безодню, якъ у глыбоку ричку.

— Онысю! Онысю! де де ты дилась?—гукнула маты, выходячы з-за яблуні.—Чого це ты стоишь, якъ сьтина? Ходы лышень у покои до гостей. Вони певно жъ не до мене, а до тебе прыйихалы!

Оныся неначе прокынулася. Вона тихо пішла въ хату за матирью, наче сьлипый за поводитаремъ.

— Оце гарно! глузувала зъ академыстивъ, а одь цього жениха втикаешъ у садокъ. Великый пакъ страхъ! Не бачыла зроду женихивъ. Ой, уже жъ їхъ перекынулася ціла нызка! Иды та кажы йимъ, що хочь.

Оныся ввійшла въ сьвітлицю, згорнувши руки, неначе сьвята. Въ ней въ рукахъ була вышивана хусточка. Вона підвела очи, прымитыла сьвященика, поцилувала його въ руку й не встыгла обернутись, якъ Моссаковський нагнувся й поциловавъ її въ руку. Вона почувала на руци гарячи, мяки, повни губы й почервонила, якъ маківка.

Оныся одійшла й сила на стильци. Вона ледви підняла очи на Моссаковського и вглядла його тихи, ясно-сини очи, матово-біле лице, на котрому розлився дуже деликатный румянець. Ясни кучери блыщали наскризъ кругомъ Харытоновои головы проты викна, кудю сыпався золотымъ порохомъ промінь сонця. Моссаковський не зводивъ очей зъ Оныси. Вона почувала на своєму лиці його тихый поглядъ, не знала, що робыты, почала щыпаты вышивани на хусточци квиткы. Червони та сини торочки сыпалысь зъ хусточки на її червону запаску.

— Не рвы, дочко, хусткы,—грихъ! сьюгодні неділя,—сказала маты, легко торкнувши дочку пальцями по руци.

Оныся перестала на хвылыну щыпаты торочки на хустци, але незабаромъ зновъ посыпалысь зъ хусткы—мученыци червони та сини ныткы.

Хазяинъ розмовлявъ зъ прыйизжымъ съвщеникомъ то про се, то про те. Прокоповычка надулась и сыдила мовчки: їи не хотилось выдавати дочки за дяка. Але сватъ повивъ розмову про недавни сороковыны по батькови Харытона й закинувъ, що громада въ Вильшаныци, писля похорона старого батька, обибрала на парафію Харытона. Прокоповычка насторочыла вуха й повеселишала. Вона весело розговорылась, стала прывитниша й послала Онысю прынести найлипшон, найсмачнишой наливкы. Гост и прымитылы, що хазяйка стала добриша, й соби якось розворушылысь. Харытинъ весело пидвивъ очи й укынувъ килькы сливъ въ розмову, але до Оныси не съмивъ винъ слова промовыты, тилькы дывывся то на їи бровы, то на червони невелычки уста.

— Якъ Богъ поможе,—сказавъ сватъ,—то мы оце вырядымо Харытона до Кыива. Громада вже налагодылась посылаты до владыкы прошення, щобъ Харытинъ зостався съвщеникомъ на батькивському мисци. Якъ тилькы владыка згодиться, то мы, помянувши батька на сороковынахъ, оженимо нашего Харытона та й уберемо його въ рясу.

— Отъ и добре! Слава Богу!—промовывъ Прокоповычъ:—будемо близькымы сусидамы.

— Та намъ бы, панотче, хотилось буты не тилькы вашымы близькымы сусидамы, але навить ще блыжчымы людьмы: мы хочемо пориднытысь зъ вами,—сказавъ сватъ:—у васъ дочка на выданни, а въ насъ женихъ.

Блиде Онысыне лице сплахнуло наче полумямъ. Вона почервонила й спустыла очи додолу. Руки замерлы на хусточци, й червони та сыни ниткы пересталы сыпатысь на запаску. Харытинъ почервонивъ и соби, якъ панна, не знавъ, де диты руки.

— Якъ же вы думаете, отецъ Степанъ?—спытавъ сватъ.

— Я зъ дорогою душею, але треба спытаты й матери, й дочки,—сказавъ Прокоповычъ, поглядаючи на дамъ:—що ты, паниматко, скажешъ?—сказавъ винъ, обертаючи очи до жинкы.

— Я... якъ дочка скаже, то такъ и я,—ледви обизвалася Прокоповычка зъ неохотою: йи шкода було Балабухы, але вона знала, що винъ билше не прыйиде.

Дило доходило до Оныси. Вона насылу вдержалася на мисци. Йи хотилося схопытыся и втикты въ садокъ.

— Якъ же ты скажешъ, дочко?—просто спытавъ въ Оныси батько.

— Я згожуюсь,—насылу промовыла Оныся, не пидводячы очей.

— Коны такъ, то, по людському звычайу, заминаймо сьвятый хлѣбъ, а потимъ трохы мижъ собою помиркуемо,—сказавъ батько.

Оныся ледви перекинулася зъ Харытономъ килькома словами, але вона вгадувала своимъ жиночымъ серцемъ, що Харытинъ пидходить пидъ йи завзятущий, дужый темпераментъ, що вона буде правдывою господынею въ свои хати. Окримъ того Харытинъ дуже сподобався йи своимъ деликатнымъ лыцемъ и тыхымы синимы очыма.

Поки сыны справлялы сороковыны по батькови, поки заручывся Харытинъ зъ Онысею, поки вильшаныцька громада налагодылася послаты старосту до Кыива зъ прошеннямъ до владыкы,—мынуло чымало часу. А тымъ часомъ Балабуха не сыдивъ дурнычкы въ своихъ Хылькахъ.

— Хочу женытыся! докы його бурлакуваты та байдыкы быты!—думавъ Балабуха, ходячы по садку.— Не схотила Оныся,—знайду десять кращыхъ, а такы ввосены оженюся. Треба шукаты та напытуваты дивчыны.

Балабуха глянувъ на городъ и вглядывъ шыроке лыстя гарбузыння. Те гарбузыння навело на його таку злысть, що винъ трычи проклявъ Онысю й не мигъ билше не тилькы йисты гарбуза, але й дывытыся на його.

— Тату, дайте коней! Пойиду ще въ Хохитву. Тамъ панны не прости, вбираються въ сукни по-паньський.—Цуръ йимъ, тымъ плахтамъ! Пойиду ще до суконь.

— Про мене, йидь до суконь. Тилькы ти хохитвянськи сукни, може, академысте, не для тебе шыти. Вони горди, нехтують поповычама, бо сами зь панивъ, мають крепакивъ, мають багато поля. Але купыть не купыть, а поторгуваты можна. Ци вже, прынайми, не прычеплять гарбуза пидь возомъ,—сказавъ батько.

— Не прычеплять, то такъ ласкаво та деликатно выпровадять зь хаты,—обизвалась маты.—Одначе въ Терлецького чотыри панни на выданни. Може котру й выдадутъ. Тилькы, сыну, переднише нижь выйиздыты зь двора, сядь та добре найнися, бо тамъ годують по-шляхецькый: якымысь пундыкамы та ласкавымы словами, а не пырогамы.

Погонычъ запригъ кони, вкынувъ въ торбу хлиба й сала на полудень, бо боявся йнхаты въ Хохитву безъ харчи, й по обиди одніей недилы Балабуха пойихавъ въ Хохитву.

Хохитва була невелике село коло самого Богуслава, роскыдана по правому високому берези Роси, мижь рядама чымалыхъ гирь. За Россю була чудова картына. Надъ самою водою стояла висока, але не широка скеля, нибы сътина зь каминня. На камяни сътини було выдко вздовжь и впоперекъ щилыны та росколыны. Въ щилынахъ зеленилы пучкы травы, жовтыхъ квитокъ, по-декуды стремилы невеличкы зелени кущи глоду та шыпшыны, неначе канделябры, розвшани по сътини. Пидь скелею росли лозы та очереть. Середь Роси неначе лежавъ невеличкый остривецъ зь прездорового каминня, безъ ладу накыданого купамы. За камяною сътиною було видно по-надъ Россю рядъ невысокыхъ гирь. На горахъ зеленивъ густый старый лисъ. Коло остривця шумила вода на порогахъ, темнила, неначе стежка, чорна гребля, а пидь самою крутою скелею стоявъ млынъ. На горахъ, на горбахъ, въ узькыхъ долынахъ була роскыдана Хохитва.

Димъ съвященька Терлецького выходывъ на улыцю; зелений садъ стався по-за домомъ трохы не до самой Роси. Коло дома було видно довгый двиръ, на котрому по обыдва боки стоялы два ряды хаты. Тамъ колысь жылы крепаки

св'ященника Терлецького. Його жінка була шляхецького роду й дїстала в придане той невеличкий куток в Хохитви. Всю решту села забрав йїн брат, продав село одному багатому графови, а сам вмер. Терлецький загородив невеличкий куток собі в подвир'я, не давав тым людям землі, забрав навить йїх города, а людей повернув просто в наймыты. Але його крепакы десь дивались, неначе виск ростоплювавсь: одни повтикалы на степы, други по-вымиралы. Дивчата повыходылы замиж на село. И скинчилось тым, що в тих хатах зосталось килькы калік та калікуватых, котрым було зовсім невыгодно втикаты з двору.

Балабуха вїхав у двір. Передь нымь вирнув з-за повиток та хаток здоровый дим з высокымы викнамы, з ганком. Передь викнамы було видно клумбы, зазаджени не гвоздыкамы та любытком, а левкоюмы, астрамы та фїялкамы. Дом був добрый, добре вшытый. Повиткы й клуня byly опоряжени по-господарський. Огорожа була нова. В дворі було чисто. Навить бlyжчи крепакьки хаты byly ще добри, тилько ти, що стоялы в далекому кутку довгого двора, вже подалысь: де-котри перехнябылысь, де-котри вже розвалювалысь, и через обдерту покривлю вже свитылысь кровкы та латы, неначе ребра, на котрых пообпадала шкура.

Визок вїхав на подвир'я несмиливо. Погоничь спынив кони трохи не коло ворить. Балабуха встав по-маленьку з воза й подыбав до ганку. Вин довго обтрушуваясь, чепурывся, обтерь порох з чобить полою шынели, втерь хусточкою прыпале пыломь лице, шыю, прыгладыв долонею волося на голови, розгладыв вуса й увїшов у сини. Сини byly схожи на кимнату з двома довгымы вузькымы виконцями по одни шыбци по обыдва боки дверей. З синей йшло трое дверей на всїх трьох стїнах. Балабуха трохи постояв, подумав, ще раз прыгладыв волося, ростяг вуса, одчынив наздогадь двери направо. Там була пекарня. Вин углядив тилькы, що з пекарни

майнула черезъ двери въ кимнату цила купа молодыхъ паннівъ такъ швидко, якъ мыши тикають въ нору.

Балабуха прычынивъ двери, зновъ постоявъ въ синяхъ, подумавъ и тыхенько одчынивъ двери въ ливу руку. Тамъ була просторна съвитлыця. Балабуха увійшовъ у съвитлыцю. Въ съвитлыци не було никого. Тилькы маятныкъ здорового годинника нешвидко й зъ повагою цокавъ и разомъ дерчавъ, неначе хто стукавъ молоткомъ по розбити посудыни, стягнути дротомъ.

За дверыма въ кимнати було тихо. Тилькы десь далеко за сѣтинами було чути глухый шумъ, неначе тамъ палало полумя въ печи, або клетотивъ окрипъ въ казани. Балабуха оглядавъ съвитлыцю. Съвитлыця була билше схожа на паньську гостынну, нижъ на мужыцьку хату, заставляну образами. Образивъ слыве зовсимъ не було, тилькы въ кутку высивъ великый образъ Ченстоховської Богородыци зъ польськымъ надписомъ. Середь сѣтины з-за скла выглядавъ ликъ Хрыста въ терновимъ винци, а пидъ нымъ було пидписано: Ессе Номо! Коло порога высивъ якийсь крылатый купидонъ, привязаный червонымы стричкамы до дерева, а коло грубы, на гравюри невеликой вартосты Геркулесь, пиднявши здорову довбню, замирявся на страшного лева, котрого зчавивъ рукою за горло. Мижъ викнамы высило надъ столькомъ узьке, довге дзеркало зъ высокымъ верхкомъ. Дзеркало було схоже на малого хлопця въ высоки батькови шапци. Спынка канапы та стильцивъ була выризана такымы фігурамы, неначе хто понастромлювавъ зверху на йнхъ рядкы грыбивъ та опенькивъ. На викнахъ стоялы вазоны мушкаткы та герани.

Балабуха заглянувъ въ дзеркало, поправивъ на шыи гніздо зъ чорной шовковой хусткы, що було зйихало трохи набикъ, ще разъ прыгладивъ голову долонею й сивъ на стильци.

Двери зъ кимнаты тыхесенько одчынылись. Балабуха пиддвисся зъ стильця и вже хотивъ рекомендуватись, нахылывшы голову. Але зъ дверей выйшла нызька дивка зъ

однымъ горбомъ на спини, зъ другимъ на грудяхъ, зъ дов-
гымъ жовтымъ лицемъ и тихыми сумными карыми очима.
Вона держала въ рукахъ рушнычокъ и попростувала просто
до Балабухи. Дивчына приступыла до його, поклонилась
йому трохи не въ ноги, держачы рушныкъ у руци, зовсемъ
якъ молода, що просыть на весилля.

— Чы на весилля просышь, дивчыно?—спытавъ Балабуха.

Дивчына осьмихнулась, поцилувала його въ руку, одій-
шла до стола й почала стыраты порохъ зъ стола та сто-
лыкивъ.

— Чы дома батюшка та матушка, чы може куды по-
йихалы?—спытавъ Балабуха.

— Дома,—ледви обизвалась дивчына, соваючы рушныкомъ
по столи.

— Може спочывають?—зновъ спытавъ Балабуха.

— Ни, — ще тихише обизвалась дивчына, поглядаючы на
зачыняни двери.

Дивчына выйшла. Въ свитлыци зновъ стало тихо, тиль-
кы маятныкъ стукотивъ та дерчавъ зъ докучливымъ ривнымъ,
одномирнымъ цоканнямъ, та десь за трьома сѣтинамы було
чуты нибы потайный задержаний шумъ ходы.

Двери зъ кимнаты зновъ одчынылысь зъ скрыпомъ. Въ
дверяхъ зьявилась висока, тонка постать панотця Терлець-
кого. Терлецькый бувъ сухой, блидый брюпетъ, зъ посиче-
ными короткыми кисмы, зъ короткою, круглою бородою, на
котри блыщалы срибни смужкы. Тилькы чорни блыскучи
очи надавалы бадьорнисть и енергію выдови й вси його
постати.

— Добрыдень вамъ! зъ сьвятою недилею будьте здорови!—
сказавъ Балабуха, поклонившысь господареви.

— Спасыби! будьте й вы здорови,—промовывъ Терлець-
кый:—чы здалека прыбулы до насъ?

— Я зъ Хыльокъ; студентъ Кыйвської академіи, Марко
Балабуха; скинчывъ фылософію.

— Дуже радый! Спасыби вамъ, що насъ одвидалы. Я ва-
шого панотця знаю. Чомъ же вашъ панотець зъ паниматкою

не прыбулы до насъ?—спытавъ Терлецькый:—але чога це мы стоимо? Сидайте, будьте ласкави!

Балабуха сивъ на стильци якось несмиливо. Винъ трохи скорчывся, пиднявъ плечи й сховавъ шью, й навить трохи голову въ гниздо зъ высокихъ гострыхъ комиривъ та зъ хусткы, якъ черепаха ховається въ свои черепашкы. Винъ вперше бувъ въ такимъ доми, де византыйська обстава выйшла зъ моды й натомисть настала въ обстави й въ усьому мода европейська, де вже одгонылось паньствомъ, шляхецтвомъ. Але така незвична для його обстава якось заважала йому. Винъ нагадавъ соби пасику въ Чайкахъ, простого панотця, просту паниматку, й йому чогось захотилось утикты у ту пасику, де винъ почувавъ себе багато вольнишымъ и сьмиливышымъ.

— Чы вы скинчылы академію, чы тилькы прыйихалы на вакаціи?—спытавъ панотець Терлецькый.

— Ни, я тилькы скинчывъ филозофію, але билше не пойиду до Кыива въ академію,—сказавъ Балабуха.

— Та й добре зробіте. Я самъ дійшовъ до риторыкы, та й подякувавъ ченцямъ, а про те маю парафію й жыву теперычкы, якъ у Бога за двермы,—сказавъ господарь.

— Такъ и я оце думаю зробыты,—сказавъ Балабуха.

Терлецькый ледви прымитно осьмихнувся й погладывъ бороду: винъ не помылывся, догадуючысь, що Балабуха прыйихавъ подывытысь на його дочокъ.

— Що жъ тамъ въ васъ теперь въ академіи? Чы пышете вирши? чы граете комедіи?—спытавъ господарь.

— А якъ же,—й вирши пышемо, й комедіи граемо,—сказавъ Балабуха.

— Отъ за нашихъ часивъ—мы гралы такъ, що теперь наврядъ, чы зуміють такъ граты. И мипи такы доводилось не разъ граты. Тилькы разъ сталася зо мною на сцени трохи сьмишна прыгода: разъ сказалы мини граты роль Суеты въ интермедіи. Обголывъ я вуса й бороду, намазавъ щокы румянцамы. Прычепылы мини довги косы, накывулы на плечи червону хламыду; я доставъ у одніей знайомой мищанкы червони чоботы; взувся я въ ти чоботы, на шью на-

чепывъ червоне намысто, роспустывъ косы по плечахъ, надивъ на голову жыдивську ярмулку, взявъ въ одну руку кашукъ зъ гришмы, въ другу пляшку зъ горилкою, та й выходжу на сцену. Выходжу та й кажу: „я Суета...“

Сказавъ, та якъ глянувъ на людей!—уси люде повытрищали на мене очи, а професоръ ельоквенціи, лютый-прелютый, що задававъ намъ часто березовои кашы, дывить-ся мини просто въ-вичи та неначе каже: „потрывай, ось я тобі всыплю пивъ сотни, якъ тилькы помылыся!“ Глянувъ я йому въ-вичи, та й забуду, що дали говорыты! Йій-Богу, забуду! а знавъ, якъ „Отче нашъ“.—„Я Суета! Я Суета!“—сказавъ я трычи, а дали—хочъ зарижъ! Не прыгадаю! Давай я тоди лупыты зъ Еклезіяста: суета суетствій и всяческая суета! Та вже, спасыби, Злоба стояла за декораціями та підказала мини, що дали говорыты. Отъ я й почавъ:

„О, суета, колико ты прекрасна!

О, суета, толико ты ужасна!

Днесь піяна скачетъ воля!

Утро вставши—тшетна доля!...

Сиренъ льстивыхъ окіанъ

Сладкимъ гласомъ обуянъ!

Едва лѣто запало,

А козля цапомъ стало.

Цапъ бородатый“!....

Сказавъ я це, а дали зновъ забудуся, плутаю я та плутаю! Переплутавъ уси вирши, перемішавъ сиренъ зъ козами та цапами, та вже не знаю, що дали говорыты; та, спасыби Злоби, мене вывела зъ биды: выскочила з-за декораціи та якъ крыкне: „Я Злоба,—ховай свого лоба!“ Якъ замирыться на мене мечемъ!—я на-втеку, и кашукъ зъ гришмы загу-бывъ на сцени. Публика регочеться. Дывлюсь, а за кулиса-мы передо мною стоить друга злоба, професоръ. Якъ ухопыть мене за косы! Косы й ярмулка злетили до-долу. Винъ мене за чуба та якъ почавъ выхрыты то направо, то нали-во,—трохы головы не зирвавъ зъ шыи.

Згадки про академію неначе розбуркалы Балабуху: винъ одразу ставъ сьмиливый и говорючий.

— А я гравъ Злобу,—та ще й якъ гравъ!—сказавъ Балабуха, розговорывшысь.—Було якъ накыну на плечи чернечу чорну мантію, та обкручу голову гидрою, та визьму въ одну руку мечъ, а въ другу пучокъ гадюкъ, та якъ выйду, та якъ крыкону: „Я Злоба,—ховай свого лоба!“

Балабуха распалывся й справди схопывся зъ мисця, пиднявъ руки вгору й крыкнувъ на всю хату. Горбата Кылына несла въ рукахъ пляшку зъ горилкою й тарилку зъ паляныцею. Для бидной дивкы здалося, що Балабуха схопывся зъ мисця й хоче луснуты йи кулакомъ въ спыну. Вона затрусылась и упустила тарилку на помисть. Тарилка хрьопнула й розбылась.

— Цуръ дурной!—сказавъ Терлецький.

— Якась перелякана дивчына!—сказавъ Балабуха, сидаючи на стилець.

Кылына позбирала шматкы тарилкы й паляныци въ хвартухъ и зъ плачемъ выйшла зъ сьвитлицы.

— Колысь я пысавъ вирши, знавъ на память Овидія, Горація, а теперь все чысто повылитало зъ головы, тилькы й zostалась въ памяти березова каша,—сказавъ Терлецький, наливаючы чарку:—та й той Горацій зовсимъ такы не стоується до Хохитвы.

Бидна Кылына вынесла черепкы въ кимнату зъ сьлозамы на очахъ.

— Що то таке ты несешъ въ хвартуси?—крыкнула матушка на Кылыну:—чы розбыла тарилку, чы що? Що тамъ за крыкъ?

— Ой простить, матушко, — сказала Кылына, цилуючы паниматку въ руку:—нашъ батюшка зъ тымъ панычемъ мабуть полаялысь, та якъ почалы крычаты та соватысь одынъ до другого зъ кулакамы! А я злякалась та й упустила зъ рукъ тарилку.

— Ты сьогодни зовсимъ здурила! беры швидче другу тарилку й несы паляныцю на стилъ!—крыкнула матушка

стоячы середь хаты зь білою сукнею въ рукахъ для старшой дочки.

Въ кимнати пиднявся якийсь содомъ. Матушка хапалась прыбраты старшу дочку, неначе боялась, щобъ часомъ паньчѣ не втикъ зь дому. Шафа й скрыня стоялы одчыннани. Матушка й дочки бигалы, кыдалысь сюды й туды, брязькалы ключама, выймалы нову одежу, прычисувалысь передь дзеркаломъ. Олеся, чы Александра Петривна, найстарша дочка, стояла середь кимнаты въ билыхъ спидныхъ, въ билому корсети, котрый не сходывся на йиں повному стани. Маты зь менчою дочкою шнурувалы корсетъ, сылкувалысь, ажъ впотилы, а корсетъ все такы не сходывся.

— Кылыно, ходы сюды! прыдавы рукамы корсетъ, та мицнише, — крычала матушка.

Кылына вхопыла Олесю за станъ и стилькы помогла, скилькы бъ помигъ комаръ. Шнуркы въ матушчыныхъ рукахъ лущалы, а корсетъ все-такы не сходывся.

— Поклычте бабу Хиврю! — крикнула матушка: — бо ця Кылына ни до чого не здатна.

Прыбигла баба, вхопылась и соби за шнуркы. Баба була кремезна й жылава. Корсетъ подався пидъ йиں рукамы. Олеся надила билу сукню, а маты прычисувала та прыбирала йиں голову.

Убравшы дочку, маты напынула на себе нову сукню, напынула на плечи перську билу, зь червонымы та жовтымы взорцямы, хустку, — ще разъ оглядила кругомъ дочку, неначе москаля на муштри, й повела йиں въ сьвитлицю.

Менчи дочки попростувалы за нымы сьлидкомъ, заглядаючы въ сьвитлицю черезъ одчыннани двери.

Терлецька ввійшла въ сьвитлицю тыхою ходою, поважно, неначе выплыла. Балабуха вглядивъ въ дверяхъ невысоку, але тилысту чорняву даму трохи ныбы зь пухлымъ, шляхецькимъ лыцемъ, зь гладенько прычесанымы чорнымы блыскучымы начосама на лоби, въ билому чыпку въ оборкахъ, въ котрыхъ сынила шырока стричка зь кинцямы до плечей. Винъ уставъ и ще глыбше втягнувъ коротку шыю въ комиръ,

несмиливо підійшовъ до Терлецької й поцілувавъ її в пухку білу руку. За матирью вийшла дочка, така чорнява, якъ и мати, гарненька, зъ білымъ, трохи короткимъ лицемъ, зъ темными карими очима. Вона присіла середъ свитлиці передъ Балабухою и неначе дрыгнула правою ногою. Балабуха поцілувавъ въ руку дочку, оступився трохи назадъ и не знавъ, де дити свои здорови руки. Матушка сила на канапи й попросила гостя систи. Балабуха несмиливо спустився на стілець. Проти його сила Олеся, в котрой щокы почервонили, наче макивки. Балабуха кыдавъ очима то на матирю. то на дочку. Широка сына стричка в матерному чыпкови, біла сукня на дочки, червона стричка, котрою бувъ підперезаний Олесинъ станъ, червоний бантъ в косахъ—усе те такъ налякало студента, що вінъ сидивъ, якъ на шпилькахъ. Передъ його очима зновъ зъявилась пасика, улыки, темна катрага в пасици, навить лицына й чорнобиль коло пасицы, куды вінъ теперъ ладенъ бувъ утикты й сховатысь одъ тыхъ стричокъ та суконь.

— Чы здорови вашъ панотець та паниматка?—спытала Терлецька в Балабухы.

— Спасыби вамъ! Слава Богу здорови, — тыхо обизвався Балабуха.

— Таки недобри: насъ николя й не одвидаютъ. Я знаю вашого батюшку й вашу матушку,—сказала Терлецька голосно, дрибно й смилливо.

Терлецька пытала в Балабухы про його батька й матирь, такъ соби, для звычайности. Якбы вони й справди прыйшхали до неї, вона була бъ йимъ зовсимъ не рада.

— И я бачыла вашого батюшку, — смилливо обизвалася Олеся до Балабухы:—такий добрый, такой прывитный.

Балабуха перевивъ очи одъ матери на Олеся й теперъ тилькы прыдивывся, що вона була гарненька, але мала не такі тонки та гостри бровы, якъ в Оныси Прокоповичыны. Тилькы кругли чымали темни та блискучи очи сподобалысь йому одразу.

Олеся не всидила на одному місці: вона схопилась и выбигла з кимнаты, щобъ подывытысь на себе въ дзеркало й поправыты на голови червоний бантъ, и потимъ вернулась, зновъ сила й зновъ схопилась, побигла до вазонивъ, заглянула въ вазоны, зновъ выбигла въ кимнату, принесла графынъ зъ водою, помыла вазоны, зновъ выбигла й зновъ перегодя прыбигла й сила. Довги кинци стричкы кругомъ стану, кинци банта литалы кругомъ неи, якъ на витри. Олеся ловыла стричкы рукою й швыдко то одкыдала йихъ, то прытягала, то обсмыкувала. За дочкою выйшла зъ свитлыци маты, поправыла щось на шыи, зновъ вернулась и зновъ выйшла. Воны вешталысь, неначе въ хрещыка гралы. Черезъ двери въ кимнату Балабуха вглядивъ здорове лижко, неначе поронъ на Роси, а надъ лижкомъ здоровый кылымъ, на котрому булы выткани чудни квиткы, неначе стоялы на заднихъ ногахъ въ тры рядкы здороби зелени жабы зъ червонымы животамы, побравшысь за передни лапы. Въ дверяхъ проты кылыма Балабуха вглядивъ другу панну, таку на зристь, якъ Олеся, але багато кращу, въ бидненьки сытцови сукни. То була менча дочка, котру погано убиралы, й ховалы одъ панычивъ въ далеки кимнати.

За Терлецькою ввійшла въ свитлыцю горбата Кылына й вынесла на тарилци дви тонесеньки скыбки паляныци та зъ ложку масла въ маслянци. Терлецькый наливъ въ малесеньку чарку горилкы, поздоровкався зъ гостемъ, выпывъ самъ, почаствувавъ гостя й заткнувъ графынъ затычкою, неначе дававъ знаты, що винъ билше не буде вже частуваты. Балабуха выпывъ, навить гараздъ не роскоштувавши, и взявъ въ руки скыбку паляныци. Скыбка свитылась наскризь.

— А мы тутъ, паниматко, розбалакалысь зъ Маркомъ Павловичомъ про академію, та такъ налякалы Кылыну цимы згадкамы, що вона впустила тарилку та й розбыла,—сказавъ Терлецькый до жинкы.

— *Similis simili gaudet*,—обизвався Балабуха.—Мы колысь гралы въ академіи комедіи, та почалы прыгадуваты зъ отцемъ Петромъ де-яку давныну.

— Вы гралы комедію?—спытала Олеся:—ото, колыбъ мини довелось на вику хочъ разъ побачыты комедію. Сыдышь тутъ у Хохитви й людей не бачышь.

— Де вже ты хотила въ Хохитви побачыты комедію, — сказавъ Терлецькый:—це чудо показуе тилькы наша кыивська „alma mater“.

— Папа кажуть, що й вони гралы,—сьмыливо обертаючысь до Балабухы, промовыла Олеся:—та ще й убиралысь за панну.

Стара Терлецька трохы осьмихнуласть, глянувши на бороду та вуса свого чоловіка.

— Колысь убирався за панну, а теперъ вже не вберусь,—сказавъ Терлецькый.

— Може й вы убиралысь за панну?—сказала Олеся, обертаючысь до Балабухы.

— Ни, я разъ убирався за... Славу,—знехотя сказавъ Балабуха:—а другый разъ за прекрасного Іосыфа.

— Ото, якъ бы я хотила побачыты, якъ вы вбиралысь за прекрасного Іосыфа,—сказала Олеся, спидлоба поглядаючы на Балабуху:—мабуть воно вийшло дуже гарно.

Балабуха оговтався й переставъ втягувати шыю въ комиръ. Сьмыливисть въ Олеси, прывитнисть Терлецькои одбылы въ його охоту тикаты въ пасику та въ чорнобилъ.

Балабуха не дуже сподобався Олеси зъ лыця, але його зристь, велька постать, вченисть и латына звернули йи увагу, сподобалысь йи тымъ билше, що до неи прыйизджалы невчени прости поповычи, на котрыхъ вона не хотила й дывытысь, и навить не выходыла до йихъ. Маты такъ—само була прывитна до Балабухы, бо вже бувъ часъ выдаваты Олесю замижъ.

Кылына одхылыла двери й щось шепнула до Терлецькои. Олеся зирвалась зъ стильця й побигла въ двери такъ швидко, що трохы не звалыла Кылыны зъ нигъ. Балабуха дывывся йи всьлидъ; йому сподобалось, якъ Олеся бигае швидко, прудко, легко, якъ на йи гадюкамы вьютыся червони стричкы.

За Олесею вийшла Терлецька. Въ кимнатахъ було чуты биганыну, вештання. Забрызчали ложечкы, задзвенилы стаканы та блюдечка, застукотили шухляды коло камоды та столивъ; одчынылысь двери, й горбата Кылына внесла въ сьвитлицю високого та тонкого самовара й поставыла на столи, неначе яке диво. То бувъ першый самоваръ въ околицы.

Зъ дверей выбигла Олеся зъ ложечкамы й чайныкомъ въ рукахъ, за нею маты, за матирью Кылына. Вони выходылы й прыходылы, й зновъ выбигалы: выносилы стаканы та наряддя до самовара. Самоваръ спершу шыпивъ, потимъ запарувавъ и заклекотивъ, такъ що не стало чуть, якъ державъ маятныкъ коло часивъ. Кругомъ самовара чыгалы та панькалысь, неначе урядныкъ кругомъ свого началныка. Балабуха зъ того дыва поглядавъ то на самоваръ, то на дамъ.

Почалося нальвання чаю въ стаканы, брязчання ложечкамы объ посудъ, неначе хто визъ цилу балагулу бытого скла. Сама Терлецька подала Балабуси стаканъ чаю. Кылына зновъ вынесла на тарилци купку тоненькыхъ скыбочокъ паляныци. Балабуха выпивъ чай, ззивъ прозору скыбочку хлиба; його розибравъ апетытъ. Йисты схотилосъ здорово, а господаръ навить не просывъ выпыты по други чарци горилкы.

— А налы й мины, паниматко, стаканъ того зилля, — сказавъ Терлецькый: — хочъ, сказаты правду, не дуже я хвалю це зилля. Нема въ сьвити, якъ добра чарка горилкы, — прохопывся господаръ.

— Колыбъ же добра чарка, а не така, якъ наперстокъ, — подумавъ Балабуха, поглядаючы на малесеньку чарку.

Терлецька сердыто кынула очыма на чоловика: винъ замовкъ и не розывавъ дали тией темы.

Выпылы чай. Кылына вынесла самоваръ, котрого въ кимнати опалы менчи дочкы, неначе мухы медъ.

— Визьмы лышень, дочко, гитару та заграй, або й засьпывай намъ якои, — сказавъ Терлецькый, достаючы гитару зъ косого столыка въ кутку й подаючы Олеси.

— Я вже давно грала й мабуть чисто все позабувала,—
пышаючысь промовыла Олеся.

Вона взяла гитару, направила йїи, натягуючы струны
й несмиливо почала перебираты пальцями.

— Вы не граете на гусяхъ? — спытавъ Терлецький въ
Балабухы.

— Ни, не граю,— обизвався Балабуха.

— Шкода. Я колысь гравъ, та вже забувъ. Отъ мій су-
сида, богуславський батюшка, якъ утне на гусяхъ, то ажъ
помість дрыжить. Е, що то за гарный инструментъ!—ска-
завъ Терлецький.

Олеся програла килькы козачкивъ. Йїи хотилось засьпи-
ваты, та вона сама не сьмила початы й ждала, щобъ будли-
хто попросивъ.

— Засьпивайте, колы ваша ласка,—несмиливо попросивъ
йїи Балабуха.

— Засьпивай, дочко, про Хлою, або про Нарцыза, або
краще про студента.

Олеся осьмихнула, засьпывала тонесенькымъ голос-
комъ про Хлою, потимъ про Нарцыза, а дали затыгла й про
студента:

Ой велѣла меня мать
За купчыка отдать.
А купчикъ какъ идѣть,
Сундукъ денегъ несѣть.
„Сундукъ денегъ не прийму,
За купчыка не пойду!“
Ой велѣла меня мать
За студента отдать.
А студентъ какъ идѣть,
Пучокъ розокъ несѣть.
„Пучокъ розокъ прийму,
За студента пойду!“

— Ага!—промовивъ, прыцмокуючы, Терлецький.

— За бытого двоухъ небытыхъ дають,—сказавъ Балабуха.

Олеся ще довго сьпивала та грала на гитарі. Терлецький розфантазувався й почавъ прыгадувати давні вирши й складати свої, але дуже недоладні.

— Сьпивай, дочко, поки молоденька, бо якъ мене твоя весна, то перестанешъ сьпивати:

Наслаждайся дней своихъ,
 Всѣ-бо в малѣ состарьемъ.
 Въ одно лито съ козенята
 Стався кудлатый цапъ!

И я колысь сьпивавъ и вирши складавъ, якъ бувъ козенямъ, а якъ ставъ старымъ та кудлатымъ, то вже й письни въ голову не лизуть,—промовивъ Терлецький, ходячы по сьвітлиці.

Тымъ часомъ якъ Олеся грала та сьпивала, Балабуха почувавъ, що въ його животі грають ынчи музыки. Надвори вечорило, а полуднувати не давали. Пляшка зъ горилкою стояла нібы запечатана. Балабуха поглядавъ на двері, чы не вынесуть чого закусыты, а двері не одчыннысь. А сирены въ животі въ Балабухы сьпивали такъ голосно, що й ихъ було чути на всю хату, й йому було ажъ ніяково.

Вже сонце зайшло, вже надвори сутынило. Терлецька встала й выйшла въ кимнату. За нею выбигла Олеся. Въ кимнати зновъ почалась биганына. Забрызчали ключи, застукали двері, задзвенили ложки й тарилки. Въ одчыннани двері проты зеленыхъ жабъ на кылыми замыготили головы.

Терлецький ходивъ по сьвітлиці й фантазувавъ, а Балабуха сидивъ, спустывшы голову й прыдержуючы рукою порожній живить.

Черезъ годину широко одчыннысь двері. Баба зъ Кылыною внеслы довгий стиль и застелылы скатеркою. Кылына прынесла купу тарилокъ и почала розставляты на столі; баба прынесла ложки, выдельця й ножи й роскладала й ихъ зъ такою повагою, неначе готувалась прыноситы жертву богамъ. Въ кинди тіей комично-поважноі руханыны выйшла

Терлецька й попросила гостя за стіль. Все посидали кругомъ стола й ждали. Зновъ одчынылись двери, й баба внесла довгий полумысокъ и поставыла на столі. На здоровому полумыску лежало двое маленькихъ курчятокъ, наче дві перепельци. Балабуха злякався.

— Прошу покорно! берить на тарилку!— попросила Терлецька Балабуху.

— Потрывай, паниматко! Мы, по старому звичаю, покоштуємо цією aquae vitae, котрої давні римляни певно не пили,—сказавъ Терлецький, наливаючи наперсточокъ.

Балабуха выпивъ той наперсточокъ, згадавъ ти красували, що винъ колысь хыливъ зъ студентами, й тилькы жалібно скривився. Помиркувавши, скилькы то прыпаде на кожного зъ тыхъ двоохъ перепельчокъ, винъ одривавъ тилькы нижку одъ курчяты й узявъ на тарилку. Олеся й Терлецька одривали по крыльци й прыкыдались, неначе бъ то вони вечеряють. Бідный Балабуха й соби прыставлявся, що винъ вечеряє: обгрызъ нижку й поклавъ выделку на стіль. Передъ його очыма такъ и сновыгала макитра вареныкивъ въ сметани.

— Правду казала маты!—подумавъ Балабуха:—якбы не попойивъ дома, то оце бъ не дойхавъ живой долому.

Посыдили за столомъ, побалакали й устали. Прышла баба й узяла полумысокъ, на котрому що зосталась одна перепельчка.

Письля голодної вечери Балабуха почавъ прощатысь. Терлецьки просылы його не забувати й ихъ и прыиздыты до ихъ частише.

Вже була ничъ, якъ Балабуха рушивъ зъ двору. Тилькы що вони выйхали за село, Балабуха сказавъ погоньчови:

— Чы не зосталось въ тебе часомъ хлиба въ торбыни.

— Та тамъ зостався окраецъ. Ну, та й скупи жъ ці люде!—сказавъ погоньчъ, розвязуючы торбу зъ хлибомъ:—мабутъ вони тымъ и багати, що скупи. Поклыканы мене полуднуваты, чаркы горилкы не дали, а матушка вынесла хлибъ, одкраяла паньську скыбочку та й зновъ узяла въ покои. Та

горбата Кылына мабутъ живе Божымъ духомъ. А на попаду слугы кажуть: пани, бо якъ будли—котра назве матушкою, то вона, Господы, якъ сердыться.

Опивночи Балабуха прыйнхавъ въ Хылькы й розбудывъ матирь.

— Мамо, давайте хочъ шматокъ сала та хлиба! Йисты такъ хочу що, ажъ шкура трищыть.

— Хиба жъ я тоби не казала! Ци гарбуза не прычеплять, але вытають гостей голодомъ. Сидай, сыну, за стиль.

Маты высунула зъ печи макитру вареныкивъ. Балабуха допався й вытрискавъ трохи не всю макитру.

— Якъ же тоби показалаь дочка?—спытала маты.

— Дочка гарна й грае добре, й съпивае добре, убрана попаньскый,—сказавъ Балабуха, почуваячы въ души, що Олеся заслонила довги тонки Онысини брови.

— Та въ йихъ и грошей сыла. Не знаю тилькы, чы багато дасть старый. А що вже багати, то багати,—сказала маты.

Макитра вареныкивъ звалыла Балабуху на постиль, не наче гримъ—здорового дуба. Винъ упавъ на подушку й заснувъ мицнымъ сномъ.

Тымъ часомъ въ Хохитви письма выйизду Балабухы, въ доми Терлецького почалась, письма парадовой вечери, друга вечера, своя, домашня. Въ кимнати застелылы стиль простою скатертею, й Кылына прынесла здорову вазку галушокъ зъ саломъ. Панотець Терлецькый вклавъ у копы дви тарилкы, Терлецька дви, а Олеся, вдовольшысь крыльцемъ курчаткы пры гостеви, теперь почувыла другый, справдешний апетыть и выйшла здорову тарилку галушокъ, одъ чого йи стало въ корсети такъ тисно, що вона поклыкала Кылыну й якъ найшвыдче звелила розшнуруваты шнуровку...

— А що, Олесю, якъ тоби показався Балабуха?—спытавъ въ Олеси батько.

— Такъ соби... ничего,—сказала Олеся, закопыльшы губу.

— Отъ и ничего!—обизвалась маты.—Панычъ здоровый, поставный, огрядный, вчений, и такы чысто й по-модньому вбранный, не абы-якый простаць.

— И латыну зна добре: такъ и сыпле латынськымы прыказками!—додавъ батько.—Ни, дочко! цього жениха шкода выпускаты зъ рукъ. Та будь до його прыятельниша, ласкавиша й прывитниша, якъ винъ прыйде до насъ вдруге, та поговоры зъ нымъ такы любенько, прывитненько.

— Колы жъ винъ не дуже охочый до розмовы, та якыйсь неворушкый. Сыдыть, дывыться на мене, вырячывшы банькы, та люльку смокче, та й годя.

— То й добре, колы мовчыть. Хто мовчыть—той двоохъ навчыть. Менче буде допикаты тоби языкомъ,—сказала маты, глянувшы на папотьця Терлецького.

— Правда, въ його очи й бровы гарни, але губы... трохи чудни. Чогось неначе скрывывся, якъ середя на пятницю,—сказала Олеся.

— Тоби, ^{Олеся} ~~Олеся~~, треба выпысаты жениха зъ Кыива, або зъ Парыжа, то такый може бъ тоби сподобався!—сказавъ батько.—Де жъ тоби кращыхъ набраты?

Олеся хотила сказаты, де бъ вона набрала кращыхъ женихывъ, та промовчала: вона бачыла въ паньському дворѣ гарныхъ дидычивъ-панычивъ, але багати панычи йи не сваталы, а за бидныхъ економивъ та польськыхъ панкивъ йи не давъ бы батько. Олеся тилькы легенько зитхнула й пишла спаты.

Швидко вси послулы въ доми Терлецького, тилькы въ пекарни ще довго горило сьвитло. Тамъ Кылына зъ бабою та зъ другою, такы панщанною Терлецького молодыцею, ще довго мылы та вытералы посудъ, та лаялы гостя. Кылына й баба робылы роботу вже черезъ сонъ. Йихъ блиди облыччя стали ще блиднишымы. Сонъ клонывъ йихъ головы. Уже пивничъ мынула, а вони все поралысь та прыбиралы, а другого дня булы повинни встаты удосвита, переднише за господаривъ, и зновъ распочынаты ту саму вично-незмийну жиночу роботу, одъ котрой втикалы люде одъ Терлецького.

III.

Въ той часъ, якъ Балабуха йиздывъ до Олеси та увывався коло неї, по селахъ пишла чутка, що Оныся Прокоповычівна заручылась зъ Харытономъ Моссаковськымъ. Балабушына маты була на ярмарку въ Богуслави й привезла ту чутку въ Хылькы.

— Чы ты знаешъ, сыну, за кого подавала рушныкы Оныська Прокоповычівна?—сказала стара Балабушына, прыйихавшы зъ ярмарку.

— За кого, мамо?—спытавъ сынъ.

— За Харытона Моссаковського, Карапышанського дяка,—сказала маты.

— За Харытона Моссаковського? за того худого, поганого? за ту руду чехоню?—крыкнувъ сынъ.

— За ту чехоню, за ту погану тараню,—сказала маты.

— За дякуса? И вона дала мини гарбуза черезъ ту иржаву, суху чехоню? За того дурня? За того дякуса?—крыкнувъ сынъ.

— Не за дяка бо! Винъ сьогодни дякъ, а може завтра буде попомъ на батьковому мисьци, бо його громада обрала за сьвященика на вильшаныцьку парафію,—сказала маты.

— Одкаснулась одъ мене, студента, академыста, для того рудого дурня, который навить не бувъ въ граматыци, не тилькы що въ фылософіи?—репетувавъ Балабуха, пиднявши руки вгору выще одъ своеї головы.

— Потрывай, сыну! Ты не крычы й не сердыся,—сказала маты:—пойидь ты въ Кывивъ, та попросы соби въ мытрополита Вильшаныцю, —парафія велька, поля багато, синокосы й окомъ не скинуты, синокисъ надъ самою Россю, ще й левада така здорова, що можна пивъ сотни возивъ картопли та капуста вывезты въ Богуславъ на ярмарокъ. Йий Богу, сыну, не гай часу, йидь до Кывива! Нехай тоди Оныська потанцюе зъ своею чехонею цыганської халяндры. Нехай старый Прокоповычъ дае Харытонови свои Чайкы, котри можна въ мишокъ убаты.

— Пойду вь Кывь! Заразь пойду! Владыка дае академыстамъ парафіи на выбирь,—яку хочь выбирай! Оце тоби Оныско, гарбузы! Дамъ и тоби гарбуза, що будешь памьтаты до смерты.

Не довго думавшы, такы другого дня Балабуха поихавъ вь Кывь, пишовъ до мытрополита й подавъ прошенни на Вильшаныцю. Тилькы що Балабуха выйшовъ одъ мытрополита, проты його йшовъ Харытинъ Моссаковський зъ вильшаныцькымъ тытаремъ та зъ двома старымы парафіянамы. Моссаковський скинувъ шапку, поздоровкався зъ Балабухою й низенько йому поклонивсь. Балабуха навить не глянувъ на його.

— Чы парафіи шукаете, Марку Павловичу? Боже поможы на все добре!—сказавъ Моссаковський до Балабухи.

— Нехай уже вамъ Богъ помагае, а мини вже помигъ: я зайнявъ вашу Вильшаныцю,—сказавъ гордо Балабуха й пишовъ соби тыхою ходою вь консысторію кинчаты дило.

Вь Моссаковскогого та вь вильшаныцькыхъ дидивъ неначе вдарывъ гримъ. Вони стоялы й дывылысь сълидкомъ за Балабухою.

— Чы цей панычъ правду каже, чы жартуе?—промовывъ тытарь.

— Мабуть бреше на свою обыхидку,—промовывъ одынъ дидъ:—а хто жъ його обиравъ вь Вильшаныци за съвященыка?

— Чы подався, чы не подався винъ на Вильшаныцю, а мы такы ходимъ до владыкы. Що то намъ владыка скаже!—промовывъ Моссаковский.

Воны пишлы вь покои до владыкы. Моссаковский подавъ одъ себе прошенни, а тытарь друге одъ громады. Владыка прочытавъ, подумавъ та й каже:

— Опизпылысь вы. Я вже отдавъ вильшаныцьку парафію другому. Ты вчывся вь школахъ?—спытавъ владыка вь Моссаковскогого.

— Ни, ваше высокопреосвященство: я вчывся вдома вь батька, та вь карапышанського дяка; вывчывъ часловець,

псалтырь, вмію читаты апостола й евангелію, знаю добре церковный уставъ, вмію сьпиваты на гласы: й на „Господы возвахъ“ и на „Богъ Господь.“

— Колы тебе обрала громада, то я дамъ тобі менчу парафію, а велики парафії я даю академыстамъ,—сказавъ мытрополитъ.—Боже васъ благословы! Йдуть собі!

— Колы-жъ мы, сьвятый владыко, волимо, щобъ у насъ за сьвященика бувъ такы сынъ нашого покійного панотця, царство йому небесне. Мы Харыгона знаемо зъ малыхъ литъ; винъ зрись на нашихъ очахъ. Громадяны звыкли до його. Мы знаемо, що винъ насъ не скривдыть. Помылуйте й пожалуйте, сьвятый владыко! Нехай такы нашъ Харытинъ буде въ насъ за сьвященика,—просывъ тытарь.

— Неможна, старый, не можна. Дило зробляно, а зробляного трудно переиначыты,—сказавъ владыка.

Громадяны вийшли одъ владыкы ни въ сыхъ ни въ тыхъ, а Моссаковський стоявъ у прыхожи ни живый, ни мертвый. Його деликатне лице стало биле, якъ крейда. Тытарь взявъ його за руку й вывивъ надвирь.

— А що будемо робыты?—спытавъ тытарь, обертаючысь до дидивъ.

— А те будемо робыты, що не пустымо того Балабухы на парафію, отъ що!—сказалы диды.

Въ Моссаковського трохы одлягло одъ сердца. Надія вернулась до його,—надія достаты парафію й не втратыты Ониси.

Воны силы на возы й поихалы назадъ въ Вильшаницю оповыстыты громади за цю подію.

— Не буде такъ, якъ владыка хоче! не пустымо Балабухы на парафію. Нехай буде въ насъ за сьвященика такы Харытинъ, та й годи!—гомонила громада, зибравшысь коло церкви:—пошлемо зновъ вдруге прошення до владыкы, а якъ не дозволыть, пошлемо втрете, а такы нехай буде такъ, якъ громада хоче. Десь выдрався якыйсь Балабуха, не показавъ очей въ Вильшаницю, не поговорывъ зъ громадою, а преться до насъ на парафію. Не пустымо Балабухы!

Тымъ часомъ якъ вильшаныцька громада гримала та ремствувала, та лагодылась зновъ посылать тытаря до владыкы, щасливый Балабуха вернувся въ Хылькы.

— Що, сыну, зипхнувъ Оныську зъ парафіи?—перша спытала въ Балабухы маты.

— Зипхнувъ! Такъ и покотылась, якъ йи гарбузы зъ Хыльківської горы, ажъ курява пиднялась,—сказавъ Балабуха.

— Отъ теперъ нехай знае, якъ класты въ визъ та въ кышени студентамъ гарбузы!—сказала маты:—а ты, сыну, не гай часу, та вбирайся до Терлецькыхъ, та ще й свативъ беры. Терлецьки скупи, хочъ и багати. Треба vybrаты въ сваты доброго крутія, щобъ выкрутивъ въ ихъ зайву сотню карбованцівъ.

— Кого жъ бы то попросыты въ сваты?—спытавъ Балабуха.

— Беры, сыну, дядька, отця Мельхыседека та прыхопы ще на прыстяжку й титку. Титка цикава на языкъ, та й дядько добрый торохтій: щось такы та выторохтятъ. Та нехай добре прыпруть Терлецького.

Балабуха забравъ дядька торохтія й цокотуху титку, прыбрався й прычепурывся й пойхавъ до Терлецькыхъ.

Терлецьки, побачывшы, що Балабуха прыйхавъ не самъ, а зъ дядькомъ та зъ титкою, заразъ догадалысь, що винъ прыйхавъ зъ сватамы.

Въ доми почалась незвычайна биганына. Бигала важка Терлецька, бигала Олеся, бигавъ самъ Терлецькый, бигала Кылына, навить баба въ пекарни заметылась тією пошестю й вертилась, якъ муха въ окропи. Балабуха оповистывъ, що винъ зайнявъ Вильшаныцю. Терлецькый поздоровлявъ його, цилувався зъ нымъ по десять разъ, цилувався зъ сватомъ отцемъ Мельхыседекомъ и навить зъ цикавою його жинкою. Олеся зашнуровалась, якъ тилькы можна тиснише, такъ що йи було важко дыхаты, начепляла червоныхъ стричокъ на талію, на шыю, на голову и все крутылась по хати передъ Балабухою. Вона знала, що Балабуха не жвавый въ розмови, й попросыла його въ садокъ, де сподивалась почуты пры

поэтични обстави те слово, которого вона вже ждала двадцять тры роки зъ половиною.

— Чы бачылы мои квиткы?—спытала вона въ Балабухы.

— Ни, не бачывъ,—сказавъ Балабуха.

— Ходимъ, я вамъ покажу мои квиткы!—сказала Олеся сьмиливо й прычепливо й трохы не потягла його за руку.

Балабуха зъ велькою напругою пидвився зъ стильця й пишовъ сьлидкою за Олесею въ садокъ.

Квитныкъ въ садку бувъ и справди гарный. Клумбы были повни левкоиъ та астръ, але вже пидъ осинь позаросталы трохы бурьяномъ.

— Дывитесь, яки чудови левкои,—сказала Олеся, нагнувшись надъ квиткамы й зрываючы гильку левкоя.

— А справди, гарни та пахучи,—сказавъ и соби Балабуха й нагнувся надъ грядкою.

Олеся вырвала квитку й, не росхыляючысь, нюхала йи. Балабуха й соби востромывъ руку въ гущавыну, але, поглядаючы скоса на Олесинъ повный станъ, захопывъ въ жменю бурьянъ и почавъ и соби нюхаты.

— Вы нюхаете щырыцю!—крыкнула Олеся, вырываючы зъ його рукъ бурьяныну, й зареготалась на увесь садокъ.—Ось потрывайте, я нарву вамъ букетъ.

Вона нарвала чудовыхъ астръ и подала Балабуси. Балабуха на-вищось нюхавъ йихъ, хочъ вони зовсимъ не пахлы.

— Ходимъ, побачыте нашъ садъ,—гукнула Олеся й побигла доришкою по садку до Роси.

Балабуха кынувся й соби бигты, але почутывъ, що його ноги можуть тилькы ходыты, а не бигаты, й ледви догнавъ Олесю.

— А вы коштувалы, яки на смакъ левкои?—спытала Олеся сьміючысь:—а нате, покоштуйте!

Балабуха механычно взявъ левкой, вкынувъ у ротъ и почавъ жуваты, а дали не знавъ, чы выплюнуты його, чы зысты.

— А що, смачный?

— Де тамъ! гиркый, якъ полынь.

Олеся реготалась, червона, якъ повна рожа. Вони прыйшли на кинєць садка, на прыгорокъ надъ Россю. Нанызу по каминни шумила вода. За Россю стояла пышна скеля, неначе сътина, вся облыта сонцемъ; за нею на горахъ зеленивъ лись, а вгору, по долини Роси було видно роскынутый Богуславъ, обсыпаний яснимъ съвитомъ.

— Теперь дали намъ вже никуды йты, хиба въ воду, або на скелю,—сказала Олеся, наводячы Балабуху на думку.

— А справди нема куды, хиба въ воду, або на скелю,—сказавъ тыхо Балабуха.

— А вы полизлы бѣ на скелю?—кокетно спытала Олеся.

— Ни, не выдерусь, бо дуже крута та стримка.

— А якбы я васъ попросыла, то полизлы бѣ? — дражнила його Олеся.

— Полизъ бы,—сказавъ Балабуха, глянувши просто въ—вечи Олеси.

Въ Олеси очи блыщали, наче дви зори. Їїи гаряче лице ажъ палало; а Балабуха все-таки мовчавъ.

— Правда въ насъ у Хохитви гарно? краще, якъ у ваши Вильшаныци.

— Краще, якъ у Вильшаныци, але... але, якбы вы были зо мною въ Вильшаныци, то вона бѣ мини здалась кращю одъ Хохитвы,—ледви вымовывъ Балабуха й почервонивъ.

— „Насылу! Слава тоби, Господы. Отъ-отъ скаже!“—подумала Олеся.

— Якъ же бѣ я тамъ була? Чы пойихала зъ вами, чы що? —спытала Олеся.

— Ни, якбы вы за мене пишли замижъ, бо я... я... бо Купидонъ пронизавъ наскризь мое сердце стрилою. Амуръ не любывъ такъ Психей, якъ я люблю васъ,—сказавъ Балабуха черезъ сылу.

Олеся знала зъ романивъ про того Купидона та Амура, й ти слова дуже прыпали йїи до смаку. Вона любила романтичність, бо читала стародавни, переложени по-московськый немецкы романтычны повисѣти. Тилькы все-таки йїи хотилось Амура, кращого одъ Балабухы: не такимъ вона собі уявляла

свого Амура, та нигде було дитись. Олеся тихо промовыла звычайну фразу, спустившы очи до-долу: „якъ батько та мама скажуть, — я згоджуюсь!“

Балабуха взявъ Олесину руку й поцилувавъ. Вони повернулись и пишли тихою ходою до хаты.

Въ той часъ якъ молоди гулялы по садку, отецъ Мельхyseдекъ зъ жинкою, не довго думачы, неначе до сѣтны прытиснулы Терлецького й Терлецьку й почалы говорыты за прыданне.

— А що, отче Петре! сказаты правду, мы оце прыйихалы свататы вашу дочку, Олеся, — сказавъ отецъ Мельхyseдекъ: — чы оддасте, чы нехай пидросте?

— Мы зъ жинкою ладни оддаты. Балабуха чоловикъ вчений, прыгожий, мае вже парафію. Не знаю, що дочка скаже, — промовывъ Терлецький.

Терлецький глянувъ на жинку й сказавъ: „дамо сто карбованцивъ“.

— Сто карбованцивъ гроши, то правда, — заторохтивъ отецъ Мельхyseдекъ, — але, сказаты правду, не вельки.

— А вже жъ не вельки, — заторохтила Мельхyseдекова жинка: — гроши — гришмы, але треба чогось и до грошей. На господарстви треба й коривъ, треба й воливъ, треба й возивъ, треба коней, треба й до коней. Треба мыскы й ложки, треба чогось и до ложки. И вже, Господы, що то й казаты! Вы сами, здоровеньки, знаете, чого треба на господарстви, та ще й новому та молодому, часомъ необмиркованому....

Терлецька сердыто глянула на цю просту, въ намитци сваху, котра жебрала, неначе стара цыганка.

— Та вже, свахо, Олеся наша дочка. Мы не выпхнемо йи босу зъ хаты зъ порожними рукамы та скрынямы, — сказала Терлецька.

— Бороны Боже! Я й сама маты й маю дочокъ: хвалыты Бога, я вже надбала повни скрыни всякого добра для своихъ дочокъ: въ мене готова йимъ и одежа, й плахты, й запаскы, й намиткы, и скатерти. Я вже назначыла йимъ и коровы, й тельци, й кабаны, й льохы, й гусы, й ындыкы... Де вже!

Що то й казаты! Певно й вы надбалы для Олеси всякого добра. Чы багато коривокъ та волыкивъ думаете даты?—спытала сваха.

— Дви пари воливъ та корову,—сказавъ Терлецькый.

— Мало,—сказавъ Мельхyseдекъ.

— Ййй-Богу, сердце мое, мало! Двома парамы не потягнешь плуга на поли. Третья пара не зашкодыть. Та зъ одніей коровы не назбираешъ ни сыра, ни масла. Треба, свахо, дви корови, доконешне дви, бо вы сами, здоровеньки, знаете, що зъ одніей коровы не найистысь масла та сыра. Воно бь добре було й масла та сыра найистысь, ще й на ярмарокъ выслаты на продажъ. Що то й казаты! А скатертивъ багато думаете даты?—спытала сьмылыво сваха.

— И прынесъ нечыстый оцю цыганку! Вона забере въ мене вси коровы, гусы й ындыкы,—подумала Терлецька.

— Та що тамъ, жинко, скатерти! За гроши можна всего цього накупыты. Я все, бачте, про гроши. Отче Петре! Ййй-Богу, мало сотни карбованцивъ. Що теперь сто карбованцивъ? То колысь можна було за сотню трохи не циле село купыты. Треба дви або й тры сотни та ще й зъ хвостыкомъ,—сказавъ Мельхyseдекъ.

— Подумаемо-погадаемо. Въ насъ не одна дочка, сами знаете,—сказавъ Терлецькый.

— Та й панщанныхъ людей такы дайте дитямъ,—сказала сваха.—Въ васъ такы багатенько людей. Дайте хочь одну сымью!

— Де ти люде въ мене? Чысто вси порозбигалысь, неначе йихъ якый нечыстый кьемъ порозганявъ! Тилькы й зосталась сама каличь: одна баба та горбата Кылына, та тамъ...

— Зъ тіей горбатой—роботы, якъ зъ цапа молока,—сказала сваха:—вона тилькы хлибъ дурно збавлятыме. Дайте такы здоровенькыхъ та мицненькыхъ, бо мицный чоловікъ, якъ мицный горщыкъ, не роскыпыть на жару.

— Але жь все такы Кылына глядытыме дитей, буде за няньку,—сказала Терлецька:—Кылыну дамо, а билше людей не дамо!

— И за Кылыну спасыби! Але прыкыньте ще хочь бабу. Баба не багато заважыть, а все такы буде помичь въ господарстви: хочь гусы та гусынята пастыме. Добра баба въ хати, якь добра квочка: вона й дитей доглядыть, и курчята добре высыдыть, и курчята добре вылупыть,—тарабаныла сваха, заплутуючысь въ думкахъ.

Мельхыседекъ сердыто глянувъ на свою жинку; вона догадалась, що вже наговорила симъ мишкивъ гречаной вонны, й прыкусыла языка.

— Якъ же оце воно буде?—сказавъ отецъ Мельхыседекъ,—чы на словахъ умовылось, чы напышемо на папери?

— На папери, серденько, на папери краще буде,—затохтила сваха,—бо сказано: якъ напысано перомъ, то не вывезешъ воломъ. На папери, на папери! Такъ и Богъ веливъ!

Сваты говорылы, помы не выговорылы зайву сотню карбованцивъ, ще одну корову, третю пару воливъ, ще й Кылыну, хочь Кылыны не спыталы, чы схоче вона кыдаты батька й матиръ та йхаты въ чуже село. Сваха все поглядала скоса въ викна, чы багато на двори курей, гусей, та ындыкивъ. Вона дуже любила гусятыну, любила мяки пухови подушкы й усе встоювала, щобъ Терлецька дала Олеся багато гусей.

— Гуска, моя свашко, въ господарстви, то съвята худоба, все одно, що вивця або свыня, выбачайте въ цимъ слови: зъ неи мясце, зъ неи смалець, зъ неи пирья, зъ неи й пухъ, зъ неи яйця, зъ неи сыръ, зъ неи молоко, зъ неи вовна, зъ неи ковбаса...

Сваха замовкла, бо догадалась, що вже геть—то вбрехалась. Вона стулыла рота, якъ тилькы дійшла до ковбасы, бо догадалась, що ковбасы зовсимъ не стосуються до гускы. Терлецька осьмихнулась, але здержала губы. Отець Мельхыседекъ зновъ суворо зырнувъ на жинку. Помы стари договорювались, въ свитлыцю ввійшлы молоди. Балабуха бувъ червоний, неначе пикся на жару. Олеся була спокійна, не-

наче вона тилькы походила, погуляла по салку та надивилась на квиткы.

— Чы скинчылы вы свое дило?—спытала сваха въ молодыхъ.

Олеся засьміялась, крутнулась сюды—туды по хати и впала—сила на стилецъ. Балабуха промовывъ: „скинчылы, слава Богу“.

— Поздоровляемо васъ! Даруй же вамъ, Боже, щасьтя та здорова,—крыкнула сваха.

— Роды вамъ, Боже, жыто й пшеницю, а въ запичку дитей копыцю, — сказавъ нецеремонно отецъ Мельхыседекъ, цилуючысь зъ Балабухою.

Вси почалы поздоровляты та цилуваты молодыхъ.

— Колы скинчылы, то й мы скинчылы,—заокотила сваха:—теперъ, свате, можна й на папери нашу розмову напысаты,—сказала цикава сваха Марта.

Терлецькый покрутився, повертився, мусивъ дистаты паперу. Кынулысь до перъ,—перъ не було; кынулысь до каламара, а въ каламари чорныло высохло, тилькы zostалась якась чорна кваша.

Прынесли воды, розвели чорныло. Кылына побигла на двиръ, ввіймала гуску, высмыкнула зъ неи зъ крыла двое перъ и прынесла въ хату. Батюшкы довго чынылы пера й напысали на папери Мартыну розмову. Першый пидписався Терлецькый, а за нимъ іерей Мельхыседекъ, рабъ Божый, за себе й за свою неписьменну жинку, рабу Божу Марту, руку прыложывъ.

— А що, отче Петре! теперь можна прыступыты й до заручывъ,—сказавъ отецъ Мельхыседекъ.

— Треба сповныты законъ,—сказавъ Терлецькый.

Терлецька выйшла зъ съвитлыци й швидко вернулась зъ восковыми съвичками. Засьвитылы съвичкы й поставылы въ кутку на столыку, засьвитылы лампадку, що высила передъ образомъ.

Кылына зъ бабою прынесли саморобный кылымъ и розстелылы въ кутку передъ столыкомъ. Молоди стали, побылы

поклоны, поцилували образъ и поминались перстнями. Ба-лабуха бувъ солидный, поважный. Олеся розчервонилась одъ поклонивъ: уся кровь зъ йи повного тила зъ-пидъ шну-ровць полылась до головы. Терлецький хотивъ спомянута давнину й почавъ рацею до академыста зятя, але заплу-тався на першыхъ словахъ и замовкъ. Зате жъ сказала ра-цею сваха Марта! — „Щасты вамъ, Боже, на все добре, на весь вашъ викъ, на весь ридъ, на вашихъ дитей, на ва-шыхъ унукивъ и правнукивъ. Даруй, Боже, щобъ ваше жыття було солодке, якъ лыповый медъ, та веселе, якъ весна красна!“

Стари й молоди перецилувались и посадалы, неначе по-томылысь писья важкой праці. Отець Мельхыседекъ ждавъ, що хочъ теперъ вынесуть по чарци, але господиня закло-поталась и загаялась; винъ не вытерпивъ и по-простацький сказавъ:

— А що, паниматко-господыне! Чась бы побрызкаты на молодыхъ!

Паниматка догадалась, и на столи зъявився маленький графынчыкъ зъ горилкою й маленька чарочка. Отець Мель-хыседекъ и його жинка Марта сердыто подывылысь на таки злыдни, на таку дрибну посудыну й зглянулысь одно на одного.

Выпылы по чарци. Вынесли самоваръ и почалы часту-ваты гостей чаемъ. Колы це двери рыпнули, и въ свитлицю влетивъ панычъ, хохитвянськый йкономъ, Сыгызмундъ Бон-ковськый. То бувъ молодой, роскишный блондынъ, зъ здо-ровыми вусами, зъ роскишными русявыми кучерямы на го-лови й зъ сирыми ясными очыма та зъ рожевыми пухкыми губамы. Його повни щокы загорилы, але лобъ биливъ, якъ у панны, а одъ лыця, одъ усіеи постати такъ и пашыло здоровямъ. Побачывшы въ Терлецького дви брычки, винъ догадався, що въ його гости. Винъ знавъ, що въ Терлець-кого не бувають духовни, а тилько панкы, й догадуючысь, що прыйихалы яки-небудь сусидни йкономы, або йнхъ дочкы, забигъ начасокъ побалакаты та поромансуваты.

Бонковський вскочивъ у хату, цокнувъ закаблуками, привытався до господаря, поцилувавъ Терлецьку въ руку, а потимъ и Олесю, и вправъ на стілець коло Олеси. Олеся до його заговорила по-польський.

— Якъ ваше здоровя? якъ вамъ цю ничъ спалося? яки квитки слылысь?—почавъ щебетаты веселый панычъ.

— Спалось добре, й ничего не слылось,—одказала Олеся, скоса поглядаючи на Бонковського кокетливымы очыма.

— Чы вже жъ вамъ и квитки не слылысь?—спытавъ Бонковський.

— Мини квитки не сняться, а колы сняться, то зъ людськымы головами,—одказала Олеся.

— Отъ и мини таки квитки сняться, тилькы зъ панянськымы головками та зъ карымы очыма,—залепетавъ Бонковський.

Бонковський та Олеся лепеталы, дражнылы одно одного, жартувалы, неначе Балабухы и въ хати не було. О. Мельхыседекъ тилькы поглядавъ на Марту, а Марта на о. Мельхыседека.

— Що це за намитка сыдыть въ васъ за самоваромъ?—спытавъ тыхесенько въ Олеси Бонковський.

— Це сваха; прыйихала мене свататы,—сказала пошенкы Олеся.

— То вы пидете за цю намитку замижъ?—зашепотивъ Бонковський й зареготався на всю хату.

Олеся ледви вдержала съмихъ, ажъ губы прыкусила. Гости переглядалысь, розмовляючи за чаемъ. Балабуха сыдивъ надувшысь.

— Хотите подывытысь на мои квитки?—сказала Олеся, захопывшысь зъ стільця.

— Чомъ и не подывытысь! Квитки й гарни панны—мини прынада,—сказавъ тыхенько Бонковський, выходячы за Олесею въ сини.

Балабуха прыгадавъ, що Олеся говорила йому ти сами слова, й подумавъ, чы не думаетъ вона вдруге заручытысь зъ

цимъ панычемъ. Винъ вставъ, взявъ картуза й выйшовъ у садокъ сълидкою за Олесею.

Олеся побигла по дорижци до квитокъ и щебетала на льоту, якъ птиця. Бонковський бигъ за нею сълидкою, а солидний Балабуха ледви догнавъ йихъ коло грядокъ фіялокъ та астръ.

— Гляньте, пане Бонковський, яки чудови мои квиточки!—сказала Олеся, нахыляючысь надъ грядкою й вырываючы фіялки. Бонковський нагнувся й соби коло неи, такъ що йихъ руки й плечи прытулылысь, и почавъ рваты квитки. Олеся вырвала фіялку й дала нюхаты Бонковському.

— Дае нюхаты достоту такъ, якъ и мини давала нюхаты. А ну, чы загадае вона й йому йисты квитки, якъ мини загадувала?—подумавъ Балабуха.

Одначе Олеся не загадала Бонковському пастысь на квиткахъ, тилькы побигла по дорижци въ садокъ, сьпиваючы веселой писенькы. Бонковський погнався сълидкою за нею, а Балабуха й соби потюпавъ сълидкою за ными.

— Йій-Богу, веде паныча туды, куды й мене водыла. А ну, чы загадае вона цьому панкови лизты на скели?—подумавъ Балабуха.—Якъ тилькы загадае, то мабуть вона сьогонди вдруге стане на заручыны зъ цимъ панычемъ.

Олеся добигла до кинця садка, глянула на Росъ, на скели, покрутылась на вси боки, засьпивала писенькы, одначе не загадала Бонковському лизты ни въ воду, ни на скели. Балабуси стало легше на души. Винъ мылувався, якъ Олеся бигала, вертилась, навить скакала й тыхо сьпивала веселой писенькы. Бонковський лепетавъ и не давъ Балабуси слова промовыты до Олеси.

— Це мій женихъ,—шепнула Олеся до Бонковського,—я йду за його замижъ.

— Ой, Маты Божа!—тыхо промовывъ Бонковський, прыклавшы трагично руку до сердца й пиддвившы солодки очи до неба.

— Чого вы такъ пиднимаете очи до неба?—зашепотила Олеся.

— Чого, чого?... ой вы, панны! ой вы, квитки! вы не знаете, чого мы піднимаемо очи до неба!—тихо шепотивъ Бонковський.—Колыбъ вы знали, що теперь діється въ моему серци!—говоривъ винъ, одкынувшы одну руку, а другу прыклавшы до серця.—Я скочу зъ цієї скели въ воду!

— А ну, стрыбайте, а я подивлюсь! я зроду не бачыла, якъ панычи стрыбають зъ скель у воду,—сказала Олеся, осьмихаючысь.

— Ой вы, панны! Охъ! — зитхнувъ Бонковський й замовкъ, вглядившы Балабуху, котрый догнавъ ихъ.

Балабуси хотилось пхнуты панка зъ скели въ воду. Йому здалось, що панокъ хоче одбыты одъ його Олеся.

Олеся побачыла, що Балабуха надувся й насупивъ бровы, догадалась, що треба перестаты залыцятысь до Бонковського.

Вона замовкла, сылкувалась буты поважною, але не зумила.

Бонковський сыпавъ комплименты, жартувавъ, а Олеся не выдержала й почала зновъ реготатысь. Щобъ здержаты себе, вона подала Балабуси руку. Винъ взявъ йи пидъ руку, й вони попленталысь до хаты.

Въ хати стари балакалы про свои справы й почалы зговарюватысь про день весилля.

— Весилля одкладаты на довшый часъ зовсимъ не годытысь. Черезъ тыждень або черезъ два распочынаймо весилля. Въ субботу печить шышкы та коровай, а въ неділю й до винчанья, а то ще Харытинъ одниме парафію,—сказала сваха Марта.

— Яки шышкы? Мы не думаемо пекты лышокъ,—сказала Терлецька:—це дуже простый звычай.

— А якъ же воно буде, мое серденько?—крыкнула Марта,—це буде не по-модньому й не по-Божому. Де жъ такы справляты весилля безъ шышокъ! Въ субботу мы прыйидемо, колы попросыте, та спечемо коровай та шышкы, та й погуляемо й потанцюемо по-старечому,—допомыналась сваха.

Терлецька тильки рукою махнула. Марта сципыла зубы й надулась.

А Бонковський, не вважаючи на свативъ, точивъ баясы й реготався до Олеси. Сваты скоса поглядали то на Бонковського, то на Олесю, й переглядались мижь собою. Марта зобидылась за шышки й почала прощатись. Балабуха вставъ зъ мисьця й очеvyдячки зъ велькою напругою збирався въ дорогу. Йому не хотилось зоставляты Олесю зъ Бонковськымъ. Одначе гости поговорылы, побалакалы, стоячы, постановылы день весилля й, не ждучы доброи вечери, розпрощались.

— Але жъ и ты, Марто, й справди велька брехуха,— вже дуже роспускала языка!—сказавъ Мельхыседекъ до своєї жинкы.—Де жъ такы плесты таке,—що зъ гускы сыръ и молоко, й вовна, ще й ковбасы.

— А все жъ такы, хочъ я й брехуха, а выбрехала небожови дви сотни карбованцивъ, тры пари воливъ, дви корови, два десяткы гусей, ще й Кылыну зъ бабою на прыдачу.

Балабуха зъ сватамы прыйихавъ додому, й Марта тыхенько на вухо розказала Балабушыси, що Олеся выробляла на заручынахъ зъ панкомъ Бонковськымъ. Маты все переказала сынови й радыла, щобъ винъ такы добре державъ Олесю въ рукахъ и не попускавъ вижокъ.

Балабушыха знала, що сваты прыйидуть одъ Терлецькыхъ голодни, й подала вечерю. Мельхыседекъ зъ Мартою та зъ Маркомъ Павловичемъ кынулысь на вечерю, якъ вовкы на барана.

— Якъ оженимся, сыну, зъ Олесею, то вывчы йи, якъ вытаты гостей та не выпускаты йихъ зъ двору голоднымы,— сказала маты сынови, котрый уплитавъ вечерю на вси заставки, ажъ за вухамы ляцало.

Оповистылы день весилля.

Молодый пойнхавъ клыкаты на весилля родычивъ та сусидь. Родычи й сусиды дякувалы й одмагались. Винъ по-

йихавъ до Мельхыседека. Мельхыседекъ бувъ радый йихаты, але тилькы Марта стала дыбки:

— Не пойиду ни за що въ съвити!—репетувала вона,—це буде не весилля, а Богъ зна що. Не печуть короваю, не печуть шышокъ. Обсьміяли мене стару, хочъ я й сваха, й хвалыть Бога, не вперше була оце свахою.

— Та що жъ, колы вони жывуть по-панськый,—сказавъ Балабуха.

— Нехай жывуть, якъ схотять, але нехай хочъ свативъ нагодують, по людському звычаю. Въ йихъ и горилкы не пьютъ, и чаркы Богъ зна яки. Мабуть выпысали з-за гряныци, чы що!—репетувала Марта.

Одначе вона згодылась йихаты на весилля. Черезъ тыждень Терлецькы справылы весилля. На весилли й справди тилькы й було духовныхъ, що молодой зъ батькамы та зъ дядькомъ Мельхыседекомъ и титкою Мартою, та ще одынъ сусида батюшка зъ дочкамы. Решта булы все панкы та урядныкы зъ Богуслава. Олеся була убрана въ билу сукню, въ винокъ зъ билыхъ рожъ и цилый вечиръ танцювала зъ панкамы та зъ урядныкамы. Балабуха тилькы сыдивъ въ академычни пози, въ били жылетци та въ били хустци на шыи й дывывся, якъ Олеся танцювала трамблянтъ-полькы та краковяка зъ Бонковськымъ. Матушкы сыдили мовчкы та тилькы торкалы одна другу ликтямы.

Довго богуславськы жыдкы гралы, довго панны та паннычи танцювалы. Почалы розносыты гостямъ чай, потимъ яблука, груши, конфекты, горихы. Батюшкамъ та матушкамъ хотилось по чарци, хотилось добре попойнсты та попопыты, але пляшокъ та чарокъ нигде не було выдно. Йимъ zostавалось тилькы сыдиты та дывытысь. Сваха Марта почала дриматы, все куняла, сыдячы на стильци, й трохы не заснула. Балабушыха торкнула йи пидъ бикъ и почала судыты Терлецькыхъ.

— Це не весилля, а якась дытяча панахыдка зъ маковныкамы та коржыкамы,—сказала Балабушыха до Марты.

— Ни короваю тобі, ни шышокъ, ни весильныхъ псень, по старому звичаю,—обизвалась нышкомъ Марта.—Колыбъ ты знала, я такъ хочу йисты, що дали не выдержу!

— А я бѣ вже й по чарци выпыла,—обизвалась Балабушыха,—мене ажъ за печинкы тягне. Дывысь, сестро, якъ Бонковський стрыбае,—ажъ вуса трясуться. Бый його сыла Божа! Неначе скажений цапъ.

Вже въ глупу пивничъ почалы накрываты столы. На столахъ понаставлялы багато тарилокъ, багато стаканивъ та чарокъ, а найдкивъ та напоивъ було трохы, та й те панкы та урядныкы швидко росхапалы. Батюшкы та матушкы всталы з-за столу голоднымы й зовсимъ не пянымы, проты старого весильного звичаю.

— Ой, сестро, я зовсимъ голодна!—тихо шепотила Марта до Балабушыхы.

— Цыть, сестро, бо й я голодна,—обизвалась Балабушыха,—буду довго памятаты сынове весилля. Нехай же прийдуть до мене сваты! Я йимъ покажу, якъ вытаты гостей! Я йихъ и нагодую, й напою. Одъ мене не пойдуть голоднымы та тверезымы.

— Йидьмо додому!—зашепотивъ старый Балабуха до жинкы,—цуръ йому, цьому весиллю.

— Йидьмо,—промовыла Балабушыха,—бо, здається, билше вже ничымъ не покрепымось,—хиба танцямы та музыкамы. Колы бѣ лышень Терлецькый не обдилывъ и сына такимъ прыданымъ, якъ насъ оцію вечерюю.

Батюшкы та матушкы роспрошались зъ господаремъ и выйихалы. Терлецька не дуже й запрошувала йихъ зостатысь.

Одбувшы весилля, Марко Павловичъ пойихавъ до Кыива й выстарався на свьященика. Винъ зайихавъ до благочынного й разомъ зъ благочыннымъ пойихавъ въ Вильшаныцю, щобъ вступыты на парафію.

Благочынный покыкавъ старосту и зведивъ одимкнуты димъ свьященика й оповистыты громади, що другого дня въ недилю буде правыты службу новый свьященикъ.

— Я не маю права одмыкаты дома,—сказавъ староста,—бо то димъ не громадський, а покійного батюшки. Його сынъ Харытинъ позамыкавъ хаты, ще й печатки попрыкладавъ.

— А де жъ буде жыты вашъ новий сьвященикъ?—спытавъ благочынний.

— Де схотять, тамъ и жытымуть,—сказавъ понуро староста.

— То нехай громада дасть йому кватыру,—сказавъ благочынний.

— Не мы обирали соби цього сьвященика, не мы будемо й кватыру йому даваты,—сказавъ староста.—Громада обирала за сьвященика сына покійного панотця, Харытона, й хоче, щобъ винъ бувъ у Вильшаныци сьвященикомъ.

— Коны жъ владыка прыславъ вамъ другого сьвященика!—сказавъ благочынний.

— Коны владыка прыславъ його, то нехай владыка й кватыру йому дае,—одризавъ староста.

Балабуха стоявъ ни въ сыхъ ни въ тыхъ. Винъ не сподивався такои прытычны, щобъ йому довелось маты тяганыну зъ громадою.

— Вже, старосто, якъ громада схоче, а нового сьвященика нехай прыймае,—доводывъ свое благочынний.

— Ба не приймемо! Не мы обирали, не намъ його й прийматы,—зновъ одризавъ староста.

— Але жъ новий сьвященикъ буде въ ваши церкви службу Божу правыты,—сказавъ благочынний,—винъ буде въ васъ за сьвященика.

— Нехай правлять: то Боже дило, а громада кватыри не дасть,—сказавъ староста.

Благочынний зъ Балабухою зайихалы на ничъ до дяка й тамъ переночувалы. Другого дня вони пишы до церкви, й Балабуха одслужывъ службу Божу. Щобъ сподобатысь громади, винъ служывъ помаленьку, по-кыйивському, по-монастырському, державъ людей въ церкви довго, бывъ поклоны, знимавъ руки та очи до неба, падавъ навкóлишки, а въ кинци службы выйшовъ говорыты проповидь. Проповидь була довга

на давни, церковни славянські мови, пересыпана текстами й такими словами, якъ: *понеже, поколику, потолику*. Чесна громада слухала, слухала й ничогисинько не втямыла. Балабуха говоривъ голосно, дуже жалибнимъ голосомъ. Де-яки бабы трохы розжалобылись одъ того смутного тона й почали голосно зитхаты. Але Балабуха заговорився, й одъ старого академычного звичаю зъ його языка почали зрыватысь латынські слова. Громада очи вытрищыла. Балабуха схаменився, що винъ говорити не въ академіи, а въ сельски церкви передъ мужыкамы, й вдержавъ языка...

Служба скинчылася. Народъ выйшовъ зъ церкви й почавъ говорити про нового священика.

— Та й довго жъ держити цей пипъ у церкви. Вже мабуть и обидь перестоявъ!—гомонила баба.

— Що то пакъ винъ говоривъ? Чы про панщину, чы про щось Боже?—гомонила люде.

— Ать, верзъ щось таке, що й купы не держитесь; ще й на кинци закувикавъ!—говоривъ тытарь.—Богъ зъ нимъ, зъ цимъ непроханимъ попомъ. Нехай соби йиде, звидкиль прыйихавъ!

Громада збиралась коло церкви. Выйшовъ благочынний и почавъ вмовляты, щобъ громада прыйняла нового священика й дала йому кватиру, або сплатыла домъ старого священика.

— Не хочемо, батюшко! Й кватиры не дамо, й не сплатимо ґрунту покойного батюшкы,—загомонила громада,—мы будемо такы домагатысь у владыкы, щобъ Харытинъ бувъ въ насъ за священика.

— Про мене—якъ хочете, а я не маю права зминити, що постановивъ владыка,—сказавъ благочынний,—новый священикъ зостанеться въ васъ на парафії.

— Воля ваша! Нехай зостається, але мы не будемо давати йому помочи.

Благочынний вговорювавъ, вмовлявъ громаду й ничего не вдіявъ. Балабуха зостався до котрого часу въ дякови хати й пересвидчывсь, що йому прыходиться погано. Винъ

хрестывъ, ховавъ, винчавъ, а люде або не платылы йому ничего, або платылы мало, а де-котри навить носылы хрестыты дитей до сусиднихъ съвященькивъ. Громада зновъ нарядыла посланцивъ въ Кывъ до владыкы просыты за Хартытона Масаковського.

Тымъ часомъ Балабуха привизъ у Вильшаныцю й свою жинку. Олеся вбралась у сукню, пишла до церкви й стала попередъ усихъ людей передъ иконостасомъ, а не въ бабынці, де ставалы стари матушки зъ дочкамы. Громада загула.

— Що це воно за пани! Прийшла простоволоса, неначе дивка. Чы надула спидныци, чы намостыла обручивъ пидъ сукню, що така товста; й не поважае громады, й Господа зневажае: выперлась попередъ усихъ людей передъ сами царськи врата, мабуть, щобъ пидъ на неи дывывся, а вона на попа!

— Мы поламаемо на йи ти обручи!—загула громада.— Це якась чы панія, чы полька, чы може якась невира!

Балабуха крутився, крутився й ничего не вдіявъ. Вже винъ и тытаря загожувавъ, и дидивъ загожувавъ, й говорывъ проповіди, котрыхъ ниhto не розумивъ—и все ничего не помогло. Громада стала гопкы проты його. Люде не цилувалы його въ руку, обмыналы на вулицы, а що за все гирше—на давалы йому грошей. Олеся пожила зъ тыждень на черствимъ хлиби въ дякови хати й пойхала въ Хохитву до батька. Балабуха побачывъ, що въ його рукахъ и ключи одъ церкви, й рызы, и кропыло, й кадыло, та тилькы не було чого йнсты. Йому доводилось або голодаты, або шукаты ынчои парафii.

 IV.

Чутка про те, що Балабуха одбивъ Вильшаныцьку парафiiю одъ Моссаковського, швидко дійшла й въ Чайкы до Прокоповычывъ. Якыйсь дякъ бувъ у Вильшаныци, зайихавъ

у Чайки й передавъ звистку Прокоповиччи. Отець Степанъ Прокоповычъ одпочывавъ у пасици. Прокоповычка побигла въ пасику, трохи не поперекидала уликивъ и вскочыла въ катрагу. Прокоповычъ спавъ, лежачы на спыни й роскыдавшы руки й ноги. Прокоповычка вбигла, торкнула чоловика зъ усіеи сылы й крыкнула на всю пасику:

— Чы ты знаешъ, що сталося? Чы ты знаешъ, що діється?

— Га? що? де? Пожежа!—крыкнувъ и соби переляканий Прокоповычъ, схопывшысь и сившы на лавци.

— Чы ты знаешъ, що сталося?—крыкнула ще голоснише Прокоповычка й вдруге штовхнула пидъ бикъ чоловика.

— Що? Церква горыть? Дзвоны на гвалтъ! лизь на дзвынцю!—захрышивъ спросоння Прокоповычъ.

— Лизь уже ты на дзвынцю та дзвоны! Вильшаныця пропала й по цей день!

— Злодін! Хтось укравъ Вильшаныцю! Запрягай кони та доганяй,—пливъ нисенитныцю переляканий спросоння панотець.

— Та перехрыстысь, та прочунийся!—зарепетувала Прокоповычка.—Балабуха одбывъ Вильшаныцьку парафію одъ Харытона Моссаковського. Оце тилькы зайиздывъ до насъ одынъ дякъ та й розсказувавъ намъ про те.

— Та чортъ його беры, колы одбывъ! Про мене нехай пропадае й твоя Вильшаныця, й твій Харытинъ! Тилькы мене перелякала. Я думавъ, що може де-небудь пожежа,—сказавъ Прокоповычъ.

— Отъ тоби на! Отъ тоби й батько! А що жъ теперъ робытыме наша Оныся?—спытала Прокоповычка.

— Про мене, нехай плаче, нехай скаче!—сказавъ Прокоповычъ и зновъ упавъ на лавку, якъ спийъ.

— Та вставай бо, та давай намъ пораду!—крыкнула Прокоповычка й сипнула чоловика такъ, що той трохи не покотывся пидъ лавку й ухопывся обома рукамы за свою жинку.

— Одчепысь, бо якъ дамъ, то й перекинешся!—закрычавъ винъ сердыто, зновъ сившы на лави:—дай мини доспаты, а тамъ крычы хочъ до вечора!

— Вставай! Онъ архыерей прыйихавъ! гукнула Прокоповычка

— Авже жь! пиддурышь! Пиддуры свого батька дурного—сказавъ Прокоповычъ и перекинувся до сътины та й захрипъ.

Жинка вже боялася його зачипаты, бо знала, що винь спросоння бьється. Вона пишла въ хату до Оныси на пораду.

Оныся похожала по съвитлыци та лузала насиння, не наченичого такого страшного й не трапылось. Маты прымытыла байдужный выдь. Йи взяла злисть, що всімъ байдуже про те лыхо, а йи сами прыйшлось бидкатысь за всіхъ.

— Похожай, доню, та насиннячко лузай!—промовыла Прокоповычка ласкаво, але зъ отрутою въ словахъ.

— А що жь маю робыты? Хиба сяду та буду слъозы лыты?—сказала байдужнымъ тономъ Оныся.

— Лучче сядь та плачь!—крыкнула Прокоповычка.

— Я, мамо, не зъ такивськихъ, що плачуть,—сказала Оныся й все соби похожала та насиння лузала.

— Якъ не зъ такивськихъ, то про мене йды замижъ за Карапышанського дяка, бо теперь попадею не будешъ.

— То й пиду! Оце вельке лыхо! Хиба дякъ не чоловікъ.

— Який винь чоловікъ! Будешъ цилу зиму боса ходыты та горщыкомъ воды носыты!

— Абы не диравый горщыкъ, то й носытому,—сказала Оныся, дывлячысь у викно та лузаючы насиння.

— Хиба жь ты думаешъ за його йты замижъ?—крыкнула Прокоповычка.

— Атожъ! А хиба що?

— А те, що винь попомъ у Вильшаныци не буде! А яка жь друга громада выбере такого дурня за попа?

— Харытинъ не дурень. Я його люблю й за його пиду замижъ, хочъ бы я навикы зосталась дячыхою,—сказала Оныся, заглядаючы у викно.

Якбы Оныся не дывылась у викно, а глянула на матирь, то маты може бь стала мякиша й спокійниша. Байдужисть доччына дражныла йи.

— То ты пидешъ за того дяка, за ту чехоню? ба не пидешъ!—крыкнула маты.

— Ба пиду й за чехоню!—тихо сказала Оныся, здержуючы гнівъ.

— Ба не пидешъ, бо мы тебе не оддамо!

— Я й сама пиду! Хиба я маленька, щобъ вы мене оддавалы?

— То мы тобі нічого не дамо. Пидешъ до його хиба пишки въ Карапыши!

— То й пишки пиду, --це мини не заважыть.

— Пху на того дурного дяка! Та винъ же обминявъ сьвятый хлибъ, а до тебе й слова не промовывъ. Ото знайшла розумъ!

— Тымъ винъ мини й сподобався. Якбы въ його бувъ языкъ такой довгий, якъ въ мене, я бъ йому наклала повный визъ гарбузивъ, якъ вашому академыстови. Я й сама наговорю за трьохъ.

— Якъ ты йому не накладешь гарбузивъ, то я йому накладу не то въ визъ, а въ його голову. Бо въ його голова така заврозумнишки, якъ гарбузь.

— И, вже ваше мынуло. Не часъ вамъ гарбузуваты. А я Харьтона люблю й билше ни за кого не пиду замижъ, окримъ його, хочъ бы до мене прыйихало дваццять академыстивъ.

Прокоповычка тяжко зитхнула, хрюпнула дверыма й зновъ побигла въ пасику. Отець Степанъ хрипъ, обернувшы лице до сьтины; тилькы одна брова стремила зъ-за лоба, неначе кинчыкъ котячого хвостыка.

Прокоповычка подывылась, боялась зачипаты чоловика, а тымъ часомъ, пробигавшысь по садку, трохы прохолола й заспокоилась. Вернувшысь до хаты, вона не втерпила й заглянула въ сьвитлицю. Оныся похожала по сьвитлици та все насиння лузала.

— Хто його зна, шо це за люде! Той хропе въ катразя, а ця насиннячко лузае. Нема йимъ дила ни до чого. Сама за всихъ бигай та клопочысь, та й годи,—сказала Прокоповычка вже спокійнице.

— За мене, мамо, не клопочиться. Я сама за себе поклопочусь,— сказала Оныся.

Тилькы що Оныся промовыла ти слова, надвори загавкалы собаки, й заторохтивъ визъ. Оныся ще й у викно не подывылась, а вже впизнала, чый визъ заторохтивъ. Впизнала й Прокоповычка. Моссаковського визъ торохтивъ якось такъ, неначе зубамы клацавъ.

— Хто то прыйихавъ? — спытала маты зъ кимнаты.

— Вгадайте!—обизвалась, не обертаючысь, Оныся.

— Певно Карапышанська чехоня, бо визъ торохтыть якъ розбитый горщыкъ!—сказала зъ злостью Прокоповычка.— Крутись же зъ нымъ, бо я не буду коло його панькатысь.

Но встыгла Прокоповычка сказаты ти слова, якъ двери въ свитлицю одчынылысь, и на порози ставъ Моссаковський въ чорному довгому жупани, въ пасовыхъ чоботяхъ, въ шырокихъ билыхъ выкладчастыхъ комирчыкахъ. Його биле лице ажъ сяло. Сыни очи блыщалы тыхымъ радиснымъ свитомъ. Пидъ його пахвою билила паляныця.

Прокоповычка кынула на Моссаковського черезъ поригъ злымы очыма, прычыныла двери й стала за дверыма.

Моссаковський вглядивъ Онысю середь свитлицы, й на його матовому деликатному лицы розлився легкий румянець. Оныся почувала, що вона злякалась цього тыхого смырного чоловика. Вона чула, якъ у грудяхъ забылось сердце, якъ йи руки й ноги неначе охололы.

— Добры-день вамъ! Зъ недилею будьте здорови!—тыхо сказавъ Моссаковський й поцилувавъ Онысю въ руку.

Оныся нахылылась и поцилувала його въ щоку. Вона почувыла, що кровь разомъ кынулась йи въ лице, а руки й ноги булы холодни, неначе вона держала йихъ въ холодни води.

— Доброго здоровья! Спасыби вамъ! — тыхо обизвалась Оныся.

Моссаковський поклавъ паляныцю на столи, ставъ и руки склавъ на пояси. Оныся попросыла його сисы.

Моссаковський мовчавъ, и Оныся мовчала. Обое навить не съмили подывытысь одно одному въ — вичи. Маты стояла за дверыма й слухала.

— Правдыва чехоня! Не вміе навить зъ дивкою побалакаты й пожартуваты. Мій отець Степанъ не такъ поводывся зо мною, якъ бувъ моимъ женихомъ!

Довго молоди сьдили й мовчали. Оныся знала, що Моссаковський ладенъ мовчаты й до вечора та дывытысь на неи. Вона почувала свою незвычайнисть и просто заговорила про те, що въ йихъ обохъ було на души.

— Вы, Харытоне Петровычу, може думаете, що я не пиду за васъ замижъ писья того, якъ вы втратылы Вильшаныцьку парафію? Не думайте такъ...

— Ни, я... ничего не думаю...—насылу обизывався Моссаковський и сказавъ правду: винъ тоди ничего не думавъ, тильки бувъ ладенъ дывытысь на Онысю хочъ и до вечора.

— Я пиду за васъ замижъ, хочъ бы вы й zostалысь дякомъ въ Карапышахъ,—сьмилыво сказала Оныся.

— Спасыби вамъ, Онысіе Степанивно! Яки вы добри!—обизывався Моссаковський.

Маты за дверыма такъ крутнула головою, що намитка на йии плечахъ настовбурчылась выще одъ головы.

Въ Моссаковського лице нибы засяло, очи забыцалы. Винъ бувъ ладенъ кынутысь Оныси въ ноги, але... й очыма не поворушывъ.

— Я пиду за васъ замижъ, хочъ бы мій панотець и паниматка не прыстали на те,—зновъ сказала Оныся й прытыхъ словахъ скочыла зъ мисья й пересила на стилецъ, котрый стоявъ коло Моссаковського; Моссаковський не выдержавъ, вхопывъ йии руку й поцилувавъ. Оныся цмокнула його въ щоку.

Маты, почувшы цмокання, сипнула дверыма й вскочыла въ хату. Молоди сьдили, спустывши очи додолу. Въ Прокоповычкы очи горылы, якъ жаръ. Вона ажъ зблidlа на выду.

— Оце гарно! Йій Богу, гарно! Я не хочу, щобъ ты, панно, до весилля цмокалась зъ панычамаы.

— Йій Богу, я ни въ чому не выненъ,—тыхо промовывъ Моссаковський, схопившысь зъ сѣтильця й цилуючы Прокоповычку въ руку.

Прокоповычка не знала, що робыты, крутнулась по сѣвитлыци сюды—туды, ажъ намитка на йи затряслася, выскочыла въ садокъ и побигла въ пасику.

— Ваша паниматка на мене чогось сердыться—сказавъ Моссаковський,—воны не оддадутъ васъ за мене.

— Якъ не оддадутъ, то я сама пиду,—сказала Оныся, дывлячысь сердыто на двери въ кимнату.

Воны замовкылы й ждалы старыхъ. якъ кары.

Тымъ часомъ Прокоповычка прыбигла въ пасику. Прокоповычъ вже вставъ и похожавъ по пасици. Жинка накрыла його мокрымъ рядномъ.

— Йды вже до хаты, та говоры зъ тымъ дякомъ. Вже прыйихавъ мабутъ по мою душу!—крыкнула Прокоповычка.

— Отъ и добре, що прыйихавъ: буде зъ кымъ зъ нудьгы по чарци выпыты,—сказавъ Прокоповычъ.

— Тоби тилькы по чарци! ты ладенъ и свою дытыну пропыты! Спыть соби, а я одна клопочусь та бигаю!

-- Вже правда, що розбигалась, якъ курка зъ яйцемъ,—не дала гараздъ и выспатысь. Чого ты прыбигла въ пасику гвалтуваты? Що тамъ трапылось?

— Балабуха одбывъ Вильшаныцю одъ Моссаковского. Выдавай теперъ дочку за дяка!

— А дочка що каже?

— А дочка здурила! Пиды ще ты побалакай зъ нею. Тамъ цилується зъ тымъ дурнымъ дякомъ, и сорома нема дивци.

— Гм... гм... круту кашу заварылы... Треба щось робыты,—промовывъ Прокоповычъ, прямуючы зъ жинкою до хаты.

Тымъ часомъ Моссаковський розсказавъ Овыси, що вильшаныцька громада не прыйняла на парафію Балабухы, и що владыка такы оддавъ йому Вильшаныцю, якъ того ба-

жала громада. Оныся знала, що въ такимъ рази йи стари батьки заразь прохолонуть и засьпивають ынчои.

Прокоповычъ зъ жинкою увійшовъ у сьвитлицю. Моссаковський привитався, поклонився низенько. Прокоповычка сила на канали, надулась, дывылась на сьтину й мовчала. Прокоповычъ одначе бувъ ласковийшый до Моссаковского й, не обертаючысь до жинки, звеливъ Оныси прынести горилки та закускы.

— Та нарижь, Онысю, тїен паляныци, що лежить у хыжци зъ самого верху,—сказала Прокоповычка сердыто.

Оныся осьмихнуласть. Зверху лежала черства паляныця. Оныся наризала сьвижои пухкой паляныци зъ останнього печева й вынесла пляшку зъ горилкою.

Выпылы по чарци. Моссаковський мовчавъ. Прокоповычка мовчала и все дывылась на сьтину. Прокоповычъ пробувавъ розмовляты, але спросоння тилькы позихавъ на весь ротъ. Винъ глянувъ на жинку,—жинка сыдила насупывшысь и не думала рота растуляты.

— Чого це ты, паниматко, такъ пыльно дывысся на сьтину? Чы мухы личышь, чы що?—спытавъ Прокоповычъ у жинки.

Прокоповычка зырнула на чоловика сердытими очыма й почала вже дывытысь на грубу, неначе тамъ була намальована якась дуже гарна картына.

Въ хати зновъ стало тїхо. Прокоповычъ зновъ позихнувъ и перехрестывъ рота. Все мовчало. Прокоповычъ почавъ гниватысь на жинку.

— Одже ты, паниматко, захохалась въ груби. Дывысся та дывысся на неи й очей не зводишь,—зновъ зачипавъ жинку Прокоповычъ.

— Говоры вже ты,—мини нема чого говорыты,—сердыто обизвалась Прокоповычка, не зводячы очей зъ грубы.

Оныся сьміялась не устами, а очыма. Моссаковський дывывся на дилъ.

— Выпыймо ще по чарци! Може зъ чаркы добудемо розмовы,—сказавъ Прокоповычъ до Моссаковского, наливаючы по други.

Выплыли по други, й языки справди заразы розвяза-
лись. Прокоповыч ставь роспытувати Моссаковського про
Вильшаныцю, але здалеки. Винь неначе совистывся пытаты
за те, що Балабуха одбивь одь Моссаковського вильша-
ныцьку парафію. Въ його думци высло трудне пытання, й
винь обмынавь його навкругы.

— Якъ же вы, Харытоне, думаете теперь распорядытысь
собою?—спытавь Прокоповычъ у Моссаковського.

— Мини треба скорыше женытысь, щобъ часомъ зновъ
хтось не одбивь у мене Вильшаныци,—сказавь Моссаковський.

Прокоповычка звела очи зь грубы на двери.

— Якъ же такъ! А Балабуха де дився?—спытавь Проко-
повычъ.

— Балабуха мусивь выйхаты зь Вильшаныци, бо його
громада не прыйняла на парафію. Владыка такы оддавь
мини вильшаныцьку парафію,—одповивь Моссаковський.

Прокоповычка перевела очи зь дверей и вырчыла йныхъ
на Моссаковського. Онысини очи неначе реготались.

— Такы оддавь вамъ парафію?—ажь крыкнувь Прокопо-
вычъ, скочывшы зь мисья.

— Оддавь. Громада настояла на своему. Теперь мини тре-
ба посьпишаты, щобъ парафія зновъ не втикла зь рукъ,—
сказавь Моссаковський.

— Голубчыку, Харытоне! Поздоровляю вась одь щырого
серця!—крыкнувь Прокоповычъ и кынувся обниматы й ци-
луваты Моссаковського.

Прокоповычка й соби знялась зь канапы й кынулась
прожогомъ обниматы та цилуваты Моссаковського. Все стали
весели, говорючи, все говорылы, й ныхто никого не слухавь.
Прокоповычка забигала по хати, вскочыла въ кимнату й
зновъ убигла въ съвитлицю. Оныся сьміялась, затулывшысь
рукавомъ.

— А що, паниматко! Колы поличыла все мухы на сьтени,
то ставь могорычъ. Выносъ наливкы, настойкы, запиканкы!
Давай на стиль пырогы, калачи, маторженыкы, яки маешь.
Давай разомъ полудень и вечерю,—крычавь Прокоповычъ.

Прокоповычка кинулась въ хыжку, въ пекарню, гукнула на наймычокъ. Въ пекарни затопылы въ печи. Закрыкалы пидь ножемъ куры. Наймытъ впіймавъ поросю. Въ свитлицю неначе на крылахъ влетили пляшки зъ налывкамы та настойкамы. Деся узялысь пирогы въ сметани, бублыккы на яйцяхъ, маковныкы, пундыкы. Чарка пишла за чаркою. Оныся вынесла тарилкы зъ горихамаы та фыгамаы. Усимъ стало весело. Моссаковський розговорывся, розчервонився, повеселишавъ. Прокоповычка любенько дывылась на його деликатне зъ румянцямы лице й теперь довидалась, що винъ схожый не на чехоню, а на хохитвянського пана.

— Теперь хочъ и пидь винецъ!—сама прохопылась Прокоповычка, выпывшы чарку запиканкы,—нема намъ чого длатись. Мы теперь зовсимъ обробылысь на поли. Робыты нема чого, а гуляты маемо доволи часу.

— Про мене, хочъ и заразъ,—сказавъ Моссаковський,—справди, нема для чого одкладаты дила!

— Шкода, що вы не прыйихалы зъ братомъ! А мы бь оце поговорылы зъ нымъ, якъ зъ сватомъ,—говорыла Прокоповычка, любенько заглядаючы Моссаковському въ очи.—Мы такы своей дочки не зобидымо: йе въ насъ, хвалыты Бога, й худоба, й кони, й волы, й плугы, й пасика.

— Воно такъ, а все такы краще бь було прывезты зъ собою повитового свата отця Мельхыседека та повитову сваху Марту,—подумавъ соби Моссаковський,—бо стари на словахъ—якъ на цымбалахъ, а на дили—якъ на талалайци.

— И, спасыби вамъ, паниматко! Хто жь не знае про вашу добристь? Про це нема чого й казаты,—сказавъ Моссаковский.

— Якъ станете сьвященикомъ въ Вильшаныци, то опрядить церкву, якъ я свою опорядывъ. Тамъ церква дуже стара, й образы таки, що на ихъ навить ничего вже невидно. Отъ поклычте мого маляра! Винъ вамъ такъ обмалюе церкву, що вы тилькы очи вытрищыте!—радивъ Прокоповычъ.

— Покличу, отець Степанъ, и звелю йому намалюваты таку саму Неопалыму Купыну, якъ у ваши церкви.

— И страшный судъ намалюйте,—въ вильшаныцьки церкви нема навить страшного суда.

— Буде й страшный судъ, ще й у пекли звелю намалюваты богуславського станового та канивського столоначалныка.

— Невже!—крыкнувъ Прокоповычъ.—Отамъ йихъ, проклятушыхъ, намалюйте. Тамъ йимъ уготоване місце!

— Та не забудьте й Балабуху тамъ намалюваты зъ його губою,—крыкнула Оныся, поглядаючи скося на матирь.

— Звелю намалюваты й Балабуху въ пекли, бо винъ того вартый,—сказавъ Моссаковський, осьмихаючысь.

— Та ще звелить почепыты йому черезъ плечи на мотузку зо два гарбузы,—глузувала Оныся.

— Говоры бо, дочко, та й миру знай! Де жъ ты бачыла на образахъ гарбузы? Ще що выгадай!—сердыто обизвалася Прокоповычка.

Оныся схаменулась, замовкла й трохы злякалась, чы не сказала вона часомъ чого дуже гришного.

— Чарка ходыла зъ рукъ въ руки. Пляшкы спорожнялись. И гость, и господарь зъ господынею все полуднували, помы не посьпила вечеря. Прокоповычка почала застеляты стиль и готуваты вечерю.

— Оце жъ я наварыла й напекла, та не буде кому вечеряты,—сказала Прокоповычка.—Колыбъ Господь прынисъ якыхъ гостей, або що.

— Правду кажешъ, паниматко! якбы Господь пославъ гостей, то все бъ такы бялше злылось и выпылось въ кумпаніи,—сказавъ Прокоповычъ.—Чы не послаты бъ поблызу въ Сухолисы, або въ Черкасы, та попросыты батюшокъ та матушокъ.

— Та вже, тату, затога й сонце зайде. Тамъ мабутъ и спаты вже лагодяться,—обизвалася Оныся.

Ще не подалы на стиль вечери, якъ двери рыпнулы, й въ свитлицю увійшовъ съвященыкъ, старший Харытонывъ братъ.

— Десь Господь послухавъ моеи молитвы й прынісь васъ неначе на крылахъ!—крыкнувъ Прокоповычъ и кынувся обниматы та цилуваты гостя.

Прокоповычка кынулася до гостя й нібы почепылася на його шыи. Оныся циловала його руки, а Харытинъ за гуртомъ кынувся й соби цилуватысь зъ братомъ, неначе не бачывся зъ нымъ пивъ сотни рокивъ. Уси стали ще веселиши. Все говорылы, галасувалы на всю хату, не знали, де сеты, де статы.

— Теперь моя вечера не пропаде!—сказала Прокоповычка й побигла въ пекарню.

Незабаромъ на столи зъявылася цила купа наризанон паляныци та пирогивъ, пляшкы та чаркы. Середъ стола въ мысьци простяглося печене порося зъ хриномъ въ зубахъ, якъ на Велькдень. Прокоповычка обстелыла край стола рушныкамы, щобъ утераты губы й руки. Все силы за стилъ, выпылы по чарци настойкы й такъ тернулы порося, що одъ його швыдко zostалысь тилькы кисточки. Письля поросяты наймычка прынесла саятырку смаженихъ курчатъ. Й курчята десь дилысь, неначе полетилы на сидало. За курмы прылетилы на стилъ печени качкы, начыняни яблукамы,— й качкы неначе пирнулы пидъ воду. За качкамы выскочылы зъ кимнаты шулыкы зъ макомъ та зъ медомъ,— и шулыкы счезлы. Налывка зъ пляшокъ неначе ввиходыла въ стилъ, и ввиходыла дуже швыдко.

— Ну, господине, помы ще наши языки повертаються въ роти, поговорымо по-Божому за весилля. Колы намъ справляты весилля?—спытавъ Прокоповычъ.

— Воля ваша, отецъ Степанъ,—одказавъ Моссаковський,— а на мою думку весилля нема чого одкладаты.

— А вже жъ, нема чого одкладаты,—сказала й Прокоповычка:—часъ сухой, теплый, погожий, надвори годына. Въ насъ усього, хвалыты Бога, доволи. Та ще колыбъ часомъ зновъ парафія не втикла...

— О, вже не втече!—обиззався Харытонивъ братъ.—Мы

вже прыпялы йїи добрымъ налыгачемъ. Другый Балабуха не швыдко найдеться.

— Хто його знае... колыбъ часомъ громада не передумала,—Прыкынула Прокоповычка, скоса поглядаючы на Харытонового брата, котрый и самъ бувъ бы радый, щобъ парафія зирнула зъ Харытоновой гнuzдечкы та втикла до його.

— А давайте справымо весилля черезъ тыждень въ недилю!—сказавъ Прокоповычъ.

— Про мене й въ недилю. Въ субботу спечемо коровай та шышкы, а въ недилю й до винця,—сказала Прокоповычка, поправляючы на голови очипокъ та намитку.

Вечеря скинчылась. Уси встали з-за стола, обернулысь до образивъ и заспывали. Старший Моссаковський провозгласывъ „многая лита“ господареви, потимъ господини й молодымъ. Уси засьпывали „многая лита.“ Въ съвиглыци стало душно. Прокоповычъ поодчинявъ уси викна. Въ хату польлась тонка прохолода сухой теплои осини. Зори пышно блыщали надъ садкомъ на темному, ажъ чорному, неби. Вси посидали й тилькы соплы та обтералы цитъ зъ лыпя. Розмова не клеилась. Вси жмурылы очи. Прокоповычъ позихнувъ на всю хату, за нымъ позихнувъ старший Моссаковський, а потимъ позихнула тоненько въ рукавъ и Прокоповычка. Тилькы молоди не позихали въ куточку. Оныся все щebetала Харытонови, якъ Балабуха прыйиздывъ свататы йїи, якъ вона наклала йому въ визъ гарбузивъ. Харытинъ тыхо сьміявся й не зводывъ очей зъ йїи маленькыхъ повныхъ усть, котри мыготилы й ворущылысь—и зъ-пидъ котрыхъ блыщали дрибни били зубкы.

— Теперь хочъ и додому,—сказавъ старший Моссаковський.

— Та зостаньтесъ ночуваты,—просывъ Прокоповычъ, соваючысь на стильци,—ничъ темна, а вамъ треба перейздыты черезъ Рось. Бороны Боже, якои напасты!...

Прокоповычка мовчала. Йїи здавалось, що за ничъ парафія втече одъ Харытона, якъ винъ не пойиде ночуваты въ Вильшаныцю.

Моссаковський вставъ и почавъ прощатся. За нимъ вставъ и Харытонъ. Гости роспрощались.

— Выпьемъ жъ на дорогу, щобъ колеса пидмазаты,—проставъ Прокоповычъ, наливаючи по чарци.

Выпылы до колись.

— Выпьемъ жъ и по други, щобъ вашимъ конямъ було веселише бигты,—зновъ прыпрошувавъ Прокоповычъ.

Выпылы и до коней и выпровадылы гостей на ганокъ зъ свичкамы, пляшкамы та чаркамы. На ганку ще выпылы, щобъ дорога стлалася скатертю. Прокоповычъ поклыкавъ погоничивъ и почаствувавъ йихъ, щобъ вони часомъ не перекынули гостей. Вже була глупа ничъ, якъ гости рушылы зъ двору. По тыхому, нибы мертвому сели голосно заторохтили возы, й той гукъ замеръ десь глыбоко внызу надъ Россю.

— А що, мамо, чы буду я соломою топыты та горшкомъ воду носыты?—спытала Оныся.

— О, теперь, паниматко, вже не бигай, якъ курка зъ яйцемъ, та не буды мене, якъ я буду одпочываты въ пасици.

— Съмійтесъ, съмійтесъ зъ матери, а маты теперь натапцюется, помы ще й весилля настане.

— Танцюй, враже, якъ панъ каже!—жартувавъ Прокоповычъ.—А добрый чоловикъ оцей Харытинъ, та такый тыхый, та любыть образы, ще й добру гортанъ мае. Шкода тилькы, що не басъ!

Черезъ тыждень въ субботу въ пекарни панотця Прокоповыча писля раннього обиды молодыцы распочалы бгаты коровай та шышкы. Прокоповычка поклыкала зъ села заможнишыхъ хазайокъ.

Прыйхалы матушкы, родычки Прокоповычови. Молодыцы поставылы середъ пекарни два столы, помылы по ликти руки, стали кругомъ стола й выкынули зъ ночовъ тисто. Тытарка почала дуже тонесенькымъ голосомъ писняи до короваю:

Съвиты, Боже, зъ раю
 До нашого короваю,
 Щобъ було виднесенько
 Краята дрибнесенько!

За тытаркою засьпивали молодыци й матушки. Руки кругомъ стола завешталысь, заворушылысь. Голи ликти дрыжалы, ворушылысь, зачипалы одынь другого, стукалысь одынь объ другый. Били й чорни руки бигалы по тисти, вироблялы шышкы, выкачувалы, роскачувалы довги качалочки, росплискувалы, выризувалы зубчыкамы. Одни руки скручувалы зубчасти качалкы въ шышкы, други липылы голубы, трети налиплювалы йимъ зъ чернушкы очи, выризувалы зубчыкамы пояскы на вершокъ короваю. На другому столи убиралы шышкамы та голубкамы здоровый та довгый коровай, обтыкалы його мындалемъ та родзынкамы. Письня сьпивалась за письнею. Други молодыци мисылы дижу та тисто на паляныци въ здоровыхъ ночовахъ. Де-котри поралысь коло печи. Огонь въ печи палавъ; полумя гуло та трицало. Молодыци жартувалы, докладалы одна други, зновъ сьпивалы, то переставалы, то зновъ починали: „Съвиты, Боже, зъ раю до нашого короваю!“

А сьвитыты не дуже було треба, бо стоявъ чудовый, ясный осинний день, яки бувають передъ Покровою. Въ викно лылося веселе тепле сонце. Пекарня була залыта такимъ яснымъ сьвитомъ, що полумя въ печи тилькы червонило, буцимъ намальоване на полотни.

Молодыци вкрылы увесь пиль и лежанку шышкамы, повыроблювалы паляныци. Коровай поклалы на вици одъ дижы й облипылы вико навкругы восковымы сьвичечкамы, на котрыхъ ледви було прымитно били плямы огню. Зъ печи выгреблы жарь.

Поклалы на прыпичокъ дви лопати й зъ письнямы по неслы на вици середъ сьвичокъ коровай, прысьпивуючы до печи, якъ до живои людыны: „пече наша, пече, спечы намъ коровай грече!“

Посадившы коровай та шишки въ пичь, молодыци помылы руки, застлалы столы скатертями. Въ пекарню увійшла Прокоповычка й Оныся й вынесли пляшки зъ горилкою та полудень. Оныся подякувала молодыцямъ и почастивала усихъ зъ своихъ рукъ. Молодыци прылипылы на дни джижы съвичкы, посьвитылы йихъ, накрылы викомъ, стали въ кружокъ, пиднялы джжу на рукахъ вгору, трычи обкрутылысь зъ джжою й стукнули нею по-трычи за кожнымъ разомъ въ сволокъ. Все, що було въ хати, засьпывало. Засьпывалы навить стари бабы, згадуючы ги давни часы, колы ще воны были молодымы, якъ для йихъ колысь бгалы коровай. Фылы съпививъ залылы пекарню, розлягалысь по съвитлыци й черезъ одчыняни двери й викна лылысь по сели.

... Покры коровай пикся, молодыци пылы, полуднувалы, докоталы та пресьпывувалы до короваю, щобъ винъ и выпикся, й вырись вгору, якъ гора. Вже передъ вечеромъ вийнялы зъ печи коровай, котрый и справди дуже вдався. Ще разъ засьпывалы молодыци й розійшыся по хатахъ, несучы кожна въ рукахъ весильну шишку на гостынець дятмъ.

Тымъ часомъ якъ молодыци бгалы коровай, Прокоповычъ опоряджувавъ клуню. Хаты были не велики, а гостей мало найхаты багато. Наймыты вынесли снопы зъ засторонкивъ, чысто вымелы всю клуню, вбылы тикъ, полылы водою. Сътины позавишувалы кылымамы, ряднамы, простырядламы, обтяглы шматкамы небияного полотна. Въ одному засторонку поставылы столы й ослоны для музыкъ, въ другому поставылы довги рядкы столивъ для гостей. По обыдва бокры току повбывалы килки, а на килкахъ повишалы лихтари, щобъ съвить падавъ на тикъ, де мала танцюваты молода зъ дружкамы. Въ тытареви хати патралы птыцю та поросята, а на городи смалылы кабана. Прокоповычъ прывизъ зъ Богуслава добре барыло горилкы. Прокоповычка повыточувала зъ барылець уси наливкы, яки были въ неи въ льоху, наварыла варенухы, медивъ. Скризь кыпила робота, скризь ворущылысь люде. Молодыци пеклы, смажылы, ва-

рылы, та зновъ смажылы. Вже въ глузу ничъ, уси, дуже по-томляни, полягали спаты.

Въ неділю раненько Оныся прокынулась переднише за всіхъ. Їїи не спалось, хочъ надвори тилькы що розвиднювалось. Вона встала, нахнула жупанъ и выйшла въ садокъ. Въ цілому доми вси ще спали писья великои вчорашньої праці та биганыны. Скризь було тихо. Въ сели десь далеко було чути, якъ сьпивали пивни та ревлы коровы. Оныся пишла стежкою по-надъ самою горою. Небо сьнило, якъ шыроке шатро, й вкрывало тыху, сонну землю. Вызу дримала вода въ Роси й тихо лыснила проты червоного неба. За Россю на подилили, на ривныни неначе спавъ густый дубовый лисъ. Садокъ на гори, високи береги Роси, вкрити лисамы, неначе думу думалы, дывлячысь на Рось, на густый лисъ, на червоне небо надъ лисомъ. Густа осиння роса ажъ додолу гнула ще зовсимъ зелений листъ на дереви. Надвори нибы ще стояло лито, й тилькы половына пожовклого лысту на шовковыцяхъ блыщала, нибы наведяна золотомъ, и нагадувала, що вже мынуло лито,

Оныся кынула очыма на садокъ, на густы лисы, на Рось, на густы купы чорнобрывцивъ та гвоздыкивъ, згадала, що вона сьогодни винчається, й почувала, що їїи серце взявъ тыхый жалъ. Їїи стало жалко й садка, й Роси, й батьковои хаты. Вона повела очыма на шыроки поля та луку за Россю, де мрилы въ Вильшаныци вербы та груши, й почувала, що їїи серце заворушылось одъ радощивъ.

— „Тамъ я буду господынею, матыму свое господарство, свою худобу.... Тамъ мое царство й паньство!“—подумала Оныся й почувыла, що їїи душа заграла. Вона гордо пидняла голову й ще разъ кынула очыма на шыроку-шыроку, пышну картину за Россю й навить не прымитыла, якъ з-за густого лиса выкотылось пышне сонце, обыте короткымъ червонимъ, огнястымъ проминнямъ, и пронызало кучеряви важки верхы дубивъ.—Тамъ мое царство й паньство! Тамъ я буду господынею!—подумала Оныся, й спокійна та горда вернулась до хаты.

— А що, дочко! Часъ тоби убиратись до винця. Затого задзвонять на утреню,—сказала маты, зостричаючи Онысю въ ганку.

Ще не встыгла Оныся вмытысь, въ хату попрыбигали вже убрани въ квиткы та стричкы дружкы, дочки багатыхъ господаривъ на сели. Дивчата заплели Оныси косы, поклалы на голову стричкы, заквиччали всю голову квиткамы, надила червоне товсте намысто зъ золотымы дучацамы. Оныся надила дорогу плахту, заткану жовтымъ та билимъ шовкомъ, одяглась въ ясно-сыню юбку зъ срибнымы квиткамы, вбулась въ червони черевыкы й взяла въ руку вышываный рушныкъ. Задзвонили въ дзвинъ, и Оныся зъ дружкамы пишла до церкви.

Незабаромъ прыйхавъ Моссаковський зъ боярамы, а за нимъ почалы зийджатись його близькы родычи. Молоди запрычастылысь и по давньому звичаю, писля службы повинчалысь. Вони выйшли зъ церкви, а за ными сълишкомъ рушылы вси люде зъ церкви й залылы улыцю. Коло кожного двору въ варотяхъ стоялы застеляни столы, а на каждому столи лежавъ хлибъ и дрибокъ солы. Кожный господарь поздоровлявъ молодыхъ зъ хлибомъ та силлю. Прокоповычка стриала молодыхъ на ганку, де стоявъ застеляный стиль и лежавъ хлибъ та силъ; вона поблагословила молодыхъ хлибомъ, и одна родычка обыспала ихъ вивсомъ, пшеницею, по-половыни зъ миднымы та дрибнымы срибнымы гришмы. Дитвора кынулась ловыты гроши, лазыла по земли, хапалась, штовхалась, пхалась. Де-котри хлопци почалы бытысь. Пиднявся шумъ та галась. Сонце ясно сяло по головахъ дивчатъ та молодыць, по чорныхъ головахъ чоловикивъ та парубкивъ, котри ворушылысь по двори та кругомъ ганку, докы молоди пишли въ съвитлыцю й силы за стиль обидаты.

По обиди почалы зийджатись на весиля гости. Найхало багато сусидъ. Прыйхавъ и отецъ Мельхыседекъ зъ Мартою. Середъ съвитлыци поставылы довгий стиль; на столы поставылы соснове гильце, поклалы коровай, убраный сухозлиткою, поклалы шышкы. Дружкы заквиччали гильце

калыною та пучечками зъ колоскивъ вивса. Онысю посадылы на посади, а за столомъ посидалы дружкы, дочки съвященныкывъ и господаривъ зъ села. Дружкы съпивалы пьсьни. Вже сонце стало звертаты на вечиръ, якъ Онысю вывели зъ посаду, й вона пишла зъ дружками танцюваты въ клюню. Музыкы силы въ одному засторонку, въ другому посидалы довги рядкы гостей кругомъ столовъ, де стоялы всяки закускы та напыткы. Середь клуни дружкы почалы танци. Коло обохъ шырокихъ дверей товпылась велька сыла народу зъ цилого села. Багатиши господари зъ села зъ жинками сьидлы за столами. Матушкы булы перемишани зъ молодыцями й тилькы одризнялысь одъ йихъ билишыми намитками, товщымъ намыстомъ зъ золотымы дукачамы та парчевымы жупанамы.

Сонце зайшло. Въ клуни посьвитылы съвичкы та лихтари, а музыкы все гралы, а дивчата зъ панычамы танцювалы. На столы почалы подаваты вечерю. Чарка ходыла кругомъ столивъ безъ перестану. Де-котри гости не выдержалы справы, повставалы з-за столивъ и пишлы въ повитку на сино спаты. Але вси въ той день булы ще звычайненьки. Стари держалысь и не дуже напивалысь, докы на весилли гулялы панны та панычи, — йихъ день бувъ въ понедилокъ. Тилькы въ глупу пивничъ все затыхло. Стари полягалы спаты: хто такы въ клуни, хто въ повитци. Матушкы розийшлысь спаты по хатахъ по сели.

Въ понедилокъ раненько попрокыдалысь гости й балакалы, лежачы въ клуни на сини.

— А що, отець Мельхыседекъ, чы шумыть въ голови пьсьля вчорашняго весилля?—спытавъ Прокоповичъ, торкаючы лнкетемъ свого сусида.

— Въ мене така голова, що одъ одного дня не зашумыть,—сказавъ отець Мельхыседекъ, потягаючысь пидъ кожухомъ,—може зашумыть ажъ сьогодни ввечери. А въ тебе, отець Степанъ, шумыть?

— Шумыть, але мабутъ одъ музыкъ, бо щось не дуже хочеться солоныхъ огиркивъ. Сказаты правду, нема пьсьля

чого й похмелятись. Але часъ уже молодыхъ скривати!— А чого це вы й доси лежите? Вставайте, та будемо мерщи скривати молодыхъ, бо вже по чарци хочеться,—крыкнувъ Прокоповичъ на гостей.

Гости ворущылысь, позихалы, потягалысь, але ниhto не квапывся вставаты Ранокъ бувъ тихый, але холодненький, — такъ гарно було вылежуватись на мякому сини пидъ теплымы укываламы.

— Та й ледачи жъ зъ васъ люде! крыкнувъ отецъ Мельхыседекъ,—нема на васъ моеи жинкы, вона бъ оце дала вамъ доброй прочуханкы. А докы вы качатыметесь? А де мій дрючокъ?

Отець Мельхыседекъ скочывъ зъ мисця й кынувся стягаты зъ гостей усякы укывала. Охвачени холодомъ, гости позскакувалы й хапалысь за кожухы. Мельхыседекъ позабравъ кожухы й выкынувъ йихъ за клуню. Гости заворущылысь, повставалы.

Тымъ часомъ Прокоповычка зъ свашкамы прыбрала Онысю, накынула йи на голову хустку, й усе гости пишы зъ молодымы до церквы. Музыкы йшы за молодымы й гралы до самого цвынтаря. Молодыхъ скрылы й повелы зъ музыкамы въ хату. Онысю завертили въ намитку й повелы въ клуню до сьниданку. Зновъ въ засторонку понакрывалы столы. Гости обсиы столы навкругы. Музыкы сиы въ другому засторонку. Почалося сьнидання. Въ той часъ въ двиръ понаходылы зъ села прыданкы та господари. Молодыци неслы въ рукахъ даровызну: хто дарувавъ курку, обыкану калыною, хто гуску, хто порося, хто бычка, хто тельцю, хто обицявъ на даровызну мишокъ пашни, уликы бджиль Деяки молодыци прыносиы суюи полотна, пивмиткы, клубкы. Клуны сповнылась народомъ. „Князя й княгыню!“ пишыля подякы за „дары,“ посадылы за стиль. Прыданкы засьпивалы й пишы въ танецъ. Почалося друге, старече весилля. Коло обохъ ворить клуны зновъ обступылы люде, неначе йихъ обсивъ рій бджиль. Господари зъ села зъ жинкамы сидалы за столы поплить зъ сьвященикамы та матушкамы. Вже

сонце високо підбылось вгору, а гости сьидили та все сьнидали до самого обіда. Выпылы барыло горилкы й послали по друге. Прокоповычка повыточувала вси наливкы, а гости ще не були п'яни.

Тилькы що музыкы перестали граты, а молодыци й матушкы танцювати, вь клуню ввійшли якись дви жыдивкы й одынъ жыдъ. Одна жыдивка несла повный кошыкъ курей; друга несла вь одни руци кошыкъ зъ яйцямы, вь други держала за ноги дви качкы. Жыдъ державъ за ноги вь обохъ рукахъ по два пивни й ще перекинувъ два пивни черезъ плече, звязавшы йихъ ногамы. Жыды попростували до того стола, де сьидили молоди, Прокоповычъ зъ жинкою та отець Мельхыседекъ. Одна жыдивка була убрана вь парчеви наушныкы, обшты бисеромъ та стеклярусомъ. Наушныкы стремили на лоби, неначе дви здорови цыбули на чорныхъ начосахъ зъ плысу, котри закрывали обголяну голову. Вона прыступыла до о. Мельхыседека.

— Добры-день, паноченьку! Поздоровляю васъ зъ весиллямъ вашои дочкы. Дай Боже Вамъ и ваши дочпи щастя й здоровя. Мы оце йдемо на ярмарокъ вь Богуславъ, та почувы, що вь васъ весилля. Чы нетреба вамъ курочокъ? Вь мене кұры гладкы, якъ печи. Отъ нате покоштуйте, яки добри!—говорила жыдивка до о. Мельхыседека й вытягла зъ кошыка одну курку, перекинула йи догоры ногамы й тыкнула о. Мельхыседекови трохы не вь бороду.

— Чы сказылась жыдивка! Тыче минн сыру курку вь зубы! Понесы своему Лейби, нехай покуштуе, яка вона на смакъ!

— Якъ не хочете цїен, то визьмить оцю. Це ще гладча. Я мисяць сама запыхала йи кукурузою,—сказала жыдивка й тыкнула о. Мельхыседекови другою куркою трохы не пидь самисинькый нисъ.

— Олчепысь ты къ нечыстому! Минн нетреба твоихъ курей!

— Якъ же нетреба. Я знаю, що треба. Выдаете таку доню, таку гарну, якъ сонце, а курей нетреба. Де вже пакъ

нетреба. Я выдала свою дочку въ Билу-Церкву, то знаю, що треба. Може визьмете пивнивъ.

Жыдъ зъ пейсамы, въ панчохахъ та патынкахъ прыступивъ до о. Мельхыседека й тыкнувъ йому хвостомъ пивня въ руки.

— Пишовъ геть икъ нечыстому! Не знаешъ, котрымъ бокомъ показуваты курей.

— Може визьмете ячюк!—говорила друга жыдивка:—я знаю, що вамъ треба *гугиля* на весилля. Я недавно ожевила свого Мошка.

— Якого це чорта вы напали на мене зъ курмы! Я не господарь!—одмахувався Мельхыседекъ.

Жыдъ прыступивъ до Прокоповыча й перевертавъ передъ нымъ пивня на вси боки. Жыдивка показувала куры Оныси, Прокоповычци й Моссаковському. Жыдивка въ наушныкахъ зновъ прылыпла до отця Мельхыседека, тыкала йому въ лице куркою, а дали почала його нецеремонно смыкаты за рясу. О. Мельхыседекъ розсердився.

— А ты, проклятуца! Якъ ты сьміешъ смыкаты мене за рясу! Геть пишла къ нечыстому зъ своимы курмы до свого Лейбы!

— На що мини йты до Лейбы, колы я васъ, Господы, якъ люблю. Нехай вамъ Богъ дасть здоровья. На що мини йты до Лейбы, колы я теперъ коло свого Лейбы,—сказала жыдивка й кинулась обниматы Мельхыседека. Мельхыседекъ схопився зъ мисця й прыхнувъ, якъ той кить, що понюхавъ табаки. Въ клуни пиднявся регить. Жыдивки не вытерпили й зареготалысь.

— Чы це ты не впизнавъ мене? а хйба жъ я тебе не люблю?

Мельхыседекъ вытрищывъ очи: винъ вже добре выпывъ, и теперъ тилькы по голосу впизнавъ свою жинку Марту. Передъ нымъ стояла справдишня жыдивка въ наушныкахъ, въ пльсовыхъ начосахъ, въ старенькому капоти, зъ однимъ спущенымъ рукавомъ, въ старыхъ патынкахъ.

Марта такъ зминыла голосъ, такъ умила въ розмови поредражняваты жыдивокъ, що йи ни на який спосибъ не-можна було впизнаты. Вона ще до того поробыла сажею товсти довги бровы, понатырала тертымъ угиллямъ щокы такъ, що здавалася старою й довгообразою. За жыда вбрався одинъ академысть, а за другу жыдивку—одна прыйизжа дячыха.

Въ клуни пиднявся сьмихъ та гоминь. Жыдивъ упизнали, але йихъ роли ще не скинчылысь. Жыдъ звеливъ музыкамъ граты жыдивськый танецъ. Перебрани жыды пишы танцюваты по-жыдивськый зъ курмы въ рукахъ. Жыдивкы почалы фигуруваты одна проты другою тыхо, плавко, поводячы станомъ та рукамы, якъ ынційськи баядеркы. Жыдъ ходивъ одъ одной до другою й граціозно то заглядавъ йимъ въ вичи, то оглядавъ ззаду. Музыкы заграли швыдкои, Жыды почалы пидскакуваты заразомъ на обохъ ногахъ, але не разомъ, а одно за другимъ, неначе ступы въ млыни, ще й штовхалысь спынамы. Жыдъ пиднявъ пивнивъ вгору. Пивни запыркалы. Картына була така сьмишна, що въ клуни пиднявся не сьмихъ, а гвалть. Зъ хаты позбигалысь дывытысь на комедію уси слугы, погонычи. Натишывши компанію, жыдъ подавъ своимъ дамамъ стильци й, обережненько взяшы йихъ по-пидъ руки, неначе не посадивъ, а поодносывъ йихъ на стильци. Жыдивкы взялы въ руки по курци й обмахувалы хвостамы свои гарячи лыця. Натишывши компанію, перебрани жыды повтикалы въ хату.

Гости сьнидалы до самого обиды й выпылы вельку сылу горилкы та наливкы. Одначе нихто не бувъ ще паний. О-пивдни Прокоповычка звелила подаваты обидъ. За обидомъ чарка ходыла кругомъ столивъ, одъ одного краю до другого, й покы вона доходыла на старе мисце, хмиль вылитавъ зъ головъ гостей. Гости скинчылы кабана, зылы половыну бычка, пойылы вельку сылу курей, безличъ качокъ та ындыкивъ. Подалы солодки потравы; маковныкы, шулыкы, хрусты. Господарь обернувся до жинкы:

— А що, паниматко! чы немає въ тебе чого мицнишого одь ціей гиркои? Шось горилка не дуже бѣе въ голову,—тягнешь, тягнешь, а въ голови все такы не шумыть. Ты бѣ зварыла намъ варенухы, сказавъ Прокоповычъ до жинкы.

— Я вже й зварыла—й твого загаду не ждала,—сказала Прокоповычка.

Прокоповычка послала въ пекарню молодыць. Молодыци принесли два горшкы варенухы. Въ клуни пишовъ духъ вареной горилкы, меду, перцю та усякого кориння. Гости ажъ облызувались. Прокоповычка поналывала варенухою чашкы та здорови чаркы. Важкый духъ перцю зъ медомъ дійшовъ ажъ до другого засторонка до жывивъ-музыкъ. Жыдкы загерготалы й зацмокалы языкамы. Батюшкы дражнылысь зъ нымы черезъ тикъ, показуючы чашкы зъ варенухою.

— Ну, отецъ Мельхыседекъ! Теперь начувайся. Письля ціей варенухы пидешь и ты у танець,—сѣмйався Прокоповычъ.

— А ну, спробую цього ведмедя, чы потимъ пиду въ танець, чы й нигъ не пидведу,—сказавъ Мельхыседекъ.

Тымъ часомъ якъ гости пылы варенуху, въ двирь увійшли цыганы й попростувалы до клуни. За нымы гналась цила тичка собакъ. Попереду йшли два плащувати цыганкы, закутани одь головы до нигъ въ якесь сыне та биле дрантя. Въ одніей за спыною въ торби телипалась дытына й насылу выглядала зъ шматкивъ дрантя. Цыганкы були обвишаны щиткамы та пучкамы веретенъ. Здоровый, чорный, распатланый цыганъ ледви выглядавъ зъ купы решеть, сытивъ та пидсыткивъ. Цыганкы прыступылы до гостей и показувалы свои щиткы та веретена. Цыганъ совавъ матушкыкъ решета й сыта та выхвалювавъ свій крамъ. Одна цыганка прыступыла до Оныси, взяла йи за руку й почала ворожыты.

— А поздоровъ тебе Боже! Дай тоби викъ довгый! Ожъ дай свою билу ручку, я тоби всю правду скажу. Ты щаслыва и вродлыва, будешь жыты симдесять рокивъ, будешь маты двадцатеро дитей кучерявыхъ, гарныхъ та чорныхъ,

якъ сьвята земля. Поклады бидни цыганци на руку золотого, я тоби ще билше правды скажу.

Оныся поклала цыганци на руку золотого.

— Спасыби тоби, молода пани! Богъ тебе благословить. Будешъ маты трыдцятеро сандулыкывъ, будешъ жыты сто рокивъ, та ще не помрешъ. Ты будешъ головою въ доми, будешъ верховодыты надъ панами, надъ жыдамы. Твои сандулыки будутъ кучеряви, та гарни, та чорни, якъ сажа. Ты будешъ багата, якъ сьвята земля. Поклады ще золотого, й ты николы не вмрешъ....

Гости засьміялись. Письля комедіи жыдивъ вже трудно було пиддурыты гостей. Все впизналы двоухъ дячыхъ та чорного окатого богуславського дяка. Музыки загралы. Цыганъ повивъ цыганокъ у танецъ. Цыганки почалы дыкый танецъ, пиднималы руки вгору, крутылись на одному мисьци, тряслысь, якъ въ пропасниці, позадыравшы головы вгору. Цыганъ пидскакувавъ халяндры й такъ немьлосердно бывъ себе пятамы въ задъ, що на йому ажъ решета стукотилы. Письля танцивъ цыганы безъ церемоніи попросылы соби варенухы, силы за столами мижъ гостымы й ще довго брехалы та ворожылы матушкамъ та батюшкамъ та верзлы всяку нисенитныцю.

Вже сонце стало на вечирньому пружи, а обидъ тягся до полудня. Прыданки засьпывалы:

А все тута не по-нашому,

А все тута та по-вашому!

А сьнидання до обидання,

Обидання ажъ до полудня,

А полудень ажъ до вечери,

А вечеря ажъ о-пивночи!

Варенуха розвеселыла гостей, але не впоила.

Матушки й молодыци розсьпывалысь, а дали пишлы въ танецъ. До самого вечора вони сьпывалы й танцювалы, докы не наставъ часъ вечераты. Зновъ молодыци понаставлялы на стиль усякои стравы, й холодцю, й мнышыкивъ; зновъ десъ набралысь печени куры, гусы; зновъ прынеслы варе-

ныкивъ у сметани та всякихъ пундыкивъ; безкинешныкъ-чарка такъ само ходыла кругомъ стола. Погулявши та потанцювавши, гости зновъ силы за столы.

Тилькы що скинчылы вечерю, якъ пидь однимъ столомъ щось страшенно заревло та загарчало. Гости подумалы, що пидь стилъ влизла собака, й не звернули увагы. Але чезъ хвылыну зновъ щось заревло страшнымъ голосомъ и вхопыло Мельхыседека за ногу. Мельхыседекъ почутывъ, що въ його ногу вчепылысь мицни зубы, скочывъ зъ мисця й крикнувъ. Гости замовкылы. Колы це зъ-пидь стола вынырнула страшна, чорна, зъ рогамы голова й лягла мордою на стилъ. Рогы булы волячи, морда чорнила, якъ сажа, зубы й билкы очей билилы. Голова загарчала. Все крикнулы. Въ одну мить зъ-пидь стола выскочывъ якыйсь зъвиръ, скочывъ на стилъ и ставъ на чотырцохъ ногахъ.

Постать була схожа на ведмедя, обросла довгою шерстю. На голови стремилы волячи рогы. Кругомъ шыи высылы довги чорни косы, неначе у лева. Чорна морда сердыто мыгала очыма й выщиряла били зубы та ревла, якъ ведмидь. Ефектъ бувъ великый. Середъ ночи, писья важкои варенухы, пры свичкахъ, ведмидь и справди такы налякавъ гостей. Все жажнулысь знехотя. Дамы завыщалы. Жыды пересталы граты. Зъвиръ повернувся двичи на столи, заривъ, скочывъ зъ стола й кынувся черезъ тикъ въ другый застононокъ на жыдивъ. Жыды покыдалы скрыпки, пиднялы гвалтъ и простягылысь втикаты. Ведмидь погнався за однимъ жыдкомъ, впіймавъ його зубамы та давай смыкати та рваты. „Ой, вей! ой, гвалтъ! ой, вей!“ крычавъ боязкый жыдокъ, знестямкы тикаючы зъ усїен сылы черезъ тикъ. Ведмидь пиднявся на ноги, жыдокъ беркыцнувъ на тикъ.

— Чого ты, дурный, злякався? Та це я!—крыкнувъ чайкывскый дякъ, перебраный за ведмедя.

— Ой, вей миръ! Ой, вей Господы!—чуты було по всеи клуни, де розсыпалысь перелякани жыды. Ведмидь взявъ лапамы жыда за плечи й пидвивъ його. Бидный жыдокъ зблidy, якъ смерть, и трусывся. Въ клуни стало тыхо, тиль-

Х ки було чуты: „ой, вей мирь! ой, гвалть!“ Але незабаромъ дякъ скинувъ прычепляни рогы, закинувъ за вуха косы, вылизъ зъ вывернутого кожуха й пишовъ въ хату вмыва- тьсь. Музыки насылу опамятались, покы могли зновъ граты.

Письля вечери гости зновъ напылысь варенухы. й зовсимъ розвеселылись. Переднише съпивалы матушки, а письмены почалы съпиваты й батюшки й дякы. Почалы съпиваты Бо- жыхъ писенъ: „Стань, Давиде, зъ гусямы“, „Преукрашен- ная,“ а дали й мырьскыхъ: „А вже чумакъ дочумакувався,“ „Ой за гаемъ, гаемъ“, „Гоминь, гоминь по диброви“. Голосы булы дужи, чудови. Музыки пидроблювалысь на инструмен- тахъ и прыгравалы до йихъ съпиву. Здавалось, неначе вся клуня съпивала й грала. Хоръ выходывъ незвычайно дужый и взагали гарный. Здавалось, що съпивалы ворота, съпивалы сохы, съпивалы кроквы й латы, навить кулыкы на покривли. Въ глупу пивничъ уси гости попадалы на сино й поснулы, де хто вправъ.

Въ вивторокъ гости почувалы справдишне похмилля й почалы похмелятысь та закусюваты кислою капустою та огиркамы. Зновъ сънидалы до обиды, обидалы до полудня, по- луднувалы до вечери, а вечерялы о-пивночи; а въ середу передъ вечеромъ перезвою блыжчи особы пойихалы въ Виль- шаныцю до молодого.

Вильшаныцьки молодыци опорядылы передъ весиллямъ димъ и двирь Моссаковського: оббилувалы въ середыни, гар- ненько обмазалы й побилылы около, помылы викна, вычы- стылы двирь, вымелы дорижкы въ садку. Родычкы Моссаков- ського понापикалы й понаварювалы й ждалы гостей. Покы перезва дойихала до Вильшаныци, надвори зовсимъ смерь- ло. Люде зъ усього села позбигалысь подывытысь на мо- лодыхъ, на перезву, подывытысь, якъ „молоду смалять“ по народному звычайу. На вси шыроки улыци, котра йшла черезъ греблю до Моссаковського двору, господари поодчи- нялы ворота, на воротяхъ поставылы застеляни столы зъ хлибомъ та силлю. По вси улыци коло кожного двора ле-

жалы купы соломы та стремилы кули. Перезва вйихала въ село. Багаття запалылы. Вся улыця нйбы горила. Огонь осьвитывъ били хаты, застеляни столы, осьвитывъ купы людей коло кожного двору. Моссаковский зъ Онысею вставалы коло кожныхъ ворить. Господари поздоровлялы йихъ, чоловикы цилувалысь зъ Моссаковськымъ, молодыци зъ Онысею. Молодый зъ молодою выкыдалы на столы вси гроши, яки булы въ кышеняхъ. Перезва насылу сунулась по улыци и вже пизненько дойхала до гребли. На гребли по-надъ самую водою въ берези стоялы палаючи кули. Хлопци розиклалы багаття по-надъ ставкомъ, въ садку надъ водою, коло церкви й по обыдва боки ворить двора. Полумя осьвитыло ставокъ, блыщало въ води. Церкву, димъ, садокъ було видно, якъ удень. Коло двора й въ двори стояла сыла народу й ждала молодыхъ. Кони ще разъ спынылы коло церкви, де стоявъ за столомъ староста зъ старостыхою, вытаючи молодыхъ хлибомъ-силлю. Мижъ двома багаттямы перезва вйихала въ двиръ. Коло ганку стоялы молодыци-пруданки. Воны стрилы молодыхъ весильною пысьнею й провели молодыхъ зъ пысьнямы въ покои. Вильшаныцьки пруданки прыйшлы зъ дарамы: зъ курмы, гусьмы, повисамы прядыва, суюямы полотна, клубкамы та пивмиткамы, а де-котри зъ поросятамы въ мипкахъ. Музыкы загралы на ганку, й весели пруданки насылу встыглы оддаты дары й пышлы въ танецъ. Половина двора вкрылась молодыцями. Молоди молодыци стали въ здоровый кружокъ и парамы пустылысь въ метельцю. Багаття палало й облывало двиръ червонымъ сьвитомъ. Дзвинки весильни пысьни перемишувалысь зъ мотывамы музыкъ. Парубкы пидкидалы соломы въ багаття. Сьвить середъ темной ночи, ясно осьвичена червона вода, несамовыти танци, массы молодыць, музыкы й несамовыти сьпывы надавалы картыни образъ чогось гарячого, палкого, вакханального.

Ввесь пойиздъ, уся перезва повыходыла на ганокъ и довго дывылась на ту картуны, докы не згасло багаття, докы не потомылысь молодыци въ танцахъ. Музыкы й гости увий-

шли въ покои, а за ними рушылы й прыданкы. Покои сповнылысь людьмы, якъ буває на народнихъ весилляхъ тоди, колы молода сыдыть на посади. Въ просторни съвитлыци зновъ почалыся танци, де вже танцювали молоди матушкы та діяконши разомъ зъ прыданкамы.

На понакрываныхъ столахъ поставылы закускы та напытки. Оныся частувала прыданокъ зъ своихъ рукъ, а Моссаковський частувавъ господаривъ. До пизньої ночи гулялы та танцювали, докы зовсимъ не потомылысь.

Ще два дни гулялы гости въ Вильшаныци на весилли, якъ и въ Чайкахъ: сънидали до обиды, обиды до полудня, полуднували до вечери, якъ и въ Чайкахъ, и тилькы въ суботу порозійизджалысь до-дому, бо съвященикамъ треба було правыты вечерню. Весилля тяглося тыждень.

Въ недилю письма службы зибралысь поважниши господари зъ села, склалы грошей Моссаковському на пострыжиння въ съвященика й вырядылы його въ дорогу. Тытарь прыпригъ свою коняку въ Моссаковського визокъ и сивъ за погонюча. Й ридня Моссаковського, й господари выпровадылы Харытона за село, стали за цырыною пидъ грушею, посидалы на трави, закусылы, всталы й роспрощалысь. Харытинъ рушывъ до Кыива, а Оныся зъ батькомъ та матирью вернулысь въ Чайкы.

V.

Черезъ два тыжни Моссаковський вернувся въ Чайкы съвященикомъ. Прокоповычъ почавъ выряжаты дочку въ Вильшаныцю. Позапрягалы въ возы волы й кони. На возы поскладалы все, що потрибно було для нового господарства. Хуры рушылы зъ двору. По обиди Оныся останній разъ помолылась передъ батькивськымы образами й зъ слъозамы выйхала зъ батькового двору. Батько плакавъ, маты плакала, плакалы наймычкы, прощалысь зъ Онысею. Оныся на цей разъ забула за те, що вона йихала на свое господар-

ство й паньство. Вона тилькы знала, що їйи жаль батька, матери, хаты, де вона зросла, жаль садка, чайкивських людей, а билше одъ усього жаль матери.

— Теперь, дочко, безъ тебе й хата стане неначе пустокою,—говорила маты:—выкохай, выгоды, выросты дитей, а воны возьмутъ та й порозлитаються й покинуть тебе саму на старість, якъ сыроту,—говорила маты плачучы.

Выйихалы зъ двору. Маты й батько провели дитей за двиръ, стали на гори й довго дывылысь, покы воны перевозылысь черезъ Росъ, покы визъ не сховався въ зеленыхъ вербахъ та вильхахъ. А Оныся доты оглядалась на гору, на матиръ, на батька, докы не закрылы йихъ зелени вербы.

Незабаромъ зъявилась и Вильшаныця. Отъ и широка улыця, де колысь палало багаття; отъ и гребля, и ставокъ, и церква, й свій димъ. Оныся увійшла въ димъ, неначе кудысь въ гости прыйихалы...

Але це було на одну хвылыну. Одну хвылыну вона посыдила коло стола й задумалась. Втершы слъозы, вона, наче птыця, стрепенулась и кынулась господарюваты: порозставляла мебиль, повишала образы, привезени зъ дому, поховала пбсудъ, заглянула въ хыжку, побигла въ комору, скрызъ порядкувала, розказувала молодыцямъ, котри йиі помагалы, порядкувала навить людьмы, що вносилы кадовбы, дижки, сыпанкы, соломяныкы та бодню. Вона заглянула навить до овецъ, до коривъ, до воливъ. И черезъ годину вже забула за Чайкы, й стала господынею въ доми.

Просторна съвитлыця незабаромъ була обвешана образами попидъ самою стелею въ два рядкы. Черно помальовани деревяни стильци, що позоставалысь писья покійного Моссаковського, поперемишувалысь зъ билымы, привезенымы одъ батька. Дви канapi вона закрыла здоровымы кылимамы, за дзеркало заткнула лытати букеты зъ восковымы вышнямы, грушамы та пташкамы. На образахъ аабилылы здорови вышивани рушныкы. Въ покояхъ одразу стало чысто, прывитно, по-господарському, але по-старосвицькому. Непосыдяча Оныся вешталась до самого вечора

по покояхъ та по пекарни, та по коморахъ,—и ввечери вже скризь бувъ порядокъ та чистота. Моссаковський тилькы дывывся, якъ вона давала ладъ та командувала, та бигала, й билше мусивъ слухаты йїи слова, нижъ порядкувавъ.

— Отъ теперъ мы й въ себе, вдома!—сказала Оныся, сїдаючи зъ Харытономъ за вечерю въ кимнати.—Що то поробляють теперъ маты? що поробляють батько? Мабуть и доси плачуть за мною?

— Слава Богу, що вы, Онысю, не плачете,—тихо обивзався Харытинъ.

— На що ты на мене кажешъ *вы*? Хиба жъ я не твоя жинка? Адже жъ чоловікы на жинокъ кажуть *ты*!

— Колы вы, Онысю, таки... розумни, таки проворни, таки падковити до хазяйства, що й сказаты неможна,—промовивъ отецъ Харытинъ солодкымъ голосомъ.

-- Голово зъ вухамы! Хочъ пры людяхъ кажы на мене *ты*!—сказала Оныся, торкнувши його по руци.

— Нехай вже пры людяхъ... то й буду казаты вы... чы то, правда, ты...

— Якъ тилькы будешъ на мене *выкаты*, то я тебе прысылую *тыкаты*; буду за вуха скубты. Чуешъ, чоловіче!

— Скубить, Онысю, скубить. Воля ваша, а все такы якось мини нїяково *тыкаты* на васъ. Може потимъ звыкну, прысылую себе.

Але Моссаковський цилый вїкъ свїй не прысылувавъ себе говорыты на свою жинку *ты*, й до самои смерти говорывъ на неи *вы*, а вона на його *ты*.

Письля вечери Оныся побигла въ пекарню, распорядылась наймычкамы, вхопыла сьвичку, побигла въ хыжку, потимъ побигла зъ наймычкою въ льохъ. Моссаковський тилькы дывывся, якъ вона вертилась, мовъ муха въ окропи.

Письля вечери Оныся одчынула здорову скрыню, що стояла въ кимнати рядомъ зъ лижкомъ, поставыла сьвичку на стильци й почала перебираты та складаты сорочки, наволічкы, простырядла, сувой полотна, привезени одъ матери, й ти, що понаносылы прыданкы. Моссаковський ды-

вывся, якъ йи тонкы руки перебиралы купы полотна, мылувався йи довгымы, острымы бровамы й усе ждавъ, що вона отъ-отъ скинчыть роботу, сяде коло його, пожартуе зъ нимъ... А Оныся все личыла та личыла то рушныкы, то сорочки, то хусткы. Моссаковський почавъ дриматы.

— Кыдайте, серце Онысю, та йдите сядьте зо мною та трошки побалакаемо, — говорывъ Моссаковський до Оныси солоденькымъ голосомъ.

— Заразъ, заразъ, мое серденько! Осъ тилькы поличу твои сорочки: разъ, два, тры, чотыри.... Ты мабуть спаты хочешъ? Еге?

Оныся кынула сорочки, прыбигла до Моссаковского, обвыла його шыю рукамы, трычи цмокнула й зновъ кынулася до скрыни.

— Одже мама все скуйовдыла до-купы. Оце мои сорочки, а це твои: пять, шість, симъ, висимъ....

И йи тонки пальци зновъ розбиралы та складалы на купу сорочки. По хати пишовъ духъ съвижого плаття, крохмалю. Середъ ничной тыши выразно розносывся Онысинъ голосъ: десять, одынадцять, дванадцять....

— Але часъ вже, мое серденько, спаты. Кыдайте, моя доле! Завтра поличите, — говорывъ Моссаковский.

— Лягай, чоловиче, спаты, колы тебе сонъ змигъ: лягай, серце, а я осъ швыдко доличу.

Оныся зновъ кынула роботу, прыбигла до чоловика, попестыла його й зновъ почала личыты та складаты.

Моссаковский не выдержавъ: кынувся на лижко й заснувъ. И засыпаючы винъ усе чувъ, якъ Оныся складала та личыла: разъ, два, тры, чотыри....

— Чы ты, Харытоне, вже спышь?—спытала Оныся.

— Га!—крыкнувъ Моссаковский кризъ сонъ,—вже сплю.

Вже въ пизни обягы Оныся замкнула скрыню, выйшла въ сини подывытысь, чы замкнути двери, й погасыла събитло....

Середъ темной ночи Моссаковский почувъ черезъ сонъ, що въ синяхъ щось ходыть та стукае. Винъ силкувався про-

кынутысь, але ніякъ не мигъ. Йому слылось, що въ синяхъ пораються злодіи, що вони вже ламають двери въ кимнату; отъ уже й двери выставылы, рострощылы скрыню, вытгають полотна та сорочки, складають докупы та все личать: разъ, два, тры, чотыри....

Винъ бачывъ проты съвичкы страшни кудлати та бородати головы зъ страшнымы очыма, бачывъ мохнати руки зъ довгымы крючковатымы пазурамы, хотивъ крыкнуты, скочыты зъ лижка, але въ його не було сылы крыкнуты. Винъ насылу прокынувся й росплющывъ очи. Въ хати було такъ поночи, що навить невыдно бучо викна. По синяхъ и справди щось ходыло, рыпало дверыма, увійшло въ сини, впустило полино; въ дижци захлюпала вода; хтось налывавъ воду въ горщыкъ. Зъ пекарни було чуты розмову. Винъ догадався, що наймычкы вже повставалы.

Моссаковському здалося, що винъ тилькы що задримавъ и навить добре не заснувъ. Винъ почавъ клыкаты Онысю.

— Онысю, чы вы спыте?

Въ хати було тихо, мертво. Моссаковський крыкнувъ вдруге. Въ кимнати навить не чуты було, якъ Оныся дыше.

Моссаковський полапавъ руками по лижку. Оныси не було.

— Невже оце моя жинка вже встала й порається въ пекарни? Ну, та й господня буде зъ моеи жинкы,—билше, ніжъ треба!

Моссаковський повернувся на другый бикъ и заснувъ. Якъ винъ прокынувся, вже розвыднювалось: въ хати вже сирилы сытины, а передь нымъ стояла Оныся, вмыта, убрана й прычесана.

— Чы ты й доси спышь, ледащо? я встала вдосъвита, побудыла й наймычокъ, и твоихъ наймытивъ, вже й сныданняя тоби зварыла.

— Вы мене, Онысіе Степанивно, такы добре налякалы. Мини здалось, що въ синяхъ пораються злодіи. На вищо

пакъ такъ рано встаєте та себе мордуєте? Й моя покійна маты такъ рано вставала та товклась ще вдосьвита.

— Хто рано встає, тому й Богъ дає. Будемо рано вставаты, наживемо та надбаємо багато добра, а будемо спаты до обиды, то не буде ладу въ господи,—говорила Оныся.— Йды лышь, хазяине, та подывысь на худобу та на кони, чы добре глядять наймыты худобы,—сказала Оныся Степанивна, помолывшысь Богу.

— Заразъ, заразъ. Онысіе Степанивно! ось тилькы вмьюсь та трохи прычепурюсь.

Моссаковський пишовъ по загородахъ та по кошарахъ, а Оныся вже й сьниданья поставыла на стилъ.

— Ну, та й рання жъ птыця оця молода матушка,—говорила наймычка та наймыты въ пекарни,—будыть насъ ще до пивночи,—не дала вволю выпатысь.

Оныся Степанивна й справди не давала слугамъ добре выпатысь. Вона й сама пизно лягала, рано вставала, й слугамъ не давала спаты та товклась, якъ Марко по пекли. День-у-день вона вставала вдосьвита, сидала зъ наймычками за гребинь прясты, напрядала билше за наймычокъ, ще сылувала дивчатъ съпиваты писень, бо любыла письни.

— Ой, трудно служыты въ цієї матушки! Колыбъ, Господы, добуты року,—зроду-звику не стану на другый рикъ,—говорила одна наймычка до другои.

— Знаешъ що, отець Харыгинъ. Теперь настає зима. Скажы ты въ церкви, щобъ молодыци напряды мини за Пыльпівку по пивмиткови. Ты тилькы подумай: скільки молодыць, стільки буде й пивмиткивъ. Выроблю полотно та продамъ. Отъ и гроши будуть.

— Може буде дуже вже завчасу. Треба трохи подождаты. Я тилькы що ставъ на парафію. Колыбъ часомъ люде не гомонили та не спротывылись.

— Оце лыхо! Якъ не схотять, ниhto не буде сылуваты. Скажы, такы скажы на царськихъ вратахъ въ неділю, якъ звичайно съвященикы говорять.

И Моссаковський письма службы Божої почавъ гово-
рыты людымъ проповідь; говорывъ просто, хочъ и немудро,
говорывъ по-український, бо ынчої мовы зовсимъ не знавъ.
Винъ говорывъ, щобъ люде ходылы до церкви, молылысь
Богу, вчылы дитей молытысь Богу, що добрымъ людымъ Богъ
дасть спасиння, а гришныхъ будуть чорты мучыты въ пекли
огнемъ та ростопляною смолою.

— Хто не молытymesя Богу, хто не поважатыме съвя-
тої недиленькы, хто не поважатыме свого батька й ненькы,
той заслужывъ кару одъ Бога въ цимъ и въ прыйдешнімъ
вику: „спасайтеся вси! й вы, чоловикоы, й вы, молодыци, хо-
дить до церкви, не пыйте багацько горилкы, молиться Богу.
А вы, жиночки, Божи бджилочки, працойте для неба, пра-
цойте й для того, що на цимъ съвити треба. Напрядити
мої матушци по пивмиточку, бо вона молода й до роботы
ще не звыкла та й не дуже зугарна. Настане Пылыпивочка,
то не гуляйте, молитесь, та й въ скрыню добре дбайте,—
аминь!“--такъ закінчывъ свою проповідь Моссаковський.

— А це вчора приблудылась до моеї левады чыясъ чорна
корова! Панове громадо! роспытайте та й мині звистку дайте,
прикынувъ отецъ Харытинъ, зачыняючы царськы врата.

Молодыци осьмихнулысь и розмовлялы, выходючы зъ
церквы:—ну, цей батюшка не те; що Балабуха. Вміє ска-
заты ще й прыказаты; напрядимо такы молоди матушци по
пивмитку!

И другого дня молодыци попрыходылы до Оныси Сте-
панивны й розибралы все прядыво, вси повисма конопель
та льону, скільки й ихъ лежало на пидряхъ въ комори.

— Знаешъ що, панотче! Чы не накынуты бъ тоби билшу
плату за требы,—говорыла Оныся Степанивна:—тоби дають
шагы, якъ старцеви,---все гывни, та гывни та злоти. Зъ
пятакывъ та гывень не забагатіємо. Треба правыты та вы-
магаты билше.

— Неможна, серце. Въ чому, въ чому, а въ цьому васъ
не послухаю. Народъ розгывнаеться на мене, бо винъ пан-
щаный, платыть подушне. Въ людей й такъ обмалъ грошей.

Уси на мене нарикатымуть та гриматымуть, — говорывъ не-сьмильво Моссаковський.

— Вже якъ хочъ, а грошей у насъ мало. Якъ ззамолу не складемо, то на старість ничего споціватись. Накынъ ще по гривни хочъ на винчанни.

— Неможна, — боюсь Бога: люде вбоги. Якъ платылы, такъ нехай и платять по старому звичаю. Якъ сусиды на-кынуть, то я накыну, а мини почынаты не годыться. Мене громада обибралы на парафію. Якъ у чому буде недостача, пиду по сели льнуваты.

— Ова! я цього не хочу. Я не люблю цыганыты, якъ наши бабы та прабабы цыганылы по сели зъ торбамы.

— Та й мини не прыходыться драгуваты людей, — сказавъ Моссаковський: — воны жъ мене й на парафію обибралы, й Балабухы не пустылы, й передъ владыкою за мене встою-валы.

Оныся Степанивна замовкла й прыкусыла языка.

Настало маленьке съвято, колы навить въ церквы служ-бы не було.

— Панотче, дзвоны до церкви! — говорила Оныся.

— А на-вищо? Сььогодні мале съвято.

— А на те, що все-таки якась копійка перепаде.

— А, Богъ зъ нымъ, Онысіе Степанивно. Невже за пятака треба ворущыты дзвоны.

— Але жъ бо, дзвоны! Хиба жъ пакъ пятакъ не гроши? Зъ пятакывъ будуть рубли! Дзвоны бо, дзвоны, — не линуйся! Бачышъ, якъ я бигаю по господарстви.

— Добре вамъ бигаты, колы въ васъ ноги проворни та прудки.

Моссаковський пославъ сторожа зъ ключамы й звеливъ дзвоныты.

Винъ прынесъ зъ церкви тилькы одного пятака. Онысіа Степанивна сховала його въ скрыню.

— Якый же ты, панотче, не ласый на гроши. Пожы-вешъ, — побачышъ, якъ стануть у прыгоди гроши.

Минула осінь. Роботи в господарстві стало менше. Онисія Степанівна була б рада бигаты, та не було коло чого, бо господарство було нове, а мати понавозыла для неї всього, чого тильки треба було в господарстві. По обиди отець Харытинъ любывъ полежаты й навить кныжку почытаты. Онисія Степанівна все вертилась в пекарні, и його брала нудьга, колы винъ самъ зоставався в покояхъ.

— Онисіе Степанівно! берить лышень плесты панчоу та сидайте коло мене, та побалакайте зо мною; а колы не хочете балакаты, то я вамъ съвѣту кныжку прочытаю,— говорывъ отець Харытинъ, лежачы на гарячи лежанци в кимнати.

— А що жъ ты мині будешъ чытаты?—пытала Онисія Степанівна.

— Та хочъ за царя Ёрода, або про съвѣту Варвару.

— Цуръ йому, тому Ёродови! Прочытай мині краще про съвѣту Варвару.

Онисія Степанівна взяла панчоу й сила на стильци коло лежанки. Отець Харытинъ розгорнувъ здорову кныжку, й лежачы догоры лицемъ, поставывшы йїи на своєму животі, почавъ чытаты про съвѣту Варвару. Онисія Степанівна сидила й слухала. Йїи тонки пальци зъ дротами тильки мыгали.

Онисія Степанівна слухала вухамы, але йїи думка лятала и в пекарні, й в хыжци, й в коморі, заглядала на пичъ и пидъ пичъ, и в дижу, и в ночовы.

— Потрывай трошкы! Треба заглянуты в пичъ, чы выпикся хлибъ,—говорыла Онисія Степанівна й зъ тымы словами схоплювалася зъ мисця, бигла в пекарню й заглядала в пичъ. Отець Харытинъ назначавъ нигтемъ, докы прочытавъ, и дывывся черезъ кныжку в викно. Онисія Степанівна влитала, якъ вихоръ, и зновъ сидала на стильци.

— Ну, та якъ дали? Що звеливъ батько збудуваты для съвѣтои Варвары?

Отець Харытинъ зновъ почынавъ чытаты тихымъ, ривнымъ голосомъ, а думка Онисина зновъ одрывалася одъ

кнѣжкы й шугала по двори, коло кошаръ, коло загороды, коло гусей та курей.

— Ой, пожды на годиночку! Адже мабуть дивчата й доси не выносили кабанови йисти.

Онысія Степанивна зновъ зирвалась зъ стильця, якъ метиль, побигла въ пекарню, крикнула на дивчатъ и зновъ опынылась на стильци.

Отець Харытинъ позихнувъ и зновъ почавъ читаты. Онысія вже зовсимъ не слухала, а свою думу думала.

— А що пакъ твои наймыты будуть завтра робыты?—несподивано перебыла Онысія читця.

Отець Харытинъ вытрищывъ на неи очи.

— Але вы мини перебиваете читаты,—сказавъ винь.

— Та я бачъ тилькы спытала,—такъ набигло на думку: чы наймыты гнѣй вывозытумуть, чы повезуть млыво до млына; въ насъ вже жытнього борошна обмаль: вже на сходи й пшенишне борошно.

— Якъ вы скажете, такъ и буде. До васъ треба йты розуму позычаты,—говорывъ отець Харытинъ, держачы палець середь стричкы.

— Нехай везуть до млына. Гнѣй можна й навписля вывезты.

Отець Харытинъ зновъ починавъ читаты, але Онысія Степанивна вже давно погубыла кинци й ничего не розумила.

— Та хто-то бувъ Діоскоръ? Варварынъ чоловікъ, чы братъ?—спытала вона.

— Батько Варварынъ. Вы, Онысіе Степанивно, не дуже добре слухаете. Еге?

— Ну, ну, читай! Теперъ вже все розумію.

Отець Харытинъ читавъ, але Онысія Степанивна такъ перемишала Діоскора й игемона зъ наймытамы та игуменаы, а Варвару зъ наймычкамы, що вже ничогисинько не розумила.

— Знаешъ що, отець Харытинъ,—зновъ перебыла Онысія Степанивна:—ты берешъ до свого чоловічового дила моихъ наймычокъ тоди, якъ и мини йихъ треба.

— Я думавъ, що вы пытаете за сьвяту Варвару.

— Въ мене вже все повипадало зъ головы, що ты чытавъ. Отъ и вчора забравъ до току наймычокъ, а я хотила плаття праты. Якъ тобі треба наймычокъ, то ты звечора въ мене спытай.

— Але жъ, Онысіе Степанивно, й вы берете до своей роботы моихъ наймытивъ, колы мини йихъ треба,—несмыливо обизвався отецъ Харытинъ.

— Знаешъ що, панотче: подилымось слугамы! Ты верховодъ надъ своимы наймытамы, а я надъ наймычкамы; а якъ тобі треба буде наймычокъ, ты спытай вт мене, а я тебе пытатыму, якъ мини треба буде наймытивъ.

— Добре, Онысіе Степанивно, добре! Що вы скажете, то все выходыть гараздъ. Отъ слухайте жъ, а я дали чытатыму!

Отець Харытинъ зновъ прыйнявъ нигтя й почавъ чытаты, але Онысія Степаневна вже зовсимъ не слухала. Отець Харытинъ прымитивъ те й спытавъ:

— Чы вы слухаете?

— Та слухаю, слухаю. Не пытай мене, та чытай дали.

— Колы вы щось думаете,—сказавъ отецъ Харытинъ, прыдвляючысь до розумного лыця своей жинкы.

— Чытай бо, чытай! Я думаю й слухаю заразомъ.

— А якъ звалы Варварыного батька?

— А хйба жъ ты чытавъ про батька?

— А вже жъ чытавъ, тилкы вы не слухалы.

— А правда, правда! То бувъ якийсь игумень.

— Який тамъ игумень! Діоскоръ—такъ звалы Варварыного батька.

— Та хто жъ такой бувъ игумень? Чы який Варварынъ родычъ, чы що?—спытала вона.

— Не игумень бо, а игемонъ! Це той, що мучывъ сьвяту Варвару!

— Ото проклятый! Въ якому жъ монастыри винъ бувъ игемономъ? и чоужъ то ченци мучылы сьвяту Варвару?

— Яки тамъ ченци! Игемонъ—то такъ звався губерна-

торь, чы становый бы то по нашому, чы що; оть такъ, якъ въ Богуслави отой становый, що въ Чайкахъ намальований у пекли.

— О! колы такъ, то тамъ йимъ и місце. Я цього не знала що вони прокляти мучылы сьвятыхъ: якбы була знала, то дала бь мирку проса малярови, щобъ намалювавъ йихъ у пекли. Ну, ну, чытай дали.

Отець Харытинъ чытавъ, а Онысія Степанивна зновъ свое думала.

— Чы ты знаешъ, панотче, що въ насъ картопли мало?..— несподивано перебувала його Онысія Степанивна.

— Але яки жь бо вы! Вамъ усе въ голови той господарський клопоть. Чы зы хочете сразу забагатиты, чы що?

— А чомъ бы пакъ и не забагатиты? Добре вамъ, панотцямъ, колы вы й до смерти будете маты шматокъ хлиба. Пипъ—золотый сніпъ,—кажуть у приказци. А що я робытиму, якъ ты вмрешъ, а я зостанусь удовою, та ще зь дитьмы? Де я тоди динусь безъ грошей? Хочъ зь мосту та въ воду.

— Далеко вы заглядаете напередъ. Мы тилькы що побрались, а вы вже заглянули на самисинькый кинецъ.

— О, я заглядаю й на кинецъ, и на вси боки оглядаюся. Опоряды лышень трохи свою церкву, бо якъ часомъ загляне митрополитъ, то буде' тоби лихо.

— Оце вы правду кажете. Треба й церкву опорядиты та привезты зь Богуслава маляра, щобъ помалювавъ церкву въ середини й понапысувавъ образы таки, якъ въ чайкивськи церкви.

— Та щобъ мини Балабуха бувъ въ пекли на самимъ дни. Чуешъ?

— Добре, добре. Дасы маляреви мишокъ борошна, то винь и намалюе Балабуху, але колыбъ часомъ зь цього чого не выйшло.

Отець Харытинъ зибравъ громаду й порадывся зь нею, щобъ помалюваты въ середини церкву та постановыты нови образы. Громада згодылась. Тытарь выклопотавъ дозвилъ и

згодивъ маляра, щобъ винъ вымалювавъ церкву й напысавъ таку саму Неопалому Купыну й страшный судъ, якъ у Чайкахъ, навить намалювавъ въ пекли богуславського станового й канивського столоначалника.

Разъ Онысія Степановна поїхала въ Богуславъ на ярмарокъ и вернулаь додому зъ недоброю звисткою.

— Чы ты знаешъ, паноче, яку я страшну звистку прывезла зъ Богуслава?... А мы соби тутъ сыдымо, хлибъ жуемо й ничого не знаемо!

— Що жъ тамъ таке трапылось? Не лякайте бо мене, бо я й безъ того вдався соби полохлывий, — сказавъ отецъ Харытинъ, и справди переляканий тревожнымъ выдомъ своеи жинкы.

— Де вже не лякаты, колы я й сама злякалась.

— Та що жъ тамъ таке? Чы Богуславъ згоривъ, чы може....

— Якбы згоривъ, то мини про те було бъ байдуже. Балабуха ставъ въ Богуслави съвященикомъ, та ще й благочыннымъ на нашу часть!

— Невже! — крыкнувъ, якъ опеченый, отецъ Харытинъ и схопывся зъ мисця.

— Ставъ благочыннымъ. Вже перевизся зъ жинкою, зъ усимъ кубломъ и, кажуть, швыдко буде обйизджаты парафіи.

— То це винъ и до насъ прыйиде?

— А вже жъ, прыйиде; вже винъ насъ не мыне!

— Ну, то выкручуйтесь же, Онысіе Степановно, колы давали йому гарбуза.

— Що мини благочынний! куды жъ пакъ: вельке цабе! На мини не попивська ряса, а плахта. Зе мене чына не здіймутъ. На тоби це все окошыться, отъ що! Теперь ты, панотче, выкручуйся, бо винъ тоби прыгадае й мене, й вильшаныцьку парафію, й вильшаныцьку громаду. Винъ мабутъ думае, що не громада выгнала його зъ Вильшаныщи, а ты.

— Отъ тоби й на! Оце лышечко! Що жъ теперь мини робыты? Та винъ же мене зысть безъ солы!

— Бидкайся не бидкайся, то вже тымъ ничого не поможешъ.

— Що жъ вы мини порадыте робыты? Винъ же до насъ прыйиде.

— Нехай йиде! Я його почастью такъ, що голодный до дому пойиде,—сказала Онысія Степанивна.

— Такъ неможна, Онысіе Степанивно. Давайте порады! Въ васъ же розуму добра макитра. Що мини чыныты?

— Про мене, йды зъ нымъ на мыръ, колы вже таке дило скоилось. А я йому й очей не покажу.

— Де вже вамъ йому очи показуваты! Це все лыхо лыбонь одному мини прыйдеться одбуваты.

— Пошлы йому пореднише будли-якого хабара, то винъ одразу стане прыхыльниший. Але чого йому послаты зъ нашого молодого господарства? Пашни шкода, товару шкода, птыци шкода...

— Всього шкода, тилькы мене не шкода,—сказавъ, скрывшысь, отець Харытинъ.

— Конопель у насъ мало, бо молодыци попрялы; льону зовсимъ мало; гусы позакыдала въ кучу годуваты къ Риздву.

— Онысіе Степанивно! Пошлимъ благочинни дви годовани гускы;—за дви гускы вона повинна бъ стати прыхыльною до насъ.

— А вже жъ! Дви гускы та ще й годовани! Я й сама ззимъ; буду пакъ годуваты твою благочинну годованымы гусьмы! Знаешъ що? Нашъ тытарь лыбонь гарный ганчаръ; нехай винъ одвезе хуру своихъ горшкивъ,—и козы будуть сыти, й сино циле.

— Та й розумни жъ вы, Онысіе Степанивно! Йій Богу, добра ваша ричъ. Аже жъ надъ тытарямы благочинный дійсно такъ само начальныкъ, якъ и надъ нами. Треба послаты за тытаремъ.

Отець Харытинъ пославъ за тытаремъ й звеливъ йому набраты визъ горшкивъ, мысокъ, макитеръ и всякого гончарьского посуду та одвезты на гостынець новому благочинному, щобъ бувъ ласкавиший до вильшаныцькои парафіи.

— Але, Онысіе Степанивно, треба й одъ себе прыкнуты щось,—говорывъ отець Харытинъ до жипкы.

— Одъ мене прыкынь дулю отцю благочинному, а другу госпожи благочинни,—сказала Онысія Степанивна.

Отець Харытинъ тилькы носомъ покрутивъ и боявся билше зачипаты йи.

— Та не забудьте, старосто, покласты на визъ зо два поросятныкы,— наша благочынна дуже любыть поросятину;— та ще покладить зъ самого верху, щобъ було видно,— сказала Онысія Степанивна до старосты.

Въ недилю по обиди староста набравъ повный визъ горшкивъ, поклавъ зверху два поросятныкы й пойхавъ въ Богуславъ. Богуславъ бувъ въ той часъ повитовымъ мистомъ.

Балабушына оселя була на гори коло возова, край самого миста. Мистечко розстелялось нанызъ по-пидь горою й спускалось до самой Роси, де край берега зеленивъ вышныкъ та высоки вербы. Вызу шумила Рось, обставляна по обыдва боки скелямы та купама каминня. Подекуды мижъ скелыстымы невеличкымы остривцямы прорывалась вода, шумила й булькотила, неначе хто лывъ йи зъ тыковъ та пляшокъ. На гори сирилы жывивськи хаты й крамыци то крыти бляхою, то черепыцею, то соломою. За Россю на низыни зеленилы левады, то сирилы скели, выступаючы зъ-пидь земли высокого берега до самого манастыря на крути гори.

Тытаръ вйхавъ у двиръ до благочынного. Ворить зовсимъ не було. По двори ныкалы захуджени жывивськи козы й смыкалы стрихы невысокихъ обидраныхъ повитокъ. На покривли дома чорнили диркы, стремилы роскудлани кулыкы, пидняти витромъ. Тытаръ глянувъ на оселю й тилькы губамы цмокнувъ.

— Тутъ моимъ горшкамъ будуть ради; поганый господарь зъ нашего благочынного,— подумавъ тытаръ, спынывши волю коло ганку.

Тытаръ познимавъ зъ воза горшкы, мыскы, макитры, рынкы, глечыкы та покрышкы й порозставлявъ той крамъ кругомъ ганка. Поливяни мыскы блыщалы на осинньому сонци; горшкы чорнили, а довги прысадкувати поросятныкы неначе полягалы на сходахъ коло самого порога. Тытаръ пишовъ у покои до благочынного.

Балабуха зовсім перебрався на своє господарство, але дуже помылвся, сподиваючысь приданного одъ тестя. Не помигъ и свать отецъ Мельхиседекъ, не помогла й яззыката сваха Марта. Тестъ давъ йому слыве четверту частку того, що обидавъ; винъ не давъ навить Балабуси тиен бабы, що обидавъ,—натомисць давъ йому парубка Прокопа, въ котрого булы не вси вдома.

Балабуха тилькы що посбидавъ пизенько, по-миському звичаю, й лежавъ въ съвитлыци на канапи. Олеся, убрана въ новеньку сукню, сыдила коло його въ ногахъ, награвала на гытари якыйсь романсъ. Въ покояхъ було по-миському, зъ претензією на паньство. Непомальований помистъ бувъ вышаруваний пискомъ и чысто вымытый. Коло виконъ высылы портреты Кутузова та ынчи й дви нови картыны, купляни въ Кывы на контрактахъ: на одни—панна зъ голымы плычмы держала на рукахъ кота, на други картыни—панна зъ заслонянымы плычмы, але зъ голымы рукамы держала на пальци канарейку й годувала йи зъ свонхъ червоныхъ усть. На викнахъ стоялы вазоны герани.

Тытарь рыпнувъ дверыма й подався несъмилыво назадъ. Балабуха схопывся зъ канапы. Олеся перестала граты.

— А що ты скажешъ, чоловиче?—спытавъ Балабуха.

— Прыйхавъ до вашои мылосты зъ гостынцемъ одъ вильшаныцького батюшки.

— Зъ якымъ гостынцемъ?—спытавъ Балабуха.

— Привизъ посуду на господарство. Чы звелыте куды перенесты?—спытавъ тытарь, скоса поглядаючы на просто-волосу жинку благочынного.

Балабуха выйшовъ на ганокъ. За нымъ выйшла й благочынна. Посудъ займавъ трохы не третыну маленького двора. Олеся осьмихнулась, глянувши на Балабуху.

— Пиддобрюються, бояться тебе,—зашепотила Олеся до Балабухы.

— Добри горшки въ васъ въ Вильшаныци,—сказавъ Балабуха, кынувши очыма по горшкахъ.

— А це що таке?—спытала благочынна, торкаючы кинчыкомъ черевыка поросятныкы.

— Це, выбачайте, госпоже, поросятныкы, щобъ смажыты цили поросята чы икъ Велькодню, чы й такъ на свою обыхидку.

Благочынна ще ласкавише осьмихнулась.

— Це матушка прыслалы такы доконешне вамъ,—додавъ староста.

Олеся облызалась, наче почула смалятыну одъ поросята, котрою наче повіяло одъ здоровыхъ поросятныкывъ.

Балабуха звеливъ вынести тытаревы за вси горшкы чарку горилкы, та й то маленьку, й давъ закусыты шматокъ чорного хлиба.

— Кланяйся жъ батюшци й матушци та скажы, щобъ прыйхалы до насъ въ гости. Та не забудь подякуваты за горшкы,—крыкнувъ Балабуха до тытаря, котрый налагодывеь выйизджаты зъ двору, держачы пидъ пахвою шапку.

Выбигла горбата Кылына, выбигъ Прокипъ и кинульсь переносыты горшкы на горище.

— Моссаковськы йдуть на мыръ,—сказавъ Балабуха.

— Добре роблять, що йдуть—намъ горшкывъ треба; Кылына товче йихъ такъ, що не настачышь одъ ярмарку до ярмарку.

— Що жъ, тытаревы, казавъ благочынний?—пытавъ отецъ Харытинъ та Онысія.

— Дякувалы й просылы, щобъ прыйхалы до його въ гости,—сказавъ староста.

— А благочынну бачывъ?—спытала Онысія Степанивна.

— Бачывъ: выбачайте, волоссямъ сьвитыть,—простоволоса ходыть, неначе дивка.

Въ той часъ Балабуха зъ жинкою, надывывшысь на горшкы, пишы въ кимнату й полягалы спаты. Выспавшысь добре, Балабуха доставъ якогось „святаго отца“ й почавъ, лежачы, вважлыво чытаты. Олеся сьдила й слухала.

— Господы, яка нудьга! Отъ и ніякий гость не прыйде,—промовыла Олеся, позихаючы.

Вона достала гитару й почала граты. Балабуха такъ закопався въ книжку, що навить не чувъ музыки.

— Кыдай книжку та слухай, якъ я граю,—сказала Олеся.

— Грай, грай! я слухаю,—обизвався Балабуха, не одводячы очей одъ книжки.

— Якъ же то ты разомъ и слухаешъ и читаешъ? Може тобі засьпиваты?

— Сьпивай, сьпивай, серце,—я слухаю.

Олеся пересьпивала одніенъ пьсьни, а Балабуха все чытавъ и не чувъ зъ тіенъ пьсьни ни одного словечка.

— Чы ты мене слухаешъ?—спытала Олеся, дывлячысь на чоловікови насупляни бровы.

— Слухаю; сьпивай дали!

— Ну, засьпивай ще ты,—я буду прыграваты.

— Грай, Грай! Я слухаю.

— Та ты навить не чувъ, що я сказала.

— Ты краще послухай, а я тобі прочытаю „Краткій Льтописецъ“ за Украину та гетьмана Богдана Хмельницького.

— Що жъ то таке Украина? Чы посесія яка, чы що? Хто жъ то Богданъ Хмельницький?

— Украина—це весь край, де тилькы живе нашъ народъ. Богданъ одвоювавъ Украину одъ Польщи й оддавъ цареви Олексієви. Ты, бачу, ничего цього не тямьшъ.

— На, краще, прочытай мини оцю „Волшебныцю Раги-Муину й принца Ибрагима“,—сказала Олеся, тыкаючы Балабуси въ руки давній романъ въ шкурятяныхъ палятуркахъ.

— Дай вже, дай,—я тобі прочытаю й твою „Волшебныцю“.

Балабуха почавъ чытаты, якъ Волшебныця повела Ибрагима въ глыбоку печерю, выкыкала якогось страшного духа й почала высокымъ стылемъ верзты нисенитныцю. Винъ чытавъ, чытавъ та й плюнувъ.

— Одчепысь, Олесю, зъ своимы волшебныцями!

Балабуха зновъ взявъ въ руки товстый „Театронъ или позоръ историческій.“ Въ цього „спудея“ старои Кыиво-Могилянськои академіи було багато книжокъ, билше, нижъ въ

де-якихъ теперишнихъ нашихъ сильськыхъ батюшокъ на України: винъ бувъ лишій чоловікъ не тилькы для свого часу, хочъ и не падкувавъ коло хазайства. Олеся выдерла зъ його рукъ книжку й закинула на шафу.

— Потривай же, я ось швыргону туды й твою Раги-Муину зъ царевичемъ Ибрагимомъ!

И винъ справди швыргонувъ книжку на грубу, ажъ листкы на повитри зашелестили й палятуркы захурчали.

— Отъ такъ! що жъ мы теперь робытимемо, колы книжки позакыдали?—сказала Олеся.

— Танцюй, а я буду дывытись,—сказавъ Балабуха.

— Якбы жъ ты пакъ гравъ!—сказала Олеся, надувши губы.

-- Знаешъ що, Олесю? Пиды въ пекарню й распорядысь, щобъ Кылына зварыла чого або спекла на вечерю, бо я вже йисты хочу.

— Пиды краще ты, бо я ненавиджу ту пекарню.

— Пиды бо! ты жъ въ мене госпоdynя чы що.

— Не пиду. Я до того не звыкла въ батька. Колыбъ намъ знайти доброго кухаря: я ненавиджу те смажиння та печиння, та топлиння, та вариння, та ще й що-Божого дня! Я не маю до цього потягу.

— Еге! на кухаря треба багато грошей. Пиды бо, пиды!

Олеся одчынула двери въ сины, гукнула на Кылыну, звелила йи взяти въ жыда мяса й спекты на вечерю печеню,—одначе въ пекарню все-такы не пишла.

Наставъ довгий вечерь. Олеся не втерпила, достала зъ грубы свою „Волшебницу“ й почала голосно читаты. Балабуха не слухавъ и позихавъ.

Кылына поставыла на стиль печеню й солони огиркы. Олеся покуштувала мяса; мясо було засушене, якъ сухарь.

— Пхе, яке паскудство! Можна зубы поламаты,—сказала Олеся, одсовуючы тарилку;—це якась жорства, а не печеня.—Вона одризала огирка; огирокъ бувъ несолоний, дуже кислый, безъ усякого смаку.

— Пхе, який паскудный огирокъ! Я зъ-роду такихъ поганыхъ огиркивъ не йила.

— Якъ не йшла, то теперъ мусышь йисты; якыхъ насо-
дыла, таки й спожывай!—ты не хазяйновыта й нестатко-
выта людына, сказавъ Балабуха, перетыраючы въ зубахъ
суху печеню, що ажъ трищала, неначе вянь жувавъ у роти
песокъ та жоретву.

— Господы, яка нудьга. Й гость тоби нйакый не пры-
йиде. Колыбъ хочъ якый жыдъ прыйшовъ зъ мистечка,
все бъ такы було зъ кымъ побалакаты.

Олеся пишла ходыты по сьвитлыци. Балабуха курывъ
люльку зъ довгымъ цыбукомъ и мовчавъ; выкурывъ одну,
закурывъ другу, потимъ третю. Дымъ ворущывъ Олесини
нервы, фантазія грала... Для неи тисно стало въ сьвитлыци,
въ цилому доми; йи думкы кудысь рвалысь, якъ птыци, хо-
тилы летиты, крутылысь пидъ небомъ, пидъ хмарами, та не
зналы, де систы, де спынытысь. Балабуха дывывся зъ ким-
наты, якъ вона задерла голову, заковувала пидъ лобъ очи,
неначе на стели якусь кныжку читала.

— Знаешъ що, панотче! Въ мене нема доброй сукни; треба
мини справыты шовкову сукню на выйизды въ гости. Въ
нась у Богуслави йе порядне товариство,—треба йому по-
казаты, що я госпожа благочынна.

— То й справъ; бижы въ крамныци та наберы соби шов-
ку, чы тамъ чого хочешъ,—говорывъ Балабуха, смакуючы
люльку зъ довгымъ цыбукомъ.

На другый день письма раннього обида Балабуха по-
йихавъ оглядаты свою благочынню й переднише за все за-
вернувъ въ Вильшаныцю до Моссаковського:—може на його
зробылы прыемне вражиння вильшаныцьки горшки. Бала-
буха пидйихавъ пидъ ганокъ. Моссаковський выглянувъ у
викно й выбигъ на двиръ зустрічаты благочынного; пан-
отци привиталысь привитно й поцилувалысь. Балабуха бувъ
звычайный, але державъ себе холодненько й дуже поважно,
й билше роспытувавъ за церкву, за парафію, нижъ про
давни свои стосункы зъ Моссаковськымъ. Моссаковський
бувъ ласкавый, кланявся, але не дуже щыро, а билше пид-
лесливо, якъ кланяється ныжчий выщому. Въ кимнати за

дверыма прытаилась Оныся, якъ мертва. Вона прислухалась до розмовы, и йїи взяла велька хить подывытысь на Балабуху. Выйты до його вона ни за що въ сьвити не думала. Якъ ласочка, вона стала на стилець и заглянула въ сьвитлицю черезъ дирку надъ дверыма, де на одvirку стоявъ рядокъ проскуръ. Вона зырнула цикавымы очыма й побачыла, що Балабуха бувъ зъ короткою густою, чорною бородою, зъ короткымы чорнымы кучерямы кругомъ головы. Чорни вуса та борода заслонылы його негарни губы, й винъ ставъ теперъ багато кращый.

Моссаковський взявъ ключи зъ килочка й повивъ благочынного до церкви. Балабуха оглядивъ церкву й рызныцю й похвалывъ и обмалювку церкви, й нови образы, й рызныцю. Отець Харытинъ скоса поглядавъ на страшный судъ, на купы чортивъ, але Балабуха на чортивъ навить не глянувъ.

Тымъ часомъ Оныся наготувала на столи полудень и поставыла пляшкы. Батюшкы, вертаючысь зъ церкви зайшли подывытысь на нове господарство. Оселя була добре опоряжена. Громада обгородыла городъ и двиръ, повшывала заново повиткы й загороду, клуню й комору, поставыла кругомъ загороды загату зъ остришкамы; скризъ було чысто, по-господарський.

— Одже ваша громада васъ любить, и знать, що дбае на васъ, якъ на саму себе,—сказавъ Балабуха;—а наши богуславци про мене, здається, й вухомъ не ведуть. Въ мене не тилькы все стоить не повшыване, обидране,—въ мене навить ворить не поставылы—такъ и стоять поламани.

Моссаковський зъ задоволяною миною осьмихнувся однымъ бокомъ рота й попросывъ Балабуху въ покои на полудень.

Сившы за полудень, Балабуха згадавъ свою Олесю; його потягло додому; винъ неначе бачывъ йїи веселый выдъ за столомъ поручъ зъ собою й чувъ йїи голосъ. Въ кимнати ледви почувся задержанный голосъ Оныси Степанивны. Балабуха прытыхъ и нибы замеръ... Той голосъ бувъ

такий знайомый. Йому дуже заманулось хочь глянуты на Онысю, подывытысь на йїи гостри, тонки бровы та на блыс-кучи очи. Винъ не втерпивъ и спытавъ Моссаковського:

— Чы здорова Онысія Степанивна?

— Спасыби вамъ! Трохы нездужае чогось, — десь, ма-бутъ, застудылася та вже такы давненько кашля,—одказавъ Моссаковський.

— Шкода!—тыхо промовывъ Балабуха, а його думка зновъ полетила додому; зновъ винъ нбы углядивъ передъ собою съвижий Олесинъ выдъ.

Балабуха швиденько закусывъ и звеливъ подаваты воза; винъ думавъ зайнхаты ще въ одно село, але передумавъ и звеливъ погоничеви вертатысь додому.

Покры Балабуха дойхавъ до Богуслава, надвори зовсімъ смеркло. Зъ пекарни черезъ двое виконъ лывся на темный двиръ ясный съвить; черезъ викно було выдно полумя въ печи, горшки попрыставлювани до жару й навить поросятныкъ зъ поросямъ, що задерло вгору чотыри чорни нижкы й гостре рыло. Кылына, запнута билымъ рушныкомъ замись хвартуха, поралася коло печи. Зъ съвитлыци черезъ нещильно причиняни виконыци просьмыкувалысь довги смугы съвита й падали на тынь.

— Чого це съвитытыся въ съвитлыци? Певно прыйихалы гости, — подумавъ Балабуха й одчынивъ тыхенько двери.

Зъ съвитлыци полывся ясный съвить, а зъ съвитомъ—густый дымъ одъ тютюну. Въ хати высилы хмары дыму, неначе стоявъ густый туманъ. На канапи сыдила Олеса зъ гытарою на колинахъ, а поручъ зъ нею сыдивъ близьенько Сыгызмундъ Бонковський, зъ довгымъ цыбукомъ въ роти. Балабуха вглядывъ йїихъ, якъ черезъ густый туманъ, и тилькы примитывъ съвиже лице Олеси, неначе рожу, покрыту газовой матерыею, та велику кучеряву голову Бонковського. Балабуха не примитывъ, що одна рука Бонковського обгортала Олесинъ станъ.

— Хто тамъ?—крыкнувъ Бонковський, прыдывляючысь черезъ хмары дыму.

— Свои!—загубъ басомъ Балабуха, вступаючи въ сьвитлицю.

Олеся не ворухнулась и тильки поклала гытару на каналу. Бонковський вставъ и кынувся на зустрічь Балабуси.

— Якъ ся маєте, шановный, вельможный панотче!—крыкнувъ Бонковський, обнимаючи й цилуючы Балабуху трычи въ уста.

Балабуха байдужно, ажъ сердыто прывытався до Бонковського, и, не прывытавшись до Олеси, пишовъ до кимнаты роздягатысь.

Письля выйизда Балабухы Олеся пишла гуляты въ мисто, вглядила тамъ старого знайомого, пана Бонковського й запросыла його до себе на вечирь. Вона думала, що йи чоловікъ не такъ швидко вернеться додому зъ своеи благочыни...

Балабуха скинувъ зъ себе дорожню одежу, ввійшовъ у сьвитлицю, небывъ люльку тютюномъ, запалывъ и сивъ на стильци. Винъ скоса поглянувъ на Олеся; Олеся почервонила, якъ макивка. Все трое курылы й мовчали.

Въ Бонковського була думка встаты й роспрощатысь, але винъ чувъ, якъ кувикало пидъ ножемъ порося, й надумавсь такы зостатысь на вечерю, бо йому хотилось йисты. Винъ весело, ни крышки не замишавшись, почавъ розмову.

— Якъ же вамъ, отець благочынный, йиздылось? чы далеко булы?—спытавъ Бонковський сьмыливо.

— Недалеко,—въ Вильшаныци,—обиззався Балабуха та й зновъ взявъ у губы цыбукъ и потягнувъ зъ його такъ, що въ люльци зашкварчало, якъ у рынци, а поверхъ люльки схопылось полумя.

— О, я знаю Вильшаныцю й не разъ тамъ бувавъ у покойного старого батюшки. Що за добра прывитна душа бувъ небижчыкъ, царство йому небесне! Який щырый, який прывитный, який господарь! Такого трудно знайти мижъ людмы!—роспустывъ мову панъ Бонковський, щобъ поты загаяты часть, покы спечеться порося.

— Добрий був чоловік,—знехотя обизвався Балабуха й зновъ зъ пересердя потягъ люльку такъ, що огонь зновъ запалахкотивъ.

— Чы бачывъ же Онысію Степанивну?—спытала Олеся дрыжачымъ голосомъ.

— Ни.—коротко одрубавъ Балабуха.

Зновъ уся трое замовкы, и тилькы въ съвитлыци було чуты, якъ трищавъ тютюнъ въ люлькахъ, якъ цыбуки гарчалы, нибы лыхи собаки, а дымъ хмарами пиднимався пидъ стелю.

— Я знавъ Онысію Степанивну ще панною. Ото була цяця! Ну, та й цяця,—якъ крашанка! якъ пысанка! якъ золото!—почавъ выхваляты Бонковський.

— Шкода тилькы, що въ плахти ходыла. Мабуть теперъ завертилась въ намитку, мовъ сильська баба. Не люблю я тыхъ намитокъ та плахотъ, не уподобни вони мини—обизвалась Олеся.

— Часомъ ти намиткы та плахты бувають луччи одъ суконь,—обизвався трохи грубенько Балабуха.

— Вже сердься—не сердься, а поросяты такы диждусь,—подумавъ Бонковський и зновъ распочавъ исторію за Онысиного батька, за вильшаныцьки лисы та облавы на вловахъ въ лисахъ, перебравъ панивъ та йкономивъ, а дали перейихавъ у Хохитву й почавъ розказуваты за Терлецькыхъ, зъ Хохитвы перейихавъ у Стебливъ, зачепившы по дорози отця Мельхыседека, сьміявся зъ його жинкы Марты, такъ що Олеся реготалась, докы Кылына й справди не застелыла стола й не подала поросяты.

Олеся попросыла гостя за стилъ. Въ поросяты вуха, нижкы й навить шкура—все погорило на вугилля. Але Бонковський уклавъ у копы пивъ поросяты, ажъ суха шкура лущала въ його въ зубахъ.

— Якъ чудово вы вміете готуваты! Яка зъ васъ, Олександро Петровно, господиня!—хвалывъ Бонковський, упливаючы порося.

— Пхе! — сказала Олеся, покуштувавши сухой нижкы.— Кылына не доглядила й пересмажыла й попусвала. Треба шукаты кухаря!

— Я вамъ порекомендую; одъ нашего дидыча одходить кухарь; колы хочете, я скажу йому, щобъ винъ до васъ прыйшовъ. Тамъ, якъ що зготуе, то тилькы пальчыкы облыжешъ,—говорывъ винъ, уплитаючы печену курку писья поросятыны.

Балабуха тилькы блыснувъ на Бонковського сердытымы очыма й мовчавъ.

Повечерявшы, Бонковський безъ церемоніи вхопывъ шапку, попрощався й пойхавъ додому. Кылына попрыбирала зъ стола. Балабуха смоктавъ люльку й мовчавъ; Олеся й соби мовчала.

— Ты на мене чогось сердыся? — спытала Олеся, поклавшы чоловикови руку на плече.

Балабуха мовчавъ и дывывся на сътину.

— Може ты думаешъ, що я зумысне запросыла до себе Бонковського; я його й не думала запрошуваты: бувъ на базари й зайихавъ, та й годи!

Балабуха тягъ люльку й мовчавъ.

— Чого це ты мовчышь? Чы ты сердыся на мене, чы ни? — пытала Олеся.

Балабуха мовчавъ и курывъ.

— Слухай бо! Ты сердыся на мене? Еге? — спытала Олеся й легко вдарыла Балабуху по плечи:—та покынъ бо оту люльку та говоры зо мною.

Олеся хотила вырваты зъ його рукъ люльку. Балабуха не пустывъ зъ рукъ цыбука й легко одвивъ на бикъ йи руку.

— Ото не люблю, якъ чоловикъ мовчыть. Говоры що-небудь! чы хвалы мене, чы гудъ, але говоры!

Балабуха мовчавъ и мочкы зновъ набывъ тютюну въ люльку.

— Та й запекла жъ ты людына! Ты креминь, а не чоловикъ. Я бъ зъ кремния добула слова. Кыдай люльку та говоры зо мною!

Олеся смькнула зъ його рукъ люльку такъ, що искры посыпалысь долоду. Балабуха вставъ и мовчки вийшовъ у двирь, не надившы навить шапки.

Ничь була темна. Небо чорнило, якъ чорне сукно, а по йому блыщали зори, нибы золоти крапли. Бувъ легкий осинній морозъ.

Богуславъ нибы вымеръ. Ни въ одни хати не съви- ться огонь; нигде не було чути ни найменшого гуку; тилькы вода шумила по каминни однотоннымъ шумомъ.

Балабуха вийшовъ за двирь и пишовъ шляхомъ на- нызъ надъ Рось. Шумъ воды стававъ чутниший. Було чутъ, якъ середъ шуму вода булькотыть, леться, хлюпае по ка- минни. Передъ очыма въ Балабухы стоялы, якъ намальо- вани, дви съвижи фізіономіи, одна коло другои, середъ хмары густого дыму, обидви весели, румяни. Въ шуми воды винъ неначе чувъ йихъ веселу розмову та регить.

Отъ фыля вдарылась разомъ объ каминь и неначе крыкнула, и йому почулось, що задзвенивъ аккордъ на гы- тари й замеръ... Балабуха стоявъ въ темряви, а вогонь въ люльци спахувавъ, якъ огняне око, й зновъ погасавъ. Якесь недобре почування заворушылось въ його серци й не давало серцю втыхомырытысь. Балабуха тыхо вернувся до хаты, и, не промовывшы й слова до жинкы, розибрався й лигъ спаты.

На другый день Олеся прокынулась и весело защебе- тала до чоловика. Винъ мовчавъ. Мовчки винъ убрався, по- мольвся й сивъ до чаю.

— Чы ты й доси на мене сердыся?—спытала Олеся.

Балабуха пывъ чай и словомъ не обизвався до неи.

— Та ну бо, не выгадуй чортъ-зна чого! Чы ты граешъ въ якоиьс ыграшкы, чы шо?—говорила Олеся.

Балабуха навить не подывывсь на неи.

— Убгае соби щось у голову та й дметься. Отъ уже не люблю! Та я люблю тебе й билше ни за кого й въ го- лови не покладаю,—весело говорила Олеся.

А Балабуха мовчавъ та дывывся на самоваръ.

Олеся намовыла Кылыну, щобъ вона пишла й спытала въ батюшкы, що варыть на обидѣ. Кылына увійшла й почала пытаты, ледве осьмихаючысь. Батюшка зрозумивъ ту штуку й навить не глянувъ на Кылыну. Олеся обернулась до викна, тихо сѣмючысь.

Вже й пообидалы; вже й день мынувъ, а Балабуха мовчавъ. Навить слугы прымытылы, що батюшка не говорыть.

— Пани! може нашому батюшци поробляно, що вони оце цилый день не говорять,—сказала Кылына до Олеси.—Нехай Богъ мылуе всякого хрещеного,—це на людяхъ буває. Побижу я въ Хохитву до знахуркы,—въ насъ йе така баба, що одробыть.

— Ты катъ-зна що верзешъ,—сказала Олеся сѣмючысь.—Батюшка не зовсимъ здоровый, то й не говорыть.

Одначе мынувъ другой день, а батюшка мовчавъ, не наче онимивъ. Вже й Прокипъ прымытивъ те, и, порадывшысь зъ Кылыною, сказавъ до Олеси:

— Пани! ожъ слухайте, що я маю казаты: нашому батюшци й справди поробляно. Треба бигты въ Хохитву; тамъ въ насъ йе така дженджеляста баба... Вона якъ пидкурыть батюшку зиллямъ, то тры дни говорытымуть и не переставатымуть. Мене разъ якъ пидкурыла, то я тры дни моловъ языкомъ, якъ млынъ.

— Я тоби дамъ такой дженджелястои бабы, що ты не потрапышь, кудю втикаты,—сказала Олеся.

Ажъ третього дня увечери батюшка заговорывъ.

— Слава тоби, Хрестытелю! До тебе вернувся языкъ. Та й норovy жъ у тебе!—говорила сердыто Олеся.

— Якъ буде Бонковський разъ у тыждень до мене зайизджаты, то мій панотець по тры дни на тыждень буде нимый. Це не дуже прыемна ричъ! Що тутъ його робыты?—думала Олеся, поглядаючи на свого батюшку.

— А признайся теперь: правда, ты на мене сердывся за того пыкатога Бонковського?—пытала Олеся, сившы бльзенько коло його.

— Ну, сердывся,—сказавъ Балабуха.

— А теперь вже не сердыся?

— Теперь вже не сержусь.

— Ты дурнисинько на мене сердыся. Я молода, люблю товарыство,—безъ його мини важко,—нудьга бере. Чомъ бы пакъ намъ не поклыкаты на вечерь богуславську арыстократію: станового, його помишныка зъ жинкою та зъ дочкамы, доктора; поклычъ лышень йихъ та наймы трьохъ жыдкивъ музыкъ. Я потанцюю, а ты подывыся... Добре я кажу?

— Добре. Треба поклыкаты й батюшокъ сусидь зъ матушкамы,—говорывъ Балабуха.

— Еть! Цихъ не просы! Я не люблю твоихъ батюшокъ: вони прости, тилькы мини помистъ запаскудять чоботыщамы; не просы йихъ: я не люблю коло йихъ панькатысь.

— Ну, ну, добре. Не буду йихъ просыты,—говорывъ Балабуха.

— Отъ за це ты въ мене гарный! Знаешъ що: якъ пойдемъ въ Кывъ на ярмарокъ, накупы мини перстнивъ. Въ мене мало перстнивъ.

— Добре, добре, накуплю, хочъ у тебе йихъ, здається, не мало.

Олеся насадыла перстнивъ на два пальци правои руки до самыхъ кисточокъ и все поглядала, якъ вони блищать проты свитла.

Богуславська повитова арыстократія не довго ждала запросынъ: въ недилу писля службы Божои вона вся зайшла просто зъ церкви до батюшкы на чарку горилкы. Олеся, не спытавшы батюшкы, запросыла всихъ до себе на вечерь зъ жинкамы й дочкамы, бо йи шовкова зелена сукня вже була готова.

Балабуха поклыкавъ трьохъ жыдивъ музыкъ. Найихалы гости. Прыйихавъ становый,—старый кавалеръ, прыйшовъ докторъ, прыйихавъ помишныкъ станового,—старый полякъ зъ жинкою й пятьма дочкамы, прыйшовъ столоначалныкъ зъ сямъею; дрибни крющы зъ Правленія; пысарци зъ йикономіи, зачувшы скрипки, збиглыся й безъ запросынъ. Олеся убра-

лась въ нову ясно-зелену шовкову сукню, понадивала усе перстни й вийшла до гостей. Щобъ не клопотатысь вечерею, вона поклыккала бублейныцю мищанку, добру куховарку, и звелила йи пекты й варыты; сама вона навить не заглянула въ пекарню.

Гости збиралысь. Олеся похожала по свитлыци зъ панычами й жартувала. Дамы сидили кругомъ стола й розмовляли сами мижъ собою. Олеся присила на одну хвылыну коло йихъ и потимъ не промовыла до йихъ ни одного слова: вона не любила дамського товариства.

Жыдкы заграли кадрилъ. Жартовливый становый попросывъ Олесю въ танецъ. Олеся танцювала, якъ казали панычи, зъ усякымы выкрутасамы, выставляючы на показъ пальци, обсаджени золотымы перстнымы. Невесело олначе вона ходыла въ кадрили; йи думкы литалы коло Бонковського...

Колы це несподивано одчынылысь двери. Въ свитлыцю ввійшовъ Бонковський саме тоди, якъ Олеся танцювала кадрилъ. Въ дверяхъ зъявилась його роскишна кучерява голова, шыроки, мицни плечи; винъ на льоту поклонывся Олеси, поздоровкався зъ Балабухою й присивъ коло його. Балабуха насупывся й мовчавъ. Олеся кынула очыма на румяне лыце Бонковського й неначе почувыла, що въ неи вырослы крыла. Йи молоде лыце розгорилось, очи заблыщали; вона не знала, якъ ступыты, якъ повернутысь: то пиднимала голову до стели й заковувала очи пидъ лобъ, неначе личыла дошки на стели, то ходыла тыхо, выпрямившы станъ, то зминяла позу й несподивано починала бигаты, похылившы голову трошкы внизъ, неначе розризувала головою густы хмары дыму, то пустувала по-дытячий, втикала видъ свого кавалера, крутылась, вертилась, то часомъ, насупывшысь, не подавала кавалерови руки, неначе чогось сердылась, то зновъ пиднимала очи вгору й помаленьку плывла, якъ лебидь по води... Йи фантазія разгорювалась. Передъ нею розступалысь сътины, высоко пиднималась стеля; вона бачыла себе въ здоровому высокому зали середъ здоровыхъ дзеркаль,

середь безличи парь въ роскишныхъ уборахъ, облытыхъ рожевымъ яснымъ съвитомъ. Їи очи шукалы гарныхъ, молодыхъ, кавалеривъ, чудовыхъ очей, горячыхъ румяныхъ усть. Серце кыдалось швидко въ грудяхъ, бажало щастя. Щось гаряче, солодке лылося до сердца, просыло якогось палкого, огняного щастя безъ миру, безъ кинця...

Дамы переглядалысь, переморгувалысь и осьмихалысь одна до одной. Кавалеры вылыся коло Олеси. Балабуха сидивъ зъ люлькою въ зубахъ за стаканомъ пуншу й не зводивъ зъ Олеси очей; винъ забувъ навить за Бонковського, — Олеся чарувала його эксцентрычнымы позами, кокецтвомъ, танцямы, пышаннямъ.

— Тисно мини, душно мини тутечкы; здається, летила бь пидь небо, — думала Олеся, розтанцювавшысь пидь дви скрипки та флейту: — вылася бь птыцею въ широкому простори й кохала бь, кохала бь усимъ серцемъ, докы бь стало сылы й палу.

Вже мынула пивничъ, а танци не переставалы. Балабуха сивъ граты въ карты зъ старымы, а Олеся навить не думала за вечерю, не думала за гостей и литала въ мазури зъ Бонковськымъ, зъ пысарямы та офыціялыстамы. Вже самъ Балабуха, добре выголодавшысь, пишовъ у пекарню й звеливъ накрываты столы.

— Ну що, Олесю, добре натанцювалась? — пытавъ Балабуха, якъ гости порозйиздылысь.

— Такъ натанцювалась, що й сонъ мене не бере; якбы було лито, пишла бь оде у садокъ, надъ Рось, та гуляла бь до самого съвита.

Олеся ще довго ходыла по съвитлыци та литала десь далеко думкамы. Вже Балабуха спавъ та хрипъ на всю кимнату, а Олеся й не роздягалась: поглядала на себе въ дзеркало, мылувалась, якъ блищать въ дзеркали золоти перстни на пальцяхъ, якъ сле ясно-зелена сукня, якъ чорніють бровы на съвижому лоби; але сонъ несподивано впавъ на неи; очи злыпалысь.

— Чы люблю я свого чоловіка щиро, гаряче?—пытала сама въ себе Олеся. роздягаючысь:—ни, люблю такъ соби, грошкы; ледви-ледви люблю. Якбы хотилось покохаты щиро, гаряче, безъ кинця; покохаты, хочъ вмерты!..

VI.

Мынула зима. Настала тиха тепла весна. Прийшовъ Велькь день. Першого дня по обиди трохи не вся вильшаньцька громада зібралась на цвынтарь на медь, що тытарь и братчыкы по старому звичаю наварылы къ празныку. Медь продавалы въ одни хати, що стояла въ кинци здорового цвынтаря и звалась школою. Та хата й справди була колысь школою, але вже давно въ ти хати ниhto не вчывся, й вона звалась школою по давни на Украини традициі. Чоловикы й молодыци обсилы кружками увесь цвынтарь. Скризь въ середыни кружкивъ, на зелени трави выдно було простеляни рушнычкы або били хусткы. На рушныкахъ стоялы пляшкы зъ медомъ, лежалы крашанкы, пысанкы, пирогы, шматкы пасокъ для закускы; по-декуды билила пляшка зъ горилкою. На цвынтаря стоявъ гоминь, шумъ, якыйсь клежить, але не голосный, а задержаний, якъ подобало съвятому мисцю. Чоловикы й молодыци христосалысь, обнималысь та цилувалысь. Одынъ кружокъ запрошувавъ до себе близькыхъ сусидь та приятеливъ зъ другихъ кружкивъ. Уси частувалы одни другихъ своимъ медомъ, миялысь крашанками та пысанками. А за цвынтаремъ на выгони дивчата й хлопци вперше выйшлы съпиваты веснянокъ и граты въ весняныхъ ыграшокъ. Дивчата вперше, пилья довгого посту, повбиралысь въ квиткы й стричкы, скилькы въ йихъ лежало въ скрыняхъ, повдягалысь въ ясни юбки та съпидныци, въ червони чоботы. Зеленый выгинъ не-наче зацьвивъ макивками та рожами. Въ одному мисци дивчата, побравшысь за руки въ кружокъ, выводлы тавецъ, съпиваючы перепилкы; въ другому бигалы въ хрещыка; а

тамъ дали сѣдили довгими рядками й гралы въ жельмана. Диты сновыгали по цвынтари й по выгони, качалы крашанкы по трави, гралысь навбытки крашанкамы. Маленьки хлопьята ганялысь за ягнятамы... Парубкы стоялы купамы кругомъ дивчатъ, въ новыхъ смушевыхъ шапкахъ, въ чорныхъ та въ билыхъ свиткахъ, пидперезани червонымы та зеленымы поясамы. Скризь було чуть письни. Хлопци дзвоннылы въ дзвоны, ажъ дзвиньця тряслась. На всехъ лыцяхъ ажъ сяла радисть. А сонце облывало зъ сынього неба яснымъ теплымъ сьвитомъ зеленый выгинь, квитчасти купы дивчатъ та хлопцивъ. Навить стари прыбралысь, нибы помолодчалы й покращалы.

И сьвято, й весна, й зелень, и золоте сонце всехъ звесельло, всехъ розворушыло.

— А що, панове громадо,—почавъ одинъ старый дидь на цвынтари, держачы чарку меду,—нашъ молодой батюшка не Богъ-зна зъ якымы достаткамы; въ молодого господаря порожня кышеня й комора; колы мы обибралы його соби на парафію, то треба йому й допомогты чымъ-небудь.

— А вже жъ, треба,—обиззався тытарь, сядячы на трави:—давъ Богъ весну,—часъ выряжаты въ поле плугы. Батюшка самъ не спроможеться выораты поле. Треба выслаты въ поле громадськи плугы та выораты йому поле пидъ ярыну.

А вже жъ, треба,—поки самъ не стане добре на ногы,—обиззавалысь диды:—и колы винъ не мае симена на посивъ, то треба бъ и засіяты.

— Отъ прыйде правыты вечерню, то й спытаемо,—сказавъ тытарь.—Незабаромъ увійшовъ на цвынтарь Моссаковский зъ жинкою. Його обступылы люде. Оныся пишла до молодыць и прысила середь одного кружка на камини. Люде хрыстосалысь зъ батюшкою, минялысь крашанкамы. Оныся прынесла повну хустку крашанокъ и хрыстосалась зъ молодыцями.

— А що, батюшко! Мы васъ обралы,—мы вамъ и можемо толокою, - выоремо вамъ поле пидъ ярыну, выжнемо

й озымыну. А чы маєте вы пашню на посивъ?—пыталы чоловики.

— Спасыби вамъ, люде добри,—кланявся Моссаковський громади:— насиння на посивъ, спасыби, давъ тесть, а колы ваша ласка, то й выорить, бо я не спроможусь своїмы наймытамы та воламы.

— Выоремо! Чомъ же не помогты,—обизвалысь чоловики;—одни пидуть по дню зъ плугами, други зъ раламы, а трети зъ боронамы, та й буде дилу ладь. Абы вы до насъ были добри, а мы вамъ допоможемо.

О. Харытина любыла громада за його простоту.

Моссаковський прысивъ на сходахъ коло дзвинуци. Тытарь поставывъ стола. Прынесли меду й сьвяченого. Чарка пишла кругомъ стола. Выпылы тытареву пляшку; батюшка пославъ за медомъ одъ себе й звеливъ одному парубкови побигты до хаты й вынести свого сьвяченого. Мижь батюшкою й парафіянамы була прымитна щыристь, якои въ наши часы вже давно нема.

Побалакавшы зъ людмы, Моссаковський звеливъ дзвониты на вечерню. Гоминъ та письни втыхлы одразу. Все, що были на цвынтари й за цвынтаремъ, встали на ноги,—все рушылы до церкви. Пляшки поховалы въ кышени; шматкы сьвяченого роздалы старцямъ. Выгонъ и цвынтарь спустивъ,—на йому не выдно було ни души. Тилькы мали хлопци выглядалы купамы зъ виконъ дзвинуци, ждалы чергы, щобъ останній разъ потягты „хвалу Богу за хвистъ“, це-бъ-то дзвоны за посторонкы, та погратысь дзвонамы.

Мынувъ велькодный тыждень, мынулы й проводы. Письля провидъ громада выслала плугы та рала до Моссаковского на його поле. Моссаковський пойихавъ до орачивъ, вывизъ йимъ могорычь та полудень. Олеся й соби намоглася йихаты на поле зъ батюшкою.

— Одже, Онысіе Степанивно, безъ васъ нигде вода не осьвятытсья, — говорывъ Моссаковський до жинкы, йидучы въ поле.

— Я, бачь, и до хаты, и до плуга, и до рала,—куды хочь поверны, скризь знайду ладь. Недурно жь я въ батька часомь и кони поганяла,—говорила Онысія Степанивна.

Громадськи плугы вскрылы поле. Пооране поле чорнило, якь чорне сукно, розстеляне на ясному сонци. Жайворонкы съпивалы надь риллею, высоко пиднявшысь вгору. Плугатары й погонычи крычалы, ляскалы батогамы, поганяючы во-лы. Моссаковськи стали на межи й поздоровкались зь людь-мы. Оныся скочыла зь воза й побигла по межи роздвля-тысь на поле. Тытаре и батюшка насылу встыгалы йты за нею.

Моссаковский радывся зь тытаремь, де сїяты гречку, де просо й овесь, де конопли та льонь. Оныся вмыкувалась въ розмову, сама порядкувала, неначе вона була господа-ремь, розказувала, де що сїяты, й показала, що вона й справди багато дечого тямить и въ чоловичому gospodar-стви. Тытаре зь батюшкою тилькы здвыгалы плечыма, дыв-лячысь на неи.

На межи розиклалы багаття, поставылы треногы, по-высылы казанокь. Онысія Степанивна закачала рукавы, за-куталась хустынкю, щобь не загориты, й кынулась готува-ты орачамь полудень.

— Що це наши хлопцы не выйизджають зь плугомь?—говорывь Моссаковский, поглядаючы на шляхь.—Я жь йимь звеливь заразь за намы рушаты зь двору.

— И не жды, бо не выйдуть,—сказала Оныся, крышачы цыбулю й втераючы рукавомь слюзы, що теклы одь го-строга цыбуляного духу.

— А чомь же вони не выйдуть?—пытавь здывованый батюшка.

— А тымь, що я звелила йимь копаты зь дивчатамы городь.

— Але жь вы, Онысіе Степанивно, звелилы, щобь мы подилылысь слугама: щобь наймычкы булы ваши, а наймы-ты мои,—прыгадавь несмылыво Моссаковский давню умо-ву, яку винь съвято державь.

— Ать, нагадай кози смерть, а коза й очи вытрищыла!— сказала сердыто Оныся:—я загадала наймытамъ копаты городъ, бо хйба жъ нема кому выораты поле? Дывысь, онъ скилькы плугивъ! Все одно выорють и безъ нашихъ наймытивъ. Ты не распоряжайся наймычкамы, бо моеи жиночои работы никола не переробышь, а на вашу чоловичу роботу тилькы плюнуты.

— Але жъ, Онысіе Степанивно, подумайте, що скаже громада; скажуть, що я скидаю на неи всю роботу, а своихъ наймытивъ жалую.

— Вже й ты наговорышь три мишки гречанои вовны, та ще й уси не повни. Ты краще не думай: „Ындыкъ думавъ-та й здохъ“, кажуть у прыказци,—говорила вже сердыто Оныся, кыдаючи цыбулю въ казань.

Батюшка замовкъ, прыкусывшы языка. Одъ того часу Оныся Степанивно тилькы для формы ыноклы просыла въ батюшки дозволу браты наймытивъ до своеи работы. Вона распоряжалась однаково наймычкамы й наймытамы.

Кулишь скипивъ. Оныся вытягла зъ воза мишокъ зъ сухарямы та зъ хлибомъ, простельыла на трави рушныкы, поклала ложки, поставыла мыскы й поклыкала орачивъ полуднуваты. Тытарь знявъ казань и понасыпавъ кулишу въ мыскы. На чыстому повітри розійшовся духъ одъ варенои стравы й змишався зъ важкымы пахощамы дыму та потоптанои молодои травы. Зелена цыбуля дражныла наркотычно нервы й апетыть. Отець Харытинъ вытягъ зъ воза барыльце зъ горилкою й поналывавъ пляшкы. Загорили чоловикы й хлопци въ бйлыхъ сорочкахъ и безъ брыливъ прыступылы до воза. Моссаковський почаствувавъ усихъ, выпывъ самъ и сивъ полуднуваты рядомъ зъ орачамы. Онысіа Степанивно забирала спорожняни мыскы, зновъ вдруге насыпала кулишу, краяла й подавала хлибъ дуже швыденько, неначе хапалась задля того, щобъ люде не гаялысь и билше дила зробылы. Тытарь пидганявъ хлопцивъ, щобъ швыдче махалы ложкамы та не дялысь за йижою. Пополуднавшы, орачи выпылы ще по дви чаркы горилки, перехрестылысь до схидъ сонця, по-

дякували й пішли до плугивъ. Оныся миттю попрыбирала все, поскладала на визъ, ще разъ побигла по рылли до тытаря й наказала, де сіяты конопли та льонъ, найпотрибниши для йи жиночого господарства, й звелила панотцеви рушаты додому. Йи думка вже литала по городи, де копали грядкы наймыты та наймычкы.

— Поганяй, панотче, швыдчи, бо я знаю, що мои наймычкы не копають, а граються зъ наймытамы,—говорила Оныся до батюшкы.

— Та нехай трохы пограються,—не велика беда!

— Отъ тоби, й невелика беда! Швыдче скопають городъ,—будуть ынчу роботу робыты. Ну, панотче! ты самъ не забагативъ бы безъ мене.

Тилькы що вони вйихали въ двиръ, Оныся скочыла зъ воза й побигла просто на городъ. Наймычкы дурилы зъ наймытамы, кыдали на йихъ грудкамы; наймыты ганялысь за дивчатамы по скопаныхъ грядкахъ, а заступы стерчали въ земли. Одынъ наймытъ лежавъ пидъ грушею й смоктавъ люльку. Оныся крыкнула на слугъ, вылаялась на весь городъ и побигла жалитысь до отця Хартытона, котрому було байдуже за городъ. Оныся взяла заступа й пишла копаты въ горидчыку на квиткы.

— А ну, панотче, ходы лышень сюды та заскородь мини грядкы,—крыкнула вона на отця Хартытона, котрый хотивъ йты въ хату, щобъ простягтыся на канапи й прочытаты „жытія съвятыхъ“.

— Оце напала на васъ манія до роботы. Копайте вже вы, а я пиду та трохы прочытаю!

Оныся тыкнула йому въ руки грабли, й винъ мусивъ скородыты, а потимъ чыстыты дорижкы. Копаячы грядкы, вона все выглядала з-за угла на городъ та подывлялась на слугъ.

— Ото чортове опудало! выскакуе зза угла, якъ козакъ зъ маку, та лякае насъ, неначе горобцивъ,—гомонилы слугы, подывляючысь на Онысю. Оныся скопала весь горидчыкъ и засеяла його квиткамы. Надъ самымъ ставкомъ бувъ крутий,

але невысокий зелений берегъ. Винъ прыгадувавъ йи місце наль Россю въ батькивському садку, край котрого бувъ засіяний квитками. Оныся скопала цилыну довгою смужкою, засіяла квитками й звелила Моссаковському прочыстыты туды дорижку.

— Але жъ выгадуєте вы таке, що въ мене вже ажъ спына лущыть,—стогнавъ панотець:—вы незабаромъ роскопаете вси наши горбы!

Посіявши квитки, Оныся кынулась въ пекарню, вчыныла дижу й наготувала все, що було потрібно на вечерю орачамъ. Впоравшысь въ пекарни, вона поклыкала одну наймычку й загадала йи варыты вечерю.

— Та сядьте, Онысіе Степанивно, та згорнить руки хочъ на-часокъ! — просывъ отецъ Харытинъ свою жинку.

— Колы не втерплю сядячы: не люблю посыденькы справляты, якъ Олеся. Сыды вже ты, якъ тоби хочеться, а я буду робыты й на тебе дывытысь,—говорыла Оныся.

— Колы жъ вы такъ бигаєте, що на васъ и дывытысь трудно,—говорывъ отецъ Харытинъ.

— То бигай за мною, якъ курча за квочкою, а я не сяду, бо ніякъ не всыдю на одному мисьци.

— Иій Богу, я васъ колысь прывяжу до стильця, щобъ вы одпочылы хочъ на годину. Якбы васъ доля кынула не въ село, а въ мисто, вы бъ розвели милійоны, колы такъ падковыто беретесь до работы.

— Я бъ тоби й мотузкы порвала, а такы бъ утикла!

И Онысіа зновъ вешталась и бигала то въ комору, то въ двирь, то въ покои, то въ льохъ. Въ йи сухорлявому тили, въ йи тонкыхъ жылахъ було стилькы напругы й завзяття, якъ въ сухи комашци або въ бджоли.

Вже настало лито. Громада выжала отцю Харытонови хлибъ и звезла въ тикъ, не вважаючы на свою роботу й на панщыну. Громада додержала свого слова.

Мынувъ рикъ. Оныся породыла дочку. Дытына дожила тилькы до вечора. Отець Харытинъ ледви встыгъ йи охрестыты. Воно передъ вечеромъ померло. Прыйхавъ зъ Чай-

кивъ Онысынъ батько зъ матирью; поплакалы й поховалы дытыну коло церкви.

Мынувъ ще якийсь часъ. Оныся породыла сына. Дытына зновъ черезъ день вмерла. Оныся трохи й сама за нею не вмерла.

Наставъ четвертый рикъ. Оныся ходыла вагитна.

— А що, матушко, бороны Боже, якъ и ця дытына вмере?— сказавъ, отецъ Харытинъ до жинкы.

— Нехай Богъ мылуе! Кажуть люде, якъ не ростуть диты, треба покликаты въ кумы або старця, або першого, хто на улыци стринеться,—говорила Оныся.

— Треба справди покликаты за кума старця Олексу Шмыда, а за куму або яку старчыху, або першу молодыцю, яка стринеться на улици,—сказавъ отецъ Харытинъ.

Письля Риздва Оныся мала дочку. Отець Харытинъ самъ побигъ до старця Шмыда й покликавъ його въ кумы, а вертаючысь додому, стривъ одну вбогу молодыцю сусиду й попросивъ йи держаты до хреста дытыну. Дытына була здорова. Оныся одклала хрестыны на-потимъ, а тымъ часомъ того жъ такы дня, послалы по сели тытарку просыты хозяйюкъ „на родыны.“

Молодыци зійшлыся пыты родыны трохи не зъ усього села, сповнылы всю съвитлицю, кимнату й пекарню. Де-яки молодыци попрыходылы зъ маленькымы дитьмы на рукахъ. Въ покояхъ бувъ гоминъ та шумъ одъ жиночыхъ тонкыхъ голосивъ. Мали диты плакалы. Молодчи молодыци распочалы готуваты купиль для Оныси Степанивны: одни носылы воду зъ ставка, други грилы окропы та выывалы въ здоровый шаплыкъ, що стоявъ у кимнати коло самого лжка породили. Молодыци робылы купиль зъ велькою охотою, бигалы, перепынялы дорогу одна други, сперечалысь, змагалысь, неначе гралысь своимъ диломъ. Баба повытуха, въ чысти сорочци, въ били чыстенъки намитци, командувала молодыцямы, неначе генералъ москалямы. Тытарка въ пекарни распоряжалась коло печи, готуючи для гостей обидь. Чоловикивъ було на родынахъ мало; воны сьидылы въ съвит-

льщи за столомъ зъ батюшкою й выпывали по чарци. Скупавшы Онысію Степанівну, молодьци силы рядкамы въ сьвітльщи за столы. Тытарка подавала страву черезъ наймычокъ и сила за стиль ажъ за останньою потравою. Довго сьдили гости й пылы, и вже надъ вечерь старостыха внесла зъ пекарни й поставыла на стиль горщыкь варенухы. Солодки горильчани пахоци рознеслысь по покояхъ и одразу вдарылы на языки. Языки неначе поскыдали гнуздечкы, и въ покояхъ неначе заклекотила сотня казанивъ зъ окропомъ. Тытарка налыла варенухы въ мыскы. Молодыци черпалы зъ мысокъ ложкамы й пылы. Вже смеркало надвори. Гости встали зза стола й довгымъ рядкомъ простяглыся до кимнаты, де лежала Оныся, щобъ подякуваты за хлибъ-силъ. Молодыци обцилували Онысю й на radoщахъ обицялы напряды матушци по пивмитку, а ткаля й сама не зоглядилась, якъ йи языкъ обицявъ выткаты матушци дурнычкы полотно.

Черезъ тыждень, въ недилу, отецъ Харытинъ запросивъ гостей на хрестыны. Позйизджалысь сусиды сьвященикы зъ жинкамы; прыйихавъ Онысинъ батько та маты, отецъ Мельхыседекъ зъ Мартою. Зъ батюшкамы прыйихало килькы молодыхъ студентивъ. Моссаковський ще задалегидь самъ пойихавъ просыты на хрестыны Балабуху, впрохавъ навить благочынну. Зъ парафіи отецъ Харытинъ попросивъ тилькы тытаря та тытарку, та заможнихъ господаривъ. Старецъ Шмыдъ зъ кумою прыбралысь въ чысту одежу. Шмыдъ бувъ кривый на одну ногу й узывъ навить нову мыльцю. Винъ бувъ здоровый плечыстый дидъ, трохы слипый на одно око, безъ бороды, зъ дсвгымы сывымы вусамы, зъ товстымъ голосомъ. На свою торбу, на свою латану свытыну винъ дыввся, якъ пипъ на ризы, й ставывъ себе колы не ныжче дяка, то ніякъ не ныжче діякона. Свою лиру винъ мавъ за сьвяте послаництво, щобъ возвицаты людямъ на ярмаркахъ спасенне слово. То бувъ гордый, поважный дидъ навить пидъ латаною свытою: въ йому ще не выдыхався духъ давнихъ кобзаривъ,—винъ розказувавъ за гайдамаччыну, за Гонтута Зализняка.

Гости зибрались въ сьвитлицы. Шмыдъ не насмилывсь итты въ покои й ждавъ зъ кумою въ пекарни. Дякъ прынсь сьвичкы, рызы та хрестыльню. Все було наготовляно, и тилькы тоди поклыкалы кумивъ. Шмыдъ поважно вступивъ въ сьвитлицю. За нымъ несъмилыво увійшла кума. Въ сьвитлицы вси встали. Повытуха поклыкала куму въ кимнату й подала йи на руки дытыну. Ставши поручъ зъ кумою. Шмыдъ заразъ почавъ хрестытысь до образивъ та пошепки молытысь. Благочынный надивъ рызы й почавъ чытаты молытвы. Сьвитлиця стала неначе церквою. Все стоялы поважно, зъ молытовными очыма; тилькы Олеся скоса поглядала на Шмыда й надула губы: йи страхъ якъ не подобався той старецъ та проста кума; цей простый звычай здававсь для неи комедією, дуже компромытуючою навить йи, не тилькы господаря.

Обрядъ скинчывся. Благочестиви мины помаленьку щезлы. Въ сьвитлицы позастелялы столы. Отець Харытинъ попросивъ гостей за столы. Шмыда зъ кумою посадовылы за столомъ на самому кинци, Олесю й Балабуху попросылы систы пидъ образами на першому мисьци, але якъ-разъ проты того кинця, де сьдили кумы. Благочынному було байдужисинько, але благочынна не могла дывытысь на Шмыда, на його слипе око, й навить гыдувала йисты.

Писья обида гости засьпивалы молытву й многая лита господаревы, господыни та новорожденни. Шмыдъ, выпившы добре, такъ гукнувъ впоперекъ многая лита, що Олеся, затулыла лице хусточкою й насылу вдержалась, щобъ не зареготатысь на всю хату. Шмыдъ зъ кумою подякувалы за обидь и выйшлы въ пекарню допываты хрестыны на-воли.

Подалы на стилъ сьвичкы. Баба бранка вынесла зъ кимнаты здоровый пиднось, заставляный чаркамы зъ варенухою. На пидноси кругомъ чарокъ була накладяна здорова купа пучкивъ зеленого барвинку зъ калыною. Баба обнесла всехъ гостей й обдарувала всехъ пучкамы. Гости кыдалы баби на тарилку гроши. Сильськи господары зъ жинкамы порозходы-

лысь додому. Въ покояхъ zostалысь тилькы батюшки, матушки та студенты.

Разомъ зъ варенухою подады на стиль яблука, груши, горихы, хрусты, конфекты та маковныкы. Варенуха розво-рушыла гостей. Стари матушки не давалы никому говорыты; тилькы йихъ було й чуты. Отець Мельхыседекъ взявъ гитару й примостывся на стильци съпиваты; зъ гитарою въ рукахъ винъ дуже нагадувавъ сильськыхъ кобзаривъ. Довга чорна борода, шыроке чоло зъ довгымы чорнымы бровамы, шырока ряса зъ просторнымы рукавамы, орлыный тонкый нисъ, темни блискучи очи, гарный дзвинкый барытонъ,—все переносыло думку въ якись дуже давни часы, въ часы украинськыхъ кобзаривъ, навить давнихъ рапсодивъ. Мельхыседекъ засъпивавъ церковныхъ писень. Все въ хати затыхло, тилькы лывся ривный, чыстый голосъ, неначе дзвенила мидна струна. Матушки розжалобылысь. Подекуды було чуты тыхи зитханья й одъ варенухы, и одъ письни. Мельхыседекъ одъ церковныхъ писень перейшовъ до народнихъ думъ и ставъ вже правдивымъ кобзаремъ. Гости навить забулы за варенуху. Чаркы стремилы неначе въ замерлыхъ рукахъ. Але швидко смутни мелодии трохы надокучылы гостямъ... Подекуды въ купкахъ нетерплячи матушки стыха задзыгорилы.

— Та ну бо, панотче, якои веселищон!—крыкнула його жинка зъ кутка:—мы й поснемо отутечкы зъ чаркамы въ рукахъ.

— На тоби й веселищон: вставай та танцюй!—сказавъ отець Мельхыседекъ.

Отець Мельхыседекъ засъпивавъ дрибного козачка такъ жваво та весело, що панычи застукотилы ногамы, а благочынна насылу вдержалась на стильци.

— Ой, не грай такъ дрибно, бо ще пиду танцюваты!—крыкнула Марта зъ кутка.

— Уже тоби не вгодышь: то дуже смутно, то дуже весело. Цимъ жинкамъ ничымъ не догодышь; все йимъ недогода!—обизвався отець Мельхыседекъ.

Письни розибралы студентивъ; вони почалы съпиваты хоромъ. До студентивъ прысталы батюшки, а за батюшкамы

не втерпили й матушки. Все въ свѣтлицѣ засьпывали, тильки отецъ благочынный сыдивъ мовчки зъ люлькою въ рукахъ та попывавъ варенуху, а поручъ зъ нымъ коло Онысіи Степанивны сыдила горда Олеся.

Довго сьпывали гости, докы декотри не похрыплы. Письля варенухы зновъ на стилъ поставылы пляшки зъ горилкою та наливкамы; господня вынесла закуску, а письмены подала вечерю. Письля вечери отецъ Мельхыседекъ не втерпивъ и встругнувъ штуку; винъ побигъ въ пекарню, наливъ воды въ той горщыкъ, въ которому була варенуха, закрасывъ йи трохи варенухою й пидсыпавъ перцю.

— Отъ потривайте, господине, я почастью шановныхъ гостей ще своею варенухою. Вы, матушки, якъ я бачу, не вмѣте гараздъ варыты правдывои варенухы. Я тутъ зъ тытаркою вдвохъ приставывъ у пичъ таку варенуху, що вы ще зъ-роду не пылы: и зъ родзынкамы, и зъ конфектамы, и зъ усякымъ кориннямъ.

— А ну ну! почаствуйте насъ! Що тамъ за диво вы заварылы зъ своею тытаркою!—крыкнулы матушки.

Отець Мельхыседекъ пишовъ у кимнату, поналывавъ чаркы й стаканы й звеливъ баби вынести гостямъ, наказавшы одначе потаенци помынуты госпожу благочынну та благочынного.

Гости кынулысь до варенухы. Проворни матушки сьорбнули й поскывлялысь; не ймучы виры своему смакови, гости поглядалы одни на одныхъ, докы не розшолопалы, що то була вода зъ перцемъ.

Въ хати пиднявся сьмихъ та регить: хто сьміявся, хто сердився; студенты реготалысь на всю свѣтлицю.

— Який же капосный ты, панотче!—крычала Марта, тыкаючи чаркою на Мельхыседека.—На, пый самъ те диво, що наварывъ. Вылыймо йому за пазуху, щобъ не дурывъ насъ.

Матушки обступылы о. Мельхыседека, и якбы винъ не втикъ въ сини, воны бъ и справди вылылы йому въ пазуху ту варенуху.

Вечирь бувъ зимній, довгий. Вже всі насъпивались и понапивались. Господарь звеливъ стлаты гостямъ постиль. Въ сьвитлиці постелылы на помости батюшкамъ та паньчамъ, въ кимнати такъ само на помости постелылы матушкамъ. Тилькы госпожу благочынну поклялы въ кимнати на лижку. Тымъ часомъ отецъ Мельхyseдекъ задумавъ ще встругнуты штуку гостямъ. Винъ побигъ въ пекарню й тыхенько звеливъ наймычкамъ навыйбраты въ льоху дрибнесенькой картопли, такой завбільшкы, якъ горихы. Наймычки прынеслы картоплю, помылы й обтерлы. О. Мельхyseдекъ убгавъ йи въ кышеню. Въ кимнати на лежанци стояла мыска зъ горихамы. Отець Мельхyseдекъ тыхенько высыпавъ туды дрибненьку картопельку, перемишавъ зъ горихамы ще й прытрусывъ зверху насиннямъ. Батюшки пороздягалысь и посидалы доли, на помости. Порозыбрылысь и матушкы й сидылы доли на своихъ постеляхъ. Тоди вже пышы въ моду пунши. Оныся Степанивна вынесла здоровый бутель рому, въ котрый входыло пиво видра. Ромъ бувъ настоящий на рожевому лыти. Бутель поставылы на постели. Оныся Степанивна вынесла стаканы зъ чаемъ, а батюшкы долывалы по пиво стакана рому. По покояхъ пышы наркотычни пахоци сьвижои рожи, змишани зъ духомъ рому. Матушкы зачулы въ кимнати той духъ и не втерпылы. Двери зъ кимнаты одчынылысь, и въ сьвитлицю высунулась одна матушка, потимъ заглянула друга й третя. Матушкамъ було невесело самимъ въ кимнати.

— Е, панотци, якъ у васъ гарно пахне! та це вы тутечкы пьете щось дуже смачне,—заговорила Марта, высуючы за дверей голову, завязану на ничъ биленькою хусточкою.—А ходимъ, паниматкы, до йнихъ та однимимъ пуншъ.

Напнувшы на плечи здорову хустку, Марта выйшла зъ кимнаты й сила доли коло бутля. За Мартою выйшла друга матушка, такъ само запнута хусткою, за нею третя. Въ кимнати зосталась тилькы благочынна та килькы молодыхъ соромлывыхъ. Матушкы посидалы зъ батюшкамы навкругы бутля й пидлывалы й соби въ чай рому. Всимъ стало

весело въ новыхъ позахъ. Почався гоминь та жарты. Въ стаканахъ въ батюшкивъ вже давно не було й крапли чаю, а воны все пидлывали рому.

— Чы нема, господине, въ васъ часомъ горिशкивъ для нашихъ матушокъ?—обизвався отець Мельхыседекъ:—отамечкы я наглядивъ въ васъ на лежанци добру мыску зъ ласошамы, та ще й не зъ простымы, а турецькымы. Мабуть, господине, ховаете не для гостей, а одъ гостей...

Онысія Степанивна подала Мельхыседекови черезъ дверы мыску зъ горихамы. Матушки розхапалы горихы въ одну мить; декотри поховалы по кышняхъ, щобъ повезты дитямъ додому гостынця, однятого нобы то на дорози одъ зайця. Отець благочынний й соби простягъ руку й вхопивъ жменю горихивъ.

Марта вкынула въ ротъ картоплыну, роскусыла й выплюнула; други матушки натрапылы на картоплю, але, розшолопавшы, выпльовувалы.

— Яки мяки горिशкы! Це мабуть загранишни, не прости, говорывъ отець Мельхыседекъ, прыжмурюючи хытро очи.

— А справди, якись мяки та чудни на смакъ,—обизвався благочынний, котрый, не розибравшы, вже ззивъ картоплыну, въ певни надїи, що то турецькы горихы.

— Щось неначе чы гныли горихы, чы шолудыви, чы що. И лупшынниа чогось мяке, неначе картоп...

Марта выкынула на долоню роскушену картоплыну, прынесла до свитла, — на долони й справди була картоплына.

— Ой, картопля! Йій Богу, картопля! Що це за диво! Чы може въ туркивъ таки горихы ростуть?—крыкнула Марта.

— А вже жъ въ Турціи не таки горихы, якъ наши,—роспочавъ вчений благочынний.

Отець Мельхыседекъ хытро поглядавъ на матушокъ и мовчавъ. Друга матушка роскусыла картоплыну, прынесла до свитла,—на долони лежала такы справжня картопля.

— Та це такы спрали картопля! Це насъ хтось дурыть!—крыкнула вона, скоса поглядаючи на Мельхыседека.

— Чы такы наша картопля, чы може турецька? а ке-те лышень, дайте сюды,—я подывлюсь!—сказавъ Мельхyseдекъ, роздывляючысь на картоплю.

— Чы ты ба,—яка маленька!

— Та це ты, старый, мабуць дурышъ насъ, накыдавъ въ горихы намъ картопли!—крыкнула Марта.

— Отъ и выгадала! Пишовъ бы настариць у ночи шукаты картопли. Це мабуць ты сама дурышъ насъ,—обиззався зъ поважною миною отецъ Мельхyseдекъ.—Одначе призволяйтеся, матушкы, на здоровячко, ще й у кышени наховайте та повезить дитямъ на гостынецъ.

Въ свитлыци пиднявся сьмихъ та гвалтъ. Матушкы почалы кыдаты на Мельхyseдека горихы й картоплю; на його голову посыпалось насиння.

— Накладимъ йому пидъ подушку цихъ турецькихъ горихивъ, нехай уночи самъ пойиць,—говорила Марта, пидкладаючы Мельхyseдекови пидъ подушку картоплю й горихы.

Отець Мельхyseдекъ зъ байдужною миною повиыдавъ картоплю, а горихы пойивъ. Гости спорожнылы бутля, й на дни зосталось тилькы рожеве лыстя. Оныся Степанивна вынесла зъ кимнаты барыльце. Отець Харытинъ зновъ наливъ бутля. Рожевий лысть загравъ въ горильци, неначе пурхнулы зъ дна горобци.

— Выьемо ще по одному пуншови до подушкы, та й лягаймо спаты,—промовивъ отецъ Мельхyseдекъ, наливаючы въ стаканъ рому.

Выпылы ще по одному пуншови, а сонъ такы не бравъ. Пуншъ тилькы билше ростревоживъ усихъ. Усимъ хотилось балакаты. Все розказувалы, крычалы, й ни хто никого не слухавъ.

— А даваймо ще сьпиваты, або що!—крыкнувъ отецъ Мельхyseдекъ.—А ну, Марто, починай!

Марта завела тоненькымъ голоскомъ, але въ неи голосъ неначе спорснувъ и перетявсь. Марта покашляла, зновъ зятягла, та й не вывела. Нытка зновъ порвалася. Мельхyseдекъ хотивъ йи пиддержаты, але тилькы загарчавъ. Студенты

пидхопылы, матушки прыстали до йихъ. Кожный тягъ, куды попалось. Концертъ вийшовъ якъ разъ такый, якый съпивае череда, йдучы зъ поля въ село.

— Чорта-зъ-два засъпиваемо, колы оци рожи въ бутли забылы паморокы,—сказавъ отецъ Мельхyseдекъ: — чы не поклыкаты бъ зъ лирою Шмыда: нехай бы намъ засъпивавъ Лазаря.

— Колы й Шмыдъ ласый до бутля: ще сховае бутля въ торбу,—сказала Марта.

— Поклычмо бабу Орышку,—оця такъ утне! тамъ тоби така дженджеляста!—сказавъ Мельхyseдекъ.

— А справди, поклычмо!—крыкнулы вси.

Одынъ студентъ побигъ въ пекарню й розбудывъ бабу Орышку. Баба спросоння схопылась. Панычи взяли йи по-пидь руки й привелы въ съвитлицю.

Отець Мельхyseдекъ поставывъ середь постели стильчыкъ. Бутля посунулы набикъ, и на мисци бутля сьдила баба Орышка въ чорни запасьци, завязана билою хусточкою; сьви косы повылазылы зъ-пидь очипка. Сонна баба сьдила на стильчыку, неначе видьма на Лыси гори.

— Ожъ на, бабо, выпый цього дыва, то може швидче прочумаеся, — сказавъ отецъ Мельхyseдекъ, подаючи баби стаканъ зъ ромомъ.

Баба вхопыла въ ротъ рому й закашлялась по-овечому.

— Ой, цуръ йому! Якъ його попы пьють? Якбы я выпыла, то до съвита и здурила бъ,—сказала весела баба, дуже ласа до жартивъ.

— А ну, бабо, выпийте,—мы побачымо, якъ вы здурієте до съвита,—заговорылы панычи.

— Еге! здурійте вже вы сами переднише, а я стара вже за вами,—сказала баба розвеселывшысь.

— Може бъ вы, бабо, засъпивалы намъ, бо въ насъ одъ цього пуншу вже паморокы забыло.

— Потрывайте жъ, выпью для съмыливосты, щобъ голосу набратысь,—сказала баба, пидячы ромъ черезъ зубы.—Та й

смачну жъ вы горилочку пьете! Ото колыбъ намъ шинкаръ таку продававъ,—сказала баба.

— Ага! розсмакувала! Ну бо, починай хутчи, та беры тонче,—крыкнулы госьти.

— Колы жъ соромлюсь! Хочь не дывитесь жъ уси на мене,—сказала баба.

— Одже жъ ты, Орышко, ще бь и замижъ пишла,—сказала Марта.

— Пишла, якбы пакъ хто сватавъ, але ніякий проклятуций дидь щось не квапиться мене свататы.

— Посылай старостивъ до Шмыда,—отъ буде тобі й пара. Ну, починай бо мерщи! — сказавъ отецъ Харытинъ.

Баба, зъ чаркою въ рукахъ, почала тонесенькимъ, але ще мицнымъ и ривнымъ голосомъ Грыця, засьпивала ще килькы смутныхъ пisenь.

Гости замовкылы й слухалы. Отець Мельхыседекъ позихнувъ на всю хату, а за нымъ отецъ благочынвий.

— Годи, бабо, смутныхъ! Сьпивай намъ веселыхъ,—такыхъ, щобъ жыжки задрывалы! Такыхъ, щобъ булы заправляни кориннямъ та перцемъ, якъ варенуха,—сказавъ отецъ Мельхыседекъ.

Орышка засьміялась и почала сьпиваты веселыхъ, трошки заправляныхъ перцемъ:

Пишло дивча по горишкы,
Та не знало, що за гай;
Здыбавъ його гарный хлопець,
На имення Мыколай...

Орышка розвесельялась и, сьпиваючы, почала кываты та пидморгуваты чорнымы довгымы бровамы. Батюшкы й панычи реготалысь.

— Якбы музыкы, ты бь, Орышко, й потанцювала,—сказалы панычи.

— А чомъ же! Якъ выпью цього ведмедя ще одну чарку, то, йій-же Богу, такъ и пиду по хати гацаты метельци, ще й на одни нози.

Поки баба тишыла гостей, отецъ Мельхыседекъ убрався й выйшовъ у двирь. Винъ задумавъ встругнуты ще одну штуку. Поклыкавшы наймытивъ, винъ звеливъ йимъ мерщи питты на ричку, ныжче одъ млына, де по каминни шумила незамерзла вода, й напечеруваты ракивъ.

— Якъ выпечеруете хочъ зо тры раки, дамъ кварту горилкы,—сказавъ Мельхыседекъ.

Наймыты швиденько побиглы й налапалы пидъ каминцямы пять ракивъ.

Отець Мельхыседекъ вкынувъ йихъ у кухоль и пидъ полою внисъ у горныци та й поставывъ пидъ стильцемъ за своиы чобитьмы.

Наслухавшысь писень, гости одислалы бабу спаты. Матушкы повыходылы въ кимнату, а батюшкы та панычи полягали покотомъ на постеляни одежи й повкрывалысь кожухамы. Отець благочынный лигъ зъ краю по одынъ бикъ, а два стари батюшкы, дя спокою, ляглы зъ другого краю, осторонь одъ усихъ. Воны добре зналы, що панычи та отецъ Мельхыседекъ ще довго не дадутъ гостямъ спаты.

Погасылы съвитло. Въ хати стало поночи, хочъ око выколы. Ничъ була така тыха й темна, що навить не було знать виконъ, трохы прыкрытыхъ гиллястымы старымы грушамы. Въ темни кимнати ще довгенько дзигорылы матушкы, пересуджуючы сусидъ, але й воны потомылысь, и декотри почалы дриматы. Ридче сталы розносытысь по темныхъ покояхъ голосы. Благочынный и стари съвященныкы вже хроплы на всю хату. Тилькы отецъ Мельхыседекъ не вгававъ, не перестававъ жартуваты й не дававъ другимъ спаты, але й винъ изнемигся, замовкъ и прыставывсь, нибы то заснувъ; винъ одначе не спавъ.

Тилькы що вси почалы дриматы, Мельхыседекъ доставъ зъ кышени картоплю й кынувъ въ двери кимнаты. Картопына стукнула объ двери, неначе куля.

— Ой, щось стукнуло!—зашепотилы въ кимнати матушкы.

— А може то такъ здалося черезъ сонъ, — говорила Марта.

— Йій Богу, стукнуло въ двери, неначе хто выстрельвъ, — сказала одна матушка.

— Та то мабуць двери на морозъ лущать, — сказала Марта.

Мельхyseдекъ вставъ, навшпынячки пробравсь въ кимнату до матушокъ, пидкрався до викна й задряпавъ нитямы въ шыбку, ажъ тахля задзвенила.

— Ой, щось стукае та дряпае въ викно!—зновъ зашепотили матушкы.

— Та може то мыша шкребе объ сътину, — промовыла Марта.

Вси матушкы попидводылы головы й глянулы на викно.

Въ ледви прымитному викни выдно було чорну постать, — вона роспяла руки й прытулылась до викна, неначе заглядала въ хату.

— Ой лышечко! Щось заглядае въ викно! Це якась мара або потороча!—крыкнулы матушкы.

Не встыглы вони крыкнуты, за викномъ вже стояла била постать, розипявши проты викна руки зъ билимы шырокымы рукавами. Матушкамъ здалося, що то мрець, напнутый покрываломъ. Вони й справди полякалысь, повскакувалы зъ постели й збылысь въ одну купу коло лежанкы. Благочынна скочыла зъ лижка й втикла ажъ до порога. Якесь опудало стояло за викномъ, неначе мертве, непорушне, розставывшы руки.

Въ съвитлыци вси заворушылысь. Прокынувсь Балабуха. Прокынулысь стари батюшкы.

— Що тамъ таке? Чого вы галасуете?—загомонивъ отець Мельхyseдекъ.

— Онъ щось биле стоить за викномъ, — лыбонь мрець. Иды лышенъ сюды та засъвиты съвитло, — сказала Марта, сьмилывиша й проворниша одъ ынчыхъ.

О. Мельхyseдекъ заглянувъ въ кимнату. Била постать зныкла.

— Де жъ той мрець?—сказавъ Мельхyseдекъ, дывлячысь на викно:—то мабуць вы хлыснулы черезъ миру пуншу до

подушки, то вамъ и мерци показуються. Отъ до насъ вони не насмиляться прыступыты.

Отець Мельхыседекъ пославъ одного студента у садокъ, щобъ винъ трохи налякавъ матушокъ. Двери рыпнули. Въ хату ввійшовъ зъ реготомъ мрець, напнутый простырядломъ, одчынивъ двери въ кимнату й низенько поклонився матушкамъ. Страхъ мынувъ. Паньчи сьміялись, а матушки доты лаялись, докы зновъ полягали въ постиль. Въ сьвитльци зновъ уси загомнили. Страхъ та жарты прогналы сонъ.

— Йій Богу, спаты не хочеться. Що йго робыты!—сказавъ отець Мельхыседекъ, и зъ тымы словами винъ захопивъ подушку й кынувъ на край довгои постели. Подушка влучыла въ одного старого батюшку по лыци.

— Ты Богъ-зна що робышь, отець Мельхыседекъ:—дуріешъ, якъ малый хлопець,—сказавъ старый батюшка й прытыхъ словахъ швыргонувъ подушку назадъ, на отца Мельхыседека. Але подушка помынула йго та влучыла благочынного по голови.

Благочынный зобидывся, схопився зъ мисця, захопивъ подушку й зъ усіей сылы кынувъ, якъ йому здавалось, на о. Мельхыседека. Подушка зновъ бухнула по спыни крайнього старого сьвященика. Старый зъ-пересердя зновъ шпурнувъ подушку назадъ. Подушка бухнула въ благочынного. Отець Мельхыседекъ лежавъ посередыни й тилькы чувъ, якъ подушка литала надъ нымъ, неначе здорова гуска, та десь гупала. Винъ не выдержавъ и зареготався.

— Дай, Боже, вамъ побытысь, а намъ подывытысь,—сказавъ винъ, не выдержавшы.

— То це усе ваши жарты, панотче! то це вы пустуете, та не даєте намъ спаты! Давайте йго душыты!—крыкнулы батюшки й паньчи.

Паньчи впіймалы о. Мельхыседека й почалы шарпаты за сорочку. Благочынный и соби не втерпивъ: винъ захопивъ Мельхыседека за сорочку й шарпнувъ такъ, що въ його рукахъ зосталось пивъ сорочки; други почалы й соби ся-

паты й обскублы панотця такъ, що на йому зостався тилькы комиръ та рукавныкы.

— Оттуды икъ дидьку! Теперычкы я зовсимъ голый,—сказавъ Мельхyseдекъ, лапаючи себе за комиръ, що телпався на товсти шыи.—Господыне! дайте, будьте ласкави, стару сорочку, бо на мои шыи зосталось тилькы намысто зъ комира, — говорывъ Мельхyseдекъ, одхылившы двери въ кимнату.

Оныся встала, полапкы знайшла въ скрыни стару чоловікову сорочку й подала о. Мельхyseдекови. О. Мельхyseдекъ убрався й лагодывся лягты на посьтиль, але роздратованный старый батюшка налапавъ Мельхyseдека й зновъ сипнувъ за сорочку такъ, що въ його на шыи зновъ зостався тилькы комиръ. Панычи обскублы решту й рукавы.

— Ой, господыне! дайте ще сорочку, та вже мицнишу, бо зновъ оти каты пошматкують,—благавъ о. Мельхyseдекъ черезъ двери.

Оныся трохы розсердылась, одначе встала, навпомацкы дійшла до скрыни, полапкы выйняла зъ скрыни стару сорочку й подала Мельхyseдекови.

— Такъ вамъ и треба, щобъ не лякалы!—говорила Оныся Степанивна, — але якъ цю подеруть, то вже билше не дамъ.

Гости вже билше не зачипалы Мельхyseдека.

Теперь вже справи у си потомылысь. Розмова й жарты якось не клеилысь. Уси не счулысь, якъ позасыпалы дуже мицнымъ сномъ. Уже й мерци никому не то що не показувалысь пидъ викнамы,—навить никому не снылысь.

Тилькы що надвори почало розвйднюватись, и въ кимнати заворушылысь матушкы, о. Мельхyseдекъ тыхенько вставъ, налапавъ кухля зъ ракамы, повытягавъ ракы й попидкыдавъ пидъ кожухы двомъ старымъ батюшкамъ, котри спалы, якъ побыти. Надвори почало сириты. Отець Мельхyseдекъ почавъ крычаты на всю хату й побудывъ усихъ. Стари батюшкы ще спалы.

— Якъ сплять! якъ сьвати, а вчора мене набылы бeбeхa-мы, якъ жыды гамана, — сказавъ отецъ Мельхиседекъ, показуючы на сывыхъ батюшкивъ:—а докы вы спатымете! Вставайте, а то пидъ вами ще й ракы росплодяться, — гукнувъ отецъ Мельхиседекъ, надъ самымъ вухомъ одного батюшки.

— Ой, щось щыпається! Чортъ-зна що выгадав! Чого ты, отецъ Мельхиседекъ, щыпаєся?—крыкнувъ спросоння другый батюшка.

— Духъ Сьвятий зъ нами! Я лежу одъ васъ за верству. Може васъ, панотче, блохы кусають,—сказавъ Мельхиседекъ зъ невынуватистою ягняты.

Старый батюшка зновъ крыкнувъ и схопився зъ постели. Въ його на ноги высивъ ракъ.

— А ба! я казавъ, щобъ вы не спалы такъ довго, бо пидъ вами заведуться ракы, — сказавъ отецъ Мельхиседекъ, потягаючысь:—може й пидъ цимъ старымъ завелъсь ракы. Паньчи, а йдить печеруваты ракы.

Отець Мельхиседекъ засунувъ руку пидъ кожухъ и справди вытягъ звидтилъ рака. Студенты кынулысь и соби печеруваты ракы й вытягли зъ -пидъ панотця цилыхъ пять штукъ. Старый панотець протеръ заспани очи, схопився зъ мисця й почавъ облапуваты себе навкругы. Винъ боявся, щобъ ракы часомъ не зализлы, куды було нетреба лизты.

Въ хати пиднявся регить. Студенты ловылы на постели ракы й складалы на тарилку. Благочынний схопився зъ постели й облапувавъ кругомъ себе рукамы. Винъ боявся, чы не завелъся часомъ за ничъ и пидъ нымъ ракы. Отець Мельхиседекъ одхыливъ двери въ кимнату, де покотомъ лежалы матушки, набравъ жменю ракивъ и потрусывъ ными матушокъ.

— Нате вамъ, матушки, на сьнидання павукивъ!—прыказувавъ Мельхиседекъ, посыпаючы матушокъ зверху.

Матушки спросоння вглядили маленькихъ ракивъ, и йимъ здалось, що то й справди здорови павуки.

— Ой, павукъ! Йій Богу, павукъ! Ой лышечко!—заверещала Марта, на котру впавъ одинъ рачокъ.

Слово „павукъ“ зробыло такый впливъ, неначе ыскра громовыны. Матушки разомъ вси попрокыдались, поскоплювались зъ постели й повтикалы до лежанкы. Благодчынна углядила мохнатого рака й соби схопылась и стала на лижку на ногахъ.

— Та це жъ ракы, а не павуки!—загомонили, прочумавшысь, матушки.—Де воны йихъ въ гаспыда набрали взимку? Це усе жарты Мельхыседекови. Якъ же можна такъ жартуваты!

— А чого жъ вы такъ довго спыте та выкачуетесь на соломи?—обизвався зъ съвитлыци отецъ Мельхыседекъ:—це добри хазяйки: сплять пакъ до обида. Спасыби ракамъ, що васъ побудылы. Вставайте та по чарци давайте, а вы, Онысіе Степанивно, звелить поварыты ракы на съниданя старымъ панотцямъ, бо це мы пидъ ными напечерувалы. Це вы вышлодылы: чья праця, того й корысть.

Отець Мельхыседекъ розигнавъ усимъ сонъ. Матушки швиденько повмывались, попрыбиралысь и выйшлы до съвитлыци.

— А* бачте, якъ швиденько прыбралысь. А то бъ и доси качалысь на подушкахъ та языками мололы нисенитныцю,—сказавъ отецъ Мельхыседекъ.—Будемо пыты вже похрыстыны, чы що.

На столи вже стояла закуска й горилка. Благодчынний прочытавъ „Отче нашъ“.

Гости почалы пыты похрыстыны. Олеся розсердылась за ти ракы, звелила запрягаты кони, и, покынувши въ гостяхъ мужа, сама пойихала додому. Балабуха зоставъ пыты похрыстыны.

Гости дуже розгулялысь. Никому не хотилось йихаты додому. Чась бувъ зимній, безробитній. Дома брала кожного нудьга за саме сердце.

— А що, люде добри! чы розйидемось додому, чы ще куды гуртомъ зайидемо гостюваты?—подавъ свою гадку отецъ Мельхыседекъ.

— Ой, не хочеться додому! Колыбь такъ, щобъ пройхаты тилькы прозь дому та й помынуты йїи,—загомонили матушки.

— Чья дома найблыжче, туды йидьмо уси гуртомъ гостюваты.—подавъ раду отецъ Мельхыседекъ.

— Добре, добре!—крыкнулы матушки.

Найблыжче живъ благочынный та Прокоповычъ, батько Онысіи Степановны. Гости почалы выличуваты версты, й вийшло, що Богуславъ на пивъ версты блыжче одъ Чайкивъ. Прыпадало йихаты въ Богуславъ до Балабухы. Балабуха знавъ, що його жинка стане гопки, якъ углядыть цю всю компанію въ свои съвитлыци, одначе не посъмивъ сперечатись и запросивъ до себе гостей.

Позапрягали кони. Гости повдягались и выпылы на дорогу. Посыдившы трохи въ кожухахъ и выпившы ще по одни пры нови декораціи, гости вийшли на ганокъ; на ганку ще выпылы на дорогу, выпылы до коней и до санокъ, зачастувалы погоничивъ и рушылы въ дорогу. Балабуха сивъ зъ Прокоповычомъ на одни санки; вони вийхалы зъ двору позадь усихъ.

Санна дорога була добра, але сьнигъ бувъ здоровый. По обыдва боки дороги лежалы заметы. Надвори було тихо й вохко. Стояла мяка одлыга. Сьнигъ лыпъ до полозківъ, до киньськихъ копытивъ. Усе небо було закрыте хмарами, якъ густымъ билимъ дымомъ. Надъ далекими горбами та ярами небо нибы зльвалось зъ землею, вкрытою товстымъ билимъ сьниговымъ шаромъ. Здавалось, нибы сьнигъ вкрывъ и землю, й небо, й вони злылысь докupy.

Балабуха закутався въ тепли вовкы, насунувъ на лобъ теплу сыву смушеву шапку зъ вухамы й не счувся, якъ заснувъ. Старый Прокоповычъ неначе заметився одъ його сномъ та й соби заснувъ, выпившы добре на дорогу. Проты пойизда йихавъ другый, такый самый довгый пойиздъ: то йихалы польски паны-дидычи гуляты зъ нудьгы такъ само, одъ сусида до сусида. Батюшкамъ довелось звертаты въ заметы. Коныкы пурхнули зъ санкамы въ сьнигъ, наче въ

пыльоване борошно. Легеньки санки перехнябылысь на за-
метъ. Сонный Балабуха й Прокоповычъ повыпадады зъ са-
нокъ на мякый сьнигъ, неначе на перыны. Въ погонича въ
голови шумило. Винъ навить не оглянувся назадъ на санки.
Сами кони потюпалы доганяты пойиздъ. Батюшки зосталысь
спаты на замети. Прокоповычови навить прыснылось, що
винъ спыть въ себе въ катрази, що въ катрагу влетивъ
рій, покрутывся надъ нымъ та й полетивъ.

Валка гостей вйихала въ Балабушинъ двирь. Ворота
уже булы прычепляни до воритныць, але такъ, що йихъ ни-
колы не можна було гараздъ прычыныты й зачыныты, й
воны завжды стоялы одчыняни, неначе двирь стоявъ зъ
роззявлянымъ ротомъ по всякъ часъ.

— Благочынна жде насъ, выглядае, воритечка поодчыня-
ла,—говорылы матушки, вйизджаючы въ двирь.

— Де жъ це ще одни санки? пытавъ Мельхыседекъ поли-
чывшы санки:—мабутъ десь зосталысь. Це отець благочын-
ный зъ Прокоповычомъ певно опизнылысь.

Гости увййшли въ сьвитлицю. Въ покояхъ було тихо.
Олеся, пообидавшы, лягла спочываты. Матушки сьдилы,
ждали. Нихто не выходывъ, а господаря не було зъ дороги.
Воны переглядили картыны, подывылысь на голого Герку-
леса, що замахнувся довбнею на якусь зьвируюку, й прытых-
лы, пидморгуючы одна на другу. Панны зъ кошыкомъ та
пташкою дывылысь на йихъ зъ сьтины й здержувалы йихъ
веселисть та языкы, а Геркулесь неначе замахнувся на
йихъ довбнею, та сварывсь нею, щобъ воны мовчалы, бо
благочынна спыть.

— Ой, стережимся, бо такъ и лудусне котрусь по голови
довбнею,—говорыла Марта, показуючы на довбню въ Герку-
леса въ рукахъ.

— Такый, якъ Бонковський,—шепнула друга весела ма-
тушка.

— Тилькы въ Бонковського здорови вусыща. Це мабутъ
благочынна зумысне почепыла на сьтины, щобъ нагадувавъ
йи Бонковського,—шепотила Марта на вухо сусиди.

Гости сѣдили та шепотили. Батюшки не втерпили й почалы голосно розмовляты та жартуваты. Олеся прокынулася и догадалася, що до неї зайихала по дорози вся компанія. Вона розсердилася и надумалася не вставаты зъ постели.

Тымъ часомъ батюшки выглядалы въ викна, чы не йиде Балабуха, а Балабухы не було. Вже дехто згадавъ за чарку, дехто про закуску, господарь не йихавъ.

Въ одчынiani ворота вскочылы порожни санкы. Погоньчъ спынывъ кони коло ганка, оглянувся—й рота роззявивъ; санкы булы порожни.

— Що це за диво! Прыйихалы сами санкы безъ благочинного,—промовывъ отецъ Мельхыседекъ, выглядаючи въ викно.

— Може де всталы на мисѣти коло крамныць,—обизвалася Марта.—А побижы, панотче, та спытай въ погоньча.

Мельхыседекъ выбигъ на ганокъ. Погоньчъ стоявъ, вытрищывшы очи на ворота.

— А де ты подивавъ панотцивъ?—спытавъ отецъ Мельхыседекъ.

— Мабуть погубывъ по дорози, бо на санкахъ нема,—обизвався погоньчъ, чухаючи потылицю.

— А, ты роззяво! Якъ же ты оце погубывъ? Чы ни разу за всю дорогу не оглянувся, чы що?—крыкнувъ отецъ Мельхыседекъ.

— Мабуть роззява погубывъ,—байдужно обизвався погоньчъ.

Мельхыседекъ вскочывъ въ хату й розказавъ гостямъ, що батюшки десь повыпадады зъ санокъ. Посадылы одного студента й послалы збираты по дорози розгубляныхъ панотцивъ.

Покры позбиралы панотцивъ, Олеся лежала на лижку й потягалася. День бувъ сумный, нудный. Олеся пролежала бъ тыждень, не встаючи зъ лижка; зъ нудгы вона дигала зъ стола „Волшебныцю Раги-Муину“ й почала йи читаты втрете. Гости сѣдили та нудылысь. Балабуха не вертався.

Отець Мельхиседекъ не втерпивъ, одхыливъ двери въ кимнату й гукнувъ:—Добры-день тому, хто въ цьому дому!

Олеся кынулася и впустила кныжку. Для неи здалося, що Мельхиседекъ кынувъ на неи ракамы; вона ажъ затрусилася.

Мельхиседекъ вглядивъ, що благочынна лежить на лижку, й не посъмивъ дали одчыняты дверей; винъ прычынивъ двери, а Олеся зновъ взяла „Волшебныцю Раги-Муину“ й почала чытаты.

— Колы напросивъ гостей, то нехай самъ панькається коло йихъ, а я не встану,—думала Олеся.

— Лежить на лижку та одпочывае,—тыхисинько сказавъ отецъ Мельхиседекъ матушкамъ. — Цсс... бо благочынна кныжку чытае.

Тымъ часомъ студентъ позбиравъ по заметахъ панотчивъ и прывизъ до господы. Балабуха зъ Прокоповычомъ увійшли въ свитлицю. Господарь бувъ теперычки дома,—и вси гости одразу набрались сьмыливосты. Въ свитлици пиднявся гоминъ та регить; навить Геркулесова довбня й панны зъ котыкамы вже ничего не могли вдяты.

Балабуха увійшовъ въ кимнату. Олеся страшно подивилася на його й зновъ втупыла очи въ кныжку.

— Вставай, серце, та вытай гостей!—тыхо сказавъ Балабуха, неначе обынувачений въ якомусь проступстви.

Олеся зновъ лыпнула на його очыма, ще глыбше втупыла очи въ „Волшебныцю“.

— Вставай бо, вставай! Годи качатысь, — треба гостямъ податы чай та закуску,—просивъ Балабуха.

— Колы напросивъ гостей, то панькайся зъ нымы самъ, бо я не выйду до тыхъ намитокъ та плахотъ.

— Одначе йиздыла до намитокъ та плахотъ горिशкивъ йисты,—треба й намитокъ вытаты та частуваты,—сказавъ Балабуха.

— Потрывай же ты, сарано! я тебе швидко выпроваджу зъ хаты,—подумала Олеся й зитхнула, згадавшы за Бонковського.

Поки вона встала, наймычка подала самоваръ. Балабуха поналывавъ стаканы й звеливъ наймычци вынести гостямъ. Прокипъ побигъ на мисто й накупивъ позаторишнихъ бублыквивъ, черствыхъ та цупкихъ, якъ ужевка.

Олеся хапкомъ прычесала голову, и якъ була въ буденному поганенькому убранни, такъ и вийшла до гостей.

Матушки въ намиткахъ, въ синихъ жупанахъ поважно й якось сумно сьдили рядкомъ по-пидъ сьтинамы, неначе поважни дипломаты на конгресси. Олеся привыталась до всихъ дуже байдужно й недбайливо й сила коло стола; вона роздала всимъ чай и мовчала. Матушки покуштували бублыквивъ и трохи зубивъ не поламалы. Голодни батюшки трощылы йихъ, ажъ въ зубахъ хрущало.

Розмова не клеилась. Уси мовчали. Олеся сьдила, спершысь на стилъ, и кисло дывылась на Геркулеса на сьтини. Выпылы чай. Кылыпа вынесла пляшку зъ горилкою та чаркы, а на тарилци—черствого житнього хлиба.

Гости выпылы по чарци, пожувалы чорного хлиба й засмутылись. Олеся мовчала й не доторкнулась до хлиба. Настававъ сумный вечиръ. Гости были сумни, господари сумни. Въ хати вси замовкы. Стало такъ тихо, неначе никого въ хати не було. Нихто не пиддававъ веселощивъ та жартивъ, а тымъ часомъ уси почувалы, що гульня не скинчылась; усимъ ще хотилось гуляты, — вси побачылы, що гульню нибы згубылы десь на шляху разомъ зъ благочыннымъ. Якъ тилькы Олеся вийшла зъ хаты, вси почалы радтысь, куды йихаты. Парафія отця Мельхыседека теперъ була найблыжче. Винъ запросивъ усихъ до себе. Гости знялысь и вийихалы зъ двору. Ни господаръ, ни господиня йихъ и не держалы.

— Ой, сестрыце, я зуба зламала бублыкомъ,—хвалылась Марта сусиди.

— А я трохи не вдавылась черствымъ хлибомъ. Чы вона пакъ такъ вытае й свого Бонковського?—спытала сусида.

— Еге! якъ разъ такъ! вона Бонковському смажить поросята въ вильшаныцькихъ поросятныкахъ,—сказала Марта.

— Тилькы трохы пересмажуе, — обизвалась сусида:— але ничого-те: у Бонковського зубы добри,—не поламае.

Увесь поїздъ поїхавъ до отця Мельхыседека. Мельхыседекъ зъ жинкою побиглы санкамы упередъ, щобъ зготуваты полудень для голодныхъ гостей. Гости ночувалы, гулялы цилый день, але впевнылысь, що вволю не нагулялысь. Зновъ постановылы всемъ йихаты до Прокоповыча въ Чайкы й тилькы въ Чайкахъ вже впевнылысь, що нагулялысь, скилькы було треба,—досхочу. Зъ Чайокъ вси розйихалысь до господы й рознесли по околицы, якъ благодчинна вытала гостей, лежачы зъ кныжкой въ постели.

VII.

Господарство въ Балабухы велося погано; Балабуха не любывъ пыклуватись нымъ, бо не бувъ покладный чоловикъ. Винъ билшь за все любывъ чытаты кныжки, лежачы въ кимнати. Парафіяны не хотилы послухаты та помагаты йому, не хотилы ни ораты, ни жаты, тилькы, по давньому украинському звичаю, збиралы сино толокою. Балабуха не любывъ навить йиздыты на поле й здавався на наймытивъ та на робитныкивъ.

Наставъ гарячий часъ — почалыся жныва. На поли треба було хозяйського ока, а хозяйське око не любило заглядаты на поле та хочъ подывытысь на роботу.

— Чомъ ты пакъ, Марку Павловичу, никола не поїдешъ на поле подывытысь, що тамъ роблять наймыты та наймычкы?—говорила Олеся:—воны й дома все одмыкують одъ работы, а въ поли—й потимъ.

— Колы не хочеться: я таке ледащо. Поїди ты та подывысь та й мини скажешъ.

— Отъ выгадавъ! Я не такъ поведяна, щобъ на поле йиздыты.

— Адже жъ други матушки йиздять. Онъ подывися, якъ драцое Онысія Степанивна: сама на поле йиздыть, сама варыть йисты косарямъ, сама пряде.

— А ты хочешъ, щобъ и я варыла йисты на поли, пидтыкавши полы, якъ варыть Моссаковська? Ну, цого одъ мене не диждешъ. Хиба буде гарно, якъ твоя жинка запалыться та засмалыться, якъ цыганка? Пойидь лышень самъ, не линуйся,—тоби тилькы бъ зъ книжкою въ рукахъ лажаты, та й годи.

— А тоби тилькы бъ зъ Бонковськымъ базикаты. Ты мини ни въ чому не помагаешъ, ты ни до чого не здатна, въ господарськи справи не досьвидна.

— Зновъ заходывся! Може зновъ оце не будешъ тры дни говорыты. Вдягайся, лежню, та йидь у поле. Онъ наймыты лаштують возы, щобъ возыты пшеницю; не пойидешъ, то побачышъ, скилькы то разъ вони за день вернуться зъ поля зъ снопами.

Наймыты й справди лаштувалы возы. Але якъ батюшка спавъ трохы не до обида, а матушка до пивдня, то наймыты вешталысь по двори, одмыкувалы одъ роботы, все дялысь дурнычкы, а волы дурнисинько стоялы въ загороди.

Выславшы наймытивъ зъ двору, Балабуха звеливъ запрягаты кони въ повозку, и, пообидавши, опивдни пойихавъ на поле.

На поли робота йшла, якъ мокре горыть. Женцивъ вийшло мало. Перестыгла пшениця сыпалась. Вже посьпивъ овесь, посьпивъ и ячень. На поле вийшовъ одынъ косарь. Прокипъ.

Балабуха вийихавъ на поле й вглядивъ порожни возы. Выпряжени волы паслысь у пшеници; наймыты спалы пидъ возомъ. Прокипъ пройшовъ ручку на вивси й, не розбираючы, що то винъ косыть, и розмахавшысь, махавъ та махавъ грабками, докы не зайшовъ въ бурьянъ, и безъ тямкы въ голови косывъ бурьяны, ажъ грабкы дзвенилы.

Не вважаючи на те, що в Прокопа були не всі вдома, він робив, як вил, або мертва машина. Але як тільки було спынитися в работи, то вже стоить та й стоить, вытрищывшы очи на одне місце, докы його хто-небудь не спине за рукавъ. Такъ было й теперъ: Прокищъ махавъ грабками, не розбираючи, що тамъ у його пидъ грабками: чы овесь, чы стоколосъ, митлыця та усякый бурьянъ.

Балабуха пидійшовъ до Прокопа й гукнувъ:

— Чы це ты, дурню, бурьянъ косышь?

— Га!—гукнувъ Прокищъ и спынивсь.

— Подывысь лышь, що ты ото косышь,—сказавъ Балабуха.

— Оवेश кошу, батюшко, а що жъ миня косыты?—сказавъ Прокищъ.

— Ты мабуть зовсимъ здуривъ: ты косышь бурьянъ.

— А справди бурьянъ. Оце дыво! А я соби махаю та махаю.

Балабуха побудывъ наймытивъ и погнавъ ихъ до работы. Наймыты понакладалы возы, прятяглы рублямы й рущылы додому. Балабуха обійшовъ поле, вырвавъ жменя плоскони, матиркы, та льону, полежавъ трохи пидъ возомъ, докы пройде пить, и пойихавъ за возамы. Тилькы що возы выйихалы на дорогу, одинъ визъ розсыпався. Волы геть потяглы передни колеса зъ віямъ. Снопы розсыпалысь на дорози. Наймытъ ставъ и тилькы дывывся на снопы. Не встыгъ другый визъ недалечко одйихаты, триснула вись; колесо одпало,—визъ лигъ на бикъ.

— „Чортова справа коло дядькового воза!“—сказавъ Балабуха.

— Стари возы, то й порозсыпалысь,— сумно промовывъ наймытъ и спересердя почавъ лупыты пужалномъ бидни волы.

— Що жъ теперъ у свити робыты?—бидкався Балабуха.

— А що жъ робыты: йидьте, батюшко, додому та высылайте цилиши возы, та ще вышлить зайвого воза, щобъ на визъ поскладаты возы.

Балабуха бачивъ, що наймыть каже правду, що тутъ, коли сердытысь, то треба сердытысь переднише за все на самого себе. Винъ сивъ на повозку й покатавъ додому. Але коло брычки була така сама справа, якъ и коло возивъ. Балабуха перейизжавъ черезъ мисто, зачепився за стовпець коло жыдивської крамници. Вись хруснула, колесо одпало, а за колесомъ распалась и брычка; Балабуха выпавъ зъ брычки й просьтягся на руинахъ власного господарства. Одъ суши все порозсыхалось.

— Пху на тебе, сатано, зъ твоимъ господарствомъ!

Балабуха плюнувъ на старе цурпалля й пишовъ пишки додому. Винъ пославъ Кылыну за тытаремъ, а самъ лигъ на канапи, взявъ кныжку й почавъ зъ досады читаты.

Прыйшовъ тытаръ. Балабуха розсказавъ йому за свою прыгоду.

— Беры соби, тытарю, й поле, й хлибъ чы зъ половыны, чы за третю скыбу, якъ хочъ, тилькы бъ мини не маты клопоту. Цуръ йому, пекъ йому тому господарству! Шукай возивъ та йидь на поле забираты снопы, що валяються по шляху.

— А що жъ буде зъ вашою брычкою!

— Нехай погоничъ про мене тягне брычку до двору, а ты швидче йидь проты наймытивъ.

Тытаръ пишовъ клопотатысь, и незабаромъ захуджени, мыршави кони прытяглы безщасну брычку въ двиръ.

— Мене тутъ и куры заклють,—подумавъ Балабуха. Винъ взявъ кныжку й пишовъ у садокъ, щобъ не чуты й не бачыты того господарського клопоту. Тыхенько винъ йшовъ чыстенъкою дорижкою зъ горы до альтанки, котру Олеся звелила збудуваты надъ самою Россю надъ скелямы.

Олеся, зоставшысь сама, почала нудытысь; вона не втерпила — напысала до станового, Трохыма Максымовыча Ломачевського, щобъ винъ прыйшовъ одвидаты йи.

Рудый Бонковський вже трохи обрыдъ Олеси; за Бонковського прыйшлось Балабуси не говорыты до Олеси стилькы днивъ, що якбы йихъ поличыты, то выйшло бъ килькы

добрых мисяцивъ. Олеси це усе вже остогыдло, й вона пішла на прыступъ на станового. Ломачевський бувъ вже литній, трохи підтоптаній кавалеръ, але здоровый, плечыстый, чорнявий, зъ шырокомъ лобомъ, зъ товстымы здоровымы вусамы та зъ велькымы карымы очыма. Олеса навить не вважала на його кырпаты нисъ, котрый ще трохи й задержавсь вгору. Сьмилывистъ и веселисть Ломачевського билше одъ усього прытягувала до його Олесю.

Олеса взяла въ руки книжку й маленьку роботу, пішла въ садокъ и ждала Ломачевського въ альтанци; вона розгорнула книжку, але не могла читаты. Нанызу по камини шумила вода й перебаранчала йи читаты. Вона почала вышиваты соби комиречь, але й та робота йи остогыдла. Густо оплетяній дыкий виноградъ не пускавъ сьвита въ альтанку й закрывъ небо й выглядъ на Рось. Олеса не любила сьдиты сама въ темныхъ закуткахъ и вийшла выгледаты Ломачевського.

Незабаромъ Ломачевський зьявився на гори, зъ люлькою въ зубахъ. Олеса стала на камини надъ водою й замачала до його хусточкою. Ломачевський вглядивъ йи, прыйшовъ и прывытався до неи.

— Чомъ вы такъ довго не прыходылы? А я зосталась сама й трохи не вмерла зъ нудьгы. Марко Павловичъ пойихавъ на поле,—идить та походымо по садку.

— Ой пойихавъ мій мыленькій

Та й у поле, въ степь;

А я свою кудельцю

Та й объ землю гепь!—

промовывъ Ломачевський сьміючысь.

Ломачевський ставъ зъ нею поручъ на камини. Помижъ каминнямъ вылась маленька стежечка, кудюю Прокипъ выносывъ може килькы тысячь видерь воды поливаты Олеси ни квиткы та деревá.

— Якбы минн хотилось питты по ци дорижци та походыты по зелени трави по-надъ самою водою,—промовыла

кокетно Олеся:—ой, боюся впасть!—крыкнула Олеся, ступаючи на дуже крутій спускъ мижь здоровымъ каминнямъ.

— Дайте мини руку, я васъ звезду,—сказавъ Ломачевський, хапаючи Олесю пидь руку.

— Ой упаду! Яка крута гора!—крыкнула Олеся й, посувшись скобзькымы черевычками нанызъ по дрибныхъ каминьцяхъ, впала на руки Ломачевського. Ломачевський вхопивъ йи обома рукамы й звивъ нанызъ. Олеся закотыла очи пидь лобъ и зовсимъ спустылась на його руки. Мисце було гарне, але дыке й закрыте зъ трьохъ бокихъ; то було глыбоке узьке мижгирья; по обыдва боки стоялы крути косогоры, неначе сьтины; на одному косогори розрослась густа прегуста дереза, теренъ та шыпшына, неначе тонке зелене руно. Надъ тымъ руномъ зъ самого верху стремилы гостри скели, а внызу росла купа роскишныхъ вербъ; внызу на пльсковатому зеленому берези було роскыдане каминня, неначе його хто зумысне навернувъ на зелену траву й по неглыбоки води; вода лылася мижь каминнямъ и черезъ каминня й тыхо, тыхо шумила, неначе гралась та лащылась до гладенького каминня, до зеленыхъ бережкывъ. Середь ричкы стремивъ камяный остривъ, черезъ котрый былася по щылынахъ сердыта фыля, а за Россю зновъ стремивъ скелыстый берегъ, пидь котрымъ стоявъ темный млынъ зъ пятьма чорнымы здоровымы колесамы.

Олеся скочыла на зеленый, якъ шовкъ, бережокъ и почала легенько стрыбаты зъ каминя на каминь. Становый кынувся й соби стрыбаты, щобъ впійматы Олесю.

— Одже не впіймаете,—сказала Олеся, перестрыбуючы ще дали одъ берега.

— Ба впіймаю!—сказавъ становый и перескочывъ черезъ шумъ.

Але Олеся була легча на скокы; вона перелитала зъ каминя на каминь, мовъ коза, пидибравшы подиль сукни. Йи ноги зачипалы кущи шерсткой осоки та водяныхъ пивныкывъ; кущи шелестылы; Олеся вскочыла въ таке мисце, де лежало каминня въ высокыхъ гуцахъ татарського зилля

та очерету; вона присила за осокою, виглядала звидтіль, и тилькы йїи голова чорнила, та блыщала ясни, вакханальни очи.

Важкый становый розгорився, стрыбонувъ черезъ два камини, поскобзнувся й шубовснувъ ногою въ воду. Олеся зареготалась и заляскала въ долони. Мисце було одначе милке; становый замочывъ тилькы чоботы, скочывъ, якъ тыгръ, въ очереть и вхопывъ Олесю за талію.

Олеся звинулась легкымъ станомъ, перескочыла черезъ осоку; осока зашелестила по йїи сукни. Олеся выскочыла на берегъ.

— А що, впіймалы!—крычала Олеся, стоячы на зеленому берези.—Ой, яка гарна жабка! Впіймайте мини оцю жабку, то я сама дамся вамъ у руки.

— Хйба вы зроду не бачылы жабъ?—крычавъ становый зъ осоки.

— Я подывлюсь, яки въ жабы зубы,—сказала Олеся.

— Въ якои жъ пакъ жабы вы бачылы зубы?

— Въ такои, якъ вы. Впіймайте, — я подывлюсь, чы въ жабы таки зубы, якъ у васъ?—крычала Олеся.

Становой закачавъ рукавы й почавъ печеруваты жабу; бидна жаба кынулась стрыбаты по каминцяхъ, пирнала, вырынала. Становой ганявся за нею, зновъ замочывъ чоботы, але такы налапавъ жабу пидъ каминемъ и вынись йїи на берегъ, пиднявши высоко вгору. Олеся крыкнула й кынулась бигты, але не на гору, а въ вербы. Ломачевський гнявся за нею, держачы высоко въ руди жабу за лапу, й догнавъ Олесю пидъ скелею; дали вже не було куды бигты: zostалось хйба лизты на скелю. Олеся прытулылась до скели, крычала тоненькымъ голоскомъ и трипала рукамы. Ломачевський, застукавши йїи, взявъ за талію й показувавъ жабу.

— Ну, теперъ дывиться, чы йе въ жабы зубы,—жартувавъ становый, тыкаючы до Олеси жабою. Олеся выпручалась и кынулась бигты берегомъ. Ломачевський погнався за нею навздогонци.

— Кыньте жабу, бо втичу додому!—верещала Олеся.

Ломачевський кинув жабу в воду; жаба булькнула й сховалась.

Олеся одь страху втерла слюзы хусточкою й прысила на плысковатому камини. Ломачевський сивь коло неї й одсапував.

— Ой, яки гарни жовти квиточки онь ростуть на скели. Полизьте та нарвіть мини зь ихь букетъ,—сказала Олеся, граціозно пидвившы очи на скелю.

— Знайшлы квитки! Та то бурьянь, а не квитки! Захотилось вамъ вь Петрівку мерзлого.

— То на ваши очи бурьянь, а на мой-то чудови квиточки. Пидить бо нарвіть!

Ломачевський вставъ и, вытираючи мокре лице хусточкою, подерся на круту скелю, де, неначе на сьтини канделябрь, причепывся вь щилыни кориннямы густый кущъ жовтыхъ квитокъ. На крутому, якъ сьтина, боци горы поміжъ здоровымъ каминнямъ рись терень та кущи дерезы, матерынка та чебрець. Ломачевський продерся черезъ колючый терень, выдрався по вызубняхъ та зазубняхъ на круту скелю й смыкнувъ кущъ квитокъ. Дрибни каминци та писокъ посыпалысь йому на голову та на плечи. Олеся дывилась знызу на його високу здорову постать, котра нобы высила надъ скелею, до половины прыкрыта зеленымы кущами, й думала:

— А ну, чы схожий винь хочь трохи на прынца Ибрагыма вь „Волшебницы“?

Ломачевський обернувся зь кушемъ квитокъ вь рукахъ. Олеся вглядила його блискучи очи та поглядь, що падавъ на неї зверху, вглядила його куций нись и смуглявый видь и зитхнула:

— „Схожий, але не зовсімь! тильки очи блищать, якъ у прынца Ибрагыма,“—подумала Олеся й легко зитхнула.

Ломачевський вернувся зь квітками вь рукахъ, комично ставъ на траву однимъ колиномъ и подавъ Олеси поганеньки квитки; на йому вся одежа була мокра; волосся на выскахъ попрымыпало до лыця; лыце ажъ пашило. Лома-

чевський впавъ на холодный каминь и не мигъ одсапнуты. Олеся взяла квитки, понюхала й кинула въ воду.

— Пхе, якъ паскудно пахнуть бурьяномъ! це таки квитки, якъ вы,—сказала Олеся.

— Хиба я пахну бурьяномъ?—крыкнувъ Ломачевський:—потривайте, ось я оддышу! Я зновъ впіймаю вамъ жабу й укыну вамъ у кышеню.

Олеся крыкнула й кинулась бигты на гору. Ломачевський погнався за нею; вона вскочыла въ альтанку, вытягла зъ кышени роботу, сила й почала вышиваты.

— Вы казна-що шыете; покыньте оте паскудство!—сказавъ Ломачевський, сидаючи поручъ зъ Олесею.

— Якъ то казна-що? Пошыю та прыберуся, то й покращаю.

— Вы й такъ гарни. Дайте сюды, я вамъ поможу,—сказавъ Ломачевський, вырвавшы зъ Олесиныхъ рукъ роботу й кынувши йи въ бурьянъ.

Олеся хотила вхопыты роботу й встала. Ломачевський вхопывъ йи за талю й почавъ горяче цилуваты въ щоку, ажъ одляскы йшлы на ввесь садокъ.

Тымъ часомъ Балабуха, побалакавшы зъ тытаремъ, взявъ кныжку й пишовъ у садокъ, щобъ спочыты въ альтанци й полежаты зъ кныжкою въ рукахъ на лавци въ холодку. Винъ бачывъ, якъ Ломачевський ганявся за Олесею, якъ вони вбиглы въ альтанку, почувъ одляскы горячыхъ поцилункивъ и прожогомъ кынувся до альтанки. Олеся й Ломачевський, почувшы, що хтось шелепається по дорижци, замовкы й пересталы пустуваты. Олеся миттю достала зъ бурьяну комирчыкъ и кинулась до работы такъ пыльно, не наче вона хапалась скинчаты йи доконче до вечора. Ломачевський вставъ и подавъ Балабуси руку. Балабуха дуже байдужно прывытався до його й сивъ на лави. Олеся навить не пидвела очей одъ работы.

Вси мовчалы. Балабуха курывъ люльку, насупывшы бровы; вся його душа збурылась до дна, — йому хотилось пхнуты Ломачевського зъ скели въ воду, але винъ, зроду

несмиливый и делкатный, не сьмпъ навить Ломачевському й слова сказаты въ-вчп.

— Здається, часъ вже чай пыты, — несмиливо й солодньоко промовыла Олеся й встала.

За нею повставалы зъ лавкы Балабуха зъ Ломачевськымъ. Олеся выйшла зъ альтанкы й пишла на гору; сьлидкомъ за нею мовчкы пишовъ Ломачевськый, а за нимъ Балабуха. Ломачевськый распочавъ веселу розмову, неначе ничего такого й не трапылось. Олеся усе думала, чы примитывъ Балабуха, що вона жартувала зъ Ломачевськымъ та залыцялась до його, чы може ничего того не бачывъ? Прыйшлы додому й силы за чай. Ломачевськый й Олеся розмовлялы веселенько, неначе мижъ нмы ничего й не трапылось.

Балабуха курывъ люльку й не обзывався а ни словечкомъ. Олеся усе поглядала на його насупляни бровы й прыдала соби ще бильше веселосты, але йи веселить була пидробляна, якась черства й навить чудна. Вона сьмйалась чуднымъ сьмихомъ. якъ сьмйються акторкы на сцени. Чымъ дали, тымъ вона билше й швыдче говорыла, скокомъ перескакувала дуже чудно зъ одніей темы на другу. Ломачевськый догадувався, що панотець дещо пидглядивъ: винъ примптивъ, що починається щось недоладне, выпывъ чай й швыдко зныкъ зъ сьвитлицы.

Олеся допывала чай и скоса поглядала на Балабуху.

— Чы це ты обламався въ дорози, що середь двора стоить поламана наточанка? — спытала вона ненатурально высокымъ тономъ. Балабуха мовчавъ и пывъ чай.

— Тытарь сказавъ мини въ ганку, що возы зъ снопамы пороспадалысь по дорози. Чы то пакъ правда? — зновъ спытала Олеся.

Балабуха навить не глянувъ и мовчкы пывъ чай.

— Чомъ це ты не обзываеся? Чы ты сердытый, чы що? — вже сердыто й натурально спытала Олеся.

Балабуха насыцавъ тютюну въ люльку, лигъ на канапы й взявъ въ руки кныжку. Але винъ не чытавъ йи, бо й листкивъ не перегортавъ.

— Чы вже все жыто выжалы?—спытала билше для своени пробы Олеся.

Балабуха будимъ-то чытавъ и не обзывався.

— Та говоры бо, чога ты мовчышь? — вже крыкнула Олеся.

— Бижи спытай въ Ломачевського!—не втерпивъ Балабуха, щобъ не обизватись.

— Я й угадала, що такъ буде. Безталанна я людына зъ такимъ чоловікомъ!—крыкнула Олеся.

Вона думала, що Балабуха не все бачывъ и не все чувъ.

— Добра безталанна, що цмокалась зъ становымъ на ввесъ садокъ,—одрубавъ Балабуха.

— Чорзна-що выгадуешь; мабутъ тобі въ вухахъ цмокало. Та то певно свыня гарбузъ йшла; онъ подывысь, плынула черезъ перелазъ въ двиръ.

— Може свыня й жабы печерувала въ Роси,—одрубавъ Балабуха.

Олеся догадалась, що Балабуха усе бачывъ зъ горы з-за кущивъ; йиі взяла злисть.

— А хочъ бы й жабы печерувала! Що жъ у тому поганого? Покаравъ мене Господь тобою; вмієшь за кущамы пидстерегаты, а за возамы не пидстерегашь. Онъ твои возы пороспадались середъ базару жыдамъ на сьмишкы. Добрый господарь! Доведеться сами ходыты коло возивъ.

— Не будешъ ходыты коло возивъ, колы й за твоимъ хатнимъ господарствомъ ходыть Кылына,—тыхо обизвався Балабуха.

— То було тобі браты Онысю,—та бь тобі й волю поганяла, й за плугомъ ходыла. Я не въ такому доми зросла, не такъ выхована, якъ твоя Опыся. Безталанна я! Неможна зъ людмы й говорыты.

Олеся впала на стилецъ и залылась слизмы. Вона плакала; Балабуха нибы чытавъ кныжку.

— Кынь кныжку, а то я тебе покыну!—крыкнула Олеся на всю хату.

Балабуха чытавъ та смоктавъ люльку; на души въ його нибы лежавъ каминь.

--- Кынь книжку та говоры,--кажу тоби!

Балабуха нибы перегорнувъ lystokъ, хочъ винь не мигъ и слова розбраты.

Олеся скочыла зъ мисця, одчыныла двери й крикнула:

— Погоньчу, запрягай кони!

Але вона згадала, що середъ двора стремивъ тилькы дышель зъ передними колесамы, на которыхъ було бъ не зовсимъ догідно йихаты; вона вхопыла капелюшъ, накынула на голову передъ дзеркаломъ, натягла рукавичкы, вхопыла въ руки зонтыкъ и, не попрощавшысь зъ Балабухою, выбигла на двирь. Балабуха навить не глянувъ на неи.

Олеся пройшла по-пидъ викнамы, выйшла за двирь и оглянулася на ганокъ; вона сподивалась, що Балабуха побижыть за нею сълидкою, буде йи перепрошуваты, благаты, а Балабуха лежавъ соби на канапи. Олеся пишла улицею, перейшла Рось черезъ греблю, спынылась, обернулася,— Балабухы не було видно. Вона пишла стежкою по-надъ Россю навпростець, мынула манастыръ, выйшла на луку й зновъ оглянулася,—никого не було видно, а вона сподивалась, що Балабуха поше за нею навздогивци хочъ Кылыну, або наймыта, але никогисинько не було видно, тилькы одна ко-рова пленталась черезъ греблю.

Олеся посварылась зонтыкомъ до свого дому, который було видно на гори, й зновъ пишла тихою ходою по-надъ самою водою. Стежка повылась на гору, де вже було видно Хохитву. Олеся выйшла на гору, сила на траву й задумалась.

Сонце стояло вже низенько надъ самымъ Богуславомъ. Внизу, по долини, вылася Рось по зеленыхъ лукахъ, якъ сыня стричка по зелени сукни. З-за Роси тяглыся ряды гпръ, вкрытыхъ густымъ лисомъ. Далеко проты сонця видно було высокый шпыль—горбъ зъ манастыремъ зверху, а пидъ горбомъ шумивъ по каминни шумъ; вода билила проты сонця, якъ сынигъ; брызкы въ шуми блыщали, якъ быте скло. На взгирьи видно було Богуславъ, засыпанный золотымъ ты-

хымъ съвитомъ сонця. Вона думала про недавню подію, й душа йїи зновъ забажала щастя, гарячого щастя, якого вона ще не зазнала, бо ще не любила всимъ серцемъ, правды-вымъ, щырымъ коханнямъ, ще не виявила всіен палкон души, всего кохання, що затаилося въ йїи серци глыбоко, глыбоко, на самому дни.

Олеся зитхнула, глянула на луки,—луки лысьнили зеленымъ кылимомъ проты сонця. На стежци не видно було ни живої души,—за Олесею ни хто не думавъ бигты та йїи просыты. Вона обернулась до Хохитвы, — надъ Россю було видно батькову хату й садокъ. Олеся пишла до батька.

Балабуха все лежавъ на канапи й думу думавъ. Вже зайшло сонце, вже й смеркло. Въ хати стало поночи. Балабуха сподивавсь, що отъ-отъ рыпнуть двери, и ввійде Олеся,—двери не одчынялись; Олеся не прыйшла.

Балабуха догадавсь, що Олеся чкурнула пишки въ Хохитву до батька. Винъ вставъ, засъвитывъ съвичку, одимкнувъ камоду, вытягъ здорову кныжку въ дощаныхъ палятуркахъ, таку завбилшкы, якъ церковна мынея,—то бувъ його діярыушъ. Въ тому діярыуши винъ запысувавъ, по звичаю вченихъ людей того часу, ще якъ винъ бувъ студентомъ—то *канты*, то всяки вирши, то письни, то латыньськи фразы, такъ напысани квадратомъ, що йїихъ можна було чытаты на вси чотыры боки зъ усихъ бокивъ, и вгору, и ввызъ,—и выходыла та сама фраза; то byly позапысувани квадраты зъ цыфръ такъ, що на всихъ стовпчыкахъ выходыло однакове число. Ставши съвященикомъ, Балабуха почавъ запысуваты туды за погоду, за урожай хляба й сина, запысувавъ, де проявлялась яка чудовна икона, запысувавъ часомъ свои думкы, свои погляды, навить компопувавъ вирши, хочъ и поганеньки, на усяки выпадкы зъ своего жыття. Балабуха запысавъ рикъ и чысло мисяця, й запысавъ вси выпадкы того дня, запысавъ, якъ винъ йиздывъ на поле, якъ розсыпалысь возы й снопы, якъ нато-чанка обламалась коло базара. Балабуха обсьміявъ самого себе, якъ поганого господаря, й спынывся: ричъ доходыла

до Олеси, до випадків в садку. Балабуха терся, мався, не смів назвати Олеси й становаго на ймення й поклавъ собі записати нібы исторію Дафніса та Хлоя. „Сьогодні, вь пяти годьни передь вечеромъ, я підглядивъ зза кущивъ, якъ Дафнісь та Хлоя ловылы жабу. Хлоя втикла вь альтанку, Дафнісь догнавъ йи; Хлоя зъ Дафнісомъ...“ Балабуха бувъ написавъ, що Хлоя зъ Дафнісомъ цилувалысь, але замазавъ слово „цилувалысь“ и написавъ: „Хлоя зъ Дафнісомъ йилы сырого гарбуза вь альтанци. Господы, просты навигену Хлою, наведы йи на розумъ и сокрушы ребра Дафнісови! Прыскорбна душа моя навить до смерти. Господы, дай мини сылы й терпиння, да не загну до кинця!“

Балабуха ще довго выливавъ свои думы та сентенціи, докы його сонъ не змигъ. Кылына дождала господыни, та не диждалась; вона подала Балабуси вечерю й роспытала, що варыты на-завтра на обидь. Балабуха оддавъ Кылыни ключи одъ коморы, сказавъ варыты, що вона схоче, погасивъ свитло й лигъ на лижко. Але сонъ не бравъ його. Винъ не спавъ усю ничъ; тилькы передь свитомъ заснувъ мицнымъ, важкымъ сномъ и проспавъ до пивдня. Прокинувшысь, Балабуха вийшовъ до пекарни й спытавъ у Кылыны, чы не прыйхала матушка. Матушкы не було. Балабуха махнувъ рукою, сивъ за обидь, пообидавъ и лигъ на канани зъ кнѣжкою вь рукахъ. Вже сонце стало на вечерньому пружи, вже почало вечериты, вже й сонце зайшло й надвори сутынило, а Олеся не верталась. Балабуха махнувъ рукою й лигъ спаты.

А Олеся, прыйшовшы вь Хохитву до батька, розказала, якый до неѣ Балабуха недобрый, нібы й росплакалась, але пролыла одначе всего двѣ слѣози, и все сподивалась, що Балабуха прыйде йи просыты. День мынувъ, а Балабуха не прыйиздавъ. Вона переночувала вь батька й на другый день зновъ сподивалась чоловіка, а його не було. Старый Терлецькый догадавъ, що Балабуха не прыйде, й хотивъ самъ одвезты Олесю.

— Не пойду, тату, до його, поки не минує три дні: вінъ по три дні не говорить зо мною, — хочъ говори зъ сѣтинами! — сказала Олеся.

Минувъ третій день. Балабуха не прийизжавъ. Терлецькый звеливъ запрягаты кони, й самъ повизъ Олесю. Щобъ помырыты зятя зъ Олесею, Терлецькый вырядивъ въ Богуславъ для його два новиспньки волови возы.

Балабуха привытався до Терлецького й Олеси спокійно, неначе миждь нымъ и жинкою ничего не трапылось. Ни Олеся, ни Балабуха навить не спомянули за Дафниса й Хлою й розвели розмову про наточанку, котра й доси лежала середь двора, задершы дышель угору. Щобъ догодыты Балабуси, Олеся почала ходыты до пекарни й порядкуваты коло печи. Але одъ того выйшло билше шкоды, ниждь корысти: Кылына билше тямала въ куховарстви, ниждь Олеся, — Олеся тилькы псувала страву. Разъ Олеся наготувала такого борщу, що Балабуха вхопивъ ложку въ ротъ, скривився, якъ середь на пятныцю, й билше й ложки не вмочивъ. Сама Олеся не вмочыла й ложки въ страву й запримытила свою помылку: вона зновъ здалась на Кылыну й перестала заглядаты въ пекарню.

Помырившысь зъ чоловикомъ, Олеся на радощахъ справыла писья жнывъ обжынкы: запросыла на балъ своихъ знайомыхъ, и миждь ными Ломачевського. Ломачевський зновъ почавъ буваты въ гостяхъ въ Балабухы, але, гуляючи зъ Олесею по садку, все озырався на кущи...

Ввосены пройшла чутка, що въ Богуславъ прийдутъ на кватыри гусары. Ввесь городъ ждавъ гусаривъ. Олеся все выглядала въ викно, кожного дня прибиралась та чепурылась, неначе на сьвяткы.

Разъ одного ясного осиннього дня на базари пройшла звистка, що гусары вже йдутъ. Олеся убралась у нову сукню, причесалась, понадивала на вси пальци перстни й не одходила одъ виконь. За Россю почувся вийськовий оркестръ: то вступалы въ городъ гусары, прямуючы до порона. Довги ряды коней зъ синими гусарами спустилысь зъ горы на

довгу гатку. Попереду йихалы пивчи, за нымы йихалы музїкы зъ здоровымы миднымы трубама, на билыхъ баскыхъ коняхъ. Трубы блыщалы на сонци, якъ золото, й пры билыхъ коняхъ надавалы картыни щось дуже пикантне й героичне. Сыни мундиры, червони ноги, блыскучи жовтогоарячи картузы зъ чорнымы кытычкама зверху засялы яснымы фарбама, неначе намальовани на картыни. Дужый оркестръ гремивъ въ долини, й важкый гукъ розлягався по-надъ Росю, мижъ скелямы гучною луною. Баски кони гралы пидъ гусарамы.

Олеся выбигла на ганокъ и стала въ граціозни пози. Гусары перевезлысь черезъ Рось и усе наблыжалысь. Отъ розляглася голосна письня по Роси й усе наблыжалась; отъ выйихалы на гору пивчи, й йихъ письня вже долитала выразно до Олесиныхъ вухъ. Середь хора високо стремило кружало, убране въ червони та сыни довги стричкы, обвешане брязкотьюоламы; кружало пидскакувало, танцювало надъ гусарськымы головама. Письня замерла. Загремивъ чудовый оркестръ, ажъ повитря задрыжало. Гусары пройихалы вулицею по-пидъ самымъ горбдомъ. Зъ боку йихалы офыцеры, выграваючы на баскыхъ коняхъ. Олеся пидвела голову й уцялася очыма въ офыцеривъ. Офыцеры булы росли, струнки, здорови, столычни, роскишно выкохани. Мижъ нымы вызначувався одынъ молодой офыцеръ красунь, зъ панськымъ деликатнымъ бпылмъ лыцемъ, зъ чорнымы, незвычайно чудовымы бровама, зъ чорнымы здоровымы вусамы, стрункый та тонкый станомъ; його тонки, цупки ноги гадюкама обывалы баского чорного коня; коротенькый сыній мундиръ, обшытый срибнымы шнуркама непаче прылышь до молодого тила й показувавъ вси чудови його формы. Темни очи блыснулы на Олесю зъ-пидъ козырка. Кинь ставъ дыбки, граціозно зигнувшы шыю. Олеся вглядила— й духъ прытаила, неначе замерла. Така дывна граціозна постать тилькы прывыждувалась йїи у снї та въ гарячыхъ мрїяхъ.

Жыды збиглысь зъ усього мистечка й обступылы лавама гусаривъ.

Олеся бачыла тилькы чорни кыверп та сыни плечи черезъ густу сѣтину чорныхъ жывивськыхъ каптанивъ, але не зводыла очей зъ дывныхъ ривныхъ плечей, котри одразу прычарувалы їи.—Вона була ладна биты сьлидкомъ, прымогла бь — летила за молодымъ гусарыномъ. Швыдко гусары спустылысь зъ горба въ долину, тилькы було видно чорни лыснючи кыверп та блискучи пидковы. Олеся важко зитхнула й пишла въ покои.

По обиди Олеся спла близенько коло Балабухы, оповыла його шыю руками й почала промовляты солоденькымъ голоскомъ, держачы въ обнимочку.

— Знаешть що, серце Марку Павловычу! Треба минн справыты нову билу сукню; до насъ найихалы петербурськи люде, а въ мене жъ нема ни одніен новои сукни; пиду я въ крамныци та наберу на нову сукню. Чы такъ, чы инакъ, а доведеться зъ нымы знатысь; може вони й до насъ прыйдуть! — Балабуха бувъ трохы гоноровытый; йому хотилось почванытысь передъ гусарамы своею жинкою. Олеся знала, що винь самолюбный, хочъ на взиръ нибы й апатычный та млявый. Але Олеся вже рострусыла багато грошей.

— Нема грошей ни шага, колыбъ ты знала, моя голубко,—сказавъ винь зитхнувшы.

— То я наберу набирь, на квытокъ,—чы вже жъ пакъ жыды намъ не повирять?—выхопылась Олеся.

— Про мене, беры набирь; будуть гроши, то заплатымо,—сказавъ Балабуха, лягаючы набикъ на канапу.

Олеся цокнула Балабуху й побигла въ крамныци; їи хотилось справыты сукню доконче на недилу: вона сподивалась въ церквы побачыты гусаривъ и себе показаты, сподивалась, що гусары доконешне зайдуть зъ церквы на чарку горилкы та на закуску.

До недилы била литня сукня, обямована шовковымы рожевымы стричкамы, вже була готова. Олеся звелила въ субботу побилуваты прыхожу й сьвитлицю, — прычепурыла сьвитлицю, якъ на Велькдень; пидлогу вышарувалы жовтымъ пискомъ. Въ недилу, прибравшысь по-литньому, не

вважаючи на осинь, вона побигла до церкви. Гусары офіцеры стоялы коло крыласа. Все паніи й панни, скільки їхъ було въ Богуслави, позбигалысь до церкви подывытысь на гусаривъ.

Олеся прыйшла пилься їхъ усихъ, на прыкинці службы, пройшла прозь гусаривъ, зашелестила билою сукнею й стала попередъ усихъ коло царськихъ вратъ такъ, щобъ можна було скося поглядаты на гусаривъ. Поправляючи сукню, вона нібы незумысне оглянулася набикъ. Попередъ усихъ гусаривъ стоявъ молодый, высокый, чудовый офіцеръ красунь. Вона заразъ впизнала того, що недавно вразывъ йи въ саме серце; впизнала його чудовый тонкый станъ, обтягнутый сынимъ кученькымъ мундиромъ, впизнала його чорни густы бровы, чудови сьмилви темни очи, биле лице, рожеви повни уста, прыкрыти темными чорными вусамы, довгобразе, мужне, але делькатне лице. Олеся затрусилась и ледви встояла на ногахъ; вона ажъ збидла; духъ забывся; вона не чула, що сьпивалы въ церкви, ничего не бачыла передъ собою. Насылу вона опамяталась, и серце нібы заграло; вона неначе почувала десь якисъ дывни мелодіи, або чудови пахощи; якыйсь дывный рай одразу розгорнувся передъ йи душею.

Служба Бога скинчылась. Офіцеры прыступылы цилуваты хреста... Передъ нею ще разъ майнувъ чыстый, тонкый профіль, чорне волосся, роскишна голоза. Офіцеры выйшылы зъ церкви. Олеся стояла, нібы въ чаду; йи чогось заманулось не то танцюваты, не то сьпиваты, не то плакаты.

Вона побигла додому, кынулася до дзеркала, поправила сукню, прычесала голову й сила коло викна. Передъ викнамы по улыци йшы валкою зъ церкви люде, перемишани зъ простымы сыними гусарамы. Вона задывлялась на кожного москаля, впизнавала, шукала мылого, але то все булы прости гусары. Люде перейшылы.

На улыци зьявилась оградна постать Балабухы. Олеся ажъ збидла,—вона ждала, що сьлидкомъ за Балабухою по-

кажуться офіцеры; офіцеривъ не було; за Балабухою йшовъ сторожъ зъ ключама.

Балабуха увійшовъ въ покои. Кылына подала самоваръ, Олеся засыпала й залыла чай, сила коло стола й задумалась...

Балабуха самъ напивсь чаю, Олеся не пыла чаю й все дожыдала. Вже самоваръ потухъ; чай въ чайнику перестоявъ, а Олеся сыдила й не пыла чаю. Гусары не прыйшли. Олеся встала, зъ досады й чаю не пыла.

Ажъ черезъ два тыжни письля службы офіцеры такы зайшли до Балабухы на чарку горилкы, якъ тоди казалы. Олеся трохы не вмерла, якъ углядила молодого офіцера пидъ своимы викнама.

Сьвитлыця Олесина наче засяла одъ синихъ зъ срибломъ мундиривъ, одъ еполетивъ, шнуркивъ, аксельбантивъ та орденивъ. Гусары рекомендовалысь, цокалы закаблукама. стукаючы ногою обь ногу. Письля вже немолодого поставного полковныка зъ кудлатою головою, письля чотырьохъ офіцеривъ зъ пелехатымы бурцями та вусамы до Олеси прыскочывъ молодой красунь, цокнувъ пидкивкама, ледви зигнувъ гнучкый станъ и промовывъ, подаючы руку.

— Поручыкъ Иванъ Васыльевичъ Казанцевъ.

Олеся вглядила, якъ одкрылысь його чудови, выразно обведяни, червони, якъ калына, уста, й блыснулы ривни били зубы; його довги чорни очи такъ и сыпнулы на нею огнемъ, а нызькый, але гучный та мякый голось, задзвенивъ у нею наче въ самому серци.

— Ой зомлю, ой умру!—майнула въ Олеси думка:—яка радисть наливае мое серце!

Полковныкъ та старишы офіцеры силы коло Балабухы й распочалы поважну розмову. Казанцевъ зъ двома молодчымы силы коло Олеси. Олеся никого й не бачыла, никого й не слухала, окримъ одного Казанцева; вона упялась въ його лыце своимы очыма.

Подалы чай и разомъ зъ чаемъ горилку й закуску. Горилка розвеселыла й безъ того веселыхъ гусаривъ. Въ сьвит-

лицы розлягався гоминь, клежить. Олеся то пурхала по по-кояхъ, якъ пташка, то сьдила въ величнн пози; вона прымичала, що подобається молодымъ гусарамъ; ѳи чорни бровы, темни очы, натхнути коханнямъ, дуже выразно малювались пры били сукни ѳ робылы великый еффесть; на щокахъ за-гралы румянци; роскишный бюсть та гарна постать драгу-валы молодыхъ хлопцівъ; веселнсть розлыла на ѳи лыци, на очахъ прынаду.

— Будете вы, панове, добре такы сьднты та нудытысь въ нашому Богуслави; въ насъ товариство маленьке; молодыхъ дамъ та паннивъ мало,—сказала Олеся, не зводячы очей зъ Казанцева.

— О, не визьме насъ нудьга, колы вы въ Богуслави!—одрубавъ Казанцевъ комплиментъ.

— Потрывайте, ось настане зима! Я взимку трохы не вми-раю зъ нудьгы,—сказала Олеся:—повмираете ѳ вы тутечкы зъ нудьгы.

— Намъ не первынка жыты въ такихъ малыхъ мистахъ.

— Будемо заводьты вечори зъ танцямы, будемо прокату-ватись киньмы;—дамо соби рады!—крыкнулы молоди офы-церы.

— Колы я не вмю ѳиздыты верхы,—сказала Олеся.

— Мы васъ вывчымо,—сказавъ Казанцевъ:—попросымо другихъ городянськихъ дамъ, дамо свои кони, та будемо проѳизджатись юрбою верхы.

— Наши богуславськы дамы зроду не ѳиздылы вер-хомъ, и зроду не сядуть на коней: наши богуславськы дамы засьмялы бъ мене, якбы я пойихала верхы,—ска-зала Олеся.

— Якъ вы дасте прывидъ, то ѳ ынчи сядуть на коней. А вы вывчытесь ѳиздыты верхы?—спытавъ Казанцевъ.

— Атожь! Я знаю, що тутешне товариство пиднме на сьмихъ, але я на це не дуже вважатыму,—сказала Олеся, закынувши ногу на ногу по-кавалерському.

И Олеся вже марыла, якъ то вона буде ѳиздыты на баскому, гусарському кони, а Казанцевъ ѳи вчытыме. Вона

скочыла зъ мисьця й почала похожаты по сьвитлыци. Казанцевъ вставъ и соби, за нымъ другый молодой офицеръ, и обыдва прыстали до Олеси зъ обохъ бокивъ.

— О, мы розворушымо вашъ Богуславъ! — гукнувъ Казанцевъ, крутячы вуса. — Мы заведемо клубъ, заведемо балы, сьтягнемо всихъ докupy.

— Хто жъ пиде въ твій клубъ? — обиззався полковныкъ з-за стола: — хйба Мошкы зъ жинкамы та дочкамы.

— Мы попросымо отця благочынного, отця протоерея, исправныка, станowego, докторивъ, — марывъ Казанцевъ.

— Схаменысь! Духовни особы не пидуть въ твій клубъ, бо йимъ не дозволяно, — зновъ обиззався полковныкъ.

Ни Олеся, ни благочынный навить не розумилы, що то за клубъ.

— Чы такъ, чы инакъ, а мы не дамо вамъ пропадаты зъ нудьгы; мы вытягнемо вашихъ дамъ зъ затвору на сьвить, заведемо танцы, рауты, пикники, — говорывъ другый молодой офицеръ Погожаевъ.

— Ой, колыбъ, Господы, воны вытягли мене зъ затвору, та ще й швыдче! — думала Олеся, упявшысь очыма въ чудови малынови пухки губы Казанцева.

— Я люблю вечорі зъ танцямы, та шкода, що въ насъ нема гарного оркестра, — наши жыдкы якъ заграють, то вы не схочете й танцюваты, — сказала Олеся.

— Нашъ полковый оркестръ ладенъ вамъ, панн, служыты хочъ и що-дня, — обиззався полковныкъ.

— Отъ и добре! Дуже дякуемо! Намъ тилькы цього бракувало. Въ такому рази сподиваюсь незабаромъ и до себе на вечирь! — сказала Олеся, навить не глянувшы на своего чоловіка.

Балабуха здрыгнувся, — Олеся дуже вже швыдко просыла гостей на вечирь.

— Я попрошу на вечирь нашихъ дамъ, — подывытесь, яке наше богуславське товариство, — сказала Олеся, пидморгнувшы легенько на Казанцева.

— Якъ воно хочъ трохи схоже на васъ, то мы зовсимъ шасливи,—сказавъ Казанцевъ, брязнувши шпарко підковами.

Олеся спустила він на щокы й спалахнула на выду.

Полковникъ вставъ; за нимъ встали други офіцеры й почали прощатись.

— Не забувайте зайты на нашъ вечирь!—просила Олеся.

Гусары подякували й розпрощались.

Олеся почувала, що їй нервы неначе загралы. Въ сьвітлици стало порожньо, тилькы хмарами висивъ густый дымъ одъ дорогыхъ сыгаръ. Вона неначе бачыла въ тому диму сыни та червони блискучи постати, бачыла чудове лице Казанцева; його пышни очи наче сьвитылись и теперъ, малынови уста сьміялысь, а мякый низовый барытонъ лащывся до їй души, и все ще лунавъ глыбоко, глыбоко, въ серци. Цилый день Олеся хотилось сьпиваты, граты, слухаты музыку; мріи роємъ вылыся въ голови, якъ бджолы въ май; якесь дывне, глыбоке щастя обхопыло їй душу... Скільки вона любила до цього часу,—неварто було одніен хвылыны того нового щастя, якимъ теперъ налылась вщерть їй душа. Олеся такы впрохала мужа, щобъ попросыты на вечирь гостей та гусаривъ въ неділю.

Настала бажана неділя. Олеся звелила заризаты три останни гускы й два ындыкы, що зосталысь на господарстві, убралась въ нову білу сукню зъ шовку, якого можна було дистаты въ Богуслави, й ждала гостей. Прыйихалы надъ вечирь уси богуславськы панкы зъ сынамы, прыйихалы Олесыни сестры. Письля всихъ на останку прыйшли офіцеры. Надвори зашумивъ оркестръ; винъ бувъ такый здоровый, що його неможна було вмистыты ни въ синяхъ, ни навить въ цили сьвітлицы. Вечиръ бувъ тыхый та теплий, слыве литній. Поодчынялы викна въ сьвітлицы й поставылы оркестръ підъ викнамы. Ничъ була темна та чорна. Музыкы розставылы свои пюитры, пороскладалы ноты й посьвитылы лихтари. Широки мидни трубы заблыщалы на чорному фоні ночи фантастычнымъ сьемомъ. Оркестръ загремивъ, ажъ тахли въ викнахъ задзвенилы. Олеся глянула

въ викно на небачену картину й стояла, неначе прычарована; обернулася вона назадъ,—съвитлыця ажъ сяла, ажъ пышалася гусарськымы сынымы куценькымы мундирамы, еполетами, шнуркамы та орденамаы. Коло Олеси вывся Казанцевъ, прыглаженный, прычесаный, въ дороги блискучи одежи,—чудовой чорнявчыкъ, якъ гвоздыкъ. Стариши офыцеры силы граты въ карты, молоди пишы въ танецъ. Олеся забула вже Ломачевського. Бонковськый сыдивъ въ кутку, скорчывся въ тры погыбели й довго не съмивъ передъ гусарамаы выступаты въ танецъ; його кучерява здорова голова, кругле, повне та загориле лыце здалося теперычкы Олеси схожымъ на здорового рудого гарбуза въ картопли.

Казанцевъ заряджувавъ танцямы; писья кадрили завивъ рондо, правувавъ по-французькый, хочъ його, само по соби, ниhto не розумивъ, и прычарувавъ усихъ богуславськыхъ паній та паннивъ. Офыцеры поводылысь деликатно, обходылысь зъ товариствомъ просто, не вдавалысь въ столычню пыху, жартувалы, говорылы дамамаы комплименты зъ легкымъ насъмихомъ, котри воны прыймалы за шыру правду. Матери повбиралы своихъ дочокъ, якъ лялюкъ,—кожна сподивалася залучыты женихивъ для дочокъ. Але молоди офыцеры найбилше увывалысь коло Олеси: вона була съмыльвиша й веселиша одъ усихъ и танцювала краще одъ усихъ.

— Якъ вамъ сподобався нашъ вечеръ, наше товариство? Мабуть, будете навписья съмятысь зъ насъ,—спытала Олеся тыхо въ Казанцева.

— Охъ, бороны Боже! зъ кого, зъ кого, а вже зъ васъ не доведеться мини съмятысь,—сказавъ Казанцевъ, скоса поглядаючи на тонку Олесину шыю.

— Отъ вже й заразы такы съміетесь зъ мене! Хиба жъ пакъ тутъ нема кращыхъ одъ мене?—пбпросту спытала Олеся.

— Одъ васъ, мадамъ, трудно знайты кращыхъ и деынде,—зашепотивъ Казанцевъ трохы не надъ самымъ Олесинымъ вухомъ.

Винь ледви вдержався, щобъ не вхопыты йїи за талію й поцілувати въ маленьке вухо.

— Въ васъ чудове маленьке вушко,—ще тихише промовивъ Казанцевъ;—якбы не пры людяхъ, то я бъ васъ поцілувавъ въ вушко.

Олеся зареготалась одъ радости на всю свѣтлицю.

— Я не знала, що вы такой!..—тихо сказала Олеся.

— Въ васъ гарненька кругленька талія, — ще тихише промовивъ Казанцевъ.

— Вы, очеvyдячки, сьмієтесь зъ мене; бачылы жъ вы кращи таліи та вуха въ Петербурзи,—ще тихише обизвалась Олеся.

— Я вамъ скажу, и въ Петербурзи такихъ мало,—сказавъ Казанцевъ.

Олеся прыйшла до одчыняного викна й поклала руку на одвирокъ. Маленька повненька рука забилила на темному одвиркови, якъ мраморъ; золоти перстни бlyщали мякымъ свѣитомъ. Казанцевъ ставъ поручъ зъ Олесею й зъ жадобою пантрувавъ на билу ручку.

— Яка въ васъ чудова ручка! Я васъ поцілую въ ручку,—сказавъ Казанцевъ, заступившы викно й поклавшы свою долоню на йїи руку.

Олеся ледви примитно повела очыма назадъ.

Пидь викнамы, середъ чорной ночи, бlyщала слыве фантастычна картына. Сялы бlyскучи трубы, — оркестръ гравъ якусь арію.

Олеся ледви чула музыку; вона тилькы почувала гарячу долоню на свои руди й скоса роздывлялась на гладенькый матовый лобъ Казанцева, обрямованый збытымы чорнымы кучерямы, та на чудови чорни бровы, пидь котрымы горилы дви ыскри въ темныхъ очахъ. Гаряча рука, дужый гукъ музыки страшенно дратувалы йїи напружени нервы, фылямы збурювалы кровь,—вона ледви вдержалась, щобъ не кынутысь на шыю Казанцеву, не впястысь пявкою устами въ його чудови бровы.

— Розкажіть міні за Петербургъ, — яки тамъ люде, звичай, яки тамъ дома та балы, — спытала Олеся.

— О, въ насъ, въ Петербурзи, таки дыва, за яки въ казкахъ розказують: въ насъ залы вси въ золоти, дзеркала одъ помосту до стели и навить на стели; въ насъ на балахъ заразомъ танцюе по сто парь, а грае по пять оркестривъ на хорахъ.

— Хиба жъ у вашихъ залахъ и хоры йе, неначе въ церквахъ?

— А якъ же! хоры кругомъ усіен залы, а надъ хорамы ще други хоры, таки заввышкы слыве, якъ лаврська дзвиниця. Звидтиля дывыться та публика, що не танцюе, бабы, диды та всяка нечысть. Наши дамы просто пры людяхъ обнимаються й цилуються зъ кавалерамы пры фантахъ, въ ыграшкахъ.

— Невже! — крикнула Олеся, обернувши до його лице.

— Ййй Богу, правду кажу, — цилуються: йе такый французькый танецъ — якъ скомандуе одынъ, то вси дамы кыдаються на шыю своимъ кавалерамъ та цмокъ йихъ у губы! — сказавъ Казанцевъ.

Олеся трохы не пидскочыла, — ййй страхъ якъ схотилося погуляты на такихъ вольныхъ балахъ, одначе вона не зовсимъ пойняла виры тому.

— Вы певно жартуете, — мабуть глузуете надъ нами, селянами.

— Ййй Богу, мадамъ, не жартую! На те въ насъ столыця. Наши дамы не таки благочестиви, якъ ваши, — сами ходять въ гостынницы та въ трахтыри, зъ кымъ хотять, йидять, пьють, зъ панычамы обнимаються; наши дамы хылять выно й навить ликеры, незгирше насъ.

Казанцевъ замовкъ. Олесю потягли думы въ ти щаслыви край.

— Чы не часъ бы вже столы застеляты? — спытавъ Балабуха, прыступившы до Олеси.

— Може й часъ, — сказала Олеся й выйшла распоряжаться.

Столы позастелялы. Гости посидали. Олеся сила миждь Казанцевымъ та Погожаевымъ. Чуе вона,—пидь столомъ шарудить и хтось торкае йїи чоботомъ въ ногу то зъ одного боку, то зъ другого. Олеся брыкнула закаблукомъ Погожаева разъ, а дали другый и тихенько наступыла черевыкомъ на ногу Казанцева. Казанцевъ кынувъ на неи довгый, довгый поглядъ, налапавъ пидь скатертею йїи руку й здавувъ такъ, що Олеся ледви не крыкнула. Довго тяглася вечера; довго вси цокотили й пылы.

— Ваша вечера смачниша одъ нашихъ: въ насъ якъ часомъ подадутъ на стилъ цилу серну, або печеного ведмеда, то не знаешъ, якъ и одйистысь. Але намъ вже пройлысь ти печени ведмеди,—ваши гусы смачниши.

— Невже въ васъ йидять ведмедивъ? И такъ-таки подають на стилъ цилого печеного ведмеда?—спытала Олеся.

— Цилисинького! Лежить, мовъ живый.

— Ну! вы, панове, мабуть, зализлы въ хмары, — я бъ зроду не йила печеного ведмеда!

— Якбы покуштувалы, то бъ и йилы: тамъ такый добрый, якъ конфекты зъ вареннямъ,—брехавъ Казанцевъ.

— Хиба ведмидь солодкый? спытала Олеся.

— А вже жъ, солодкый! зъ одного боку солодкый, а зъ другого кыслый,—додавъ Погожаевъ.

— А зъ третього?—спытала Олеся, сьміючысь.

— А зъ третього шынка, чы „ветчына“, — ведмедяча „ветчына“—це жъ шыкъ!—додавъ Казанцевъ.

Не вважаючы на печеныхъ ведмедивъ, офыцеры вклады въ копы тры печени гускы, ындыка й килькы куроць, и почалы дудлыты чудову наливку стаканамы. Казанцевъ наливъ Олеси чарку наливкы. Щобъ не одстаты одъ петербурьскыхъ дамъ, вона стукнула чарку, а потимъ другу; вона теперь сама налапала руку Казанцева пидь столомъ и гладыла йїи.

На столи не зосталось ни рисочки; пляшкы стоялы порожни. Гости встали з-за стола. Зновъ почалыся танцы. Казанцевъ прыступывъ до дамъ и прычепывсь прычепою,

щобъ воны вивчылысь въ його йиздыты верхы. Все дамы одмовлялысь, одна Олеся згодылась, сядячы на стильци й закинувши ногу за ногу, але все-такъ не насъмилылась браты науку йизды въ Казанцева,—вона трохи боялась людського поговору. Гости розйихалысь вже передъ сьвитомъ.

Письля Балабухы мусивъ дати балъ офыцерамъ исправныкъ, письля исправныка—докторъ. Зъ початку зимы прыйихала полковниця й дала въ себе балъ. Олеся бувала на балахъ и хотила, щобъ таке жыття хочъ бы й до смерти тяглося.

Щобъ розважыты себе й дамъ, офыцеры задумалы прокатытысь, якъ выпавъ сьнигъ. Стала перша санна дорога. Офыцеры налагодылы санкы, позапрягалы тройкы коней, зъ мальоваными дугамы, зъ брязкалами, зъ дзвоникамы, и разъ по обиди позабиралы всихъ знайомахъ миськыхъ дамъ и повезлы прокатуваты въ лисъ. Офыцеры попарувалысь зъ дамамы, кожный по свои вподоби. Казанцевъ сивъ зъ Олесею. Пойиздъ рушывъ зъ миста; дзвоникы задзвенилы, брязкотьола забрязчалы. Все жыды позбигалысь на мисто, щобъ дывытысь; диты биглы за саньмы за самый городъ; перекупкы вставалы й вытрищалы очи. Баски гусарьски кони, загынаючы головы набикъ, якъ на крылахъ, полынулы по чудови мяки дорози. Казанцевъ звеливъ своему погоничеви зистатысь по-задъ усихъ. Дорога повылася по-надъ Россю, по косогору.

По обыдва бокры Роси стоялы крути горбы, попереризувани й перетяти глыбокымы, узькымы яркамы; и долины й горы булы засыпани сьвижымъ билымъ сьнигомъ, неначе лебедынымъ пуховъ; небо було вкрыте билымъ прозорымъ туманомъ; черезъ туманъ лывся срибный, тыхый сьвить вечернього сонця. Надвори було тыхо, мертво... На крутыхъ горбахъ мривъ густый старый дубовый та грабовый лисъ, вкрытый ынємъ.

Довгый пойиздъ летивъ до лиса, по чудови мисцини; дзвоникы дзвенилы; гукъ рознисся по долинахъ, по горахъ; луна вдарыла въ горы, въ лисъ. Пойиздъ выйихавъ на не-

вельчкый лугъ. Понадъ Россю, въ лузи стоялы ридко роскыдани роскишни стари дубы зъ ридкымъ роскыдчастымъ гиллямъ, неначе пороспыналы сотни рукъ на вси боки. Кожна гилька була вкрыта широкою, на два пальци смужкою ыню. Узловати сучкы та гилькы стремилы вгору, наче розчепирени пальци рукъ, высилы внызъ, якъ пазури на птычыхъ ногахъ; на сучкахъ, на гилькахъ билилы та съвитылысь наскризь нибы довги гусячи пера зъ дрибненькымы зубчыкамы, котри стремилы то вгору, то внызъ, то складалысь пучкамы, букетамы, звишувалысь внызъ, переплутувалысь, перехрещувалысь чудными взорцями й съвитылысь наскризь.

За лугомъ на горахъ почався грабовый лисъ. Дви высоки, нибы фантастычни сътины лиса обступылы билу пухову дорогу; тонке, якъ чорни ниткы, молоде грабове гилля спускалось зверху до самого долу на мякый сьнигъ; дрибный ынй обсыпавъ його нибы тонкымъ пухомъ та дрибнымы алмазама; ынй блыщавъ, съвитывся, перелывався матовымъ билымъ съвитомъ.

Дорога повылася въ середыну лиса. Въ старому лиси картина стала ще краща,—обыдвѣ сътины лиса, по бокахъ дорогы, ставалы выщи й густыши. На роскишни били зависи лиса нибы булы почепляни букеты зъ довгого страусового пирья. На самый сьнигъ по обыдва боки дорогы позвишувалысь нибы довги били зависи та гирлянды зъ шырокихъ билыхъ стричокъ; одна довга гирлянда прикрывала другу, неначе навмысне почепляна людською рукою.

Лисъ стоявъ, неначе молода пидъ винцемъ въ дорогомъ билому убори, якого не выгадае ни одна людська думка.

И все те дыво съвитылось наскризь, блыщало, сыпало ыскрамы, брылліантамы, перелывалось то ризкымъ, то матовымъ съвитомъ. Ни одна картина прыроды влитку не може прыривнятысь до тѣи пышнои фантастычної картыны мертвои зимы: то бувъ тыхый, мрїйный, фантастычный сонъ заснувшои земли.

Дорога спускалась въ глубокий вузький яръ, зновъ піднімалась на горбы, то зновъ западала въ долины. Середъ лиса заманячила корчма, прикрита билымъ товстымъ шаромъ мягкого сьнигу, зачорнивъ вывидъ на покривли, зачорнили викна, неначе темни плямы. Коло корчмы була прогалына: на тому мисьци неначе хто роскынувъ пышний фантастычный квитныкъ: кружало густого терну було нибы виткане зъ павутынни та срибныхъ нытокъ; роскидази кушчыкы собачои бузыны, папороти та бурьяну стали схожи на невидани квиткы, выковани зъ срибла; висока однимъ одна береза спустила до самого долу роскишни тонки гилькы, неначе розчисани довги косы, прысыпани срибнымъ пыломъ.

Олеся сьдила поплічъ зъ Казанцевымъ и ледви примчала ту фантастычну красу лиса; вона розмовляла зъ мылымъ и мылувалась його очыма, його бровамы. Тилькы що кони выбиглы на ривныну, — середъ лиса загремивъ оркестръ. Олеся издригнулась; Казанцевъ засьміявсь.

— Де це грае музыка? — спытала Олеся.

— Мабуть русалкы грають, — вони знали, що ты прыидешъ гуляты въ лисъ, — сказавъ Казанцевъ.

Одначе то гралы не русалкы, а гусары. Пидъ корчмою заблыщали здорови трубы, засынили ряды гусаривъ: бидни москалыкы мусилы впередъ пишкы дыбаты зъ трубамы, щобъ побавыты панивъ. Музыка розбудыла сонный лисъ; луна розляглася по горбахъ, по долинахъ, неначе заразомъ заграло десь килькы оркестривъ, — ефектъ бувъ великий!

Кони спынылысь коло корчмы. Уси повставалы зъ санокъ. Офыцеры просылы дамъ до корчмы, але жадна дама не схотила йты въ корчму. Полковныкъ взявъ полковныцю пидъ руку й повивъ у корчму; за полковныцею, якъ вивци за бараномъ, такъ и потяглысь уси богуславськи паніи.

Корчма була нечыста; довгый стиль, довги ослоны та лавкы byly замазани й чорнили, якъ земля. Коло порога стояло барыло горилкы. Въ просторни хати тхнуло горилкою, шынкомъ. Обидраный жыдъ въ ярмулци вештався по

хати. Офицеры повносылы въ корчму сылу пляшокъ зъ шампанськымъ та хусткы зъ пирожнымъ и конфектамы. Але духъ у корчми бувъ такий протывный, що вси дамы повыскакували на двирь; декотри крычалы, що вони мліють, хапалысь за выскы. Тоди офицеры вынеслы стилъ на двирь и поставылы пидъ старымы лыпамы, що рослы за корчмою: стилъ застелылы скатертею; коло стола поставылы ослоны й понакрывалы кылымамы; дамы посидалы кругомъ стола пидъ билою стелею*нню. Затычки бахнулы; шампанське польлось въ чаркы ричкою. Оркестръ загравъ. Офицеры крыкнулы вивать за здорова дамъ,—дамы мусилы выпыты до дна. Зновъ забахкалы пробкы, зновъ польлось выно; выпылы за здорова гусаривъ, дали почалы пыты за здорова полковныци, потымъ за здорова кожнои дамы, — пишла добра сотня карбованцивъ зъ офицерськыхъ кышень!

Надвори смеркало. Офицеры курылы, дамы закушувалы гостынцями. Музыка грала весели мелодіи. Гулянка була ефектна, весела, хочъ и дорога. Всимъ було гарно, весело,—никому не хотилось йихаты додому; посидалы въ санкы й пойихалы прокатуватысь дали въ лисъ.

Небо прояснилось; легки, тонки хмаркы летилы прудко, неначе литомъ писья залывы; сыне небо ледви съвитылось черезъ тонкый туманъ; мисяць обыспавъ легкымъ съвитомъ верхы лиса. Пойиздъ летивъ. Картыны минялысь, нябы декораціи въ театри. Почынався старый дубовый та берестовый лисъ. Дорога пошылась въ гущавину; высоки дерава зовсимъ прыкрылы дорогу, що крутылась неначе вузькою стежкою, обмынала товсти дубы. Въ лиси було поночи, тилькы чорнили товсти дубы. Але мисяць пиднявся вгору, выйшовъ з-за хмарь,—и карта зминылась,—якисъ чары розлымыся по лиси!

Тыхый съвить мисяця загравъ по верхахъ дубивъ, ще вкрытыхъ лыстомъ, на котрому массамы задержався вгори пухкый сьнигъ, а дали розлывся по лиси, по ярахъ, по долинахъ, розлывся въ сами далеки закуткы, обльвъ кожне

дерево, кожну гильку; на сучкахъ, на розложистому гилли неначе хто наложивъ прозорой ваты. Тыхый съвить лывся черезъ сьнигъ, черезъ ынй, неначе черезъ тонкый прозорый крышталъ, и облывавъ дерева зъ верху, зъ бокивъ найде-ликатнишымъ матовымъ блыскомъ; однызу, одъ сьвижого сьнигу лывся вгору ще тихишый, ще деликатнишый матовый съвить; усе въ лиси було осьвичене зъ усихъ бокивъ; одъ дерева не було видно навить тини. Съвить бувъ трохи сьнюватый. Лисъ ставъ якымсь фантастычнымъ,—здавалось, нибы то якыйсь дывный зачарованый храмъ, заставляный темнымы колонамы, прыкрытый незвычайною крышталевою покривлею. Чорни товсти пенькы, прыкрыти сьнигомъ, булы схожи на вельтенськи грыбы; куци панороти, дроку стоялы, неначе квиткы въ якомусь фантастычному, зачарованому саду.

Передни санкы далеко побиглы впередь. Казанцевъ зостався зъ Олесею позаду. Выно розворушыло обохъ. Олеся впялася очыма въ герне лице Казанцева, осьвичене матовымъ сьвитомъ. Кучери його чорнили на высахъ. Казанцевъ взявъ Олесею за руку й подилувавъ.

— Чы любышь ты мене, Олесею, такъ, якъ я тебе люблю?—спытавъ винъ надъ самымъ вухомъ въ Олеси.

Олеся затрусилась; вхопыла його рукамы за щокы, прытягла до свого лица, впялася въ його уста гарячымы устами й неначе замерла; вона тилькы прымитыла, що срибни фыли дерева нибы загойдалысь, заворушылысь, и зомлила й нибы прыросла до мякыхъ гарячыхъ усть Казанцева, потимъ згодомъ цилувала його въ щокы, въ бровы, въ очи, обняла його за шыю, впала на плече й зарыдала, якъ дытына.

— Олесею, чого ты плачешъ?—ще тихише спытавъ Казанцевъ.

— Тымъ, що тебе люблю. Теперь тилькы я втямыла, що до цього часу никого не кохала; мини тилькы здавалось, що я любила, але я тилькы сама себе дурыла. Якъ ты мене перестанешъ любыты, я загыну, вмру, запангублю себе.

Казанцевъ трохи стревожився; така палка любовъ трохи його злякала,—йому заманулось тилькы трохи пожартуваты зъ нудьгы, для розвагы.

Олеся зновъ кинулась Казанцеву на шыю, зновъ уялась въ його уста, неначе влыпла, такъ що йому було важко дыхаты. Попередъ ихъ санокъ задзвенилы дзвонькы,—пойиздъ вертався назадъ. Олеся розняла руки й сила на своє місце. Санкы шугалы прозь ихъ, якъ птыци. Лисъ ажъ тришавъ одъ гучной луны. Пойиздъ покатавъ назадъ, и вони зновъ поийхалы тихо, поволи. Олеся прытулылась шокою до выду Казанцева. Въ лиси стало тихо. Билый свить ще яєснише розльыся по лиси; мяке повитря прохоложувало гаряче лице; фантастычный сынюватый свить тревоживъ фантазію, будывъ мріи въ гарячому серци. Олеся була безъ краю, безъ миры щаслыва: йи бажалось ихаты, летиты безъ спыну, безъ кинця. Глыбоки долины та западыны въ яєнимъ свити мисяця пересовувалысь, неначе гарни декораціи. Олеся почувала, що йи серце налылось щастямъ вщертъ, що любовъ залыла всю йи душу, якъ весняна вода залыває лугы та луку. Отъ засьвитылысь викна въ корчми; зъ чорного дымара вывся клубкамы дымъ. Корчма майнула передъ очыма, неначе намальована на картыни. Дорога зновъ то западала въ долины, то пиднималась вгору. Олеся не счулась, якъ кони выбиглы зъ лиса й убиглы въ густый березнякъ; черезъ ридки срибни пачосы березъ залыснилы нибы брылліянови зори. Отъ стоять дубы, нибы обтыкани перами, а ондечкы вже сьвитытыся въ викнахъ огонь. Вони вийхалы въ мисто.

На улыцяхъ вешталысь люде; въ викнахъ сьвитывся огонь. Олеся здалось, що йи снывся дывный солодкый, якъ радистъ, сонъ; вона теперь неначе прокынулась. Пойиздъ ставъ перадъ кватырою Казанцева. Все викна булы ясно освичени. Въ хати загравъ оркестръ. Санкы товпылысь пидъ домомъ; товпылась по-пидъ викнамы сыла жыдкивъ та жыдынятъ. До Казанцева найхалы офыцеры зъ силъ та мистечокъ: здавалось, нибы въ доми грають весилля. Олеся здалось, що вона вертається зъ церквы одъ вишця, що вона

оце тилькы що повинчалась зъ Казанцевымъ. Вона хотила йняты тому виры, навить пойняла виры... Йи голова була нибы повыта якымсь чаривнычымъ туманомъ... Воны прыйхалы останни. Казанцевъ взявъ Олесю на руки й понись въ свою кватиру.

Гусары въ складку давали вечерь для своихъ богуславськихъ знайомыхъ и завезлы дамъ трохи не сылю просто на вечерь. Кватира Казанцева, найбагатшого мижъ усима офыцерамы, була найпросторниша. Вечерь бувъ въ його кватири. За Балабухою й за другымы панамы послалы москаливъ.

Казанцевъ увивъ Олесю пидъ руку въ покои. Оркестръ гравъ въ прихожи; невелика прихожа була нибы начыняна гусарамы та здоровымы трубами. Олеся роздяглась й увийшла въ съвитлицю. Просторна жыдивеська хата була убрана по-кавалерський: на двохъ сътинахъ высилы здорови чудови кылымы; на порожнихъ билыхъ сътинахъ высилы поначиплювани букетами та зорями, рушныци, пистолеты, шабли. Убоги жыдивеськи канапки булы застеляни кылымамы та шматкамы червонои китайкы; на столахъ стоялы стаканы зъ чаемъ, стоялы тарилки зъ закусками. Дамы сьидилы кругомъ столивъ, перемишаны зъ сыними мундирамы. Казанцевъ посадивъ Олесю за столомъ и самъ сивъ поручъ зъ нею. Олеся неначе зацьвила, розчервонилась, якъ квитка; налыти щастямъ очи блискалы, неначе зори; лице ажъ пашило. Вона обперлась ликтемъ объ спынку канапы, впялась очыма въ лице Казанцева й ничего не бачыла, ничего не чула.

— Золото мое, щастя мое! Тебе я ждала, тебе я шукала, лынула, литала десь за тобою, якъ сыва зозуля, и такы тебе знайшла,—думала Олеся, дывлячысь въ-вочи Казанцеву.

Гости выпылы чай, закусылы й зновъ взялыся за чай.

Письля закускы прынесли шампанське. Забахкалы затычкы; полылось ричкою дороге выно. Офыцеры покалысь чаркамы зъ дамамы, крычалы „ура!“ Оркестръ гремивъ; въ покояхъ пиднявся гвалтъ, нибы на бытви. Письля шампанського попрыймалы столы й пишы въ танецъ. Офыцеры,

смыкнувши добру порцію, почали поводитись зь дамами трохи вильно. Казанцевъ просто такы обнимавъ Олеся вь танцяхъ и прыгортавъ до себе. Дамы те примитылы й почали розбигатись додому; одна Олеся досыдилась до пивночи й була ладна сыдиты хочъ и до съвита, якбы Балабуха сыломиць не повивъ йи додому.

Пышну, веселу зиму пережыла Олеся. Вона не чула, якъ ишовъ часъ, не счулась, якъ мынула Пылыпивка, й настало Риздво; та зима здалась для неи якымсь гарячымъ, палкымъ литомъ: для неи неначе грило, якъ влитку, сонце, цъвилы пахучи квиткы, сьпивалы соловейкы. Казанцевъ зь товаришами заходывъ до Балабухы слыве що-дня, запрошувавъ до себе вь гости Балабуху зь жинкою. Олеся привезла до себе своихъ сестерь: вона думала, може офыперы поженяться зь сестрамы; для неи самой здавалось, що вона ще не вийшла замижъ, що вона отъ-отъ повинчається зь Казанцевымъ. Що-тыжня Олеся справляла вечиркы для гусаривъ, танцювала до съвита й вытрусыла до дна кышени свого чоловика на уборы та вечори. Щобъ гусары не нудылись, Олеся почала возыты йихъ вь гости до сусидь сьвященныкывъ: на Риздво повезла йихъ до свого родыча, о. Мельхыседека, а на Новый рикъ задумала повезты до Москавського.

— А пойидьмо вь гости до блызького нашего сусиды, отца Харьтона,—говорыла Олеся до гусаривъ:—я вамъ покажу давню коханку свого чоловика. Онысія Степанивна—це людына статковыта,—не таке ледащо, якъ я: вона нагодуе васъ такою гусятыною та поросятыною, якои вы зроду не йилы й вь Петербурзи; доберимось лышень до йи палывокъ та варенухы!

Гусары позапрягалы свои баскы кони, посадовылы Олеся й усихъ йи сестерь и махнулы по чудови санни дорози вь Вильшаныцю. Олеся потягла такы зь собою й Балабуху, щобъ було кому розмовляты зь господаремъ, отцемъ Харьтономъ. Гусары размистылы зь собою по дами вь кож-

ныхъ санкахъ, а Балабуху повезлы самого на заднихъ саночкахъ однимъ конькомъ.

День бувъ гарный, тихый и не дуже холодный; санна дорога стлалася, неначе гладеньке биле полотно; кони весело катали въ Вильшаныцю; коло кожныхъ санокъ дзвенили дзвоньки. А тымъ часомъ въ Вильшаныци ни хто не сподивавсь такихъ гостей. До отця Харитона зибралась своя сельска компанія: въ його була повна съвитлыця чоловикивъ та молодыць навить зъ малымы дитьмы на рукахъ. Въ гости прыйшовъ и старецъ Шмыдъ, кумъ отця Харитона. Середъ съвитлыци стоявъ застеляный стилъ; на столи стоялы пляшкы зъ горилкою, мыскы зъ полуднемъ, лежалы цилы купы накраяного хлиба. Чоловики й молодыци, выпывшы въ-смакъ рады праздныка, гомонили та гвалтували на все подвирья; дзвинки молодычи голосы злывалысь зъ чоловичымы, мовъ дрибни дзвонь зъ здоровымы; въ покояхъ клекотило, наче въ здоровому казани. Онысія Степанивна частувала молодыць, отецъ Харитинъ—чоловикивъ.

Колы це за дворомъ задзвенивъ одынь дзвонькъ, а за нымъ другый; въ ворота влетили санкы, запряжени баскымы киньмы; за нымы вскочылы други, а дали трети; дзвонькы задзеленькалы пидъ самымы викнамы. Все гости кынулысь до виконъ и вглядилы повни санкы гусаривъ.

— Ой лышечко? станови йидуть, —крыкнула одна молодыця.

— Ой, москали! Та якъ йихъ багато! Це московска закуція прыйхала!—крыкнувъ тытаре.

Все гости отця Харитона схопылысь зъ мисьця й прожогомъ кынулысь навтикача: одни втикалы въ синь, други въ кимнату; деяки перелякани молодыци покидалы въ съвитлыци дитей и кынулысь втикаты, неначе сполохани птыци, то въ пекарню, то на задвирокъ; деяки повтикалы въ хыжку, а декотри дерлысь по драбни на горыще; старецъ Шмыдъ вхопывъ костура, махнувъ на задвирокъ черезъ задвиркови синешни двери й сховався въ клуню; чоловики розсыпалысь по городи, позабувавши въ съвитлыци шапкы та рука-

выщи: декотри молодыци збпалу та знѣстямкы кыну-
лись черезъ синешни двери въ ганокъ, просто мижь гуса-
ривъ та паннивъ, и трохы не позвалювали йихъ зъ нигъ.

Отець Харытинъ, сполоханий на смерть, не знавъ, що
робыты, й тилькы бигавъ по хати одъ кутка до кутка. Оны-
сія вглядила черезъ викно Олесю середъ гусаривъ, и вда-
рылась объ полы рукамы: въ сьвитлыци бувъ такий неладъ,
що вона не знала, за що хапатысь: вхопыла пляшку го-
рилкы, вкынула въ мыску зъ сметаною, выскочыла въ ким-
нату, кынула мыску на перьбну, потимъ выпхнула двоухъ
переляканыхъ молодыць зъ опочывальни въ сьвитлыцю й за-
пыщала слыве нышкомъ.

— Берить стола та выносьте черезъ двери!

Молодыци вхопылы стола зъ усимъ добромъ и понесли
його не въ кимнату, а въ сини.

Гусары й дамы стрилы въ синяхъ, якъ стиль, що ажъ
захрясь пляшкамы та мыскамы, застрягъ у дверяхъ разомъ
зъ молодыцями.

— Добра прыкмета!— не втерпивъ Казанцевъ:—видно, що
господарь и справди статковатый, бо любить вытаты гостей.

— И стричае насъ хлибомъ силлю,—тыхо обизвалась
Олеся.

— И зъ пляшкамы та чаркамы,—промовывъ Балабуха,
ступаючи на синешный поригъ.

Молодыци выволокли въ сини стола й дали дорогу
гостямъ.

Гости ввійшли въ сьвитлыцю. Сьвитлыця була схожа на
поле писля побоища: трое забутыхъ мужычыхъ дитей кача-
лись пидъ грубою й одъ переляку дерлись не своимъ голо-
сомъ; середъ хаты валялись шматкы хлиба, качалась пляшка,
зваляна зъ стола, валялись шапки та рукавыци. Отець Ха-
рытинъ збиравъ шапки, Онысія вхопыла разомъ за руки
трое дитей, выволокла йихъ въ кимнату й прычынула двери.

Балабуха зъ жинкою, тры Олесьни сестры й десять
гусаривъ сповнылы всю сьвитлыцю. Господарь ставъ стов-
помъ середъ хаты, а за дверыма въ кимнати було чуты та-

кый оркестръ, якого гусарамъ не довелось чути й въ Петербурзи.

— Выбачайте! мабуть мы не въ добрый часъ прыйихали,— сказавъ Казанцевъ до господаря.

Господарь стоявъ середь хаты мовчки й тилькы дыввися, якъ роздягались гусары, якъ заблыщали йихъ еполеты та комири,—йому було очеvyдячки нѣково. Балабуха пидступивъ до о. Харытона, трычи поцилувався зъ нимъ, поздоровляючы зъ Новымъ рокомъ.

— Ой, зомлію!— такъ смердыть горилка на всю хату,— говорила пошептомъ Олеся Казанцеву надъ вухо.

— Здається, мы розигнали веселу компанію,— тихо обизвався Казанцевъ до Олеси.

— Давня любовъ Марка Павловича кружляла горилочку зъ молодыцями,— тихо обизвалася Олеся.

Гусары й дамы пороздягались и наkyдали жужмомъ цилу купу одежи на стильцяхъ та на канапи. Балабуха, прывытавшысь до отця Харытона й Оныси, порекомендувавъ Казанцева. Казанцевъ брязнувъ закаблуками передь Онысею; його закаблуки прокопалы добрый ривчакъ на глыняному доли. Письля Казанцева прыскакувалы до Оныси други гусары, совалы закаблуками по доли й, неначе пивни, выгреблы чымалу яму на доливици. Якисъ призывыща такъ и сыпалысь на Олесю, неначе хто йихъ трусывъ зъ торбы.

— Це Олеся навезла гусаривъ... И де вона въ биса набрала йихъ стилькы!— думала Онысія Степанивна.

Олеся сила на канапи й затулыла носа напаханою пахощами хусточкою; йи сестры переглядалысь, переморгувалысь и осьмихалысь одна до одной. Гусары зареготили й заходылы по свитлыци, якъ у себе вдома. Картина въ свитлыци зминылася неначе якымсь чаривныцтвомъ: замисъ свытокъ та горсетивъ—сынили вышивани срибломъ мундиры, червонилы тонки ноги, брязчалы острогы, червонилы й билилы паняньськи сукни. Гусары прыставалы до господаря та до госпоdynи, неначе воны зъ ными викъ звывалы.

— Якъ ваше здоровя?—прыставъ до Онысіи Степанивны Казанцевъ.

— Спасыби вамъ! Слава Богу, здорова до котрого часу,—знехотя обизвалась Оныся.

А тымъ часомъ вона обвела очыма гостей и поличыла, скильки то треба спекты гусей та поросятъ для тіей Олесиной компаніи.

— А ваши диты здорови? Певно у васъ йе диты?—прыкынувъ Казанцевъ.

— Слава Богу, йе й уси здорови,—обизвалась Оныся, а тымъ часомъ йіи думка рахувала: „по пивъ гускы на кожного москалюгу, на благочынного пивъ поросяты, на благочынну пивъ поросяты, а на паннивъ хочъ по нижци“.

— Чы весело провели сьвятки? Чы бувалы въ гостяхъ?—пиддержувавъ розмову Казанцевъ.

Оныся вже його й не слухала та все думала: „по пивъ гускы зжеруть,—москалыща здорови! Выходить: пять гусокъ и порося, та треба мабутъ заколоты здорове порося, бо цей Балабуха добре трощить поросятыну; та й благочынна не спустыть, бо дуже любыть поросятыну“.

— Ни, ще нигде не булы въ гостяхъ,—думаемо йихаты до батька писья завтра,—знехотя обизвалась Оныся.

— Ой, пропадутъ мои годовани гусы! Прыйиде батько на Водохреща, не попойистъ гусятыны,—снувалась Онысіина думка.—Це Олеська навезла своихъ пройдьсвьитивъ,—мабутъ не мала чого даты йимъ попойисты на вечерю та й прыперла йихъ на мои гусы. Це йіи справа. А бодай ты була дорогою голову скрутыла разомъ зъ своимы москалыськамы.

Одынъ гусарынъ выглянувъ у викно й вглядивъ у двори здорове стадо гусей.

— Яка въ васъ сыла гусей! Йій Богу, пивъ двора!—крыкынувъ гусарынъ на всю хату:—я ще нигде не бачывъ такъ багато гусей! Ото була бь добра печеня!

— Такъ воно й йе!—подумала Оныся:—це вона навезла оціей голодной галычи на мои гусы; мабутъ вони за це дорогою розмовлялы. А ну, чы й за поросята допомынатыметься?

— Хвалыты Бога, цього року въ насъ гусы добре вельсь,—пиддержавъ отецъ Харытинъ:—та й поросять выплодылось дуже багато.

— Цей дурень самъ выкаже,—подумала Оныся.

— Слава Богу, выплодылось багато, та половыну вовкы выхапалы въ чагаряхъ,—обизвалась Оныся.

— Одначе не всихъ выхапалы: госпожи благочынни ще зосталось на вечерю,—пиддобрювавсь отецъ Харытинъ.

— Якъ я бачу, въ васъ вовкы дуже звычайни,—сказавъ Казанцевъ,—колы зоставылы й на вечерю; въ насъ якъ почнуть хапаты, то вже ничогиснянько не зоставлять.

— Якъ же ваши волы та коровы?—спытавъ въ отца Харытона одынъ гусарынъ, щобъ сказаты будли-що.

— Слава Богу, вси цили, тилькы одна безрога, шута корова забигла десь въ Богуславський лисъ, та й доси не знайшлы.

— Чы знайшлы, чы й доси тамъ гуляе?—спытала Олеся, поглядаючы скоса на Казанцева зъ осьмихомъ.

Гостри Онысини очи впіймалы те перегляданья.

— Вона зъ мене сьміється зъ своимъ паскуднымъ коханцемъ,—думала Оныся.—Потрывай же,—насьміюся й я зъ тебе й зъ твого мылого! Казавъ мини жидъ кравецъ, що ты ввечери бигаешъ нышкомъ одъ свого Балабухы на кватыру до свого гусарына. Я жъ тебе обнесу на ввесь повить! Я жъ тобі оддичу!

— Щось я ниякъ не нагрююсь, а здається, надвори одлыга й не дуже холодно,—говорывъ одынъ гусарынъ, бигаючы по хати та тручы руки.

— И я неначе змерзъ,—обизвався другый гусарынъ, бигаючы по хати.

— Допомынаються по чарци,—подумала Оныся.

— Може бъ по чарци та по други, то заразы и нагріється,—обизвався отецъ Харытинъ.

— Якъ по чарци, то й по чарци,—передражнивъ Казанцевъ отца Харытона по-украинський.

Оныся вийшла въ кимнату й вынесла здорову пляшку горилкы й мыску пироги въ начинкою. Гусары накынулись на горилку й, безъ сорома казка, кружлялы шынкову Шулымову горилку. Мыска зъ пирогами въ одну мить спорожнылась. Кругомъ стола пиднявся клекисть, якъ за годину передъ тымъ; гусары пылы горилку й гвалтувалы, якъ переднише мужыцька компанія. По хати пишовъ съвижый горилчаний духъ, одначе Олеся вже не затуляла носа хусточкою й не думала зомливати.

Гусары розвеселылись и почалы романсувати зъ паннами. Йимъ заманудось потанцювати.

— Чы неможна пакъ въ васъ дистаты якыхъ-небудь музыкъ? Отъ мы бъ и потанцювалы!—промовывъ Казанцевъ,—шкода, що мы не взяли свого оркестра.

— Де вже въ насъ дистаты музыкъ! Хиба поклыкаты старого старця Шмыда зъ лирою,—промовывъ отецъ Харытинъ.

— Отъ и выгадавъ людямъ на съмихъ,—обизвалась Оныся.

Олеся затулылась хусточкою й реготалась. Оныся глянула на неи, неначе пятака дала.

— А чомъ же?—обизвався отецъ Харытинъ—тамъ якъ утне козачка на лири, то й музыкъ нетреба,—можна гацаты й до вечора.

— Отъ-ото! дійсно козачка! Це дуже цикаво!

— Це буде щось небачене, дуже ефектне,—сказавъ Казанцевъ.

— А покличте справди! Я ще зроду не танцювавъ пидъ лиру.

Отець Харытинъ пославъ за Шмыдомъ. Якъ почувъ Шмыдъ, що його кличуть до москаливъ, то вхопивъ шапку та давъ драла ажъ у Чайкы.

Гусары почалы танцювати та крутытысь зъ паннами безъ музыкъ. Оныся поглядала на благочынну й просто сьміялась йи въ вичи.

— Що то въ васъ за напытокъ такый,—воно зветься варенухою, чы що?—спытавъ у отця Харытона Казанцевъ.

— Та еге жь!—сказавъ отецъ Харытинъ,—варенухою жь! А вы николи не пылы?—спытавъ отецъ Харытинъ.

— Зроду не пывъ! це, кажуть, щось дуже смачне,—сказавъ Казанцевъ.

— О, смачне й мицне,—якъ ударыть у голову, то й за ничь не прочумаеся. Ожъ зварить, Онысіе Степанивно, варенухы,—нехай гости покуштують,—сказавъ отецъ Харытинъ.

— Доведеться тытарку клыкаты, — подумала Оныся. — Добре, зварымо такы заразь,—сказала вона голосно.

Оныся пишла въ пекарню, звелила смажыты тры гускы й заколоты двое поросятъ. Тытарка заходылась варыты варенуху, та ще й дуже мицну.

Тымъ часомъ, якъ тытарка смажыла гусы та поросята, на сели скоився перелякъ. Люде рознесли по сели, що прыйихавъ становый, найихала „московська закуція“ й буде выправляты недоплатъ подати. Люде кынулысь ховаты свое добро: закопували въ землю намыста, полотна, рушныкы, ховалы въ ожередахъ свыткы та кожухы; декотри повтикалы зъ села за Рось, въ Чайкы, й позабиралы зъ собою, що було дорожчого зъ одежи; бидниши люде погналы проты noci въ Чайкы волы, коровы, та вивци. Въ сели неначе ждалы татарського нападу; вси говорылы, що за офыцерамы йде зъ Богуслава цылый полкъ москаливъ, що москали заберуть усе добро, побьють пѣсудь, порижуть и пойидять куры, гусы, свыни й спрѣдають товаръ.

Вже пизненько Оныся накрыла столы й подала вечерю. Гусары кынулысь на гусы та на поросята, якъ голодни вовкы на вивцю; кисткы трищалы, гусятына щезала шматокъ за шматкомъ. Сама Оныся поклала половину поросяты передъ благочыннымъ, другу передъ благочынною. Олеся уклала въ копы увесь здоровый шмать и зоставыла сестрамъ тилькы нижкы та хвостыкъ. Гусары непрохани, сами наывалы горилку й пылы. Письля вечери подалы варенуху; гусары спробувалы, роскуштувалы, що смачна, й хылылы цылымы стаканамы.

— Та й мицный же оцей ведмидь!—промовывъ Казанцевъ до гусаривъ,—якъ вышьемо всего, то й въ двери не потрапымо.

Винъ сказавъ правду: „ведмидь“ мицно вдарывъ въ гусарськи головы; гусары розвеселылысь, позапалювали сыгары, порозстибали мундиры й почалы реваты салдацькыхъ писень. По хати пиднявся страшный гвалть; вси голосно говорылы, й нихто никого не слухавъ; дымъ стоявъ такый, що ледви було выдно съвичкы. Пьяни офыцеры лизлы обниматысь та цилуватысь зъ господаремъ; декотри дуже близько попрымощувалысь коло панивъ и трохы не лизлы цилуватысь. Казанцевъ пидійшовъ до Олеси, взявъ йи за талію й поклавъ голову на плече...

Онысія Степанивна крыкнула й протовпомъ выбигла въ кимнату; отець Харытинъ спустывъ очи додолу. Балабуха скочывъ зъ стильця й вытрищывъ очи; Олеся вырвалась зъ рукъ Казанцева й одскочыла.

— Олександро Петровно, одягайся! Йидьмо додому!—крыкнувъ Балабуха й зъ тымы словами выскочывъ надвиръ и звеливъ запрягаты кони.

Гусары не слухалы Балабухы, позабиралы панивъ и почалы танцюваты,—пидковани закаблуку колупалы диль, глына летила на стильци. Балабуха повбиравъ жинку, панивъ и вывивъ на ганокъ. Гусары мусилы й соби выряжатысь въ дорогу, накынулы шынели, роспрощалысь зъ хазяинамы. Казанцевъ взявъ Олесю пидъ руку й хотивъ посадыты зъ собою въ санкы.

— Олесю, сидай зо мною! — гукнувъ Балабуха, вхопывши Олесю за руку й потягнувши йи до своихъ саночокъ.

Гусары насылу розмистылысь по санкахъ и рушылы зъ двору. Цилу дорогу Балабуха не промовывъ слова до Олеси. Олеся й соби мовчала; мовчки дойихалы воны додому.

Выпровадывшы непроханыхъ гостей, господари вернулывъ въ покои. Онысія взяла съвичку й посъвитыла на диль. Диль бувъ увесь сколупаный, покопырсаный, неначе на йому

тры дні стояла череда на стыгли. Дояки стильци лежали поперекидани.

— Ну, та й варобыла жь благочынна! неначе запровадила правдыву закуцію, неначе стояла на стыгли зь табуномъ гусарських коней! — крикнула Оныся, — а той москалыще пры всихъ йи обнима! Чортъ-ма йи сорому!

Отець Харытинъ, згорнувши руки, поглядавъ на стиль, на купы кистокъ; на столи неначе вовкы тилькы що барана обгрызлы.

Другого дня Оныся пойхала въ Чайкы до батька и все розказала матери; зь Чайкивъ вона пойхала до о. Мельхыседека й розмалювала Олесю найгарнишымы фарбамы.

Отець Мельхыседекъ не втерпивъ: заразъ пойхавъ до Балабухы й розказавъ Олеси, що за нею говорила Оныся. Прыйхавшы додому, Оныся розказала ще кравцямъ жыдамъ все до-чыста за благочынну; жыдкы рознесли ти висты по цилому повити.

Прыйхавшы додому, Балабуха ввійшовъ въ Олесину кимнату, прычынивъ двери й на цей разъ вже не змовчавъ, — прыступивъ до жинкы зь докорами. Олеся розсердилася и надулася.

— Якъ ты сердыся на мене, то тры дні мовчышь; лучше зробишь, якъ и теперь мовчатимешъ, — сказала Олеся зь гнивомъ, — хйба я вынна, що пьяный Казанцевъ прычепывся до мене.

— Якбы не була вынна, то бь винъ не чеплявся до тебе: не дурно жь ты все тягнешъ мене до його въ гости, не дурно за нымъ наши двери никола не зачыняються; я його не пуцу въ свою хату.

— Казанцевъ хочъ говорить до мене, а ты по тыжню мовчышь и слова до мене не промовышь.

— Я тыхъ гусаривъ зь хаты повыганяю!

— Не робы цього, бо выйде скандалъ; та гусаривъ небезпешно й зачипаты, — сказала Олеся: — вони й тоби бороду обскубуть, — це мытци на всяки штуку.

— Я тебе билше не пуцу проиизжатысь зъ Казанцевымъ на баскыхъ коняхъ.

— Я й сама пойиду; гусары не вовкы: мене не ззидять.

— Ззидать—не ззидать, а все такы я не хочу, щобъ ты кохалась та залыцялась зъ якымсь пройдысьвитомъ та вводиыла мене й себе въ славу.

— Еть! Нема намъ чого говорыты,—йды краще спаты!—крыкнула Олеся й повернулаь до його спыною.

Балабуха хрьопнувъ, гуркнувъ дверыма й пишовъ спаты. Другого дня батюшка й матушка цылый день не говорылы мижъ собою. Балабуха сыдивъ въ кабинети й курывъ люльку; Олеся ныкала мовчкы по зали й цылый день ходыла надута й насупляна. Мынувъ другый день; Олеся все мовчала, не ходыла въ пекарню, ничего не робыла й тилькы по зали похожала. Сама Кылына варыла й пекла, що хотила. Мовчавъ и Балабуха. Третього дня прыйшовъ Казанцевъ зъ товаришамы. Олеся заговориыла, неначе воскресла: прыгадала Вильшаныцю, варенуху-ведмедя, лыхословыла й сьмйялась зъ Оныси. Балабуха взявъ шапку, выйшовъ зъ хаты, пишовъ до сусида—батюшки за Рось, прыйшовъ до дому опивночи й сивъ пысаты свйй „дйярыушь“. Невесели лыстки ввійшы въ дйярыуши за ти смутни дни! Одъ того часу въ дйярыуши часто стали зьявлятысь його вирши. „О злыхъ женахъ“, „О жени“, „О безразсудной жени“, „Прожинку пьяныцю“. Балабуха пысавъ ти байкы й вирши, вставляючы призыыща чоловикивъ та молодыць; винъ и самъ насылу догадувався, що пыше властыву исторію за себе й за свою Олесю.

Напысавшы въ дйярыуши байкы, Балабуха вправъ навколишки передъ образами й молывся до пивночи. Сьвичка блыщала на косому столыку въ куточку й ледви осьвичувала деревяный хрестъ зъ роспыатымъ Хрыстомъ и вершокъ Голгофы, на котри стоявъ на столыку хрестъ. А проты б利多го змученого Хрыста сьвтылось ще блиднише лыце Балабухы, мрилы чорни насупляни бровы та блиди губы. До пивночи мрила проты сьвтыла похыляна внызь його голова;

все благовъ у Бога, щобъ Винъ повернувъ Олесю на добру путь и пославъ миръ та згоду въ його хату.

Замись бажаного мыра й згоды Казанцевъ прививъ у недилю въ Балабушину хату гусарський оркестръ. Олеся запросила до себе своихъ сестеръ та знайомихъ и розвела балъ. Балабуха опустивъ руки; винъ почавъ впадаты въ апатію, сидавъ въ кабинети зъ довгымъ цыбукомъ въ рукахъ, мовчавъ и куривъ люльку. Въ зали розлягався клетить, гамъ, сьмихы, музыки,—Балабуха неначе ничего й не чувъ, ничего й не бачывъ; його думы ховалысь десь глыбоко въ души, затыхалы й неначе замиралы; на його ништо навить не звертавъ увагы, неначе його й въ хати не було.

Але незабаромъ несподивано на голову Олеси спало вельке лыхо. Казанцевъ зъ товаришамы наглядивъ въ вынарни жывивочку Хайку;—Хайка була дочка Шмуля, хазяина вынарни, молоденька, шиснадцять рокивъ, и на—прочудъ гарна зъ лыця. Вельки чорни очи блыщалы матовымъ свитломъ, неначе дорогой оксамытъ; повни прынадни губы выступалы впередъ,—рожеви, якъ майська рожа; оксамытовни бровы были неначе пензлемъ выведяни на чыстому матовому лоби. Казанцевъ прымитывъ йи въ вынарни, й Олесина зоря почала згасаты на неби. Одъ того часу Казанцевъ та гусары почалы ридче буваты въ Олеси й часто забигалы въ вынарню, щобъ подывытысь на чудову Хайку. Хайка поты подавала гусарамъ выно та пиво, покы на смерть закахалась въ Казанцева.

Цилый тыждень Казанцевъ не показувавъ очей,—цилый тыждень Олеся не бачыла його. Вона сыдила коло викна, дурно ждала, выглядала його, а винъ не прыходывъ. Олесю брала страшна нудьга. Въ хати було тыхо. Балабуха лежавъ въ своему кабинети й завсиды чытавъ книжку. Олеся накынула на себе шубу й пишла на мисто; вона сподивалась вглядиты Казанцева й заклькаты до себе на вечеръ. На мисьти стоявъ ще базаръ. По одынъ бикъ стоялы ганчари,—велька сыла горшкивъ була розставляна надъ самою улыцею; по другый бикъ сыдили перепичайкы та сы-

духы зъ бублыкамы, паляныцямы; стоялы столы зъ медяныкамы, маковныкамы, а дали чорнивъ рядъ шаплькывъ зъ дьогтемъ. Сыни гусары сновыгала по мисьти, несла на плечахъ вязькы сина; йихъ червона й сыня одежа закрашувала сирый базарный тонъ, якъ снигури закрашують чорный сумный зимний лись.

Олеся вглядила синихъ та червоныхъ москаливъ, и йи на души стало веселише. Тилькы що вона выйшла на середьну миста, проты неи з-за жыдивськой школы высунулась кавалькада офыцеривъ и катала просто на неи, якъ выхоръ. Вона ледви встыгла вскочыты мижъ горшки, якъ Казанцевъ, котрый державъ передъ, ни зъ сього ни зъ того повернувъ коня просто на горшки й поскакавъ по довгихъ рядахъ посуду; за нымъ повернули ынчи офыцеры,—горшки, мыскы, полумыскы затрищала пидъ киньськымы копытамы, наче трискы; здорови макитры та золійныкы застогналы; горнята, близнюкы й глечыкы заскавучала й запыщала, якъ цуцынята; черепкы летилы на вси боки й обсыпала Олесю кругомъ. Задний офыцеръ задумавъ стругнути ще кращу штуку й повернувъ коня на шаплькы зъ дьогтемъ та на бублькы: шаплькы поперекидалысь; чорни брызкы полетилы на жыдивъ, на бублейныць та перепичайокъ; дьоготь полывся по билому снигу й потикъ потьокамы. Перепрѣдухы сыдухы та крамари кынулысь навтекы; жыды й жыдивкы завейкалы не своимъ голосомъ. На базари пиднявся гвалтъ, гоминъ,—люде крычали, бидкалысь, плакалы. Бублькы й медяныкы посыпалысь въ дьоготь. Бидни сыдухы плакалы на весь базаръ; ганчари й дигтари клялы гусаривъ.

Олеся махала на Казанцева хусточкою. А Казанцевъ повернувъ просто въ вынарню до Хайкы; за нымъ посыпалась уся кавалькада. Увесь базаръ кынувся бигты до полковныка, правыты плату, але дурнисинько: крамъ пропавъ и по цей день! Олеся пройшла по-пидъ вынарнею, заглянула въ викна: Казанцевъ пывъ зт гусарамы. Вже надъ вечиръ винъ выйшовъ зъ вынарни. Олеся все гуляла по мисьти й вже надъ вечиръ пидстерегла його й запровадыла до се-

бе. Цілий вечір воны реготалысь зъ тыхъ пустощивъ, якъ вступнулы гусары на мисьти.

Але це була остання гусарська розвага въ Богуслави. Настала весна; зазеленилы вербы надъ Россю: зазеленила трава надъ берегами. Казанцевъ разъ якось одного дня прынисъ Олеси страшну звистку; гусары малы весною выступаты зъ Богуслава.

Олеся зблidlа, ажъ пополотнила, якъ смерть, потимъ трохи одійшла, зарыдала й впала Казанцеву на груди; вона обхопыла його рукамы такъ мицно, неначе боялася, що йи оть-отъ кынуть зъ мосту въ воду.

Казанцевъ сыдивъ, наче вытесанный зъ каменя,—винъ думавъ за свою Хайку.

— Мій мылий, мій дорогий! Якъ ты пойдешъ, я вмру за тобою; я не переживу одніей годины безъ тебе. Цей димъ, цей Богуславъ,—усе буде для мене гирше за смерть, гирше за пекло,—говорыла Олеся рыдаючи.

— Не плачь, не журысь, мое серце! Я тебе не забуду, николы не забуду,—втишавъ йи Казанцевъ.

— Та що мини зъ того, що ты не забудешъ, колы я тебе билше не бачытому.

— Я тоби покыну свій портретъ, а дасть Богъ,—я до тебе прыйнду, то й побачымось.

— Прыйдешъ... Пойдешъ та й забудешъ мене. Я тебе ни за що въ сьвити не покыну; я ладна йихаты за тобою! Я пиду пишки сыдикомъ за тобою!

— Оце прычепылось лыхо! Ще справди побижыть за мною сыдикомъ навздогянци!—думавъ Казанцевъ, усе гадаючи—думаючи за свою Хайку.

— Я ладна йты зъ тобою на край сьвита! Пиду за тобою, де ступыть твоя нога; буду йиздыты зъ тобою й дывытысь на тебе. Серце мое! не кыдай мене, бо я вмру за тобою! Я тебе одного полюбыла шыро, гаряче, якъ никого въ сьвити николы не любыла! Визьмы мене зъ собою!—крыкнула Олеся й зновъ кынулася мылому на груди, здавыла його въ своему обнимочку.

Казанцевъ сьдивъ и тилькы поглядавъ на двери,— винъ боявся, щобъ часомъ благочынний не надійшовъ и не застукавъ його въ таки пози.

— Мылий мій, моя рыбонько! Я пойду зъ тобою! Визьмы мене, бо я побижу сьлидкомъ черезъ базаръ за твоимъ конемъ.

— Оце напасть, та й годи!—думавъ Казанцевъ, котрому Хайка вже дала певну обицянку, що втиче зъ нимъ видъ батька—Якъ же оце я буду выкрататы йихъ заразомъ?

— Добре, добре моя рыбонько! Я тебе визьму зъ собою: пидйиду киньмы пидъ садокъ пизненко, а ты выйдешъ до мене черезъ садъ, та й польнемо далеко, далеко!...

— Далекко, далекко, мое мыле серпе! Тамъ тилькы я буду навикы щаслыва зъ тобою!

Олеся скочыла зъ мисьця, страшно зареготалась, почала бигаты по сьвитлыци, ламала руки, закыдала назадъ голову, кыдалась Казанцеву на груди, рыдала й зновъ бигала по хати й реготалась. Казанцеву здалось, що вона збожеволила, зовсимъ зійшла зъ ума. Винъ выглянувъ у сини, прычынывъ двери й усе полохлыво оглядався на вси боки, докы Олеся втыхла. Вона сила коло його, поклала голову на плече й неначе заснула.

Синешни двери рыпнули: то Балабуха пройшовъ въ свій кабинетъ черезъ сини. Казанцевъ тыхенько пидвивъ Олесину голову, взявъ шапку й тыхо, по-вотячий, выслызнувъ зъ хаты.

— Ну, напытавъ соби биду!—думавъ Казанцевъ, вертаючысь въ вынарню до чудовои Хайки,—це якась и справди скажена попада: вона й справди бигтыме за мною середъ дня черезъ увесь Богуславъ, бигтыме сьлидкомъ за нашымы гусарамы. Насьміється зъ мене увесь полкъ. Потрывай же, матушко! Я тоби встругну штуку.

Мынувъ тыждень, мынувъ другый. Зацьвилы сады. Засьпивалы соловейкы въ лозахъ та въ садахъ по-надъ Россю. Весна роспышнылась, якъ молода дивчына. Олеся похожала по своему садку й тилькы й думала та марыла про той день,

колы вона вийде зъ Богуслава зъ своимъ мылымъ. Тилькы що вона спустилась по стежци до Роси, йи догнавъ Казанцевъ.

— Завтра съвитомъ мы выступаемо, — сказавъ винъ на саме вухо Олеси, — не спы та жды мене. Я середъ ночи тыхо пидйиду пидъ твое викно й постукаю въ шыбку. Одчнный викно й будь готова. Я тебе звелю одвезты въ ту корчму, що стоить въ лиси по дорози на Корсунъ, — тамъ мене ждатынешь. Я вернусь до полка, бо мини треба раненько выступыты зъ полкомъ, а потимъ пошлю впередъ фургонъ. Ты сидай въ той фургонъ и позавишуй викна. Я тоди сяду зъ тобою, й покатаемо по съвити вдвохъ, моя мыла! А потимъ прыйдемо въ Петербургъ; побачышь наши палацы; будемо танцюваты на нашихъ балахъ. Будемо що-дня пыты шампанське, чортъ бы його взявъ!...

Въ Олеси затрусылысь ноги. Вона повела за руку Казанцева въ гушавыну зъ вербъ та вышень, де на заходи сонця розливались письнямы соловейкы. Воны силы на камини надъ самою водою. Шырока Олесина сукня впала на молоденькый очереть, котрый вытыкався зъ воды кругомъ каминя, якъ зелене руно. Олеся кинулась Казанцеву на груди.

— Годи, годи, мое серце, обниматьсь! Мини часъ додому, — треба зібратысь въ дорогу.

Казанцевъ поцилувавъ Олесю, схопывся й побигъ на гору. Олеся сьдила на камини, неначе нежыва, потимъ встала й тыхо вийшла на гору. Спынывшысь коло альтанкы, вона обвела очыма Рось, свій садокъ. Вечиръ горивъ тыхымъ полумямъ на скелыстому берези за Россю, на густому садку; горивъ червонуватымъ съвитомъ на високому шпыли вызу по Роси, де стоявъ манастырь, на билыхъ сьтинахъ манастыря. Олеся глянула на всю ту красу, згадала свого мужа, й почувала, що йи не жаль кыдаты никого й ничего. Дитей въ неи не було, свого мужа вона не любила.

— Тебе тилькы, мій мылий, я люблю, тебе одного на всьому съвити! Тебе одного мини жаль! — думала Олеся, до пизньои ночи гуляючы по садку.

Олеся повечеряла зъ Балабухою й за вечерю до його й слова не промовыла. Балабуха звыкъ до того й не дыву-
 вався. Зачынывшысь въ свои спальни, Олеся повыймала зъ
 скрыни свои кращи сукни та деяку одежину, завязала въ
 здорову хустку, погасыла свичку й, не роздягаючысь, лягла
 на лижко й прыкрылась укываломъ. Вона ждала й прыслу-
 хувалась. Одъ страшнои напругы фантазиі вона то холола,
 то пашила огнемъ, неначе въ пропасныци. Годынныкъ въ
 зали прозвонивъ дванадцать, а Казанцева не було. Часъ
 тягся, якъ важка хвороба. Вже вдарыло першу годину, на-
 двори було тихо й мертво. Колы це, чуе Олеся, щось тихо
 стукотыть на улыци; визъ пидйихавъ и спынывся. Щось
 захрущало коло тыну. Олеся скочыла зъ лижка. Кровъ уда-
 рыла йи у голову. Уся хата неначе освитылась блискав-
 кою. Въ очахъ въ Олеси неначе посыпалысь искры, замыго-
 тили й забилили й десь розсыпалысь. Вона кынулась до
 викна; пидъ викномъ було знать темну, ривну, тонку постать.
 Олеся впизнала Казанцева й одчынула викно. Казанцевъ
 вхопывъ йи по-пидъ руки й вытягъ черезъ викно.

— Тамъ за викномъ лежить на стильци моя одежа,—за-
 шепотила Олеся,—вытягны йи.

Казанцевъ насылу налалавъ и выперъ черезъ викно
 здоровый узелъ и швыргонувъ черезъ тынъ, на визъ; потимъ
 пересадывъ Олесю черезъ тынъ и переплыгнувъ самъ. Вони
 силы на легкий визокъ. Казанцевъ вхопывъ вижкы й вда-
 рывъ по коняхъ; кони, якъ змїя, понесли визокъ зъ горы,
 а потимъ вбиглы въ лисъ.

Дви темни сьтины дерева стоялы по обыдва боки до-
 рогы. На сходи вже червонила рожева пляма. Казанцевъ
 гнавъ кони зъ усїей силы. Олеся обхопыла його шыю ру-
 камы, щобъ не впасть зъ визка додолу.

— Чы памятаешъ, серце, якъ мы летылы цимъ шляхомъ
 зимою, якъ ты вперше сказавъ тутъ, що любишъ мене?—
 промовыла Олеся до Казанцева.

Казанцевъ гнавъ кони й мовчавъ.

— Чы памятаешъ, якый дивный ыній высивъ тоди на

дереви, якъ дивно съвитывъ тоди мисяць въ лиси!... Я усе памятаю! Памятаю той вечирь, те мисце въ лиси, де ты признався, що мене любышь... А ты памятаешъ? — пытала Олеся.

Казанцевъ мовчавъ и тилькы лупывъ батогомъ кони, — винь хапався: йому ще треба було выкрасы Хайку, а небо вже починачо червониты.

Пидъ темною сътиною лиса забилила корчма.

— А ось и та корчма, де гравъ оркестръ! А ось за корчмою й ти березы, де мы пылы шампанське! — промовыла Олеся.

Казанцевъ пидкотывъ пидъ корчму й спынывъ кони. Кони стали, мовъ укупани. Казанцевъ скочывъ зъ воза, знявъ Олесю й застукавъ у двери. Корчмарь спавъ, якъ убытый. Казанцевъ торгонувъ дверыма такъ, що трохы йихъ не выставывъ. Въ корчми почувся голосъ жидивъ: „хто тамъ? Ось заразы, заразы!“ — обизвався жыдъ.

Въ викни блыснувъ съвить. Рышнулы двери. Заспаний жыдъ выйшовъ зъ дверей.

— Нехай у тебе въ хати посыдыть оця пани, — черезъ годуны я зайиду, — сказавъ Казанцевъ.

— Про мене, нехай сыдыть хочъ и цылый день. Може треба конямы вивса або сина? — спытавъ корчмарь.

— Ничого нетреба, — сказавъ Казанцевъ, вступаючы въ корчму зъ Олесею пидъ руку.

Жыдъ поставывъ на столи маленький недогарокъ въ мидному пидсвичныкови, пышовъ у кимнату, зачынывъ двери, лигъ спаты. Казанцевъ обнявъ Олесю, поцилувавъ и, выступаючы за поригъ, промовывъ: „прощай и жды! Я незабаромъ прыбуду!“ Двери зачынылысь. Визъ зновъ страшенно загуркотивъ и неначе выхремъ полетивъ назадъ. Стукитъ помалу затыхавъ, затыхавъ — и вмеръ. Олеся поклала пакунокъ на лаву й сама сила кинецъ стола. Въ корчми стало тыхо, тилькы жыды въ кимнати соплы.

Недогарокъ ледви блымавъ на столи. Олеся сыдила, спершысь ликтемъ на стиль и пидчерпы долонею голову.

Ледви примитный съвить падавъ на йїи червоне гаряче лице, на чорни бровы. Темни очи блищали незвычайнымъ съвитомъ. Олеся сыдила, неначе вмерла; вона дывылась на недогарокъ; вси йїи думкы полетили назадъ, сълидкомъ за мылымъ, — йїи все здавалось, що вона неначе сыдыть на вози поручъ зъ нымъ, обнимае його гарячу шыю, почувае його дыхання на свои щопи; кони летять, якъ змін; въ неи забывае духъ, ныбы одъ страшенно швыдкого руху. Вона й не примичала здорового чорного барыла зъ горилкою, що стояло коло порога, неначе здоровый чорный ведмидь, не чула важкого, гнылого горилчаного духу въ корчми. Колы це несподивано недогарокъ спашнувъ, затрищавъ, впавъ у пидсвичныхъ и одразу погасъ. Олеся кынулась, пидвелася зъ лавы й зновъ упала на лаву. Въ корчми стало темно, якъ у погребѣ. Олеся опамятувалася.

— Боже мій! де це я?... Що це зо мною діється?... Я йїихала... летила зъ нымъ, якъ птыця, на якихсь прудкыхъ коняхъ... потимъ мы спынылысь... потимъ винъ уставъ зъ воза й зсадывъ мене... Кругомъ чорный лисъ... корчма, якыйсь жыдъ... Боже мій! Я втикла зъ нымъ; я опынылась въ корчми...

Йїи въ одну мить стало сумно й страшно. Олеся оглянулась кругомъ. Викна насылу сирилы та мрилы въ страшенни темряви. Стыль, лавкы, сьтины, барыло — все було вкрыте чорною темрявою; тилькы здорова била груба выступала зъ кутка й ледви мрила зъ чорнымы дверцями. Олеся згадала, що вона жде Казанцева. Вона повернула очи до викна й зновъ напрудыла фантазію, насторочыла вуха й почала прислухатись, чы не загуркотыть визъ на шляху.

И зновъ Олесыни думкы почалы переплутуватись, неначе въ пропасныци. Йїи здалось, що вона сыдыть въ свои темни спальни й жде мылого. Передъ нею сиріе викно. Пидъ викномъ майнула темна ривна постать. Олеся кынулась до викна, й постать зныкла. Йїи стало незвычайно сумно. Вона ждала Казанцева, — колы це йїи здається, що лисъ шумыть, а черезъ шумъ десь далеко загуркотивъ визъ

та все наблыжається до корчмы; пидь корчмою майнула високи кони; хтось встає зь воза й бижить до дверей; двери вь корчми тихо одчыняються, й на порози ставь Казанцевь.

Олеся знялась зь мисця й кинулась до дверей. Казанцевь зникъ, и вона вдарылась руками объ чорни двери. Олеся оглянулась на хату, — чорне барыло заворушылось, заворушылась груба, чорни дверци коло грубы неначе одчынылись... Олеся крикнула й выбигла надвирь. Надвори вже сьвитало. Червоне небо на сходи поверхъ лиса розгрювалось чудовыми рожевими та жовтыми пасмамы. Сьвижий холоднуватый ранокъ обвявь Олесине гаряче лице. Вона опамяталась и почала оглядатись кругомъ себе. Верхы лиса вже яснилы проты чыстого прозорого неба; вже було примитно шырокий бытый шляхъ.

— Серце мое, мый мій! Чого жь ты такъ забарывся? На що ты такъ мучышь мене? — шепотила Олеся, ходячы тихо по-пидь высокымы березама.

А надвори выдншалю та просясьнювалось. Соловейкы ажь лящали вызу надь Россю, а лись стоявь и неначе черезь легку дримоту слухавь ти дывни сьпиви та дывывся на рожеве, блискуче небо.

Олеся сила на прызьби й похылыла голову. Передь нею стоялы чорни сьтины лиса; дви сьтины сходылись за корчмою докупы, й дорога пирнала, неначе вь чорный льохъ. Олеся глянула на ту чорну пляму, и йи зновъ стало ерашно. Розбишаки, вовкы, видьмы, русалкы й усяки дыва прыходылы йи на думку. Вона одвела очи одь тиен темной продохвыны й повернула голову на другый бикъ. Зь боку коло корчмы стоялы високи березы; пидь нымы чорнила така сама чорна ничь. Вона згадала вси страшни оповидання за цьвить папороти, за те, якъ нечыста сыла стереже папороть, якымъ страхиттямъ вона лякае людей. Йи прыйшылы на думку чорни рогати дидькы зь страшными чорными цыпынымы мордамы. Олеси здалось, що пидь березама вь темряви блиснулы, якъ жарь, якись очи. Вона скочыла зь

прызбы й выбигла на середьну шляху, що пролягавъ середь невеличкои гальовны. Выще лиса вже видно було ясну рожеву смугу,—той тихый сьвить прогнавъ вси страхи. Олеся пидвела очи, зырнула на той знакъ веселого ранку й набралась въ йому сьмыливосты, неначе побачыла живыхъ людей.

Ранокъ ясьнишавъ та виднишавъ. Лисъ стоявъ, обсыпаний важкою росою. На високому дуби зацьвиринькала якась пташка, затрипала крыльцями й струсила важки крапли росы. Десь узаяся горобецъ и пурхнувъ на покривлю. Олеся зовсимъ опамяталась и почала проходжуватись по широкому шляху.

— Отъ-отъ загуркотыть шарабанъ, мнутъ страхи та жахы, й я буду навикы щаслива!—думала Олеся, поглядаючи на шляхъ.

А шарабанъ не загуркотивъ. Тилькы пташкы защебетали въ лиси та по лугахъ надъ Россю й сповнылы мисцynu своимы писнями.

Небо запалало. Лисъ стало зовсимъ видно. Черезъ вузеньку балку на Рось небо засяло, якъ жаръ, и середь того полумя брызнули з-за горы неначе распечени въ огни червони спысы та стрилы. Десь далеко въ мисьти загравъ оркестръ. Тыхи далеки одгукы мелодій полылысь по долини Роси й злылысь зъ писнями соловейкивъ. Олеся почувла ти мелодіи, якъ черезъ сонъ, и вся затрусилась.

— Гусары выступають зъ миста!—подумала Олеся й засмялася. Вона кынулась въ корчму, вхопыла завыниння й побигла шляхомъ на зустричъ гусарамъ.

— Отъ-отъ выскочять з-за горы ворони баски кони! Отъ-отъ загуркотыть шарабанъ!—думала Олеся, спускаючысь въ долинку.

Вона выйшла на гору, а коней и шарабана нигде не було видно. Зійшла вона въ другу долину й зновъ выйшла на горбъ; ни хто ни йшовъ, ни йхавъ. Олеся втомылась и задыхалась. Вона кынула важкый узелъ и впала на його. Сонце пиднялось на небо. Лисъ горивъ на ранньому сонци.

Музыки давно затыхлы. За горбомъ загуркотивъ визъ. Олеся схопылась и побигла на зустрічь.

Зъ горы котывся драбынчастый визокъ, а на визку сыдивъ мужыкъ.

— Тебе пославъ сюды Казанцевъ? — спытала въ його Олеся.

— Мене ништо не посылавъ. Я самъ соби йиду додому, — обизываясь чоловікъ, спыняючы конячку.

— Чы далеко йидуть гусары? — спытала Олеся.

— А хйба я знаю! Вони выйшли кыйивськымъ шляхомъ, — сказавъ чоловікъ.

— Кыйивськымъ? — крикнула Олеся не своимъ голосомъ. — А може ты стрився зъ якимъ гусарськымъ офіцеромъ? Не йидуть сюды часомъ яки гусарськи офіцеры? Чы не бачывъ ты чорного шарабана?

— Все офіцеры й шарабаны пойихалы кыйивськымъ шляхомъ, — сказавъ чоловікъ и вдаривъ по конячци.

Олеся впустила узель и впала на його. Страшный здогадъ прыйшовъ йи въ голову: — а може винъ пиддурывъ мене, насмїявся зъ мене? Але ни! Чы винъ же не кохавъ мене? Чы винъ же не клявся, не прысягався!

Олеся пидняла важкый узель и вже не несла, а тягла його за собою. Сыла й напруга одразу впалы. Вона выйшла ще на одну горку. Уже було выдно мижъ ридкымы дубамы Богуславъ. По шляху сновыгалы люде й возы. Нигде не було выдно ни одного сынього мундира.

Олеся зновъ упала на узель и зарыдала. Вона рыдала голосно, ламала руки, прыпадала головою до земли; й тилькы густый лисъ бачывъ ти страшни йи муку та слъозы. Сонце вже высоко пидбылось вгору.

— Що жъ мини на съвити Божому теперынькы робыты? — голосно промовляла Олеся, неначе просыла поралы въ зеленого лиса. — Де мини подиты свїй соромъ! Йты до батька въ Хохитву — соромъ. Треба вертатысь додому: а ни выкрутытысь, а ни вїпручататысь зъ биды.

Зъ лиса выйхавъ якыйсь чоловікъ визкомъ. Олеся пидрядыла його до Богуслава, сила на визъ и пойхала.

Олеся вйхала въ мисто. По мисьти сновыгалы, вешталысь и крычалы жыды, якъ несамовыти. Коло вынарни чорнила здорова купа жыдивъ та жыдивокъ, неначе здоровый рій бджиль. Туды збигся усей кагаль, крычавъ, верещавъ на все мисто. Жыдивкы вейкалы й плакалы. Олеся прыйхала въ свій двирь. Проты неи выйшовъ Прокипъ.

— Слава Богу, що вы вернулись. А мы думалы, що вы втиклы зъ офыцеромъ. Батюшка побиглы киньмы доганяты гусаривъ. А той чорнявий гусарынъ, що ходывъ до насъ, укравъ Шмудеву Хайку.

— Хайку!—крыкнула Олеся на весь двирь.— Мене проминявъ на Хайку! Будь же ты трычи проклятый,—трычи й до-вику!—подумала Олеся, встаючы зъ воза. Вона ввійшла въ хату, сила въ спальни коло викна й наче скамянила. Йи лице осунулось и зблидло; очи стали велыки й блищалы хоровытымъ огнемъ; пидъ очыма ляглы сыни смугы; губы побилилы, якъ крейда. Олеся сыдила, якъ смерть, блида, ажъ жовто-сыня, ничего не чула, ничего не бачыла: увесь свить, зъ Богуславомъ, зъ домома, зъ мужемъ неначе провалывся для неи въ безодню. Вона почувала, нибы сыдыть въ якомусь порожньому простори, де нема людей, нема свита, нема повітря, нема неба й сонця.

Кылына застелыла стиль, подала обидъ и попросыла Олесю до столу. Олеся не чула, що говорыла Кылына, не бачыла йи.

Опивдни рыпнули двери въ спальню,—увійшовъ блидый, якъ смерть, Балабуха, зъ распатланою головою, невмытымъ лицемъ. Винъ спынывся середъ хаты, и його лице неначе прояснылось.

— Ты дома!—крыкнувъ винъ голосно й кынувся до Олеси,—ты не втикла зъ Казанцевымъ?

Олеся пидняла на його каламутни, мертви очи й промовыла: „хотила втикты, та винъ мене пиддурывъ и покы-

нувъ“,—и зъ тымы словамы вона впала зъ стильця додолу, якъ нежыва.

Балабуха кынувся до неї, пиднявъ йїи, поклавъ на лижко, побигъ за водою, прыснувъ на йїи лице, прыклавъ помочену хусточку до йїи головы. Олеся лежала, якъ мертва, била, якъ полотно. Прыйшовъ докторъ, звеливъ йїи роздыгты й покласты на посьтиль, поставывъ горчышныкы. Олеся лежала, якъ трупъ, и тилькы передъ вечеромъ почала важко зитхаты та дыхаты, не росплющуючы очей. Балабуха ходывъ коло неї, плакавъ и тилькы дывывся на йїи гарне блиде лице, на повни руки, неначе выточени зъ слоновой кости й прыставляни до плечей. Вже надвори вечерило, вже й смерклося. Балабуха не встававъ зъ мисьця, цылый день ничого не йившы, и все державъ Олесину руку въ свои руди.

Настала ничъ. Посьвитылы сьвичкы. Олеся не росплющувала очей. Йїи блиде лице стемнило й почервонило. Жаръ розлився въ тили. Въ доми все затыхло. Годынныкъ въ гостынни выбывавъ годуны, одну за другою. Вже вдарило пивничъ. Годыны тяглыся для Балабухы, якъ лихо. Олеся почала белькотаты безтямки слова.

— Олесю! Олесю! опамятайся!—промовлявъ Балабуха, пиднимаючы йїи важку гарячу руку.

Олеся несподивано росплющыла очи, схопылась и сила на постели. Йїи вельки очи булы безтямки, сонни, якъ у мерця.

— Ты прыйхавъ? Ты не покынувъ мене? Мылый мій, сердце мое! Я трохы не вмерла за тобою! Швыдчи, мерщї, йидьмо, бо вже сьвитає. Онъ, бачышь, мисяць злетивъ зъ неба й сивъ на дереви. Сидлай кони! Станьмо пташкамы та полетимъ въ небо, щобъ насъ нихто не вїймавъ, та тилькы мерщи, мерщи, мое мыле сердце!...

Олеся обняла Балабуху й поклала свою гарячу голову на його плече. Балабуха зарыдавъ; його гарячи слезы закрпалы й полылысь по Олесиныхъ щокахъ. Олеся зновъ упала на подушкы, якъ мертва, и зновъ забелькотала въ гарячци.

— Ой, не одизджай! Ой, не покидай мене въ цьому лиси!... Онъ ворухыться въ темряви стиль, ворухыться груба... Зъ грубы щось дывыться на мене страшнымы червонымы очыма!... Рятуй мене, мій мылий!

Олеся закрывчала. Балабуха знявъ хреста и прытулывъ до йи гарячого лоба. Олеся заплющыла очи й зновъ стала, якъ мертва.

— Боже мій! Чымъ я тебе прогнывывъ!—молывся Балабуха, держачы холодный хрестъ надъ Олесею, хрестячы йи лице, йи руки тымъ хрестомъ.

Почало розвыднюватысь. Рожевий ранокъ заглянувъ у викно, и по хати розлився тихый сьвить. Олеся зновъ зблidlа на выду и заснула важкымъ сномъ. Балабуха заслонывъ викно, выйшовъ зъ кимнаты, вмывся, зновъ вернувся и впавъ коло Олесинога лижка навколишки. Вже сонце зйшло, вже засявъ пышный день, а Балабуха все стоявъ навколишки та молывся за Олесю, щобъ Господь простывъ йи грихъ, вернувъ йи здоровья, давъ сылы вытерпиты важки муки, важку спокусу.

Тыждень пролежала Олеся въ постели; тыждень Балабуха не одходывъ одъ постели, втишавъ Олесю, прощавъ йи провину, благовъ йи вытерпиты й зъ мужнистю перенести горе. Тилькы черезъ тыждень встала Олеся зъ лижка. Вона зивяла, зсохла, якъ былына въ спеку; лице зблidlо, помарнило, ажъ зчорнило; щокы опалы, ясни очи неначе погаслы.

Весна розцьвила й роспышнила, а Олеся не прымичала йи, неначе жыла въ якомусь ынчому сьвити. Йи душу, йи сердце неначе прыбылы гостри морозы. Вона вдалася въ тугу. Цили дни сыдила мовчкы то въ сьвитлыци, то въ садку, то надъ Россю, дывылась въ далекий простиръ, сумувала и вдавалась въ сумну меланхолію, докы ввосені не породыла на сьвить дочкы.

Балабуха зновъ взявся за свій *діярыуиць*, думавъ, думавъ, думавъ и зъ велькою тугою на серци тилькы нама-

лювавъ здорового хреста на цилый листокъ, пидписавшы пидъ нымъ страшни мынувши весьняни мисяци.

VIII.

Разъ ввосены въ одынъ зъ сороковыхъ рокивъ отець Харытинъ сыдивъ въ свои кимнати и вчывъ свою старшу дочку Надезу чытаты. Онысія Степанивна, не маючы ниякон роботы, пишла въ пекарню, поштурхала кочергою въ порожню пичъ и, якъ непосыдаща господыня, выдумала соби таку роботу: одчынула здорову на колищатахъ скрыню, що стояла въ кимнати, и навищось то розгортувала, то згортала сорочки, наволичкы, простырядла та сувои полотна. Надеза сыдила коло стола надъ граматкою и твердыла: тма, мна, здо, тло, тыю, нью, тлю, тля, „здо-хло дякове теля“. Цей ненаписаный въ граматци кинець вона часто чула одъ своего батька и все прыкыдала його въ кинци, думаючы, що й це тамъ десь напысано.

— Що то вы, Онысіе Степанивно, ото робыте?—спытавъ отець Харытинъ.

— Ать! нема роботы, то перебираю то се,—то те, абы дурно не сыдиты!

— Якъ нема роботы, то згорнить руки та сядьте, та одпочыньте трохы.

— То тилькы чоловики вміють посыденькы справляты, згорнувши руки, а жинкы николы не всыдятъ: намъ такъ—або горилку пыты, або дило робыты,—говорыла Онысія Степанивна зъ скрыни, неначе сховавшысь въ неи по самый станъ.

— Або языкомъ дзигорыты, — знехотя прохопывъ зъ жартомъ отець Харытинъ и кахыкнувъ,—Та не нагынайтесь, матушко, такъ низько, щобъ часомъ ще не переломылись пополовны, та не дали сторчака въ скрыню.

— Прыдержъ лышень своего языка зубамы, бо онъ дочка слухае.

Надезя й справди одвела очи одъ книжки й зирнула на чудну мамину позу.

— А якъ вы думаете, Онысіе Степанивно, чы не одвезты бѣ пакъ намъ Надезю въ школу въ Богуславъ до вчителькы въ пансіонъ? — спытавъ боязко та обережно отецъ Харытинъ.

— Отъ выгадавъ! Навчышь самъ чытаты, та й буде зъ неи. Выросте, то за роботою й те забуде. Адже й я вчылась чытаты, а теперъ ніколы й помолытысь по книжци; перехамаркаешъ молитвы на память, та й годи.

— Колы, паниматко, теперъ ынчый часъ наставъ: батюшкы дають дочокъ въ пансіоны, щобъ вмилы и чытаты, и пысаты, и танцюваты, ще й граты...

— И мабуть, щобъ вмилы зъ гусарамы тикаты, якъ наша благочынна... Слухай лышь, паноче! А де жъ ты на цю справу наберешъ грошей?

— А отъ, кажуть, що намъ незабаромъ дадутъ жалування зъ скарбу.

— Якъ дадутъ, тоди й повеземо Надезю въ Богуславъ въ пансіонъ. Щось люде такъ говорятъ,— вже третій рикъ говорятъ за те жалування, а жалування нема. То певно жыды та паны брешуть, на свою обыхидку, що батюшкы незабаромъ забагатіють одъ того жалування.

Надезя перестала чытаты й вытрицала на маму очи; въ неи очи пойнялысь слизи.

— Отъ и одвеземо тебе, Надезю, въ школу; тамъ тебе буде вчыты шляхтянка, якась панія,—сказавъ отецъ Харытинъ до Надези. Надезя надула губы, насупыла бровы й заревла на всю хату.

— Не дражны бо, старый, дытыны, бо я тебе ще й вылаю, не казавшы лыхого слова,—загула Оныся зъ скрыни. неначе зъ-пидъ земли.

Оныся пидставыла пидъ ноги низенькый стильчыкъ и ще глыбше сховала половину себе въ скрыни; друга половина стремила, неначе на тыну, обмощена полотнамы та пивмиткамы.

Надвори загавкали собаки. Рыпнули двери въ сьвітлицю. Батюшка выйшовъ и вглядивъ розсылного одъ благочынного, довгоногого паламаря зъ Шандры, що розносивъ курсорію. Винъ трохи жакхнувся, бо не любивъ и боявся тыхъ офіціальныхъ пакетивъ. Але, прочытавши бомагу, отецъ Харытинъ зъ радости трохи не підскачывъ и прожогомъ погибъ въ кимнату.

— Радуйтесь, Онысіе Степанивно! Благочынный вже кльче за жалуваннямъ. Жалування вже й йе!

Онысія Степанивно вытягла голову зъ скрыни й розхылылась на ввесь зрять, стоячы на стильчыку. Їи голова стремилла врывни зъ грубою й трохи не черкалась объ сволокъ. Высока та тонка, вона була схожа на стовпъ, й зъ того дыва й справди трохи не стала солянкмъ стовпомъ.

— Вбирайсь мерщи та йидь! Забирай гроши швыдче!— гукнула вона на свого панотця.

— Та ще й яки гроши! за два мынувши роки заразомъ,— обизвався паламарь.

— Отъ теперъ зачыняйте скрыню, згорнить руки, та хочъ насиннячко лузайте,—сказавъ отецъ Харытинъ:—въ бомази напысано, що я буду браты на рикъ 120 карбовандивъ! Теперычки мы кынемо лыхомъ объ землю! Теперъ мы забагатиемо! Не будемо дывытысь панамъ въ руки та благаты въ йихъ ласкы!

Оныся обернулась до образивъ и перехрестылась.

— Теперъ, паниматко, скидайте плахту та юбку, та вбирайтесь по—модньому, въ сукню,—заберу гроши, привезу вамъ зъ Богуслава гостынчыка, чогось моднього на сукню. Не будемо вже на лубяныхъ возахъ та въ мотузяныхъ шлеяхъ йиздыты!—сказавъ отецъ Харытинъ.

— Побачымо, чого то ты привезешъ,—сказала Оныся, все стоячы зъ дыва на стильци.

— Та хочъ злизьте зъ стильця, а то вы теперъ схожи на Сымеона стовпныка, або на виху надъ шляхомъ,—сказавъ отецъ Харытинъ.

Отець Харытинъ любивъ трошки пожартуваты, якъ бувъ веселенькый. Але зъ своею Онисією Степанивною винъ жартувавъ дуже обачно та обережно. Другымъ часомъ за ту виху надъ шляхомъ отцю Харытонови досталось бы одъ Ониси на бублыки, але теперъ вона була въ добрыхъ норовахъ.

Пообидавши хапкомъ, на швыдку отець Харытинъ звеливъ запрягты кони въ визокъ и пойхавъ въ Богуславъ.

До благочынного вже налынули батюшки, дяконы, дякы, паламари зъ цілою благочыннію,—зъ 18 парафій. Двирь, заставляный простыми повозками, бувъ схожий на ярмарокъ. Одъ благочынного уси пишы до церкви й одправылы молебинь въ подяку за жалування и юрбою вернулысь въ свитлицю до Балабухы.

Жалування дали червинцями, карбованцями, та мідними пятаками. Все панотци булы весели, балакалы та реготалысь, ажъ по хатахъ йшылы одляскы. Благочынна була скупенька на могорычъ. Батюшки склалысь й стругнулы могорычъ на славу въ „Галылею“, це бъ то въ вынарни въ одного жыда въ мистечку.

— Отъ теперъ мы забагатіємо!—крыкнувъ отець Мельхиседекъ, торкаючы рукою по свои кышени,—заживемо по-паньськый, накупымо добрыхъ коней, будемо йиздыты въ рессорныхъ екыпажахъ, заведемо самовары, отдамо дочокъ въ пансіоны, повбираемо своихъ матушокъ по-паньськый въ шовкови сукни.

— А що, панотци! Колы багатиты, то багатиты по-людськый, щобъ рукъ не паскудыты,—обизвався Балабуха.—Въ насъ плата за требы така, що можна й зъ голоду вмерты. Чы не накнуты бъ намъ оце цины не требы?..

Письля гусарської зимы въ отця Балабухы въ кышеняхъ ажъ свысьтило, — жыды перлысь въ його хату за гришмы й день—и ничъ.

Батюшки замовкылы й думалы.

— Чомъ бы и справди не накинугы,—обизвався отець Мельхиседекъ,—тильки колы накыдаты, то треба накыдаты потрошку, по шагу, потимъ по гривни, щобъ часомъ парафіяны не спротывылысь.

— А вы якъ думаете, отець Харытинъ?—спытавъ благочинный.

— Я?... Якъ люде, такъ и я,—несмыливо обизвався отець Харытинъ.

— Мини здається, колы накыдаты плату, то треба накыдаты всимъ та ще й однаково, щобъ часомъ парафіяны не здумали йиздыты въ дешевши парафіи по требы,—говорывъ Балабуха.

— Але воно буде якось ніяково передъ людьмы: парафіяны обибралы насъ на парафію, помагають роботою... Колибъ часомъ не обважнеты та не розсердыты людей,—несмыливо обизвався отець Харытинъ, трохи подумавшы.

— Та то васъ, бачте, обибралы, а насъ ниhto не обиравъ,—сказавъ благочинный,—насъ настановылы на парафіи, то мы цього не боимось. А ну, панотци, разомъ та гуртомъ!

Ти батюшки, що вчылысь въ академіи, й були понаставляювани на парафіи мытрополитомъ, встоювали за накыдку платы на требы; стариши й простиши, обибрани громадамы, были проты накыдки платы. Але разъ те, що накыдки хотивъ благочинный, а друге—що гроши люблять гроши, всимъ схотилось самоваривъ та рессорныхъ екыпаживъ, схотилось и дочокъ повывучуваты въ пансіонахъ: вси радылы накинугы плату на требы, щобъ и „стари диркы полататы“. Забравшы гроши, батюшки розйихалысь по мисьти по крамныцяхъ купуваты, що було потрібне въ господарствы та усяки гостынцы додому.

Отець Харытинъ наглядивъ черезъ двери на благочинни модню сукню дуже чудного кольору й побигъ въ магазыны шукаты такой самой матеріи для своей жинкы. Винъ оббигавъ уси крамныци, перетрусывъ усихъ жыдивъ и такы доставъ тіей матеріи деликатного кольору. Скупыв-

шы все, отець Харытинъ стрився на мисьти зъ паномъ Бонковськымъ. Бонковський теперь бувъ управытелемъ въ одному сели багатого графа. Село було по дорози въ Вильшаныцю. Винъ запросывъ до себе отця Харытона на чарку горилкы, але въ його було зовсимъ ынче на думци: винъ думавъ збуты отцю Харытонови старомодній, ни на що непотрибный екыпажъ. Винъ знавъ, що въ отця Харытона сховани въ кышени тилькы що забрани гроши.

— Отець Харытинъ! Чы вамъ же не соромъ йиздыты на драбынчастому вози, ще й свою матушку возыты? Теперь вы багати: не лычыть вамъ цей визокъ теперь. Кыдайте лубяни возы та мотузяни шлеи! Я на вашому мисьци купывъ бы такой екыпажъ, що вси сусиды ажъ луснулы бл одъ завьисности.

— А де жъ намъ шукаты тыхъ майстривъ, тыхъ екыпаживъ? Будемо йиздыты й на такихъ, колы кращыхъ нема,— обизвався отець Харытинъ зъ воза.

— Купить въ мене! Въ мене йе екыпажъ на рессорахъ, зовсимъ паньськый. Йий Богу, купить! Я дешево продамъ. Перепряжете свои кони, сядете, розипретесь, неначе справжній панюга, та вкотыте въ свий двирь, мовъ якийсь князь,— и матушка васъ не впознае. Зайизджайте та подывиться, й по чарци выпьемо!

— А зайиду й справди та подывлюсь! Та й чарку горилкы не погано выпыты,— подумавъ отець Харытинъ и звеливъ погонычеви завертаты сьлидекомъ за Бонковськымъ въ його двирь.

Выпылы воны по чарци такы добре, ажъ голова въ о. Харытона заморочылась, побалакалы й пишлы въ возовню оглядаты екыпажъ. Екыпажъ стоявъ середь возовни, неначе гора; винъ бувъ схожий на ти кареты, въ якихъ йиздылы давни егыпецьки фараоны або московськи парыци: крыла круто загыналысь унызь и спускалысь трохы не до самой земли; пиднижки булы одкыдни, йшлы, неначе сходы, на килькы ступинивъ и высилы ажъ до земли, неначе крыла въ слабои куркы; выгнути з-заду рессоры стремилы, неначе жу-

равльни шы; щобъ глянуты на козлы, треба було задераты голову вгору.

— Ото бѣ було добре вѣихаты въ двирѣ цією каретою та налякаты свою матушку, — подумала бѣ, що архыерей прѣйїхавъ,—сказавъ отецъ Харытинъ.

— А що, карета? Це не вашъ драбынчакъ,—хвалывъ Бонковський,—а сядьте лышень въ екыпажъ. Яки подушкы, яки пружыны!

Отець Харытинъ полизъ въ фаетонъ, неначе на горщце по драбыни, сивъ и пирнувъ въ подушкахъ. Зїйдене миллю сукно спашнуло куравою, якъ дымомъ.

— Цуръ йому, якъ мяко! Неначе на перыни, та ще щось и гойдае тебе зѣ-пидъ споду, неначе гойдалка!—промовывъ отецъ Харытинъ, неначе десь зѣ горища.—А скилькы вы визьмете за цю гойдалку, чы машыну?

Бонковському усе одно довелось бы тією машыною вытопыты пичъ,—винъ сказавъ:

— Недорого визьму: двисѣти злотыхъ, це-бѣ то трыдцять карбованцивъ. А колы хочете, я вамъ прыкыну за тры карбованци ще й упряжъ. Перепряжете кони, покынете свого драбынчака въ мене та налякаете Онысію Степанивну.

Отцю Харытонови страхъ якъ сподобалася й та думка, й европейська дивылизація въ выди тієї машыны. Винъ злизъ зѣ тыхъ пидривъ, поторгувавсь и вдарывъ Бонковького по долони, скинчывшы торгъ на двадцаты пяты карбованцяхъ. Покры пылы по чарци та закусувалы, Бонковський звеливъ обчыстыты допотопну упряжъ и перепрягты батюшчыни кони зѣ воза въ екыпажъ. Отець Харытинъ выйшовъ на ганокъ. Передъ ганкомъ стоявъ пеначе куринь або катрага. Погонычъ стремивъ ажъ пидъ стрихою, а коныкы отця Харытона проты такой катрагы сталы схожи на собакъ або овечокъ, запряженныхъ въ визъ. О. Харытинъ сивъ.

— Ото шкода, що нема въ мене краківськихъ хамутивъ,—промовывъ хытрый насѣмишкуватый Бонковський, — якбы до цього фаетона краківськи червони хамуты, то йиі Богу, я бѣ, здалеky, подумавъ, що йиде нашъ графъ.

— Добре й безъ хамувивъ. Не все разомъ. На першый разъ буде й цього. Якъ медъ, то й ложкою! — промовивъ отець Харытинъ десь неначе зъ хмары, зъ фаетона.

Погоничъ диставъ коней кинчыкомъ батога тилькы до хвостивъ. Коныкы, захуджени й неодноразни, сипнули й собъ и цабе, напрудылысь и ледви поволокли ту завальну машину. Отець Харытинъ вгниздысь на подушкахъ и ййхавъ пышно, неначе прекрасный Юсыфъ на фараонови колисницѣ. Завальный екипажъ колывавсь та скрипивъ. О. Харытонъ почувавъ свою поважність, хыльнувшы всмакъ, и гордыто позыравъ на пройзжихъ.

— Та гляды мини, жены кони пидъ самисинькый ганокъ: треба бундючыться!—навчавъ отець Харытинъ погонича.

— Ой, батюшко, не всыджу на цихъ козлахъ! Здається, оть-отъ упаду. Ййй Богу, неначе мене хто настромивъ на выла, якъ подавалныкъ того снопа!—репетувавъ парубокъ на козлахъ.

— Держысь мицнише та мерци поганяй, бо вечиръ близько!

Нетерпляча Онысія Степанивна сыдила зъ дочкамы в ганку та усе выглядала батюшку. Зъ горба на греблю скотывся здоровый екипажъ и повернувъ просто в двиръ.

— Що це за панюга завертае в нашъ двиръ? що воно за проява? — промовыла Онысія Степанивна, -- але визъ паньський, а на вози сыдыть... нибы якыйсь батюшка.

Погоничъ розигнавъ кони й влетивъ в ворота. Але батюшчыни ворота ставылысь не для фараоновыхъ колисницъ—булы мали вже занадто. Екипажъ зачепыся задними осямы за воритныци, гуркнувъ, загорохтивъ, неначе сухи кисткы, розломывся й розсився пополовини: задни колеса застрягли зъ батюшкою в воротяхъ, а передни зъ погоничемъ пидкотылысь пидъ ганокъ. Батюшка борсався та выплутувавсь в задку екипажа в воротяхъ, а погоничъ вчепыся в козла, неначе ракъ, и высивъ передъ ганкомъ передъ самою Онысею Степанивною. Цивылизація не вдалась и розсыпалась в воротяхъ.

Оныся теперь тилькы впизнала свого панотця й свого погоньча. Але що то за чудный визъ? Де винъ узався?

Оныся крыкнула, вытрищыла очи, скочыла зъ ганку й не знала, куды бигты, якъ помагаты. Тымъ часомъ отецъ Харытинъ злизъ зъ высокосты й тилькы руки розставывъ.

— Що це за визъ? и де винъ въ гаспыда взявся?—пыталась Оныся Степанивна.

— Та й хытрый зъ биса проклятый Бонковський! Отъ тоби й карета! Отъ тоби двадцять пять карбованцивъ!—бидкався середъ двора отецъ Харытинъ.

— Якый Бонковський? Яки карбованци? Може ты гроши згубывъ въ дорози?—сыпала Оныся питання.

— Якбы бувъ згубывъ, то такъ бы й знавъ, що згубывъ. Охъ мини льхо! Ой мое нещастя! Що теперынькы вы скажете мини, Онысіе Степанивно? — бидкавси отецъ Харытинъ.

— Яке льхо? Яке нещастя? що це за карета? За яки гроши ты верзешъ, неначе пьяный? та роскажи до пуття, не мучь мене!—крычала Оныся.

— Визьмить палецю та бийте мене, — билшъ ничего не скажу вамъ.

— Якъ визьму й справди палецю въ руки, то може мини палеця й скаже. Говоры, що це за прычта?—крычала Оныся.

— И на чорта я до того брехуна зайихавъ? И якый нечыстый мене до його занисъ?—бидкався отецъ Харытинъ.

— Я жъ казавъ,—не зайизджаймо, бо баба зъ порожними видрамы намъ дорогу перейшла,—обиззався й соби погоньчъ.

— Роскажи хочъ ты, дурню, що це зъ вами сталося;—пристала Оныся до погоньча.

Вже погоньчъ росказавъ матушци за всю ту прычту та прыгоду. Отецъ Харытинъ не говорывъ и слова билше й, похылывшы голову, тилькы махавъ на уси боки рукамы.

— Здуривъ на старистъ, зовспмъ здуривъ! И де въ тебе той розумъ дився?—грымала Оныся Степанивна,—и хто теперь полагадыть оцю карету? И на чорта вона намъ здалась? Доведеться везты йи мабутъ ажъ у Кывъ до майстривъ.

Чи дорого жь заплатывъ за неи?—крычала Оныся не своимъ голосомъ.

— Двадцять пять карбованцивъ втелищывъ та за упряжь тры,—обизвався отецъ Харытинъ, не пиднимаючи головы,—то буде трохи не сто рубливъ на „погани“ гроши, чы на асигнаціи.

— Ой, ненько моя... То це ты всадывъ въ оци руины трохи не половину жалування!... Боже мій! Лучче була бь сама пойхала по жалування:—була бь циле довезла додому.

Отець Харытинъ сьдивъ мовчки, неначе вынний школяръ, и вже не сьмивъ похвалытысь гостынцями.

— А де жь решта грошей? Дай сюды до рукъ, бо ты ще й ти марно прогайнуешъ,—сказала Оныся Степанивна.

Отець Харытинъ задеръ полу, вытягъ зь кышени реминного довгого кашука й мовчки поклавъ його на стиль. Оныся одшморгнула реминця, высыпала карбованци та червинци на стиль и поличыла, складаючи карбованци купками.

— Щось мало,—не вси гроши: ты десь прогайнувавъ въ Богуслави,—мабуть пропывъ зь батюшкамы въ вынарни!

— Бороны Боже!... На могорычъ пишло всего злотый, та благочынному давъ за труда два карбованци, та купывъ самоваръ та трохи чаю й сахару для гостей, та ще купывъ вамъ, Онысіе Степанивно, гостынця: набравъ на сукню модной матеріи, якъ разъ такой, якъ у благочынной.

Оныся Степанивна, зачувшы гостынци, трощки помякишала, подобришала й спустила голосъ ныжче на цилу октаву.

— А де жь ти закупкы? Може де погубывъ? — спытала вона вже ласкавышымъ госонь.

— Тамъ, серце, десь въ карети въ задку. Ось я пиду та прынесу.

Засьвитылы лихтаря й пишлы черезъ двиръ до ворить, де стремилла неначе въ зубахъ у ворить, половина екыпажа. Отець Харытинъ пиднявъ подушку, одчынывъ скрынку й повытягавъ закупкы. Вернулысь у хату; Оныся кынулась до матеріи й розгорнула йи, распустывшы на руди до са-

мого долу. Отець Харытинъ зъ солодкымы очыма пресьви-
чувавъ до матеріи.

— Чы це воно на лице, чы мабуть навыворить?—пытала
Оныся, прыдвляючысь до матеріи.

Матерія була деликатного попилястого кольору зъ
дрибненькымы квиточкамы кольору высивокъ та зъ листоч-
камы, схожымы на вяли, прыбыти морозомъ гарбузови
лысткы. Оныся перевернула матерію на другый бикъ и пе-
ресьвидчылась, що матерія була на лице, та й швыргонула
їи ца стилъ.

— Ой лышечко! Чого жъ це ты набравъ! Чы воно старе,
чы полыняло? Ну й протрынькавъ же ты гроши на якусь
жыдивську старовизну. Мабуть нею жыдивка вкрывалась зъ
гивъ року. Ото набравъ! Йій Богу, неначе на чырини на
попилъ хто насыпавъ высивокъ та прытрусывъ гнылымъ
лыстямъ.

— Йій Богу, Онысіе Степанивно, таку саму сукню носыть
благочынна, и навить вси багати Богуславськи жыдивкы,—
выхопывся отець Харытинъ.

— То це ты прыривнявъ мене до жыдивокъ та до своеи
поганои благочынной?—зновъ пидняла на октаву выще свій
голосъ Оныся.—Въ таки сукни, мабуть, тикала зъ гусарамы
твоя благочынна. Ты думаешь, я вберуся въ оцю попилясту
пистрю?

— Колы жъ така теперъ мода, — несмылыво обизвався
отець Харытинъ.

— Добра мода. Вберусь хиба, щобъ була схожа на по-
пилясту курку? На, носы самъ, або повезы свои благочынни,
бо ты йи спріяешъ. Другый разъ не купуй самъ мини
гостыпцивъ.

Оныся тыкнула матерію отцю Харытонови пидъ нись,
такъ що винъ йи понюхавъ и знайшовъ, що вона трохи
тхне жыдивською хатою.

— Я сама одвезу та переминю йи на щось ынче путни-
ше,—сказала Онысія Степанивно.—Потрывай же, пане Бон-
ковський! Пиддурывъ мого попа, пиддурю колысь тебе й я.

Я тобі цього не вибачу, не подарую, Олесинь полюбовныче! Отъ тобі й жалування! Пропало те, що й радила цілий день.

Другого дня съвитомъ селяны выкопали воритныци, высадили ворота й выдерлы зъ ихъ зубивъ карету и вкотылы въ возовню. Тамъ вона пролежала рокивъ зъ чотыри. Куры неслись въ йи задку, а одна квочка навить высидила курчята, докы захожи жыдкы не купылы йи за третю частку цины.

Оныси Степанивни не довго довелось ждаты, щобъ помстытысь надъ паномъ Бонковськымъ. Черезъ тыждень письма тіен подін Бонковський, змолотывши графську пшеницю, наклавъ на пять возивъ мишкивъ та лантухивъ и звеливъ мужыкамъ везты на продажъ за Рось въ якесь мистечко до знайомого жыда. Графъ кудысь выйхавъ на той часъ. Мужыкы везлы крадяну пшеницю, а Бонковський покатавъ упередъ верхомъ выглядаты, чы не йиде часомъ на зустрічъ графъ або якый його сусида. Тилькы що винъ выйхавъ за Вильшаныцю, проты його катавъ бидкою жыдокъ, котрый не разъ переводывъ крадяне графське добро. Винъ розказавъ, що графъ вертається, въ сусидньому сели ставъ попасаты кони й, певно, незабаромъ пойиде на Вильшаныцю. Бонковський, мовъ скажений, повернувъ коня назадъ и прыскакавъ въ Вильшаныцю. Зъ горы на греблю зйизджалы хуры. Звернуты не було куды; шляхъ ишовъ однимъ одынь,—нигде не було повороткы. Довелось хочъ у пазуху ховаты хуры. Бонковський кынувся въ двирь до отця Харытона.

— Ой, отче Харытоне, рятуйте! Заробыте великого гостынца! — крыкнувъ Бонковський, вступаючи въ хату.

— Що тамъ таке? Може обламалысь? може згоривъ тикъ? — спытавъ отець Харытинъ.

— Та де тамъ, тикъ,—я самъ згорю до останку! Графъ оть-отъ наскочыть въ Вильшаныцю!

— То що жь! Якъ наскочыть, то й проскочыть.

— Не проскочыть, бо зачепыться за мои хуры зъ пше-
ныцею. Онъ бачыге, стоять за вашимъ дворомъ. Чы нема
де въ васъ прыхыстыты та переховаты крадяну пшеницю
на якыйсь тамъ часъ?—И Бонковский щиро признавсь и
оповистывъ за свою крадіжку та шахрування. Отець Хари-
тинъ догадався, до чого воно йдеться,—треба було допо-
могты знайомому въ прыгоди. Йому стало жаль панка.

— Скидыйте хутчи мишки въ дзвыныцю. Тамъ йихъ не
посьміе зачепыты й самъ графъ,—промовывъ отець Ха-
рытинъ.

— Ой мерщи, и батечку й голубчыку, бо отъ-отъ наско-
чыть графъ,—благавъ Бонковский.

Отець Харытинъ вхопывъ ключи, одимкнувъ дзвыныцю.
Двери въ дзвыныцю були зъ улыци. Мужыкы въ одну мить
повносылы мишки й повернули возы назадъ на греблю.
Отець Харытинъ замкнувъ двери й вкынувъ ключи въ кы-
шеню. Бонковский трычи цмокнувъ його въ губы, скочывъ
на коня й покатавъ черезъ греблю.

— Онысіе Степанивно! Бонковского крадяна пшениця въ
дзвыныци. Осъ и ключи одъ дзвыныци,—гукнувъ отець Ха-
рытинъ до Оныси.

— Отъ и добре. Помстымось надъ нымъ за карету. Я не
оддамъ йому тіей пшеници. А що, попавсь, панычу!—ска-
зала, ажъ пидскочывшы, Оныся.

— Визьмы заразъ спрѡдай пшеницю, а гроши роздай стар-
цямъ, або що.

— А добре ты кажешъ!—сказавъ о. Харытинъ и поклы-
кавъ жыда; частку продавъ, а частку такъ отдавъ зерномъ
биднымъ. На другый день прыйиздыть Бонковский зъ по-
рожными возами по пшеницю.

— Спасыби Вамъ, мій дорогой прыятелю, за схованку.
Графъ вернувся додому. Теперъ мини можна забраты мою
пшеницю.

— Не заберете, бо вже йи нема: я роздавъ частку бид-
нымъ, а половыну продавъ Янкелеви та роздавъ гроши стар-

цянь,—сказавъ о. Харытинъ.—Отъ роспытайте въ людей, вони вамъ скажуть що я кажу правду.

— Та не жартуйте бо, отче! Берить ключи та одмикайте дзвиницю, бо вже нерано.

Зъ кимнаты выскочыла Оныся Степанивна й заторохтила до пана:

— Йій Богу, не знаю, за яку вы пшеницю оце кажете. Вы хотили, може, сказаты за карету? Карета стоить, переломляна пополовини. Про мене, нехай мужыкы складуть йи на хуры та й одвезуть, колы вы насъ пиддурылы.

— Колы такъ, то до побачиння, панотче! Я цього одъ васъ не сподивався,—промовывъ Бонковський, у котрого лице й очи ажъ налылысь кровью.

— Бувайте здорови. Скажить же мужыкамъ, нехай складають на хуры карету!—гукнувъ отецъ Харытинъ въ сьлидъ Бонковському.

Оныся ажъ въ долони плескала.

Настала зима. Отець Харытинъ пойхавъ зъ жинкою въ Кывивъ на ярмарокъ и купывъ нову наточанку.

Довго крепывся отецъ Харытинъ и не накыдавъ на людей платы за требы. Але одъ страху передъ благочыннымъ винъ зважывся й переднише попросывъ порады у своей жинкы.

— Колы благочынный звеливъ накынуты, то й накынь. Отъ одвезлы дочку въ школу,—грошей треба.

— Якосъ ніяково. Колыбъ часомъ не ремствували та не грымали люде. Вони жъ мене прийняли на парафію. Я не знаю, якъ и прыступыты до цього дила,—говорывъ несмыльво отецъ Харытинъ.

— Колы ты не сьмієшь, то я за тебе прыступлю до справы,—сказала Оныся,—не бійся хлибъ йисы сьмыльво!

Въ той часъ прийшлы старосты „йиднатысь“ за винчанья. Отець Харытинъ запросывъ невелику звычайну плату, яка тоди була скрызъ по селахъ. Оныся слухала за дверыма, а дали не втерпыла й выйшла до людей.

— А що жъ, люде добри! вы мало даете за винчанья. Теперь стали ынчи дорожчи часы,—все подорожчало, а гроши стали дешевши. Накыньте ще карбованця.

— Та що жъ, матушко! Даемо такъ, якъ и переднише давали,—сказавъ батько жениха.

— Та накыньте бо! Вы жъ тымъ не збидніете. Теперь, Господы, якъ усе подорожчало, до чого не кынься: и наймытъ ставъ дорожчий, и виль дорожчае, й кинь дорожчае, й гуска коштуе те, що переднише коштувала вивця,—задработила Оныся.

Оныся чымъ билше старилась, тымъ билше говорила. Въ неи неначе що-року нароставъ та дошавъ языкъ, якъ у Мельхыседековой жинкы Марты.

— Колы жъ, матушко, й на весилля треба грошей, та ще й не абы-якихъ. Треба й того, й сього, треба хлиба, треба й до хлиба, треба й сього, треба й того,—мавъ слово по слову женихивъ батько.

— И, Господы! Карбованецъ—не вельки гроши, а намъ воны стануть до помочи. Гроши кругли: йій Богу, й не зоглядыся, якъ и роскотяться; шагъ за шагомъ, пятакъ за пятакомъ, злотый за злотымъ, карбованецъ... Такъ и котяться, такъ и котяться, й хто його зна, де воны диваються... Прыкыньте ще карбованця та й запывайте могорычъ, бо въ васъ вже одъ говориння мабутъ и въ роти посохло!

Чоловикъ глянувъ на могорычъ и... прыкынувъ карбованця.

Не таку накынувъ плату Балабуха на богуславськихъ мищанъ,—винъ просто звеливъ платыты за требы вдвое билше. Мищаны загулы, загомонила, але мусила платыты.

Черезъ рикъ писья того по селахъ пройшла чутка, що панщину зменшать, що выйшлы „инвентарни правыла“. Народъ загомонивъ по селахъ и ждавъ того, якъ велького щастя зъ неба. Отець Харытинъ диставъ бумагу одъ благочынного. Прыйхала комиссія й благочынний. Зибралы народъ до церкви зъ усього села. Благочынний веливъ о. Ха-

рытонови прочитаты „правыла“ въ церкви, й потимъ чытаты що-недили та выясняты.

Першой недили зибралась въ церкву велька сыла народу. Отець Харытинъ зновъ прочитавъ ту бомагу, це бѣ то „правыла инвентарни“, скинувъ рызы й пишовъ додому. Народъ стоявъ коло церкви й не росходывся; ниhto добре не втямывъ тїи бомагы. Одынъ казавъ, що зменшылы панщыну тилькы молодыцямъ; другый казавъ, що зменшылы й чоловикамъ; декому здалось, що не тилькы не зменшылы панщыны, але ще прыбилшылы. Хтось десь чувъ, що люде почнуть одбуваты панщыну не тилькы панамъ, але й по-памъ. У всихъ зостався якыйсь туманъ въ голови, черезъ який кожный бачывъ те, що йому мрило въ тумани. Громада послала тыгара до батюшки, щобъ винъ прыйшовъ та ростовмачывъ йимъ, що було напысано въ ти бомази.

Прыйшовъ на цвынтарь батюшка. Громада обступыла його кругомъ.

— Роскажить, батюшко, докладно: що тамъ напысано въ ти бомази?—просыла громада.

— А що жъ, панове громадо! Напысано, щобъ менче панщанныхъ днивъ одбуваты на тыжни. Колы правду сказаты, то я й самъ рещты добре не второпавъ, що тамъ напысано, бо напысано по-московський, та ще й дуже мудро. Хиба пойдю до благочынного та спытаю.

Отець Харытинъ пойихавъ до благочынного за порадою.

— Колы не второпалы, то й добре, бо намъ вже прыйшовъ прыказъ одъ губернатора Бибикова тилькы чытаты въ церкви бомагу що-недили й не выясняты въ церкви,—сказавъ благочынный,—а выясняты можна тилькы „по требованію крестьянъ“.

— Якъ же воно такъ: я не розумію, й громада не розуміе.

— Мабуть такъ воно й треба, колы прыйшовъ такый прыказъ, бо паны кажуть людамъ, що до „инвентаривъ“ була легча панщына,—сказавъ благочынный.—Та вы не

дуже кваптесь товмачыты, щобъ часомъ лыха не набратысь: хто мовчыть, той двохъ навчыть,—бо вже одынъ батюшка за це выясниня втратывъ парафію. Вы знаете, що въ насъ сама полиція зъ полякивъ,—повертає дило такъ, буцимъ-то попы бунтують народъ, а не паны.

Отець Харытинъ прыйхавъ додому й тилькы махнувъ громади рукамы, якъ громада прычепылась до його... „Идить до пана. Панъ вамъ усе ростовмачыть: може йому йе прыказъ розумиты ту бумагу та йи товмачыты“,—говорывъ людямъ отецъ Харытинъ.

Одъ часу инвентаривъ, одъ 1847 року селяны повинни булы обробляты поле й сьвященикамъ, це бъ то пбпросту сказаты, одбуваты батюшкамъ панщыну въ жныва по одному дню. Панъ прыславъ до батюшки людей на панщыну. Чоловики й молодыци одъ сорому не знали, де очи диты, й батюшци й матушци навить спочатку було якось ніяково.

— Чы це, батюшко, насъ послалы до васъ на роботу за спасиння души, неначе бъ то спасенныкивъ, чы такы на справдишню панщыну?—пыталы люде въ батюшки.

— Хто його зна! Я й самъ добре не второпаю,—говорывъ отецъ Харытинъ.—Спасенныкы й безъ того помагалы мни въ роботы, якъ говилы, а це казавъ панъ, що такы въ тыхъ „инвентаряхъ“ напысано, щобъ уся дорослы люде одбувалы сьвященикамъ по одному дню въ жныва.

Люде мовчкы пишылы на поле роботы, але одъ того часу, якъ почалася ця попивська панщына, селяны почалы потроху одхылятысь одъ сьвященикивъ. Молодыци й чоловики пересталы ходыты до батюшки въ гости й послухаты по добри воли; й скилькы не прохавъ отецъ Харытинъ молодыць напярсты матушци по пивмиточку, ни одна молодыця въ сели й веретенемъ не крутнула для матушкы. Оныся Степанивна швыдко оговталась зъ тією панщыною й командувала людьмы, якъ паньськый осавула.

Старша дочка отця Харытона, Надезя, пробула рикъ въ Богуслави въ пансіони въ одніи полькы. Оныся Степанивни шкода було грошей, и вона взяла Надезю додому.

Надезя вивчылася читаты й трохи пысаты; вивчылася граты на гытари й вбиратысь въ европейскый костюмъ; вивчылася танцюваты й робыты книксы, й на тому скинчыла свою науку. На йи місце Оныся Степанивна одвезла менчу дочку, Палазю. Дочки росли. Онысине завзяття до праці росло разомъ зъ дочкамы. Оныся Степанивна сама йиздыла на поле, стояла безодхидно коло панщаннихъ людей. Свойимъ наймычкамъ вона не давала й вгору глянуты: будыла опивночи та грызлася зъ нымы цылый день. Наймычкы не хотили службыты въ матушкы.

Разъ въ Оныси Степанивны найнялася здорова та робоча дивка зъ Богуслава, Маруся. Вона була не панщанна, а дочка одного убогого чыншовыка—шляхтыча. Маруся була така робоча, що встыгала увынутысь за двохъ. Але, якъ кажуть, хто добре везе, того й поганяють,—Оныся задумала ще й поганяты Марусю: будыла йи трохи не опивночи й накыдала дуже багато роботы. Маруся не выдержала, не выбула року; саме передъ жнывамы втикла одъ матушкы въ Богуславъ и найнялася въ Балабухы.

Оныся Степанивна перечула черезъ людей, що Маруся найнялася въ Олеси, та ажъ позеленила одъ злосты.

— Це благочынна одбывае одъ мене наймычокъ: це вона хоче минн допекты. Пойиду та одберу Марусю,—говорила Оныся Степанивна до отця Харытона.

— Ой не йидьте, Онысіе Степанивно! Богъ зъ нымъ. Чы жъ пакъ мы не знайдемо соби наймычкы, чы що. Цуръ йому, пекъ йому, тому лыхови,—хвалыты Бога, що мы помырылысь зъ благочыннымъ.

— Ба такы пойиду та й одберу. Це Олеся сьміється зъ мене; ще пакъ мало насміялася зъ мене въ мойи господи зъ своимы гусарама, то на тоби ще!

— Не йидьте, Онысіе Степанивно, бо прыйдеться зновъ везты благочынному хуру горшкивъ та мысокъ.

— И горшкивъ не пошлю, й Марусю одберу. Я покажу Олеси, якъ кепкуваты надо мною.

— Колыбъ вы, Онысіе Степанивно, не сказали тамъ чого зайвого. Все жъ такы вони старши надъ нами: вони благочинни.

— То що жъ, що благочинни! Велыка цяця—благочинна! Вона благочинна, а я хиба цыганка, чы що? Такы пойду та вырву зъ рукъ въ Олеси Марусю.

— Ой, биды наробыте мини! Добре, що вы соби знаете свое господарство, сыдыте соби въ запичку, а мини доведеться одбуватись за васъ. Оти, бачте, мини кныгы та ти „одчоты“... Нечыстый йихъ знае, ніякъ не потраплю доладу здаты йихъ. Теперъ благочинный мовчыть, але колы вы роздратуете благочинну, то не мовчатые.

— Еть! верзешъ таке, що й купы не держыться! Въ тебе свои кныгы, а въ мене своя справа. Нехай такы Олеся й честь знае. Я йи не забуду тихъ гусаривъ, що вона наперла въ мою хату. Такы пойду.

— А я коней не дамъ,—сказавъ отецъ Харытинъ, ныбы жартуючы.

— Та я тебе й не просытому. Сама запряжу, та й пойду.

Отець Харытинъ знавъ, що не переговорыть своєю жинкы, замовкъ и тилькы важко зитхнувъ.

Тилькы що отецъ Харытинъ выбрався зъ хаты ховаты якусь бабу, Оныся звелила парубкови запрягты кони, сила й поихала. Якъ дали вона йихала, тымъ билше розгорювалась въ неи злисть. Якъ углядила вона Балабушыну оселю, то вже була ладна роздерты Олесю на-двое.

Оныся вйихала въ двиръ и виймала Олесю на ганку. Олеси здалось, що йиде якыйсь панъ, и вона дожыдалась його на ганку.

— Здається, йиде нашъ новыи становый,—думала Олеся,—тонкый, сухый и въ чорному маленькому картузи.

Олеся стояла на ганку й ждала. Своєю ривною, сухою постаттю й чорною хусткою на голови Оныся здалеки й справди скынулась на нового богуславського станового.

Оныся пидйихала пидъ ганокъ. Олеся трохы не крыкнула, але втикаты було ніяково.

— Добрыдень вамъ, госпоже благочынно! А я оце до васъ въ гости въ сами жныва,—сказала Оныся, злязячы зъ начанкы.

— Доброго здоровья! Дуже рада вамъ,—промовыла Олеся. Оныся вийшла на ганокъ и трохи не черкнулась головою обь стелю. Вона була въ корычневи, темни сукни, въ чорни хустци на голови; фалды сукни облыплы кругомъ йи високои ровной постати, а чорна хустка высила на йи сухорлявыхъ плечахъ, неначе на килку. Лице въ Оныси стемнило, зчорнило й зсохлось одъ роботы, одъ недоспанныхъ ночей, одъ господарського клопоту. Олеся такъ само вже зчорнила на выду й засохла, хочъ зъ ынчои прычыны.

— Прошу покирно до съвитлыци,—просыла Олеся Онысю. Обыдвѣ вони увійшли въ гостынну й посадамы. Вони застали тамъ Балабуху. Олеся дывылась на стелю й все курыла.

— Въ васъ, госпоже благочынно, найнялася моя наймычка Маруся.

— Найнялася, тилькы я не знаю, чы вона ваша наймычка, чы може чыя ынча,—знехотя обизвалась Олеся.

— Маруся не выбула въ мене року. Я оце прыйихала за нею,—сказала Оныся, ледви здержуючы сердытый голось.

Олеся прымитыла той дрыжачый голось и почувала, що й въ неи щось задрыжало въ души. Вона знала, якъ Оныся судить йи по людяхъ.

— Не може буты, щобъ вы не знали, въ кого служыла Маруся, а прыйматы чужыхъ наймычокъ зовсимъ не годыться,—сказала Оныся голосно й сердыто.

— Якъ то, не годыться?—спытала Олеся, спяхнувши.

— Тымъ и не годыться, що не годыться. Маруся моя наймычка, й я йи визьму зъ собою. Теперь жныва, гарячий, робочый часъ,—наймычокъ треба й до поля, й до господы; треба хапаты хлибъ на поли, й льонъ та конопелькы браты; треба комусь зварыты й спекты дома, й коровы подоиты, й вивци подоиты, й свини загнаты, й коло терныци, коло бытельни статы, й до череды одигнаты. Въ мене

вельке господарство, въ мене великый скрутъ; я не вмю до пивъ дня спаты, а зъ пивъ дня по хатахъ похожаты та люльку смоктаты,—дзигорыла Оныся надъ правымъ вухомъ у Балабухы.

Олеся догадалась, що Оныся шпурляла грудкою просто такы въ йихъ городъ, схопылась зъ стильця й почала ходыты по свитлыци. Балабуха почутывъ, що одъ Онысиного лепетання въ його заболило въ правому вуси, вставъ и сивъ по другый бикъ Оныси, пидставывшы ливе вухо: на, мовъ, дзеленькай ще на цей бикъ!

Оныся зновъ задзеленькала.

— Въ мене сима, — мини неможна обійтысь безъ наймычокъ; въ мене ростуть дочкы, а на дочокъ багато треба. Моя Надезя вчылась въ пансіони, а отъ и Палазю одвезла. Може й правда, якъ кажуть люде: дасть Богъ диты, дасть Богъ и на диты,—але робы, небоже, то й Богъ поможе! Якъ сама не докладешъ до всего рукъ, то ничего й не буде. Отъ и сьогодни сама й коровы дойила, сама пекла й варыла. Въ кого въ двори нема й поросяты, а въ хати й кишкы,—той цього не втямыть, бо таки люде нестатковыти вже зроду...

Олеся стала середъ хаты й вытрищыла на Онысю очи. Вона почувала, що Оныся зновъ сыпнула наздогадъ на нестатковытыхъ господаривъ. Балабуха зновъ пересивъ на другый бикъ Оныси й пидставывъ праве вухо.

— Чы вы оце прыйихалы въ гости, чы прыйихалы лаятысь?—не втерпывшы, спытала Олеся.

— Я не лаятысь прыйихала, а прыйихала по свою наймычку,—одмовыла Оныся.

— А колы прыйихалы по наймычку, то берить йи соби,— вона мини не дуже потрибна,—сказала Олеся.

— Мини здається, найлучче бъ спытаты въ самой Маруси: колы вона схоче, то нехай йиде зъ вамы,—зъ Богомъ, Парасю, колы люде трапляються!—обизвався Балабуха.—Отъ я покличу Марусю!

Балабуха вставъ и пишовъ въ пекарню. Оныся не втерпила й побигла сьлидкомъ за нымъ. Йи хотилось взяти Марусю на оберемокъ и вынести на визъ. Увійшлы въ пекарню. Маруся стояла коло печи й спустила очи.

— Оттакъ, дивко! Добре, йи Богу, добре. Це гараздъ! Не добула року й покынула. Чы це тебе твоя маты такъ вчыла, чы це ты своимъ мызкомъ розмиркувала?—репетувала Оныся.—Вдягайся та йидь зо мною въ Вильшаныцю.

— Ба не пойиду, — сказала Маруся й почала колупаты пичъ, неначе йи прыйшлы свататы старосты.

— Чомъ же ты не пойдешъ? Чы тоби була яка недогода въ мене, чы я тоби йисты не давала, чы що? Соромъ тоби, дивко, такъ робыты,—говорила Оныся.

— Коны въ васъ важко служыты,—тыхо обизвалась Маруся.

— А ты бъ хотила гроши браты, руки згорнуты та посьденыкы справляты! Вдягайся, не гай мене й себе,—ничого тоби не поможе,—крычала Оныся.

Маруся стояла коло печи, якъ туръ—дивка, здорова, огрядна, тилыста й сьвижа на выду; йи здоровья тилькы дражноло Онысинъ апетытъ.

— Не пойиду й служыты въ васъ не хочу, бо въ васъ лягаешъ, якъ перши пивни засьпивають,—сказала Маруся,—а встаешъ, якъ и други пивни ще не сьпивають.

— Куды жъ пакъ! Мабуть черезъ те й стилькы сала прыдбала на моему хлиби, що въ двери не потовпысся. Де твоя свыта? Вдягайся та сидай на визъ,—сказала Оныся й кынулася до жерткы шукаты Марусыной свыты.

— И свыту падаремно шукаете, бо я до васъ не пойиду,—сказала Маруся.

— Якъ не пойдешъ, то я тебе потягну въ станъ,—крыкнула Оныся.

— Хочъ мене й въ тюрму закыньте, а я зъ вами не пойиду,—сказала Маруся.

— Якъ ты сьмиешъ мене кыдаты? Якъ ты наважылась тикаты? Соромылась бы, дивко, таке навить говорыты: ты така

молода, а вже вивчылася швендяты по сьвиту. Вчысь, дивко, з-за молоду бурлакуваты, то вивчыся на старисть ще й зь гусарамы втикаты...

Оныся обернулася и прыкусыла языка: вь одчыняныхъ дверяхъ стоявъ Балабуха, а за нымъ вь синяхъ стояла Олеся й насъмшкувато дывылася на всю ту справу та справдовування.

Темне Олесине лыце спахнуло; вь неи почервонили вуха й лобъ. Балабуха прычынивъ двери вь пекарню, щобъ до Олесиногo вуха часомъ не долетили ще гирши й шыриши речи.

Довго крычала Оныся, довго справдовувалась та сперечалась Маруся. Вь пекарни клекотило, неначе окрипъ вь золійныку.

— Коны сама не пидешъ, то тебе приведе до мене полиція. Заразъ пойду до станового!—крыкнула Оныся.

Двери зь пекарни неначе бурею одчыныло; Оныся выбигла,—неначе метиль дмухнула.

— Прощавайте, отецъ благочынний! Спасыби вамъ за вашу послугу. Я одъ васъ цього не сподивалась. Це мабуть вы одбылы вь мене наймычку за колышнись гарбузы. Добри господари такъ не роблять,—такъ робыть тилькы той, вь кого хата лыкомъ вкрыта, вь кого кишки нема вь господарстви та хто вытае гостей такимъ хлибомъ, що писья його зубы тры дни болять...

Балабуха й Олеся тилькы дывылася на Онысю.

Оныся кывнула до йихъ головою, скочыла на визь, чогось стала на вози, трохы постояла, мало не достаючы головою до стрихы, й выйхала зь двору. Вь станового вона впіймала облызня,—винъ насъмівяся зь неи, й вона зь тымъ вернулася додому.

Отець Харытинъ вернувся зь похорона й ниякъ не мигъ догадаться, куды пойхала Оныся. Але незабаромъ загуркотивъ визь надвори. Оныся увійшла вь хату. Вь неи очи блыщали, лыце ажъ пашило.

— Чы не поламалось часомъ щось коло воза?—несмы-
ливо спытавъ отецъ Харытинъ.

Онысія Степанивна мовчала й тилькы сопла. Отця Ха-
рытона взяла цікависть.

— Де це вы, Онысіе Степанивно, булы? Чы на поле
йиздылы, чы може до татуня въ Чайкы?

— Ать, одчепысь! Йиздыла до того пузаныя, до благочын-
ного—лаятысь за наймычку,—одрубала Оныся.

— Ой Боже мій! До благочынного лаятысь!—крыкнувъ
отець Харытинъ.

— Атожъ! Ты думаешъ, я йому въ зубы подывлюсь?
Нехай благочынна не одбывае въ мене наймычокъ,—одру-
бала зъ злистью Оныся.

— Ой, бодай же васъ Богъ любывъ! Що жъ це вы на-
робылы!..

— А те, що треба було! Яке тоби дило до моихъ най-
мычокъ? Не ты йихъ наймавъ, не тоби за йихъ и клопота-
тысь. Ось у мене голова ходоромъ ходыть безъ наймычки.
Я такы прочытала добру молитву й благочынному, й бла-
гочынни.

— Ой, Господы! Яку жъ вы тамъ молитву йимъ чыта-
лы?—говорывъ отецъ Харытинъ зъ страхомъ.

— Яку вмила, таку й прочытала,—вылаяла на вси боки,
та й пойихала,—сказала Оныся.

— Ой, чого жъ це вы наробылы! Колыбъ зъ того не
вийшло якого лыха. Булы помырылысь зъ благочыннымъ, а
це колыбъ зновъ не полаятысь. Добре вамъ, Онысіе Сте-
панивно, въ запичку сыдаты та пырижки йисты, а минн
оце зновъ буде беда. Бачыте ти кныгы... Ой, бодай же васъ
курка вбрыкнула!..

Не встыгъ винъ сказаты тыхъ сливъ, якъ рышнули
двери, й въ хату ввійшовъ посланецъ одъ благочынного й
подавъ батюшци лысть. Отець Харитонъ прочытавъ и зблidy
на выду.

— А що тамъ пыше Олеся?—спытала Оныся, —мабуть
розгнивалася на мене?

„Ваша Онысія Степанівна за свою наймычку Марусю, наговорила намъ такого, що соромъ и въ лысти писаты“, — писавъ Балабуха:— „вона кричала й лаялась, якъ бублейницы на базари; казала, що въ насъ у хати й кишкы нема, що писля нашого хлиба въ гостей тры дни зубы болять, ославила мою жинку передъ слугами, ще й йиздыла до станового насъ позываты. Прошу васъ, передайте свои жинци, щобъ вона билше николы не прыйизджала до нашої господы...“

— Ой Господы, спасы насъ и заступы! Що це вы Онысіе Степанівно, наробылы? Чы вамъ треба було йиздыты до благочынного? А бодай же вамъ жаба на ногу наступыла, — клявъ отець Харытинъ свою жинку, ходячы по кимнати.

— Бублейница! Я бублейница! Його жинка бублейницы, а не я, бо тикала зъ гусарами. Я за це пойду та кочергою йимъ викна повыбываю. Такъ и напышы благочынни одъ мене! — крикнула Онысія.

— Пышитъ уже сами. — буде зъ мене й цього. Та теперъ же мене благочынний зистъ безъ соли, втопыть въ ложци воды. Ой, чого жъ вы оце натворылы! Сыдили бъ у запичку та йилы пырижкы.

— Я тобі якъ дамъ пырижкы, то й не потрапышь, кудою втикаты зъ своимъ благочыннымъ. Поплешъ тытаремъ два возы горшкы: сунешъ благочынному въ зубы горшка, а благочынни макитру, то запхнешъ пельку й благочынному, й благочынни!

— Ой, бодай же васъ мыши перелякалы. Теперъ хочъ иды до церкви та правъ молебнъ Иванови Воинови. А вы, Онысіе Степанівно, йидьте до благочынного та перепросить, бо вже мини не жыты на съвити, — вже й горшкы не помогутъ. Теперъ сыпъ та й сыпъ карбованчыкы.

— А бодай винъ не диждавъ, щобъ я його перепросувала! Нехай Олеся прыйде та мене ще перепросыть, — сказала Онысія Степанівна.

Тыждень ходывъ отець Харытинъ, якъ самъ не свій, тыждень радила Онысія, що такы зигнала злсть на Олеси.

Колы це пройшла чутка, що митрополитъ переводить старыхъ, простыхъ священныкивъ зъ великихъ парафій на мали, а велики оддає „вченымъ“, це бѣ то молодымъ семинаристамъ. Одного сусида, старого священника, вже перевелъ зъ великого села въ мале. Отець Харытинъ зовсимъ закурьвьсь.

— Треба йихаты до благочынного на поклінъ,—сказавъ отець Харытинъ Оныси,—винъ напыше въ клировыхъ ведомостяхъ, що я „поганого поведенія“; напыше, що и вы, Онысіе Степанивно, „поганого поведенія,“—тоди буде намъ бида.

— А яке йому дило до мого „поведенія“,—сказала Онысія Степанивно, —отъ нехай напыше, якого „поведенія“ його Олеся! Оце буде гараздъ.

— Колы винъ за свою жинку не напыше, а за васъ напыше. Отъ прыйдуть, возьмуть васъ та й посадять въ Лебедынський манастыръ на мисяцивъ два, або тры,—будете черныцямъ грубы топыты та воду носыты.

— Еть, дурный! не знатѣ-що верзе! Де це чувано, щобъ попадь садылы въ монастыръ. Якъ мене посадять въ монастыръ, то я посажу Олесю въ тюрьму! я сама йи зашлю на Сибирь,—сказала Оныся,—бо ты, мовъ та плохенька курка,—тоби хочъ и на хвистъ наступи, то й не гавкнешъ.

Мынувъ тыждень. Пройшла чутка, що вмеръ богуславський протопопъ, а черезъ два тыжни Балабуха ставъ протопопомъ. Якъ почувъ за це отець Харытинъ, то й охоловъ,—въ його неначе гримъ ударивъ.

— Отъ теперычки мы пропалы!—крыкнувъ отець Харытинъ,—ой, моя лыха година та нещаслыва! Треба йихаты перепросыты Балабуху, покы само лыхо не прыйшло въ хату. Згадає винъ теперь и ваши гарбузы, й вильшаныцьки громадськи выборы; згадає винъ усе.

Отець Харытинъ загадавъ запрягты кони й пойихавъ въ Богуславъ. Балабуха саме тоди сыдивъ въ кабинети й, згадуючы за вызитъ Оныси Степанивно, складавъ въ своему щоденному „діярыушеви“ вирши „О прелютой жени“:

Отець Харытинъ увійшовъ у гостынну й почавъ стыха кашляты; Балабуха вийшовъ до його.

Отець Харытинъ поздоровкався зъ нымъ и поздоровлявъ зъ протопопствомъ. Балабуха гордо обійшовся зъ нымъ, але все такы попросывъ систы.

— Отець протоерей! выбачайте, будьте ласкави... Тутъ моя Онысія Степанивна прыйиздыла до васъ за наймычкою...

— Може й вы прыйихалы за наймычкою?—перебывъ його Балабуха.

— Бороны Боже! Я прыйихавъ просыты заздалегидь выбачиння за свою Онысію Степанивну. Мене тоди дома не було, а вона взяла та й пойхала. Йій же Богу, я йи не пускавъ! А вже де жинка вмишається, то й пропаще дило. Йій Богу, я ни въ чому не выненъ...

— Ваша жинка прыйихала сюды й наговорила намъ симъ мишкивъ гречанон вовны та чотыри копы гречкы. Вы дуже роспустылы свою жинку; та й сами вы зъ мужыкамы поведытесь за панибрата: мужыкы до васъ ходять въ гости, пють у вашому доми... Въ метрыкахъ въ васъ нема ніякого ладу. Вы чоловикъ простый,—глядить, лышень, щобъ вамъ хочъ вдержатись на парафіи. Отъ може прыйиде до васъ столоначальныкъ зъ „правленія“ на ревызію.

— Йій Богу, отець благочынный, то не я...

— Отъ мои парафіяны ходять до васъ хрестыты, а вы й хрестыте.

— Йій Богу, билше не буду, и въ хату, й въ оселю кумивъ не пуцу.

— Отъ я прыйиду подывытысь на вашу церкву. Та глядять, щобъ передь новымъ рокомъ ваши кныжки, ваши метрыкы булы справни, а то зъ васъ Духовне правленіе ще й здере штрафъ,—сказавъ Балабуха на прощанни.

Отець Харытинъ прыйихавъ додому, мовъ прыбытый громомъ.

— Буде намъ беда! Благочынный нахваляється, а столоначальныкъ Духовного правленія встривъ мене на мисьти та казавъ, що прыйиде до насъ въ гости,—сказавъ отець Ха-

рытинъ до Оныси, котра ажъ теперъ схаменулась, що на-
коила своимъ языкомъ цилый кившъ лыха.

— Знаемо, яки то гости: теперъ одчыннай комору й скры-
ню, рижъ гусы й качкы для столоначальныка!— сказала Оны-
ся.—И понись мене нечыстый до тїен Олеси. Ну, та й вше-
лепалась я оце въ биду по сами вуха.

— Теперъ розшморгуйте кашуку та готуйте карбован-
ци, Онысіе Степанівно! Колыбъ ще часомъ дило не дійшло
до консысторїи, бо тоди доведеться продаты й волы й ко-
ныкы,—сказавъ отецъ Харытинъ.

Въ-осены, тилькы що зибрали все зъ поля, прыйихавъ
въ Вильшаныцю новый протоерей оглядаты церкву. Винъ
бувъ сердытый, до всего чеплявся, прымитывъ порохъ въ
олтари й на сосудахъ, прымитывъ стари порвани рызы,
навить старе обстрьопане кропыло, навить церковни дер-
качи. За все досталось отцю Харытонови, й немало карбован-
цивъ тытаръ, по давньому звичаю, за оглядъ церкви высы-
павъ въ протопопську кышеню. Оныся вже й не выходыла
до протопопа. Вытавъ його о. Харытинъ. Тилькы що прото-
попъ выйихавъ зъ двору, у двирь уйихавъ столоначальныкъ
повитового Духовного правленія Крыскентъ Харлампіевычъ
Млынковскый. Дви наточанкы стрилысь въ самыхъ воро-
тяхъ. Млынковского кони трохи не набиглы на прото-
попского воза. Балабушынъ погоньчъ звернувъ у колючкы,
на горбъ и трохи не перекинувъ Балабухы просто въ визъ
Млынковского. Зъ Млынковскымъ сьдиды чотыри панни,
його дочки, й пиднялы гвалть.

Отець Харытинъ стоявъ безъ шапки на ганку и, вгля-
дившы повну наточанку непроханыхъ гостей, перелякався
навикы. Винъ знавъ, що столоначальныкъ що року обйиз-
джавъ повить—просто такы неначе льнуваты по батюшкахъ,
якъ стари матушкы обйизджалы зъ льнуваннямъ хаты па-
рафіянъ. За наточанкою Млынковского вйизджавъ у двирь
простый здоровый визъ, навантаженый мишкамы зверхомъ.

— Прыйихавъ старый крючокъ за хабарямы! Такъ воно
и йе! Ну, цей мене до щенту й обйистъ, и обипье, ще й

обдере—подумавъ отецъ Харытинъ, кланяючысь зъ ганку Млынковському.

— Добры-день, отче Харытоне!—гукнувъ зъ воза веселый Млынковський такимъ здоровымъ та хрыпкымъ басомъ, якъ зъ порожньої бочки, неначе въ його въ горли струны порвалысь.

— Доброго здоровья, Крыскентъ Харлампіевычъ! Просымо до господы,—обизвався прыбытымъ голосомъ отецъ Харытинъ.

Млынковський скочывъ зъ воза, скинувъ зъ себе суконну сыню шинелю, струсывъ йи, обтрусывъ чорни густы бурци й почавъ мицно та щилно цилуватысь зъ господаремъ. За нымъ на вси боки плыгнулы зъ воза панны, неначе козы, або куры зъ сидала, й почалы обтрушуватысь.

— Выпряжы, хлопче, кони та дай йимъ сина, засыпъ obroку та напій, а потимъ рушай на ничъ додому. А ты, старосто, познось мишки въ оту комору й йидь соби додому. Отець Харытинъ! одчынить старости комору—нехай позносыть мишки, а вы вже, будьте ласкави, одвезете мишкы, въ Богуславъ до моеи господы своимы волами.

— Добре, добре!—обизвався отецъ Харытинъ и побигъ у хату за ключамы одъ коморы.

Млынковський порядкувавъ въ чужи господи, нибы въ себе вдома. Винъ прыйихавъ не своимы киньмы, а чужымы попивськымы. Млынковський мавъ жалування на рикъ всего сто карбованцивъ: а въ хати въ його було симъ дочокъ та два сыны. Щобъ не поморыты голодомъ симь, Млынковський пускавсь на хытрощи: выйизжавъ найнятымы киньмы зъ дому до першого села, просывъ у батюшкы усякою харчи, потимъ батюшка одвозывъ його й харчъ дали, до сусиднього батюшкы, а той передававъ його й харчъ ще дали. Якъ возы byly вже повни мишкывъ, батюшкы по черзи повинни byly прыставляты ту хуру просто до його дому въ Богуславъ. Теперь у Млынковського вже повыросталы дочкы. Дома була велька зйижа, й винъ задумавъ порозвозыты йихъ на зиму по батюшкахъ, нибы то зъ тиен прычы-

ны, щобъ йимъ було веселише, щобъ не нудылысь домѣ,—а найбилше по старыхъ, у котрыхъ були доросли дочки, а кныгы були не дуже справни. Млынковський знавъ, що Оныся роздратувала протопопшу, й задумавъ накынугы йи на закуцію у хату дви дочки, а якъ знайдеться мисце, то й тры, або й уси чотыры.

Поки панны обтрушувалысь, отець Харытинъ одимкнувъ комору й выдавъ парубкови вивса, а тытарь позносывъ въ комору мишки зъ борошномъ, зъ крупами, зъ просомъ та квасолею. Млынковський ускочывъ въ комору й поличывъ мишки.

— Теперь хочъ и до господы, та й по чарци,—сказавъ Млынковський.

Отець Харытинъ попросывъ гостей въ свѣтлицю. Млынковський скинувъ картуза й, вступывшы въ свѣтлицю, вдруге поздоровкався й поцилувався зъ отцемъ Харитономъ. Широка лысына на його голови залысьнила, якъ повный мисяць. Кругомъ лысыны на потылицю спускалысь густы сыви пасма волосся. Въ густыхъ чорныхъ бурцяхъ тилькы подекуды блыщала сывына срибнымы ныткамы. Темне лице, темне обголяне пидбориддя й горлянка—все лыснило, неначе намазане оливою. Товстый кырпатый нисъ червонивъ, неначе червона бульба, вмочена въ масло. Сухе лице, жылава шыя, сухи руки, обрбсли густымъ волоссямъ,—все показувало, що Млынковський багато перетерпивъ нужды й голоду, й холоду; выявляло й те, що винъ за все жыття выхыливъ не одну бочку горилкы.

Чотыри дочки Млынковского, чорняви й гарни зъ лыця, посадалы рядкомъ на стильцяхъ. Млынковський ще разъ поцилувався зъ отцемъ Харитономъ, неначе дуже близькый прыятель або родычъ.

— А де жъ ваши дочки? Нехай лышень выходять до моихъ паннивъ. Та чы неможна, панотче, по чарци. Въ гброди въ цей часъ вже пьють чай. Чы въ васъ пакъ йе самоваръ, чы ще й доси не спромоглысь на його—закыдавъ словами старый крючокъ.

— Йе й самоваръ, и по чарци заразъ буде,—белькотавъ отецъ Харытинъ, не встыгаючи даты одповидь на вси пытаня столоначальныка.

— А погы по чарци,—звелить, панотче, запрягты вольта одвезты завьдна мои мишкы зъ пашнею до Богуслава,—сказавъ Млынковський.

— Добре, добре! заразъ!—сказавъ старенькый отецъ Харытинъ, и не знавъ, куды бигты: чы до воливъ, чы до своихъ дочокъ.

Тымъ часомъ Надезя й Палазя повбиралысь и повыходылы въ свьитлицю. Вони поцилувалысь зъ паннамы, посидалы рядчкомъ зъ нымы, позгорталы руки й мовчалы, скоса поглядаючи на городянськихъ паннивъ. За нымы незабаромъ вийшла Оныся Степанивна й прывыталась до гостей. За Онысею вийшла наймычка зъ графыномъ горилкы та чаркою.

— Ой, отче Харытоне!—зашыпивъ и захрыпивъ Млынковський, зырнувшы скоса на графынъ,—колыбъ вы зналы, що докторъ оце пославъ мене на села не дурнычкы, а на свьиже повитря—личытысь, и заборонивъ мини пыты горилку...

— Може нальвочки, вышнивочки або тернивочки,—промовыла Оныся Степанивна солодкымъ голосомъ, хочъ въ думци прокльнала старого крочка.

— Неможна, паниматко, ни вышнивкы, ни тернивкы. Докторъ казавъ, що сльвянка помична для грудей, и звеливъ мини личыты груды сльвянкою. У васъ въ садку сльвъ, якъ хмелю; певно йе й сльвянка. Чы неможна бъ пляшку—другу сльвянки?—говорывъ Млынковський, порядкуючы, неначе въ трахтыри.

— И якъ винъ въ гаспыда знае, що въ мене въ льоху стоить барыло сльвянки? Неначе вже туды лазывъ,—думала Оныся:—Добре! добре; йе й сльвянка. Бижы, Надезю, та наточы.

— Та берить здорову яндолу або макитру; колы вже личытысь, то личытысь, а не паскудытысь,—гукнувъ Млын-

ковський.—А самоваръ буде швидко? Скажить, паниматко, щобъ дивка поставыла самоваръ! Мы звиклы въ городахъ въ цей часъ пыты чай.

— Добре, добре! заразь и самоваръ буде. Бижи, Палазю, та скажи наймычци, щобъ наставыла самоваръ,—сказала Оныся.

— Въ васъ на селахъ самоваръ наставляють тилькы для гостей, а въ насъ въ городи чай пють рано й вечирь—говорывъ Млынковський цивилизаторськимъ тономъ:—встанемо вранци, продеремо очи, та заразь за самоваръ. Завтра раненько, паниматко, попоштуйте мене й моихъ дочокъ чайкомъ.

— Добре, наставымо самоваръ и завтра вранци,—сказала Оныся.

Одиславши визъ, навантажений згорою мишкамы, отець Харытинъ вернувся у хату. Погоничъ, попасшы кони, рушывъ зъ двору. Оныся вглядила въ викно, що кони рушылы зъ двору, й трохи не зомлила: вона догадалася, що Млынковський привизъ до неї дочокъ на прохарчування, певно на довгий часъ.

— А що, панотче, часъ по чарци, але тилькы по одни,—сказавъ Млынковський.

— А чомъ не по дви, або й по тры?—сказавъ отець Харытинъ.

— Личусь, панотче: билше чаркы неможна,—груды болять чогось

— Чымъ же вы личытесь?—спытавъ отець Харытинъ.

— Слывянкою жъ, панотче, якъ я вамъ казавъ. Ото добре, що въ васъ йе слывянка. Оце йизджу по батюшкахъ та личусь, знаю, що въ матушокъ стоять барыла зъ слывянкою въ льохахъ,—давай, думаю, пойиду та повыдераю медъ зъ бджиль,—зашышивъ Млынковський.

Панны подалы чай. Млынковський не втерпивъ: нальвъ и выпывъ чарку, заткнувъ графынъ затычкою й попросывъ вынести цю спокусу зъ хаты. Подалы бутель слывянки. Млынковський нальвъ здоровый стаканъ и выхы-

львѣ до дна, потимъ наливъ другій стаканъ и поставивъ передъ собою.

— Чы це въ васъ, панотче, тилькы двѣ хатыни, якъ двѣ клітки?—спытавъ Млынковскый й заглянувъ въ кимнату.

— Йе ще й третя,—недавно перегородивъ здорови старынни сини сътиною й зробивъ кимнату для дочокъ,—сказавъ отецъ Харытинъ.

Млынковскый пишовъ оглядаты кимнату й лижка. Винъ розмиркувавъ, скільки дочокъ накинута батюшци на прохарчування. Выйшло, що можна накинута тилькы двѣ, бо двомъ останнимъ не було де спаты.

— Та й добра жъ у васъ слывянка! Така смачна, що я мабутъ не швидко оце вырвусь зъ вашои хаты,—сказавъ Млынковскый, хылячы наливку та прыцмакуючы.

— Пыйте на здоровьячко та очунюйте,—тыхо обизвався отецъ Харытинъ.

— Колюбъ була знала таке лыхо, була бъ напыдала попыню въ барыло,—подумала Оныся:—выдудлыть оцей пыганъ усе барыло.

— Колю вы обидаете?—спытавъ Млынковскый въ отця Харытона.

— Та вже жъ не проты ночи, а вранци, по-сильскый,—сказала Оныся.

— По-сильскый, якъ надвори съвитае. А въ насъ въ городи тоди ще сплять, а обидаютъ ажъ опивдни, а вранци тилькы чай пыють та сънидають,—натякавъ Млынковскый такъ, що ажъ пальци було знать:—мы звыклы спаты довго, а обидаты въ вашъ полудень.

Панны познайомылись и завелы веселу розмову; бренькалы на гытари, а потимъ пишлы танцюваты, показуючы, якъ вчыла йихъ мадамъ. Млынковскый выдудливъ за вечиръ слыве цилу макитру слывянки.

— Ну, та й добра жъ у васъ слывянка,—говорывъ Млынковскый, цмокаючы губамы.

— Чы хочъ трохы вамъ полегалало! Крыскенте Харлампіевычу?—спытавъ батюшка.

— Ого! ще й яка полегкість! Такъ неначе хто помазавъ медомъ по грудяхъ та по животи. Чы неможна, паниматко наточыты ще макитерку на ничь,—просывъ столоначальныкъ шыпучымъ голосомъ, —въ мене вночи спадае смага на ротъ та на губы,—треба промочуваты.

Письля вечери Оныся мусила йты въ льохъ и наточыты другу макитру. Млынковський личывся такимъ способомъ до пивночи, потимъ день и другый. Оныся якось догадалась и розвела наливку водою. Млынковський покуштувавъ, сплюнувъ и заразъ попросывъ одвезты його до сусиднього батюшки, въ котрого було дви дочки. Отець Харытинъ догадався, що часъ даваты столоначальникови хабара.

— Оце я звеливъ набраты вамъ, Крыскенте Харлампіевичу, мишокъ жытнього борошна та мишокъ пшенишного. Приймайть, будьте ласкави—сказавъ отець Харытинъ.

— За жытне спасыби, а пшенишне визьму: моя жинка не любить жытнього хлиба,—такъ само одь його слабуе, якъ и я. Одначе... може свыни ззидять! Звелить кынuty на визь мишкивъ зо два, або зо тры,—сказавъ Млынковський.

— Добре, покладамо. Та будьте ласкави, вже не прогнивайте за мои кныгы, —сказавъ тыхо отець Харытинъ.

— Тамъ щось, панотче, вы наплуталы въ кнызи „о родившихся“... гмь... Така плутанына... Розбировавъ я, розбировавъ, та насылу ладъ давъ. Здається у васъ цього року вродыла картопля. Звелить кынuty на визь мишкивъ зо два, або зо тры моя жинка страхъ якъ любить печену картоплю зъ масломъ. Здається, у васъ багато коривъ, и масло повынно буты?—сказавъ Млынковський.

— За це вже треба матушки спытаты,—це не до мене стосується,—соромливо сказавъ отець Харытинъ:—сало, знаю, що йе, бо кабанчыка закололы недавно.

Отець Харытинъ выйшовъ на часокъ и пошепотивъ зъ Онысею. Оныся сердыто забубонила.

— Та й „одчоты“ ваши поплутани. Господы, скилькы я голову пополомавъ, покы дошпортався, въ чимъ дило... Чы

вродыло пакъ въ васъ просо або гречка? Моя жинка розвела куры, та качкы, та ындыкы, та й самъ я одъ хоробы личусь курмы та ындыкамы. Вкыньте въ визъ зъ мишокъ проса або гречкы,—жебравъ Млынковскый.

— Просо не вродыло, а гречка вдалась добра,—сказавъ отецъ Харытинъ.

— Отъ и добре! Вже „нема мини ни словечка,—нехай буде гречка“,—якъ съпивають въ письни. Звелить же парубкови запрягты волы та вышлить до Шандры,—я туды заразъ йиду,—сказавъ Млынковскый:—а дви мои дочки нехай трохы посыдять у васъ: и йимъ буде весело, й вашимъ дочкамъ—веселише, отъ и буде гараздъ! Я, бачте, визъ йихъ у гости до отця Мельхыседека, та думаю: нехай трохы повеселяться въ васъ, Онысіе Степанивно!

Онысія Степанивна не знала, що й казаты: тилькы очи вытрищыла на Млынковського.

— Прощайте, бувайте здорови! Завезете моихъ дочокъ, колы ваша ласка, до отця Мельхыседека, та кланяйтесь йому одъ мене нызенько, нызенько,—сказавъ Млынковскый, трычи цилуючысь зъ отцемъ Харытономъ.

Перемлынкувавши пшеницю, гречку, а найбилше слывянку въ отця Харытона, Млынковскый сивъ на визъ зъ двома дочкамы й рушывъ дали въ обйздъ.

— На той рикъ, якъ не помремо, якъ дастъ Богъ джидаты, налыйте слывянки добреньке барыло. Скильки въ васъ слывъ въ садку! Та яки слывы! Яка слывянка! Тилькы, паниматко, не дольвайте водою, а чыстою горилкою, або спиртомъ. Та не берить спирту въ Ицька, а въ Берка: Ицькивъ спиртъ тилькы гусямъ пыты, а не столоначальникамъ,—гукнувъ зъ воза Млынковскый, выйизджаючы зъ двору на чужыхъ коняхъ. За нимъ рушывъ зъ двору воловый визъ, повный мишкивъ.

Дви панны Млынковскы вгниздылысь на ничъ на лижку отця Харытона й выгривалысь въ перынахъ трохы не до пивдня. Онысія Степанивна мусила, сщипывшы зубы, спаты въ пекарни на печи. Панны вважалы на себе, якъ

на правдивыхъ столоначальникывъ, и коверзували въ чужи господи незгирше свого татуня. Оныся Степанивна задумала не наставляты йимъ самовара рано й вечиръ. Панны просто безъ церемоніи допынались и трохи не загадували. Одна наймычка мусила покынуты роботу въ пекарни й слыве цилый день поралась та панькалась коло гостей. Дочки отця Харытона все бавылысь зъ гистьмы й одбылысь одъ роботы. Млынковськи пойилы трохи не половины курей та качокъ; сахаръ и чай выйшовъ увесь, скільки його було въ господи. Оныся Степанивна одвезла въ Богуславъ на ярмарокъ трохи не повный визъ мишкывъ зъ борошномъ, а натомисьць привезла додому одну голову сахару та одынъ фунтъ чаю. Голова сахару пры вельки зййжи неначе одъ сонця роставала.

— Визьмы панотче, та одвезы одихъ цыганокъ до йихъ родыча, бо вони намъ вуха обйидять,—говорила Оныся Степанивна батюшци.

— Не сьмію, Онысіе Степанивно: Млынковський буде пидбываты проты мене протопопа й вчыныть мини багато лыха,—говорывъ отецъ Харытинъ.

— Коля ты не сьміешъ, то я сама йихъ вытурлю зъ хаты.

— Турлить, та тилькы стережиться, щобъ насъ не вытурлылы зъ парафіи,—говорывъ отецъ Харытинъ.

Саме въ той часъ божевильный Прокипъ, Балабушынъ наймытъ, зовсимъ збожеволивъ и почавъ тынятысь по селахъ та все по батюшкахъ. Прыйде до одного батюшки, посыдыть зъ тыждень, та йде дали, або блукае соби безъ тямы по лисахъ та по хатахъ, безъ шапки, напнувшы свыту на голову. Прокипъ прыблудывся въ Вильшаныцю й прыйшовъ до батюшки; увійшовъ въ пекарню й полизъ просто на пичь, якъ у себе вдома.

— А чога це ты, Прокопе, прыйшовъ до насъ?—спытала Оныся Степанивна.

— Чувъ, що въ вась здорова пичь, та й прыйшовъ,—гукавъ Прокипъ зъ печи.

— А що жъ ты, дурно въ насъ хлибъ йистымешъ, чы що? Оце лышенько! Ще Богъ прынисть одного богуславського столоначальника,—говорила Оныся Степанивна.

— Я дурно хліба вигде не йимъ: я стану въ васъ за наймыта,— обизвався Прокипъ.

— Отъ и добре:— подумала Оныся,— може одробить минн за мою Марусю.— Вставай же та беры ципа та йды заробы обидь,— сказала Оныся.

— Ось нагріюся то й пиду,— сказавъ Прокипъ.

Наймычки пиднялы Прокопа на сьмихъ. Позбигалысь панны дывытысь на божевильного, якъ на дыво. Прокипъ нагрився, взявъ зъ стола шматокъ хліба й пишовъ уклучю до молотныкивъ. Молотныкы дали йому въ руки ципа й наскыдали зъ засторонка купу снопивъ. Прокипъ почавъ молотыты, якъ машыча, лупывъ ципомъ снопы, ажъ солома летила,— падкувавъ коло роботы такъ, що ажъ молотныкы здывувалысь. Але згодомъ, мабуть тымъ що втомився, винъ вытрищывъ очи на латы й ставъ, неначе остовпивъ. Молотныкы жартувалы, сьміялысь зъ його, штовхалы пидъ бикъ, а Прокипъ все стоявъ та дывывся вгору. Черезъ годыну винъ зновъ вдарывъ ципомъ по снопахъ и намолотывъ билше одъ молотныкивъ. Оныся помиркувала, що Прокипъ робить добре, платы не визьме, й задумала хочъ тымъ оддячыты Олеси.

Жыве Прокипъ у отця Харытона тыждень, жыве й другый и не одмыкуе одъ роботы; часомъ десь счезне на день, на два, та й зновъ вертається й лизе просто на пичъ. Але чымъ дали, тымъ чуднишый стававъ Прокипъ. Разъ вхопывъ винъ косу й пишовъ косыты въ городи сухой бурьянъ та кропыву. Косе винъ та косе, ажъ пичъ зъ його лється. Панны повыбигалы дывытысь на ту чудасію.

— На що ты, Прокопе, косышь кропыву?— пыталы въ його панны.

— Ото добри въ васъ наймыты! Лито мынуло, а вони всего сина й доси не выкосылы,— гукавъ Прокипъ та махавъ косою:— накошу оце сина,— товаръ пойистъ.

Другый разъ Прокипъ пишовъ на ставокъ, позгонывъ уси людськи гусы й нагнавъ до батюшки повнисинькый двирь гусей, залучывшы по дорози зъ десятокъ свынй.

— Ото добри тутъ наймычки! Й доси гусей не позага-
няли въ хливъ,—крычавъ Прокипъ на наймычокъ.

Саме тоди прыйихалы до отця Харытона гости, та все
панны, почувшы, що въ отця Харытона гостюють дочки
Млынковського. Панны заночувалы й порозвишувалы на ничъ
на килочкахъ та на цвяхахъ по сѣтинахъ били спидныци
та крынолины, що тоди почалы входыты въ моду. Зъ
кимнаты, де высилы спидныци та крынолины, булы
зробляни невелички дверци въ пекарню. Прокипъ нагля-
дивъ ти крынолины, вставъ уночи, познимавъ йихъ зъ
килочкивъ и вкынувъ у жлукто, що стояло у двори пидъ
тыномъ. Въ пекарни на груби сушылось въ ночовкахъ
пытльоване борошно: Оныся Степанивна думала того дня
пекты паляныци для гостей. Прокипъ взявъ ночовкы, вы-
сыпавъ у жлукто борошно замисьць попилу, накыдавъ
зверху каминня та давай носыты воду видромъ та лыты въ
жлукто; йому здалось, що винъ ле окропы. Одзолывшы
крынолины, Прокипъ увійшовъ у пекарню й лигъ спо-
чываты.

Панны всталы вранци й здывувалысь, що на сѣтинахъ
не було йихъ крынолинивъ та спидныць.

— Мамо, чы це вы поздѣймалы зъ килочкивъ наши спид-
ныци,—пытала въ Оныси Надезя.

— Поздѣймавъ и позолывъ ваши крынолины дурный Про-
кипъ,—онъ пидить у двиръ та загляньте въ жлукто,—ска-
зала Оныся Степанивна.

Панны повыбигалы у двиръ. Зъ жлукта стремилы
дроты крынолинивъ, якъ паличчя, а одъ жлукта до поло-
выны двора простяглася била ричка. Панны пидняли гвалть
и кынулысь рятуваты свои спидныци та крынолины; поскы-
далы каминня й повытягалы йихъ зъ жлукта. Крынолины
булы поламани, погнути й помазани билою квашею.

— Та це жъ винъ прысыпавъ йихъ зверху борошномъ,—
сказала Оныся Степанивна.—Ой, лышечко мое! Чы не вы-
сыпавъ винъ часомъ пытльованого борошна зъ ночовъ?

Пытльованого борошна въ ночовкахъ не зосталось и сълиду, а порожни ночовкы стоялы на груби.

— А бодай тебе золыла лыха годына та нещаслива!— крикнула Оныся, вдарывшысь объ полы руками:—отъ тоби напекла гостямъ паляныць. Це не Прокипъ, а мое лыхо. Мабуть проклята протопопша сьміється зъ мене, та навмысне наслала на мене оцього нависного та божевильного. Йды соби додому до своей протопопши та позолы йи крынолины! Геть зъ мого двора, щобъ и твій духъ тутъ не смердивъ!—крикнула Оныся до Прокопа.

— Та я жъ хотивъ позолаты й попраты паннамъ спидныци! Наймычкы линуються праты, а я соби думаю: дай позолю й поперу въ ставку, покы панны повстають. Йи Богу, цилисиньку ничъ порався й не высався,—одговорювався Прокипъ.

— Йды соби къ нечыстому та ще й заразъ,—крикнула Оныся до Прокопа.

— Куды жъ я пиду, колы въ мене нема своей домы, нема батька, нема матери,—говорывъ Прокипъ.

— Иды до своей протопопши, та й не зрыходъ билше до насъ.

— Колы й протопопша мене такъ само проганя, якъ и вы: каже, що я дурный, ничого не роблю, тилькы дурно хлибъ йимъ. А покы бувъ розумный, то й не проганяла,—одговорювався Прокипъ.

— На тоби свыту, та заразъ геть зъ моеи хаты!—кричала Оныся.

— Якбы въ мене була своя хата, то я бъ и пишовъ. Куды жъ я пиду? Батька нема, матери нема. Була колысь въ мене маты, та на степы втикла, а мене покынула...

Прокицъ сивъ на лаву й несподивано заплакавъ, якъ плачуть маленьки диты: попереду запхыкавъ, а потимъ зарыдавъ голосно й втеравъ слёзы кулакомъ. Наймычкы й панны почалы сьміятись, а слёзы почалы душыты Прокопа. Винъ пиднявъ голову вгору, якъ пиднимають диты, й почавъ неначе стогнаты, втырывшы очи въ стелю. Въ його

слёзы забывалы духъ, а дали пересталы текты; очи стали сухи, а Прокипъ все стогнавъ, неначе йому прыйшовъ кичець. Съмихъ въ пекарни затыхъ. Наймычкы поскрывлялись. Панны одна за другою повыходылы зъ пекарни. Выйшла й Оныся, махнувшы рукою. А Прокипъ ще довго рыдавъ подытячый та крычавъ:—маты втикла, мене покынула. Маты мене жалувала, гостынци мини давала; а теперь мене ни хто не жалует, гостынчивъ не дае. Ой, Боже мій! ой, ой, ой! Я йимъ роблю, а воны мене лають, ще й зъ хаты проганяють. Де жъ я динусь? Якъ прыйде маты зъ степивъ, я матери все розкажу.

Довго плакавъ Прокипъ, а дали вправъ додолу, неначе мертвий. Потимъ схопивсь, взявъ свыту, напнувъ на голову та й пишовъ въ Богуславъ.

Дочки Млынковского ще довго жылы въ отца Харытона й булы ладни жыты хочъ и до смерти. Отець Харытинъ боявся столоначальныка й мовчавъ, але Оныся Степанивна була не зъ такивськыхъ, що мовчатъ. Вона просто безъ церемоніи сказала паннамъ, що йимъ часъ йихаты дали, до своего родыча. Панны мовчалы, не хотилы збиратысь въ дорогу, все отягувалысь.

— Чы довго ще буду годуваты оцихъ злыднивъ? Запрягай, парубче, кони та пидйизджай пидъ ганокъ,—гукнула Оныся на парубка.

Парубокъ запрягъ кони й пидйихавъ пидъ ганокъ.

-- Вбिरайтесь, панны, бо вже кони запряжени; посьпшайте, щобъ завидна дойхаты,—сказала Оныся паннамъ.

Панны крутылысь, вертылысь,—одначе мусилы зібраты свое манаття, силы й рушылы зъ двору до отца Мельхыседека.

--- Ой, Онысіе Степанивно! Колы бъ часомъ зъ того чого не вышло,—несмыливо обизвався отецъ Харытинъ:—мы соби расплодымо ворогивъ.

— Йе вже йихъ и такъ доволи. Однимъ билше, однимъ менче,—все одно: за вси головы! Разъ родыла маты, разъ и пропадаты,—сказала Оныся Степанивна.

IX.

Біда впала на голову отця Харытона несподивано. Отець Харытинъ вже постарився, посывивъ и почавъ слабувати. Винъ ставъ бליдый та худый одъ клопоту, одъ важкихъ довгихъ постивъ, що йихъ стари батюшки держали слыве аскетычно. Перши його дочки повмиралы, а менчи порослы й вже трохи засыдились въ паннахъ. Отець Харытинъ все кахыкавъ, кородывсь на жывить и жалився на колькы въ бокахъ и въ грудяхъ, — та й личывся орданською водою й херувымськымъ ладаномъ: це булы одни въ його лыкы.

Разъ литомъ пройшла чутка, що по парафіяхъ буде йиздыты архыерей, викарій мытрополита. Протопопъ прыславъ отцю Харытонови архыерейський маршрут. Въ маршрути стояла й Вильшаныця.

— Ой Боже мій! Ой Господы! Отъ теперынькы протопопъ пидставыть мини стильчыка! — говорывъ отець Харытинъ, бидкаючысь: — кажуть, архыерей опрышкуватый и не любить старыхъ батюшокъ.

— Чого ты бидкаєся! Чы то жъ мы зроду не бачылы архыерейв? — говорыла Оныся Степанивна. — Якъ прыйде, то й пойде.

— А якъ винъ мене пережене на малу парафію, а въ Вильшаныцю посадыть молодого вченого, — сказавъ отець Харытинъ.

— Нехай переднише мене зсадыть зъ парафіи, та тоди садовыть кого ынчого. А мене зсадыть не легенько, — сказала Оныся.

— Архыерей йиде! Архыерей вже въ Богуслави! Въ Богуслави буде сънидаты, а въ Вильшаныци обидаты! Готуйтесь, панотче Харытоне! Готуйте великый обидъ та вына, Онысіе Степанивно, для пивчыхъ, панотцивъ та погоничивъ! — таки звисткы передавалы благочынни панотци, станови, скачучы на коняхъ въ Богуславъ, завозылы дякы й діяконы, выкликани протопопомъ въ Богуславъ.

— Ой Боже мій! Ой що жъ намъ робыты! Зъ кымъ порадытысь? Де тыхъ дорогыхъ вынъ достаты?—бидкався отецъ Харытинъ, ходячы по хати та кахыкаючы.

— Йды лышь до церкви та попрыбирай, а я захожусь обидь варыты. Та пошлы до тытаря, щобъ доставъ рыбы та пойхавъ въ Богуславъ за выномъ: не пытыме жъ архыерей нашой варенухы,—говорила Оныся Степанивна.

Прыбигла тытарка; попрыбигалы молодыци зъ усього кутка. Въ пекарни закъшила робота. На городи росклалы багаття й прыставылы здорови горшки. Молодыци поназносылы сылу яецъ, сыра, сметаны, курей та поросятъ. На подвирьи пиднявся шумъ та гвалтъ. Обидь готувалы на пивъ сотни ротивъ: пивчыхъ, діяконивъ, полицейськихъ, благочынныхъ, панотцивъ, ще й погонычивъ. Панъ и соби звеливъ зготувать обидь на кожний випадокъ.

На дзвыныци поставылы чоловикивъ выглядать й велилы дзвонты въ уси дзвоны, якъ тилькы на богуславському шляху зьявытыся архыерейський пойиздъ. Два верховци булы за-для того жъ поставляни на шляху за селомъ.

Опидни на шляху пиднялась здорова курява, й зьявылись тры здорови возы. Чоловики вдарылы въ дзвоны. Здоровый дзвинъ бувъ розбытый й гупавъ, неначе хто лупывъ молоткомъ въ розбытый чавунъ. Отець Харытинъ надивъ рызы й выйшовъ зъ прычтомъ за браму въ цвынтари. Дзвоны брэнчалы. Народъ збигався до церкви й залывъ цвынтаръ, бо ще николы не бачывъ архыерея въ Вильшаныци, одколы стояла Вильшаныця. Вси ждали. Отець Харытинъ изнемигся одъ ждання й зблидъ. Зъ дзвыныци крыкнулы, що тры злорови повозкы, яки спускаютыся зъ горба на греблю,—то булы тры жыдивськи прездорови балагулы зъ жыдамы.

Дзвоны замовкы. Народъ засьміявся. Отець Харытинъ, блidyй, якъ смерть, вернувся въ церкву.

Черезъ дви годыни зновъ зъ дзвыныци наглядилы здоровый пойиздъ. Зновъ задзвонылы въ дзвоны. Народа зобра-

лось ще билше. Отець Харытинъ зновъ вийшовъ зъ хрестомъ за браму. З-за горы вийизджалы возы за возамы. Попередъ усихъ катавъ на коняхъ благочынний, за благочыннымъ протопопъ, за протопопомъ справникъ, за справникомъ становий, а тамъ дали тры возы зъ пивчымы, одынъ зъ діяконамы, одынъ зъ протодіякономъ та зъ конторщыкомъ. На кянци всего пойизда зъявилася блискуча карета, запряжена дванадцятьма мужычымы шкапамы. За каретою тягся довгий пойиздъ зъ панотцямы, що провожувалы владыку дали по трахту. Пойиздъ заставывъ увесь шляхъ коло церкви, зайнявъ выгонъ коло цвинтаря. Карета стала коло брамы. Протопопъ зъ благочыннымъ пидбиглы до кареты, одчынылы цверци й вхопылы по-пидъ руки архыерея. Архыерей, ще не старый, здоровый, огрядный, шырокий въ плечяхъ та румяный на выду, вийшовъ зъ кареты. На йому лысила проты сонця шовкова фіолетова ряса, а на грудяхъ блищала панагія та звизда. Протопопъ щось сказавъ тыхо архыерееви, скоса поглядаючи на отця Харытона. Отець Харытинъ, якъ глянувъ на владыку, та й перелякався, затрусывся й стоявъ на одному мисьци, наче скамянивъ.

— Що жъ ты не пидійдешъ до мене зъ хрестомъ? ты пьяный, чы тверезый?—сказавъ голосно архыерей, такъ що блыжчи парафіяны чулы.

Отець Харытинъ перелякався на смерть. Въ його ноги затрусылись, и вняъ все стоявъ въ брами.

— Та пидійды жъ зъ хрестомъ! Чы ты недужый, чы пьяный? Благочынний, визьмы въ його хрестъ та пиднесы мни,—сказавъ архыерей.

— Ни! Я чогось нездужаю,—обизвався о. Харытинъ.

Благочынний взявъ одъ отця Харытона хреста й пидniesь архыерееви. Архыерей поцилувавъ хрестъ и пишовъ у церкву. Дякы засьпывалы „Достойно есть“,—до йихъ прывставъ архыерейський хоръ. Дзвоны дзеленькалы, а великий дзвинъ хрыпывъ, неначе стара розбыта сковорода.

— Чомъ ты не купишь новаго дзвона? Чуешъ, якъ стукне твій дзвинь, неначе розбитый казань,—сказавъ архыерей до отця Харытона.

— Я... в... ваше преосвященство!.. Хлопци на Велыкдень на радощахъ такъ дзеленькалы, що дзвинь трохы луснувъ, сказавъ отець Харытинь.

— Що винь каже?—спытавъ архыерей въ благочынного. Благочынный переложывъ слова отця Харытина по-руський.

— Ты не дбаешъ за димъ Божый. Въ тебе дзвоны порозбывани, церква стара, антиминосъ старый, все старе—казавъ сердыто въ олтари архыерей на всю церкву.—Въ тебе все старе й нечысте. А то що?—Архыерей показавъ пальцемъ на жертвныкъ, де золотый промине сонця выдавъ килькы порошынъ.

Въ отця Харытона въ души похололо.

— Чы чуешъ, бра, якъ архыерей попа лае!—гомонила вышкомъ люде въ церкви.

— Въ тебе книги несправни. Ты не вмешъ пысаты книжокъ. Де ты вчывся?—спытавъ архыерей.

— Я вчывся дома въ батька,—ледви насъмылився промовыты отець Харытинь:—а на съвященыка мене экзаменувавъ духовныкъ въ Лаври.

— Знаю я ваши экзамены. Понереваютъ васъ старыхъ на мали парафіи,—суворо сказавъ архыерей.

— Мене вильшаныцька громада обибрала на парафію,—тыхо обизвався отець Харытинь, прыгадуючы слова Оныси.

— Що винь каже?—спытавъ архыерей въ благочынного, не розуміючы по-украинський.

Благочынный переложывъ слова отця Харытона по-руський. Архыерей спашнувъ, ажъ почервонивъ.

— Яка тамъ громада! Яке мае право громада настановляты васъ! Я вамъ покажу громаду! мы васъ перечыстымо! Благочынный! зними зъ його рызы й рясу,—сказавъ сердыто архыерей:—я вамъ покажу громаду.

Благочинный підскочивъ до отца Харытона, знявъ зъ його рызы, підрызникъ, а потимъ рясу. Панотцеви здалося, що архыерей вже заборонивъ йому служыты службу Богу. Отець Харытинъ стоявъ, неначе громомъ прыбытый; винъ не чувъ, якъ його розоблачылы, знималы зъ його рызы; винъ зовсимъ охоловъ и здеревенивъ.

Шивчи гремилы. Церква була повнисинька людей. Архыерей вийшовъ зъ царськихъ вратъ, поблагословивъ народъ и сказавъ килькы сливъ до людей, що вони недбайлывы, що въ йихъ дзвоны побыты, церква стара й несправна.

— Що то винъ каже?—пыталы одынь у другого люде.

— Хто його зна: чы навчае, чы докоряе за щось,—говориылы люде.

Благочинный торкнувъ о. Харытона, щобъ винъ запросивъ архыерея на обидь.

Отець Хорытинъ насмилився прыступыты до владыкы й попросивъ до себе на обидь. Але въ той часъ въ церкву ввійшовъ польскый панъ дидычъ, зъ котрымъ архыерей колысь обидавъ въ одному сели въ помишыка. Архыерей зырнувъ на його и впизнавъ. Панъ прыступивъ до царскихъ вратъ, поцилувавъ хреста й запросивъ архыерея до себе на обидь. Архыерей покынувъ навчаты громаду й пишовъ зъ паномъ зъ церкви. Тилькы що вони вийшылы за поригъ, архыерей трычи поцилувався зъ паномъ, взявся зъ нимъ по-пидъ руки й пишовъ до кареты.

— Чы ты ба! Зъ паномъ ажъ трычи поцилувався!—загомонили люде по всьому цвынтари. Молодыци осьмихнулысь, а чоловикамъ стало няково: вони очи поспускалы. Въ сели люде не любылы пана дидыча.

Сидаючи зъ паномъ въ карету, архыерей голосно, зовсимъ не по-церковному розмовлявъ зъ паномъ и навить зареготався. Громада почувла, й соби засьміялась. Карета покотыла въ паньскый двирь, и ни одна душа не пишла проводжуваты архыерея до паньского двору.

Зате народъ рушивъ за повозкамы, котри пойихалы въ батющынъ двирь. Повозкы заставылы слыве усе под-

вирья и навить тикъ. Пивчи, діяконы, панотци, полицейськи, протопопъ, а за ными всима погоньчи залылы покои, сини й пекарню отця Хартытона. Позастелялы столы въ усихъ покояхъ, навить въ синяхъ. Вся ватага кынулася до позастеляныхъ столивъ. Погоньчивъ посадылы обидаты надвори пидъ викнамы. Куры, гусы, поросята, ындыкы,—все щезло въ одну мить. Пивчи крычали: „горилкы!“ Протодіяконы крычали: „наливкы!“ Погоньчи не хотили йисты жытнього хлиба й репетувалы: „давай паляныць!“ Паляныць не стало, й погоньчи стукалы ложкамы въ викна, ажъ шыбкы побылы. Молодыци бигалы, розносылы страву й все такы не нагодувалы тией сараны. На двирь отця Хартытона неначе набигла татарська орда, обйила, обпыла, ще й вылаяла Онысю Степанивну, що всего було мало. На выйизди отцю Хартытонови довелось даваты хабари протодіяконови, пивчымъ, конторщыкови й регентови. Передъ вечеромъ архыерейська карета рушыла зъ паньського двору, а за нею рушывъ увесь пойиздь. Отець Хартытинъ, выпровадившы орду, якъ упавъ на лижко, та вже билше й не встававъ. Винъ пролежавъ мисяць та й Богу душу отдавъ. Зосталась Оныся Степанивна удовою зъ двома дочкамы та зъ сыномъ. Ще передъ архыерейськымъ прыйиздомъ Оныся Степанивна поховала батька й матирь. А теперь довелось ховаты й свого панотця. Въ доми пиднявся велькый плачь; голосыла Оныся Степанивна, плакалы дочки. Зъ села посходылысь молодыци й бабы, натовпымысь въ покои й голосылы на весь двирь. Отця Хартытона поклалы въ сьвитлыци безъ рызъ и навить безъ рясы: це ще билше завдавало жало й своимъ, и чужымъ, и парафіянамъ.

— Де жъ я теперь динусь? Куды я голову прыхылю зъ сыротама? Мене выженуть зъ хаты, выкынуть зъ осели. Теперь же я нещаслива й безпрыхыльна навикы!—голосыла Оныся Степанивна:—кругомъ мене ворогы: нема въ кого порады шукаты.

Зибралась у двирь вся вильшаныцька громада. Въ городи запалало багаття: громада ставыла обидъ. Позйизджа-

лысь сьвященикы й поховалы зь громадою останього выбраного громадою батюшку. Сьвященикы радылы Оныся не гаяты часу,—йихаты до Кывива та просыты мытрополита, щобъ винъ зоставывъ парафію за сиротамы. Четвертого дня пилься похорона Оныся Степанивна пойихала зь прошеннямъ до владыкы.

Прийихала вона въ Кывивъ, взяла прошення, взяла въ руки здорову паляныцю й пишла въ Софійське до владыкы. Але, йдучы до Софії, глянула на Михайливський манастирь, де живъ архыерей, и въ неи въ души закъшило: въ неи прокънулася прыроджена завзятисть.

— Зигнавъ зь сьвита мого панотця! вкортывъ йому вику! Пиду та хочъ вылаю. Я не подывлюся, що винъ архыерей: йе въ Кывиви й старшый надъ нимъ.

Оныся Степанивна постояла середь Софійського майдана, подумала одну хвылыну й, замисьць Софійського, пишла до Михайливського. Вона въ дорози не выспалась, дуже здорожылась, була роздратована, увійшла въ прыхожу, покляла паляныцю на викни, сила й ждала своєї чергы, покъ йи покльчуть въ залъ, де сьидивъ архыерей.

Прийшла черга до неи. Келейныкъ махнувъ до неи рукою.

Оныся вся въ чорному, въ чорни довги сукни, выизу обшыты билою стьожкою, въ чорни хустци на голови, выскока, ривна й суха, ввійшла въ залъ и поцилувала архыерея въ руку.

— Що скажешъ? Чого просышь?—спытавъ архыерей.— Звидкиля ты?

— Я, владыко, удова, матушка зь Вильшаныци. Не просыты прийшла я,—я прийшла позыватысь,—сказала Оныся Степанивна.

Архыерей не розибравъ гараздъ тыхъ сливъ и зновъ спытавъ:—чого ты просышь? Де твое прошення?

— Я не зь прошеннямъ прийшла, — я прийшла спытаты, на що вы запагубылы панотця? Винъ черезъ васъ вмерь,—сказала Оныся сердытымъ голосомъ.

Архыерей ци слова зрозумивъ. Сердытый тонъ такъ його вразывъ, що винъ вставъ зъ кресла.

— Що ты? Що зъ тобою?—пытавъ архыерей:—чы ты сумашедша, чы божевильна?

— Хвалыты Бога. я ще не сумашедша. Вы, сьвятый владыко, ославылы мого небижчыка, здйняли зъ його рызы й рясу. Винъ черезъ васъ перепечалывсь, заслабъ одъ страху й вмеръ.

Оныся все пиднимала голосъ, а зъ останнимъ словомъ не выдержала й зарыдала голосно на увесь залъ, такъ що луна пишла по-пидъ высокою стелею. Архыерей стоявъ и тилькы дывывся на Онысю Степанивну.

Оныся переплакала, перевела духъ, и йи очи зновъ суворо блыснулы.

— Якбы не вы, мй панотець бувъ бы й доси живый. Я на васъ буду плакаты зъ сиротамы весь свй викъ. Вы послухалы Балабухы; а протопопъ давно злый на насъ черезъ свою погану жинку. Воны насъ знеславылы, обговорылы. Хиба я вынна, що протопопша одбывала одъ мене наймычку Марусю?

— Про яку Марусю ты ото верзешъ? Що ты верзешъ? Ты пьяна,—сказавъ архыерей, прыгадавши теперъ Вильшаницю й старого отця Харытона.

— Ни, я не пьяна,—я твереза; я чесна хазяйка, а не пьяныця; я не тикала зъ гусарамы, якъ наша протопопша; мене не кралы гусары. То протопопша сыдила въ гусарына на однимъ колени, а на другому жывивка Хайка. Все лыхо скоилось черезъ протопопшу. А вы пойняли йимъ виры та й здйняли рясу зъ мого безцасного покйныка.

— Выйды геть!—крыкнувъ архыерей.

— Ба не выйду. Я прыйихала позыватысь, а не прохаты. Де я, безпритульна, теперъ динусь? Куды я голову прыхылю? Де я дину сыритъ?

Оныся розлютувалася и вже крычала на увесь залъ.

— Я буду жалитысь мытрополитови. На васъ буде судъ Божый на тимъ свити! Теперычки мини хиба тилькы вто-

пытись зъ сиротамы! Ой я безталанна! Проклятый той часъ, колы я на свить народылась...

Оныся Степанивна зновъ зарыдала на увесь залъ. Архыерей бачывъ, що оддъ неи трудно оддчепытись, пишовъ у другу кимнату й двери прычынывъ. Оныся ще довго голосыла й промовляла, а дали махнула рукою, выйшла зъ покоивъ и пишла до мытрополита.

Онысю Степанивну впустилы до мытрополита. Мытрополить бувъ дуже старый, дуже добрый, тихый на вдачу чоловикъ и велькый аскетъ. Винъ сыдивъ въ кресли коло стола въ чорни скуфѣи. Оныся увійшла зъ паляныцею въ рукахъ, взяла благословення, подала, по стародавньому звичаю, паляныцю й прошення. Въ неи зъ очей и доси теклы слёзы.

— Спасыби за свьятий хлибъ, даръ Божый! Чого ты плачешъ?—спытавъ ласкавымъ голосомъ мытрополить.—Чы тебе хто зобижае, чы що?

— Де вже пакъ мини не плакаты, свьятий владыко! Архыерей звивъ зъ свьита мого панотця,—сказала Оныся, впавшы владыци въ ноги.

— Якъ то?—промовывъ здывованый мытрополить. Винъ ажъ уставъ зъ кресла й перехрестывся:—Встань, говоры! Ты удова?

— Звивъ зъ свьита!..—говорила Оныся, втераючи слёзы хустынкою.

— Де? якъ? Чы вже жъ цьому правда? Сылы небесни! Що ты говорышь?

— Свьятий владыко! архыерей знявъ зъ мого панотця рызы й рясу пры вси громади, а винъ зъ переляку якъ охъ, та й охъ! та черезъ мисяць и вмеръ,—сказала Оныся.

— Ой Боже мій! Ой якый велькый грихъ вчынывся! Сылы небесни! Може твій панотець вчынывъ щось недобре? Може проступывся?

— А що жъ винъ вчынывъ? Сказаты правду, не винъ выненъ, а я: я полаялась зъ протопопшею за наймычку, а протопопша намовыла протопопа, и винъ наговорывъ архые-

рееви на мого панотця. Та вже жь якъ тамъ не було, нехай вже йихъ Богъ судить, а я зисталась сыротою зъ дитьмы.

— Не плачь, я зоставлю за сыротами парафію, а тобі нехай зять оддилить третину жалування й прыносяць до церкви, и огорода.

— Чы неможна, сьвятый владыко, оддилиты половину? Въ мене дви дочки, ще й сынокъ въ школи вчыться.

— Неможна. Буде зъ тебе й третины. Шукай дочки жєныха та йды здорова, та молись Богу. И я за тебе помолюсь и за твоихъ сырить. Боже, благословы тебе!

Оныся перестала плакаты, втерла слєозы, поцилувала въ руку владыку, подякувала й пойхала додому.

Пишла чутка по селахъ, що мытрополить зоставивъ парафію за сыротами. Ввосены почалы йиздыты до сырить семинарысты, а передъ Покровою за Надезю посватався молодой семинарысть, Петро Завиновський. Винъ бувъ не дуже гарный зъ лыця; биявый, товстый, трохы кырпаты; але Надези, якъ сыроти, не було чого гарбузуваты. Вона дала слово, заручылась, и писья Покровы Оныся Степанивна справыла весилля. Весилля було сырицьке: безъ музыкъ, безъ танцивъ. Гости повечерялы та й розйихались.

Оныся Степанивна обдилыла дочку й зятя всимъ, що було потрибно на господарстви: дала тры пари воливъ, дви корови й тельцю, пару коней, дала трохы грошей, и сама перейшла зъ менчою дочкою Палазею въ нову, переробляну зъ синей, кимнату.

Оныся Степанивна, якъ стара господиня въ доми, й не думала выпускаты зъ своихъ рукъ господарськихъ вижокъ. Вона забрала въ свои руки вси ключи—одъ коморы, одъ льоху, навить одъ возовни. Зятеви вона дала тилькы ключи одъ стани, а молода господиня Надезя зосталась зовсимъ безъ господарського портфеля. Ця ричъ дуже не сподобалась Надези. Надезя вдалась на вдачу въ свою маму: любила верховодыты. Зять бувъ такъ само самостійный и запопадный; почалось змагання въ симби, потимъ колотнеча.

Оныся Степанівна задумала годуваты зятя, по старому звичаю, борщемъ та кашею. Зятеви схотилося кращон харчи. Винъ звеливъ ставыты вранци й увечери самоваръ, й издывъ въ Богуславъ та купувавъ мясо та пытльоване борошно на паляныци. Оныся почала докоряты зятеви. Почалась въ господи звичайна тяганына за господарське право двохъ хазяйокъ въ хати.

Разъ Надезя взяла ключи одъ коморы й не оддала матери. Оныся Степанівна лапнула рукою коло пояса, де въ неи завджы высивъ здоровый пучокъ ключивъ, и не знайшла ключивъ. Вона побигла въ Надезыну кимнату.

— Надезю! Чы це ты не оддала мини ключивъ, чы я йихъ де згубыла?—спытала Оныся Степанівна.

— Ни, не оддала,—сказала Надезя.

— То дай йихъ сюды,—сказала Оныся Степанівна.

— На що вамъ, мамо, ключи:—я буду вылаваты харчъ до пекарни на пожывокъ для всехъ!

— А то на вищо?—крыкнула Оныся Степанівна.

— Та тымъ, що вы годуєте насъ борщемъ та кашею,—обизвався зять почервонившы.

— Ото вельки паны понайиздылы въ Вильшаныцю! Якъ забагатієте, тоди будете йисты пундыкы. Переднише прыдбайте добра, та тоди й коверзуйте. Въ мене зайвыны та збыткивъ не було й не буде,—сказала Оныся Степанівна.

Зять спяхнувъ. Його лице почервонило. Винъ пиднявъ голову вгору.

— Колы сказаты по правди, то господиня въ доми—моя Надезя, а не вы, — сказавъ гордовыто зять.

— Хто? Надезя, а не я? Я трыдцять рокивъ тутъ господинею! Мои коморы, мое й добро въ коморахъ! Наорить, насійте, та тоди й будете господарямы. Дай сюды ключи!--крыкнула Оныся до Надези й кынулась до йи кышени, де брызчалы сховани ключи.

— Надезю, не давай!—крыкнувъ зять. — Въ комори яйця, сыръ, масло, всяке добро, а вы насъ годуєте кашею зъ саломъ,—сказавъ зять.

— Не ваше масло, не вашъ сыр! Я сыръ продамъ та соби грошей зароблю. Въ мене дочка панна, въ мене сынъ,— сказала Оныся.

— Дочка пры насъ жытеме й харчуватыметься, й вы будете пры насъ. Хиба мы васъ выженемо зъ хаты, чы що?— обизвалась Надезя.

— А ты думала ще мене зъ хаты выгнаты? О, не джждешъ цього! Я тутъ господня, а не ты. Якъ захожджусь, та наважусь, то й хата пиде уперекыдъ, а вы вылетите зъ Вильшаныци.

— Ба я тутъ господня!—сказала Надезя.—Тутъ на парафїи мій чоловік, а я його жинка.

— Овва! Яка господня! Це димъ мій, — його ставивъ твій дидъ Моссаковський. А колы хочете коверзувати, то нехай вамъ громада ставить другу, опричню хату,—сказала Оныся.

— Хочъ димъ — вашъ, та винъ стоить на церковнимъ ґрунти, тымъ винъ и нашъ,—сказавъ зять.

— Земля церковна. Оритъ свою частку города, а димъ мій. Я тутъ була й буду господнею, а вамъ не хочу въ руки дывытысь. Дай, Надезю, ключи!—крыкнула Оныся.

Надезя не думала отдавати ключи. Оныся безъ церемонїи засунула свою руку въ кышеню й выхопыла ключи такъ швыдео, що Надезя и не счулась и не опамяталась. Оныся гуркнула дверыма й пишла въ свою кимнату, приказуючы: — отъ и правда, якъ сьпивають: „ой пиду я до дочки, наберуся бидочки; ой пиду я до сына—лыха моя година!“

Змагання то за се, то за те выныкалы слывынь щодня. Стара бигала лаятысь до молодыхъ, а зять взявъ молотка й цвяшкивъ и забывъ двери въ тещыну кимнату, щобъ теща до йихъ не ходыла слывынь щодня змагатысь та лаятысь.

— Забывайте, забывайте двери одъ матери. А я й черезъ двери достану до васъ. Я васъ выжену зъ Вильшаныци, якъ

не будете покирылви мини,—крычала Оныся Степанивна черезъ двери: — це буде найкраща дилиныця!

Одъ того часу зять зъ Надезею пылы чай въ свои кимнати й купувалы до столу мясо за свои гроши. Оныся продавала сыръ та масло зъ своихъ коривъ и ховала гроши въ свою скрыню. Одъ того часу въ пекарни була одна наймычка матерына, а друга зятева. Сталы навить обидаты наризно: маты зъ Палазею рано, по-старосьвицькый, а зять зъ Надезею пизно, опивдни. Оныся держала ключи въ скрыни пидъ замкомъ и сама ходыла въ комору та въ льохъ.

Настала весна. Завиновський почавъ пиддобрюватись до тещи та все заговарювавъ, щобъ вона оддала йому свою третыну города.

— На що вамъ, мамо, той клопитъ! Я выорю й зралю, и заскороджу, й посию й васъ прохарчую. На що вамъ розводыты ти волы та плугы: вы вже стари,—такои съпивавъ зять.

— Такъ, зятю, такъ. А якъ вы мене не схочете годуваты хлибомъ, чымъ я тоди жывытымусь? Лучче такы й безпешнише, колы я матыму свій хлибъ та не буду никому дывытысь на старисть въ руки. Якбы пакъ вы обоє булы статковыты люде, а то!.. Еть! — говорыла Оныся.

— А я такы выорю й засію увесь городъ, — говорывъ зять.

— А я не дамъ. Города зроду — звикну не дамъ никому,—й не просить, и не канюchte въ мене.

Настала весна. Завиновський найнявъ чоловика й выславъ плуга ораты городъ. Городъ бувъ на левади дуже здоровый. Чоловикъ выоравъ зятеву половиныну. Зять звеливъ ораты й тещыну частку.

Оныся выбигла на городъ и пидняла гвалтъ.

— Не оры моеи часткы, бо я тоби плуга порубаю,—крычала вона на чоловика.

— Колы батюшка звелилы ораты увесь городъ! — говорывъ чоловикъ и погнавъ волы на Онысину частку.

— Не оры,—кажу тоби,—бо пидешъ пидъ судъ. Це моя частка. Геть зъ мого города! — гукнула Оныся й пры тыхъ

словахъ вхопыла обиручъ здорову палецю й давай лупыты волю по мордахъ. Волю закрутылы головами.

— Не быйте бо худобы! Що вона вамъ вынна?—гукнувъ мужыкъ, розсердившысь за безвынну худобу.—Гей, сирі!... Оступиться, матушко! Не вивычте мини худобы надаремно!

— Оступысь самъ, а я не оступлюсь!—репетувала Оныся й роспяла руки передъ самымы волами.

Завиновський зъ Надезею выбиглы на городъ и крычалы, щобъ мужыкъ оравъ увесь городъ. Оныся стояла передъ волами, розчепирывши руки.

— Поганяй волю! Чого ты стоишь та дывысья?—гукнувъ зять на чоловіка.

Чоловикъ погнавъ волю. Оныся лягла на землю впоперекъ передъ самымы волами.

— Переднише переорешъ мене пополовини! Пидь судъ пидешъ и ты, й твій дурный пиць!—крычала Оныся, лежачы на земли.

— Одколы жыву на съвити, ще не оравъ попадь,—гукнувъ мужыкъ, кынувъ батога та й пишовъ додому.

Оныся встала, звернула волю на зятеву половину й погнала йихъ по рилли. Волю потяглы плуга по городи, збыти зъ гантелыку.

— Це кара Господня, а не теща!—гукнувъ Завиновський.

— Геть зъ моеи господы, щобъ и духъ твій тутъ не смердивъ,—гуквала Оныся до зятя.—Запрягай кони та выйзджай зъ Вильшаныци, бо я тоби не дамъ тутъ жыты. Я тоби покажу, якъ одниматы у сырить шматокъ хлиба! Або я васъ одсело звидсилъ геть, оттуды надъ ставъ!—репетувала Оныся на увесь городъ.

Полаявшысь зъ зятемъ, Оныся пишла на цвынтаръ на могылу отця Харытона поплакаты. Вона плакала й прыказувала: „все кругомъ мене ворогы! Тилькы ты одынъ бувъ для мене добрый цилый викъ; тилькы ты мене жалувавъ и не кривдывъ!“

— Твоя мама—чыста сатана. Вона не дастъ мини спокою цилый викъ! Ой, шкульно жъ мини!—говорывъ зять до Надези.

Оныся Степанівна такы встояла на своєму: поклякала молодыць и сама зь молодыцями скопала всю свою частку города, засіяла й засадила. Писья вызволиння селянъ одъ панщыны, молодыци зновъ прыгорнулысь до старой матушкы удовы, почалы заходьты до неї въ гости й помагаты йїи въ роботы. Оныся Степанівна жалилась йїимъ на свого зятя. Вони настренчылы й своїхъ чоловіківъ проты молодого батюшкы.

Забравшы третину города, Оныся Степанівна оддлыла соби й третю частку садка, частку найкращу, де росло старе дерево. Настало лито. Оныся Степанівна, выпрохала соби місце проскурныци, такы въ Вильшаныци, й вже мала свою проскурныцьку частку поля. Знайшовшы соби на сели супряжыча, въ супрязи зь нымъ выорювала й засивала свою частку поля.

Настало лито. Оныся Степанівна полола грядкы й усемтыла та стерегла свою частку садка. Але Завиновський зь Надзею потаенци безъ церемонїи рвали вышни та черешни на матерыни частци. Палазя пидглядила й сказала за це матери. Оныся Степанівна одъ того часу сыдила въ садку, плела панчохохы й стерегла свого садка. Але на ваканци прыйихалы до зятя два мали браты школяри. Одъ школяривъ трудно було встерегты стыгли червони вышни та черешни. Якъ тилькы Оныся йшла въ хату господарюваты, школяри лизлы на вышни й господарювалы по-своему. Оныся лаяла, крычала, але це ничого не помагало. Нарвавшы черешень, школяри втикалы, неначе прудкы козы, въ берегъ у вербы, такъ що йїихъ и конемъ неможна було догнаты.

Оныся далась на хытрощи. Вона сила пидъ вышнямы, покляла коло себе тычку, а дали лягла на трави въ холодку й вдавала, ныбы спыть: роскыдала руки, зсунула трохи зь головы хустку, высмыкала соби пасма косї й хропла на весь садъ. Школяри закралысь, вглядили, що бабуся спыть; одынъ вылизъ на вышню, другый на черешню, та давай

рваты бабусыни ягідкы. Якъ скочыть бабуся зъ мисця та за тычку, та до школяривъ:

— А, вы, сяки—таки! попалысь? А злязьте сюды! Я теперъ вамъ дамъ джосу,—гукала бабуня.

Вона вхопыла тычку та давай лупыть того хлопця, що сядивъ на вышни. Хлопець верещавъ несвоимъ голосомъ, а дали скочывъ и втикъ. Оныся кинулась до другого. Але другый сядивъ на черешни. Черешня була здорова, якъ дубъ. Школяръ полизъ вгору. Оныся махала тычкою й ніякъ не могла його дистаты. Школяръ дерся вгору, сивъ на самому верхку й спокійненько йивъ ягідкы та дражнывся зъ бабусею, шпурляючы кисткы додолу та влучаючы бабуню то въ лобъ, то въ нисъ.

— Еге, не дистанете! Еге, не влучыте! Невлучна въ васъ рука. Оттуть же я наймся ягідокъ всмакъ,—гукавъ вгори школяръ, а потимъ почавъ дражнитысь, розказуючы бабуни казку за Змію та Ивасыка Телесыка: „Змія качається пидъ дубомъ та каже: „покочуса, повалюся, Ивасевого мясяця найившысь“. А Ивасыкъ сыдыть звершечку та съпивае: „гусы, гусы-лебедята! визьміть мене на крылята!“

Оныся наробыла гвалту на ввесь садокъ, побигла до зятя, вылаяла зятя й Надезю, а потимъ вже лягома, щобъ ніхто не бачывъ, пишла на цвынтарь на могылу й заплакала свои слёзы, й свою злисть.

Настала осинь. Завиновський зибравъ зъ поля хлибъ и перемолотывъ. Надезя зибрала городыну. Треба було хлибъ зсыпаты въ комору, городыну складаты въ льохъ. Оныся дала ключи одъ коморы та льоху, але якъ тилькы Завиновський поховавъ свое добро, Оныся Степанивна зновъ хотила загарбаты ключи въ свои руки. Надезя не оддавала ключивъ. Маты зъ дочкою трохи не побылысь за ключи середъ двора, але все такы Оныся выдерла ключи въ дочкы. Завиновський йиздывъ жалитысь на тещу до Балабухы. Балабуха вже боявся зачипаты Онысю Степанивну й радывъ Завиновському перейты на другу парафію. Завиновський

такъ и зробивъ. Вылаявшысь зъ тещею на дорогу, винъ поихавъ до Кыива й перепросывся на другу парафію.

— Оттакъ бы й давно зробивъ,—говорила Оныся Степанивна:—це не Завиновськый, а правдыва завина! Пидожду другого зятя: може трапыться добрый чоловикъ.

Завиновськый выйхавъ зъ Вильшаныци. Оныся одбыла двери до своеи кимнаты й зновъ стала господинею на всю губу,—й на все подвирья й на весь димъ. Вона поихала до Кыива й выпросыла въ мытрополита Вильшаныцьку парафію для своеи менчои дочки Палази.

Палазя була й краща за Надези, й не така натурыста, якъ Надезя. За неи швидко посватався молодой самынарысть Васылъ Лопатынськый. Оныся выпрохала соби въ мытрополита третю частку города й для себе, й рады сына, що вчывся въ самынари.

Лопатынськый бувъ чоловикъ тихый, спокойный й помырливый. Винъ поважавъ Онысю Степанивну й годывъ йи, а це дуже подобалось Оныси. Менчий зать любывъ читаты книжки, сидивъ дома й не дуже вмыкався въ господарство. Оныся взяла въ свои руки всю господарську справу: командувала наймычкамы й наймытамы, якъ за живоття отця Харытона. Вона все орала свою частку города й збирала та продавала овощи зъ своеи часткы садка навить тоди, якъ йи сынъ выйшовъ зъ школы, оженився й ставъ на парафii. Другый зать не сперечавсь зъ тещею, мовчавъ соби та читавъ книжки. Палазя була спокойна й не змагалась зъ матирью, корылась йи. Оныся жыла, якъ рыба въ води. Всеи ключи высили въ неи коло пояса. Вдосьвита, якъ зать и дочка ще спалы, вона вставала, будыла наймычокъ та наймытивъ и товклася въ пекарни, якъ Марко по пекли. Влитку вона йиздыла сама на поле до косаривъ, до громадилныкивъ, до женцивъ и кмитыла за нымы, якъ добрый осавула. Вона знала, колы наймычки любылы въ поли спаты, й ненарокомъ найизджала въ поле й лупцювала сонныхъ наймычокъ батогомъ.

Наймычки й наймыты ненавидили йи, бо знали, що все такы не вона господиня въ доми. Одынъ наймытъ встругнувъ такы Оныси штуку зъ досады, щобъ хочъ трохы помстытысь надъ нею.

Разъ Оныся пойхала въ поле, щобъ сполохаты сонныхъ наймычокъ. Побудывшы йихъ, побывшы й полаявшы, вона сила на визокъ и звелила парубкови поганяты додому.

— Йидьмо, матушко, навпростецъ, то швыдче прыйдемо додому,—сказавъ парубокъ.

— Про мене, поганяй навпростецъ, бо справди дома багато дила,—сказала Оныся.

Парубокъ повернувъ межами та суголовками. Простый визокъ бувъ трусый и почавъ пидскакуваты на межахъ. Оныся захопылась обома рукамы за полудрабки й гецала на вози, наче козачка танцювала.

Погоничъ зумысне гнавъ кони зъ усіей сылы. Визокъ скакавъ по грудкахъ та межахъ. Наймытъ сьміявся въ рукавъ, ажъ спыну згорбывъ.

— Та не жены такъ коней, бо зъ мене духъ выпре! Якъ тилькы буде межа, або борозна, або розора, сважи минн, то я захоплюсь рукамы за полудрабки та й пидведусь, бо я сама вже не добачаю,—гукала Оныся:—чы чуешъ?

— Та чую, чую! Пидведиться, матушко, бо ось-ось, заразъ буде поперешна борозна,—говорывъ погоничъ.

До перехрестной межи було ще зъ добрый сажень. Оныся пидвелась, захопывшысь за полудрабки, й высила на вози, ажъ гойдалась, неначе гойдалка. Вона думала, що вже помынулы межу, й сила, опустывшы руки. Саме тоди визокъ потрапывъ на межу й пидскачывъ вгору. Онысю такъ пидкынуло, що вона ажъ гекнула, й трохы не выскочыла зъ воза.

— А, бодай тобі въ печинкахъ такъ гекнуло, якъ оце я гекнула,—сказала Оныся.

— Стережиться, матушко, бо ось заразъ буде зновъ борозна,—крыкнувъ наймытъ.

Матушка зновъ вхопылась руками за полудрабки й гойдалась на повітрі на своїхъ рукахъ, якъ на рессорахъ. Тилькы що вона пустыла руки, визъ зновъ скочывъ вгору. Матушка ажъ гыкнула.

— Бый тебе сыла Божа! Мене ажъ гыкарка напала. Не пойду я зъ тобою билше зроду — звику, — сказала Оныся. — Лучче сама буду поганяты, а зъ тобою не пойду николы въ свьити.

По обиди вона сила на визокъ и пойихала вже сама безъ погоньча въ Богуславъ, на базаръ за глечыками. Накупыла вона повный визокъ глечыкивъ, прыкрыла йихъ синомъ, сила й помаленьку пойихала додому.

Оныся держала въ одни руци вижкы, а въ други — батигъ. Глечыкы, повтыкани въ сино въ передку, почалы выскакуваты. Оныся все прыкрывала йихъ синомъ, щобъ часомъ люде, або, й бороны Боже, видьмы не вглядили та не наврочылы коровы. А глечыкы все такы выскакувалы й выглядалы на свьитъ Божый. Оныся кляла йихъ въ батька — матиръ. Трапылось въ однимъ мисьци зйизджаты зъ горы въ чьемусь хутори. Оныся не здержала зъ горы визка. Коняка поперла зъ усіен сылы. Глечыкы почалы танцюваты на вози, й выскакувалы на верхъ. Оныся пустыла вижкы й почала прыкрываты йихъ синомъ, бо саме тоди йшлы молодыци на зустричъ. Визокъ наскочывъ на горбокъ и перекынувся. Оныся выпала зъ воза, а на неи посыпалысь глечыкы.

— Ой, бидна моя головонько! — гукнула Оныся, й замисьць того, щобъ доганяты коняку, вона вхопыла вязку сина й кынула на глечыкы. Але то було надаремно: Оныся прыкрыла синомъ сами за себе черепкы.

Якыйсь чоловикъ впіймавъ коняку на гребли й поправывъ визокъ. Оныся взяла однимъ одного глечыка й зъ нимъ прыйихала додому.

— Отъ теперъ смійтесь зъ мене: привезла зъ ярмарку одного цилого глечыка, — сказала Оныся.

— А треба жъ було такы dokonче самымъ йихаты — сказала дочка.

— Еге, дочко: добре, що вы сыдите та тилькы книжечкы чытаете.

Ввосены Оныся зибрала городыну зъ своеи часткы й сама повезла на базарь продаваты капусту, картоплю та моркву. Олеся йихала черезъ базарь, вглядила Онысю, засьміялась йи въ-вечи, прыйшла до воза й почала торгуваты моркву, хочъ йи морквы зовсимъ було непотрибно. Оныся одвертала голову, але такы добре торгувалась и не спустила Олеси й шага. Олеся посьміялась, посьміялась та й пишла, ничого не купывшы.

Зять довидався, що протопопша наробыла сьмишкивъ зъ його тещи, й билше не пустывъ Оныси на ярмарокъ.

— На що вамъ здався той клопить. Та й не лычыть вамъ сыдиты на базари. Чы мы вамъ хлиба жалуюмо, чы що?— говорывъ зять.

— За це не скажу, не пожаліюсь, але мини часъ и на смерть дбаты: я не хочу, щобъ мене поховалы за чужи гроши, а не на мой: не хочу й зъ домовыны дывытысь комусь въ руки,—говорыла Оныся:—нехай мене й поховають на мой труда, й обидь по мини справлять, и помянуть мою душу по смерти на мой труда, а не на чужи.

Прыдбавшы грошей, Оныся роздавала мылостыну старцямъ що недили, але выбирала черствый хлибъ и такы черстви пырогы, що й наймычкы не йилы. Вона певно хотила прыдбаты соби царство небесне дуже економычно. Старци вже знали йи мылостыну й зъ неохотою простягали до неи руки пидъ церквою.

Разъ въ вельку суботу наймычка спекла паску для слугъ и пишла въ глыныще по глыну. Глыныще завалылось, и глына вбыла дивку. Оныся одибрала одну паску, спечену тією наймычкою, й думала оддаты йи старцямъ за душу покійныци. Але мынувъ першый день велькодныхъ сьвятъ. Оныся подывылась, що паска дуже здорова, й пошкодувала оддаваты старцямъ. Вже мынувъ тыждень, а паска все лежала въ хыжци. Оныся, що гляне на паску, то йи все стане шкода оддаваты. Насталы проводы. Оныся побачыла, що

уже мыши пройли въ пасьци дирку, й сама однесла паску пидь церкву. Пидь церквою стоявъ старецъ Трыкоза, кривый на одну ногу, выдроокый, але гордый дидь, якъ давній кумь Онысинь, Шмыдь.

— На жь тоби, старче Божый, цю паску та роздили по скыбци всимъ старцямъ, та помолысь за душу нашої наймычки Приськы,—сказала поважнымъ голосомъ Оныся, пшашаючысь такою щедрою мылостыною.

Трыкоза взявъ паску, але зъ недовирою подывывся на Онысю. Одначе паска була здорова, жовта, зверху помазана яйцями. Трыкоза тилькы скоса зырнувъ на дирку въ дни паскы.

Вси старци пишли сълидкою за Трыкозою. Трыкоза выйшовъ за дзвыницю, сивъ на трави, простелывъ хустку, взявъ ножа, щобъ покраяты на скыбки й подилыты паску. Старци посидали кругомъ и жадибными очыма сълидкували за ножемъ.

— Ой чогось паска дуже легка,—прохрыпивъ Трыкоза.

— Мабуть зъ доброго борошна, та ще й на яйцяхъ,—промовылы старци, задалегидь смакуючы.

Нижъ пирнувъ въ паску. Трыкоза перекраивъ йи пополовини й розломывъ. Паска була слыве порожня, и въ середини зацьвила, ще й, неначе на сьмихъ, зъ неи выскочыла мыша й пошылась въ траву.

— Господы, Йсусе Хрысте! Це Паращына душа ховалась въ пасци,—промовылы перелякани старци.

— Отъ тоби й паска! Я такы вгадувавъ, що воно щось та йе!—сказавъ Трыкоза.—А, бодай ты на тимъ съвити йила такы паскы!

Вси старци поскрывлялысь, що дурно роздражнылы смакъ. схопылысь зъ мисьця та й повтикалы зъ переляку одъ Паращынои души.

— Та однести же котрый, та хочъ у воду вкыньте!—крычавъ Трыкоза.

Але старци вже того й не чулы й швидко дали драла. Кривый Трыкоза мусивъ зибраты въ хустку скыбки та

шматкы сьвяченого й шкутыльгаты добру верству до ставка, щобъ, по хрыстіянському звичаю, укынуты въ воду сьвячене.

Трыкоза вертався одъ ставка й ишовъ прозь батюшчынъ двирь. На ганку сыдила Оныся й углядила його. Вона роздобрылась рады празныка й хотила ще податы йому мылостыну гришмы.

— Старче Божый! а ходы лышень сюды. Ось я тоби подамъ мылостыну гришмы.

— Спасыби вамъ за ту паску, що я оце вкынувъ у ставокъ, бо йиі мышы зовсимъ перетрубумы въ середыни. А якъ подате на мылостыну грошей „манякывъ“, тыхъ стародавнихъ, що ниhto йихъ и не бере, то й за це спасыби, —сказавъ Трыкоза й тилькы рукою махнувъ.

Оныся выбирала зъ своеи торбыны зъ гришмы стари гроши, ще выбыти за Петра III, за Катерыны II, та за польськихъ корольовъ и роздавала йихъ старцямъ. Старци носылись зъ тими гришмы по жыдахъ, але йихъ ниhto не бравъ.

Сямья другого зятя почала билшаты. Винъ прыставывъ до старого дома дви кимнати, а Палазя, побувшы рикъ въ пансіони, задумала прыбраты сьвитлыцю по — европейський. Сьвитлыця була заставляна, по давньому, старымы образами пидъ самисиньку стелю. Палазя боялась зобидыты матирь и пишла на хытрощи.

— Мамо! въ ваши кимнати мало образивъ; перенесу я до васъ зъ сьвитлыци килькы образивъ, щобъ вамъ було краще молытысь, —сказала Палазя.

— То й попереносъ, але не багато, щобъ у сьвитлыци не были голи сьтины, —сказала Оныся.

Палазя перенесла въ матерыну кимнату десять образивъ, а черезъ тыждень сховала ще въ дзвыныци десять. Черезъ мисяць вона перенесла ще въ пекарню пять, а въ дзвыныцю зновъ занесла десять, Лопатынський понавозывъ зъ Кыива картынъ, на якихъ були намальовани панны зъ котыкамы, панны зъ кролыкамы, и навить панны зъ со-

бочкамы, й почеплявъ йихъ по сѣтинахъ. Оныся все сыдила въ свои кимнати й ридко ходыла въ сѣвитлыцю. Але разъ якось у недилю вранци вона пишла въ сѣвитлыцю, щобъ помолытысь Богу, глянула на сѣтины й здывувалась. Образы зисталысь тилькы по куткахъ. На сѣтинахъ высилы панны зъ собачкамы та зъ котыкамы.

— Палазю! а де це подивалысь образы? Що це за Бродяды высять почепляни на сѣтинахъ?—спытала Оныся въ дочкы.

— А я жъ, мамо, перенесла йихъ трохы въ вашу кимнату, трохы въ пекарню. Образы вже стари й темни,—сказала Палазя.

— А, ты, нечестыва! Заразъ мини повишай образы, бо я отихъ твоихъ протопопшъ зъ котыкамы та собакамы геть жъ бису повкыдаю въ пичъ. Навишала паннивъ, неначе скажена Олеся. Чы тоби жъ нетреба души спасиння, чы може й ты маешъ на думци тикаты зъ гусарами? Ты хочешъ, щобъ я молылась до тыхъ Олесь зъ цуцыкамы та котыкамы, чы що?

Довго лаялась Оныся, не вважаючи на недилю, а Палазя все такы не попрыймала зъ сѣтинъ Бродядъ зъ цуцыкамы та котыкамы.

Оббувшысь трохы зъ картынамы, Оныся часомъ такы ставала передъ ными, потай одъ усихъ, якъ никого не було въ хати, й довго роздывлялась на котыкивъ та кролыкивъ.

— Та й гарни жъ, хыря його матери, оти котыкы та кролыкы!—зовсимъ тоби неначе жыви. Воно було бъ зовсимъ гарно, якбы тилькы не голи плечи въ тыхъ протопопшъ булы намальовани,—говорила Оныся сама до дочкы.

Оныся дуже любила своихъ онукивъ и глядила йихъ, якъ найпыльниша нянька. Вона не спускала йихъ зъ очей цилый день, сама годувала йихъ, сама клала спаты. Влитку цилый день сыдила зъ дитьмы въ садку й стерегла вышни та груши одъ хлопцивъ. Але вона стерегла онукивъ такъ, якъ змя стерегла цилющу воду: зъ прислугы ниhto не сьмивъ и зачепыты дитей. Якъ тилькы котра наймычка

зачепыть дытynu, й дытына часомъ заплаче, Оныся брала палыцю й лупыла наймычокъ. Навить Палазя не сьмила посварытысь на своихъ дитей. Оныся заразь крычала на ней.

— А, ты нечестыва! На-вищо ты сварысся на своихъ дитей? Мало тоби, що образы повыкыдала зъ хаты? Ще повыкыдай и дитей. Геть пишла зъ хаты. Не зачипай мини дитей!

Мужычыхъ дитей Оныся ненавыдыла за те, що вони кралы въ садку груши та яблука. Оце було визьме вона въ одну руку грушу, а въ другу ризку. Ризку сховае за спыну, а грушею маныть будли—якого хлопця:

— На, серденько мое мыле, грушку: ты такой гарный хлопчыкъ. На, моя дытыно, на визьмы, та ззижъ,—такъ дурыла Оныся хлопця.

Хлопецъ йнявъ виры й простягавъ руку за грушею. Оныся хапала його за руку, а другою рукою лупыла дубцемъ по спыни. Хлопци, покуштувавши такой груши, обмыналы Онысю десятою улыцею.

Оныся все старилась й ставала сердытиша й лыхиша. Вона зранку до вечора лаяла або наймычокъ, або грызла голову свои дочки Палази. Наймычки вже не боялысь йии а ни крышкы, сьмяялысь зъ ней въ—вичи. Вона все держала ключи одъ хыжки въ себе, замыкала туды все, що зоставалось одъ обида, й выдавала ажъ на другой день. Оце було якъ напечуть пырогивъ, Оныся по обиди збере йихъ въ макитру, однесе въ хыжку та й замкне. Прыйде вечирь, онуки просятъ ключивъ, дочка просыть, а вона не дае. Старша онука, вже чымала дивчына, йшла ввечери въ бабыну кимнату, сидала на постели въ ногахъ и балакала зъ нею, ажъ покы вона засне. Тоди унучка тыхенько вытягала въ бабуси ключи, одмыкала хыжку й крала макитру зъ пырогамы. Зять мусивъ, тыхенько одъ Оныси, поробыты други ключи до хыжки й до всякихъ скрынъ въ хыжци. Дочка й наймычка не сьмилы безъ порады Оныси ничего зварыты й спекты й кожний разъ ходылы въ йии кимнату благословытысь.

Разъ наймычки, не спытавши Оныси, запарылы соби квашу й поставылы горщыкъ зъ краю на печи. Оныся взяла свого костура й, по своему звичаю, выйшла зъ кимнаты на оглядыны. Вона ввійшла въ пекарню й прымытыла на печи здоровый горщыкъ, накрытый хусткою. Въ пекарни никого не було.

— А це що за горщыкъ?—промовыла Оныся сама до себе:—мабутъ наймычки щось задумалы спекты крадькома одъ мене.

Оныся вже не здужала вылизты на пичь, щобъ заглянуты въ горщыкъ, и своимъ ципкомъ хотила скинуты накрыття, щобъ одъ цикавосты хочъ носомъ понюхаты, що то тамъ таке въ горщыку. Але вона одъ злосты такъ штурхнула пальцею въ горщыкъ, що винъ перекинувся, й кваша лынула ричкою зъ печи на лежанку, а зъ лежанки додолу. Оныся побачыла, що наробыла шкоды, та швиденько й подыбала зъ пекарни, щобъ утикты въ свою кимнату, а потимъ звернуты провину на наймычокъ, ще й вылаяты йихъ всмакъ.

Ажъ тутъ рыпнули синешни двери, и въ пекарню вскочыла наймычка та й углядила потьокы квашы.

— Чы це вы, матушко, перекинули квашу?—крыкнула наймычка въ сьлидъ Оныси:—чы це вы наробылы шкоды?

— Ще що выгадай! Може тамъ кишка лазыла по печи. А ты, вража дочко, така непомиркована, що ставышь горщыкъ на самому краечку! Вкрала борошна, ще й квашу запарыла, мене не пытаючысь.

— Але жъ, матушко, кишки й въ хати нема,—крыкнула наймычка зъ пекарни зъ сьмихомъ:—йій Богу, це вы перекинули квашу: за ваши жъ вчынкъ та мене лаєте та грымаєте на мене.

— Я тоби якъ дамъ оцымъ костуромъ по спыни, то не будешъ билше на мене звертать,—загомонила Оныся зъ своей кимнаты.

Оныся Пишла жалитыся на наймычку дочци та зятєви, й трохи не плакала.

— Все мене тутъ зобижають, все лають, все кривдять, все кричать на мене, хочъ заразъ лягай въ домовину. Якъ не впыните та не приборкаете тыхъ неприкаянныхъ наймычокъ, то я васъ покину та пойду до сына,—бидкалась Оныся:—ййй Богу пиду! пишкы пиду!

Одъ того часу, якъ тилькы траплялась Оныси яка недогода, вона все репетувала та нахвалялась, що покине зятя й поїде до сына.

А догодыть йи було трудно, а найбилше въ йижи. Въ неи повипадали зубы, й вона все ремтувала та допикала, що й паляныци тверди, й пироги не пухкы, й вареныкы не-знать яки, цупкы, й каша хрущуть, неначе зварена зъ пискомъ, и пожывокъ несмачный, нетривный. Оныся коверзувала, ще й любыла допикаты до живыхъ печинокъ.

Разъ подали на обидъ вареныкы. Варяныци були трохи товсти й цупкы, а Оныся все наказувала, щобъ варяныци були тоненькы, якъ пелюсточка. Оныся жувала, жувала, не пережувала, та давай допикаты дочки.

— Наварыла вареникивъ, неначе зъ свинячої шкуры! Ци вареныкы хйба волячий плунокъ перетравыть, а не мій. Отъ якъ у отця Мельхыседека я йила вареныкы! Ото вареныкы. Дожила, дочко, до сывои косы, а не вывчылась и доси варыты гараздъ вареныкы. Це вы мабуть хочете, щобъ я найилась оцихъ вареникивъ, отроилась ными та швыдче вмерла, та щобъ вамъ швыдче забраты мои грошакы. Й наймычокъ пороспускалы, й наймычки сьміються мини въвичи, й вы сьмієтесь. Вже й други ключи соби поробылы одъ хыжки,—ховаєтесь одъ мене, якъ одъ ворога. Покину! Цуръ вамъ, пекъ вамъ зъ вашимъ добромъ. Я нымъ пельку соби забью та ще колысь и вдавлюсь.

Оныся розгнивалась, роскрычалась, а дали взяла свого ципка та й справди покинула дочку,—попрямувала шляхомъ до царыны пишкы.

Вона тихенько подыбала черезъ село по дорози до сына, але покы выйшла за село, то й втомылась. За селомъ надъ самымъ шляхомъ стояла могыла, де byly поховани по-

вбивани полякы повстанци. Оныся вийшла на могылу й сила одпочуваты. Сила вона та й кмитыть; вона сподивалась, чы не надйиде хто та пидвезе йи до другого села. Але сонце вже заходило. Нихто не надйизджавъ. Оныся прыгадала, що въ ти могыли поховани мерци, й почувала, що на неи нападае страхъ. Вертатысь до дочки назадъ було нѣково. А сонце вже зайшло; надвори почало сутыниты. Оныся такы догадувалась, що за нею хтось зъ дому побижыть доганяты та просыты йи, и все поглядала назадъ на царыну.

— Ото прокляти, яки запекли! Затого сонце зайде, а ни-хто не доганяе мене,—говорила Оныся сама до себе, и все такы крепылась та сыдила на самому вершечку могылы, щобъ йи постать було выдко здалеки. Оныся почувала, що йи вже зъ переляку трясця трясе.

Колы це въ царыни зъявилась наймычка. Оныся вглядила йи й стала на могыли, неначе виха стремила. Наймычка вглядила йи й вылизла на могылу.

-- А що, чы за мною прыйшла, чы проты череды вийшла?—пытала Оныся.

— Атожъ! а вже жъ за вами! а за кымъ же бъ билше?—сказала наймычка.

— Ото спасыби тобі, голубко, що прыйшла. Тутъ я, Господы, якого набралась страху! Колыбъ ты не прыйшла, я була бъ тутечкы вмерла. А чы дуже плачуть тамъ за мною?

-- Та вже жъ плачуть. Якбы не плакалы, то певно мене не послалы бъ за вами.

— А хто билше плаче за мною? чы дочка, чы зять?—спытала Оныся.

— Та вси плачуть,—казала наймычка, осьмихаючысь.

— Бачъ! плачуть, а лыхо роблять!—мымрыла Оныся. Оныся прыйшла додому, тыхенько увійшла въ свою кимнату и вже вечеряты й не выходыла. Онука однесла йи вечерю до неи въ кимнату.

Другого дня надъ вечеръ взяли Онысю жалощи, й вона пишла на цвынтарь плакаты на могыли свого панотця Харьтона, куды вона ходыла, навить зробившы шкоду зъ квашею. Старшый онукъ, вже чымалый хлопецъ, пидстеригъ ти походенькы й задумавъ налякаты бабусю. Винъ надивъ батькову рясу й шапку, взявъ у руки палецю й засивъ у вышняхъ на цвынтари. Оныся прыйшла, стала надъ могылю й почала по своему звичаю голосыть.

— Все мене зобджають, знущаються зъ мене; все мене хотять зъ свита зигнаты; все мини вороги. Одынъ ты бувъ до мене добрый, ты одинъ бувъ мини покирлывый, не кривдывъ мене.

Онукъ потыхеньку выйшовъ зъ гущавыны, ставъ пидъ вышнею й махнувъ до Оныси рукою. Оныся вглядила ту постать, та якъ дремене зъ цвынтаря!—Вона такъ утикала, що спиткнулась на порози въ брами й впала. Одъ того часу Оныся билше не ходыла плакаты на могыли отця Харьтона.

Оныся Степанивна стала вже дуже стара, згорбылась, наче поменчала, стала ныжча й ледви ходыла. Вона ще не разъ кыдала дочку, йиздыла до сына, але черезъ тыждень зновъ прыйизджала назадъ въ Вильшаныцю,—йи тягло додому въ Вильшаныцю, де вона свй виекъ звикувала. Уже старши онуки вырослы й повыходылы замижъ, а Оныся все живе, неначе за неи й смерть забула, та все морочыть и своихъ, и чужыхъ, та вередуе та настырається, якъ морочлива та настырлива дытына.

X.

Олеся Балабушыха, писья своеи прыгоды зъ Казанцевымъ, не жыла, а чеврила, неначе громомъ прыбыта. Вона схудла, зблidlа, зчорнила й помарнила; йи краса одцвила, але въ неи вдержався въ души потягъ до всего гарного, до естетычного. Вона почала й себе прыкрашуваты, накрашуватысь та набилюватысь. Балабуха посывивъ, и на жинку

тильки рукою махнув. Винь ставъ товстий, отылый, робывъ усе, що йому приказувала жинка. Въ компаніи винь сыдивъ мовчки, курывъ люльку та цили вечори потигавъ дуже мицный пунш зъ ромомъ. Йому за все було байдуже.

Олесина дочка Настя підросла й стала дуже гарною дивчиною. Вона почала вчытысь граты на фортепяни въ одной дамы въ пансіони. Олеси теперечкы доводилось купыты фортепянь. Разъ до Балабухы зайихавъ Бонковський, котрый вже давненько оженився зъ шляхтянкою. Олеся розсказала йому, що шукае купыты соби фортепянь.

— Купить у мене,—моя жинка хоче продаты. Я недорого визьму: сто карбованцивъ. Заразь такы прыйидьте, подывыться та й забирайте його,—сказавъ Бонковський.

Олеся пойихала зъ дочкою до Бонковского, подывылась на фортепянь зверху и въ середыни, хочъ вона въ цьому дили ничого не тямьла, й заплатыла гроши.

Черезъ два дни дви пари воливъ впростяжъ привезлы до Балабухы на подвирья прездорову махыну. Фортепянь ледви влизъ у двери й зайнявъ половыну свитлыци. Пузатый, хвостатый та ногатый фортепянь бувъ схожий на якогось допотопного зьвиря. Бонковський трохы його полагодывъ, пообмотувавъ ниткамы поламани молоточки, попрыклеювавъ, що поодставало, й зипхнувъ Олеси за добри гроши ту цывилизацію, котра вже годылась на дрова.

Рады тіеи цывилизаціи Олеся звелила обкленты залу билимы шпалерами; кругомъ сытинъ поставыла новеньку мебель. Але старый фортепянь швидко зрадывъ Олеси: черезъ рикъ ниткы порозмотувалысь, молоточки поодскакувалы, струны почалы рватысь и дзызчалы, якъ гедзы въ спасивку. Настя сидала бренькаты, а пидъ йи пальцямы тилькы й було чуты цокання та стукить молоточкывъ.

Балабушыха що мисяца клыкала направщыка органыста направляты фортепянь та лагодыты його, склеюваты молоточки. Вона дуже любила музыку, любила слухаты, якъ дочка грала не мудри вальсы та мазуркы, або сыпивала руськы романсы та украинськы песьни.

Разъ влитку Олеся пишла зъ Настею въ крамницю купуваты стричкы. Вони увійшли въ крамницю. Двери й однимъ-одно викно були зверху завишени червоною матерею, котра закрывала до половини викно й пропускала въ крамницю червонуватый сьвить. Проворна чорнява Сура Вольчыха прысунула до прылавка два стильци. Дамы посидали. Писля знадвирного дуже ясного сонця, вони довго не могли оббутысь съ темрявою й ничего не бачылы въ темни крамници, наче въ погребі. Але въ темряви жыдивського закутка задзвенивъ чудовый барытонъ. Балабушыха обернулась и примытала въ другому кутку магазына коло прылавка молодого блондына. Паныч стоявъ, високий, поставный та ривный, якъ струна, й торгувався зъ Волькомъ. Купенькый пиджакъ обхоплювавъ його тонкый, круглый, неначе выточеный станъ. Його довгобразе лице нагадувало трохы нимця, трохы поляка, й було дуже орыгинальне. Зъ повныхъ щикъ спадали на груди русяви мяки, якъ шовкъ, бурци. Зъ-пидъ мякыхъ, блискучыхъ вусъ выглядали румяни, малынови, повни губы. Высокий лобъ подавався назадъ, и по голови розсыпалась и спадала на плечи роскишна золотыста грыва зъ легкымы кучерямы на кинцяхъ. Проворный блондынъ голосно й дрибно торгувався зъ Волькомъ. По його украинськи мови, перемишани зъ руською, по його немецки вымбви примитно було, що то бувъ чужоземець. Балабушыха швиденько спустила вуаль на лице.

Вольчыха накыдала цилый прылавокъ коробокъ. Въ коробкахъ и по прылавку манячили червони й зелени, й сыни стричкы. Вольчыха розгортала стричкы, молала языкомъ, нобы млынъ, та выхвалювала свій крамъ. Балабушыха не чула ни одного йиі слова й насторочыла вуха въ той кутокъ, де стоявъ молодой чудовый блондынъ.

Волько лепетавъ языкомъ незгирше своей жинкы, выхвалювавъ матеріи для литнього костюма, розгортювавъ йихъ, розвишувавъ на прылавку, доказувавъ, що вони мицни й нелынючи, божывся, прысягався, ростягавъ матерію

рукамы, кусавъ зубамы й навить слынывъ языкомъ. А тымъ часомъ цикавый жыдокъ встыгавъ провадыты зовсимъ побичню розмову й роспытуваты покушця, неначе винъ сидивъ зъ нымъ десь въ гостынни.

— Пане Ганушъ! наберить оціей парусыны—не будете жалкуваты. Йій Богу, це загрынышна. Отъ подывиться, яка вона густа та мицна, ажъ лущить, ажъ гуде въ рукахъ. Якъ же вамъ живеться въ наши сторони? Чы звыклы до нашої Мыронивкы?—пытавъ Волько, смыкаючи въ рукахъ кинецъ парусыны, неначе винъ хотивъ йи перерваты.

— Прывикаю потроху. Я бувавъ въ съвитахъ, и куды прыййду,—заразъ прывикаю. Але, Вольку, покажи лышь кращой матеріи,—сказавъ Ганушъ:—я ваши норовы добре знаю; вы показуєте переднише що найпоганче, а потимъ трошкы краще, а потимъ ще краще... Мене не пиддурышь.

Волько прожогомъ кынувся до стильця, скочывъ на його й доставъ зъ полицы ще дви штуки матеріи.

— Оце вже така матерія, що й за границею ридко де можна знайти. Ай, ай! Що за матерія, що за матерія! Це аглыцька матерія. Чы тилькы дочокъ дыректоровыхъ вчыте на фортепяни, чы й сына?—прыкынувъ Волько, розгортаючи штуку парусыны.

— Вчу дочокъ и сынивъ, а колы хочъ, то й тебе вивчу. Але ты зновъ доставъ такого, що годыться носыты погоньямъ. А знайды лышень ще кращого,—сказавъ Ганушъ.

— Йій Богу, кращого вже нема на съвити й не може буты. Якого вамъ ще кращого треба? Це вже французька матерія пополовны зъ шовкомъ. А чы дорого вамъ платитъ дыректоръ за дитей?—пытавъ Волько й разомъ зъ тымъ проворно высолопывъ языка, полызавъ кинчыкъ матеріи й показавъ Ганушеви:—отъ подывиться: йій Богу, не злыняе до самои вашой смерты.

— О, лыбонъ швыдко доведеться мини вмерты,—сказавъ Ганушъ. Балабушыха й дочка осьмихнулысь и переглянулысь зъ Ганушемъ. Ганушъ кынувъ на дамъ своими сыними тыхымы очыма.

Тымъ часомъ Вольчыха сыпала словамы, наче горохомъ:—пани! що я вамъ скажу! Берить оци червони стричкы. Це таки добрящи! Бодай мини на тимъ свѣти довелось вбиратысь въ таки стричкы! бодай мини така смерть гарна, якъ гарни оци стричкы! Це зъ Бердычева контрабанда,— сказала Вольчыха Балабушыси на саме вуха.

Балабушыха перебирала въ рукахъ стричкы й навить не слухала, що говорила Вольчыха. Вона мылувалася чудовою постаттю Гануша, слухала його музичный голосъ, ловыла очыма його делькатни манеры, примитыла його тонки довги пальци въ золотыхъ перстняхъ. Зъ розмовы Волька вона догадалася, що то бувъ вчитель музыки въ директора Мыронивської сахарни.

Волько ще разъ полизъ на полыци й проворно скинувъ ще дви штуку матеріи. Ганушъ выбравъ матерію. Волько вхопывъ аршына й такъ швидко махавъ нымъ та натягувавъ матерію на аршынъ, що матерія ажъ лущала въ його рукахъ. Волько такы вкравъ на мири пивъ аршына. Ганушъ взявъ матерію пидъ пахву, накынувъ на свои настовбурчени кучери немецкого картузыка й выскочывъ зъ магазына, прыспивуючы якусь арію на ходи.

Балабушыха теперъ тилькы перевела духъ и почала примичаты червони й сыни, й усяки стричкы, стьожкы, почала розумиты, що брехала Вольчыха.

— Хто це такый?—спытала Балабушыха въ крамаркы.

— Цей чехъ вчыть граты на фортепјани дитей въ директора, въ Мыронивськи сахарни,— сказала Вольчыха:— дыректоръ оце прыйхавъ з-за граныци й прывизъ зъ собою цього паныча.

— Якъ його прозываютъ—спытала зновъ Балабушыха.

— Його прозываютъ Ганушъ,— сказала Вольчыха:— винъ добрый панычъ, дае намъ вторгуваты. Вже не разъ бувъ въ нашому магазыни зъ дыкторомъ и зъ його старшымы двома сынамы. Яки гарни панычи, яки гарни! та я ще такыхъ зроду не бачыла,—лепетала Вольчыха, пидіймаючы очи вгору:—оце недавно дыректорша въ мене набрала стри-

чокъ та стьожокъ на пятнадцять карбованцивъ. Визьмить, пани, оци стричкы та стьожкы—сама дыректорша взяла йихъ циду штуку.

Балабушыха накупыла тыхъ стричокъ та стьожокъ, яки брала дыректорша, й выйшла зъ крамныци.

Тилькы що маты й дочка прыйшли додому, Настя побигла въ залу й почала муштруватись передь дзеркаломъ. Вона оглядала свое гарне лычко, свои чорни бровы, обернулась бокомъ, зырнула на талію, та все думала за гарного Гануша, прысыпваючы мазурку.

Настя крутнулась на одни нози й выбигла зъ залы. Увійшла Балабушыха, стала передь дзеркаломъ и пидняла зъ лыця вуаль. Питъ обливъ йи лице, прысыпане пудрою. Потьокы потеклы по щокахъ и намалювалы на йи выду ныбы географычну карту зъ ричками, морямы й остривцями. Вона втерлась хусточкою, стерла пудру, и въ дзеркали зачорнило йи лице, засынылы попругы та смужкы пидь очыма. Вона прытулыла лыце трохы не до самого дзеркала й роздвлялася на свои дуже прымазани помадою косы. На голови съвитылысь по-мижъ чорнымы пасмамы сыви волосынкы. Балабушыха глянула на талію. Сиренька сукня обвысла на бокахъ: боки позападалы. Балабушыха чогось прыгадала соби сухе темне лыце Оныси Степанивны й издрыгнулася.... Вона теперь стала чогось схожа на Онысю Степанивну. А Ганушъ стоявъ передь йи очыма, неначе жывий, зъ чудовымъ, одкнутымъ билымъ лобомъ, зъ грывою лева на голови.

— Боже мій! невже я його люблю?—думала Балабушыха, стоячы передь дзеркаломъ:—чого це винъ стоить передь моею душею й не сходять въ мене зъ думкы?

Вона вхопыла пудру й потрусыла на лыце. Лыце одразу поповнишала й покращало.

— Але жъ талія моя не кругла.... сукня пообвысала й телипається, неначе на килку,—подумала Балабушыха, й вона выйшла зъ залы, вбигла въ кабинетъ, роспорола пидбійку

въ сукни, підмостила ваты, зашыла на живу нитку й зновъ надила.

Тымъ часомъ Настя зновъ ускочила въ залу й муштрувалася передь дзеркаломъ: прытулювала до лица накупляни стрички, начиплювала йихъ на голову, завязувала нымы шыю. Настя одійшла одъ дзеркала, маты зновъ стала передь дзеркаломъ и повертала свои боки, неначе грила йихъ около печи. Талія стала теперъ круглa. Балабушыха неначе помолодчала й осьмихнулася до себе въ дзеркало. Въ залу зновъ влетила Настя й на ходи прысьпивувала й трохи ажъ прытанцьовувала.

— Настю, сердце! а подымысь, чы круглa въ мене талія? Мини здається, що сукня пообвысала ззаду на талію,—пытала маты въ дочкы, выпнувши бикъ передь дзеркаломъ.

— Чогось стала нібы выпнута навкругы, круглиша, ніжъ була переднише,—сказала Настя, заглядаючи въ дзеркало черезъ матерыне плече.

Балабушыха зрадила й тыхенько затягла мазурку. Вона хотила дрибненько перебігты черезъ залу, якъ дочка, але почувала, що ноги спотыкаються, неначе на йихъ высило зализне путо.

— Сядь, сердце дочко, за фортепянь та заграй, а я трохи послухаю,—сказала Балабушыха.

Настя сила й почала выграваты всяки мазуркы та вальсы, а маты походжала по-малесеньку по зали й марыла про чудового Гануша. Вона почувала, що въ неи сердце ще й доси не вмерло, хоче любыты, може любыты красу й молодість.

Самоваръ парувавъ и кыпивъ на столи. Маты й дочка ждали Балабуху зъ чаемъ. Балабуха пишовъ на потребу й довго не прыходивъ. Вже сонце сидало. Червоный свить жевривъ на билыхъ сътинахъ, якъ жаръ, а дали згасъ. Дочка грала й марыла, маты все походжала по зали й соби марыла. Почування ворущылысь, нібы ожывалы.

Прыйшовъ Балабуха. Силы пыты чай. Балабушыха розказала чоловикови, що бачила въ Волька въ магазини Гануша.

— Знаешъ, що?—промовыла Балабушыха до Балабухи:— отъ намъ трапляється вчитель музыки для нашої Насті. Пойди завтра зъ вызитомъ въ Мыронивку до дыректора та попросы Гануша, чы не схоче винъ вчыты на фортепяни нашу Настю. Мыронивка за шість верстовъ одъ насъ. За Ганушемъ можна посылаты кони двичи—трычи на тыждень. Наша Настя мае талантъ и охоту до музыки. Та й я дуже люблю слухаты музыку. Та не забудь попросыты до себе дыректора зъ симьею. Въ дыректора два сыны, а я зроду—звику не оддамъ своєї Насті за духовного, за якогось патлача та бороданя.

Настя почервонила, якъ макивка.

— Але жъ той Ганушъ може дорого схоче за урокы?—обиззався несъмилыво Балабуха.

— А хочъ бы й дорого! Въ насъ однимъ-одна дочка, йедыныця. Пойди такы завтра, не гайся й не дяйся по своему звичаю. Треба корыстуватысь часомъ, бо Ганушъ може кудысь выйде. И не думай, и не говоры ничего! Завтра вранци такы й пойди,—уже настырливо крыкнула Балабушыха.

Балабуха замовкъ. Винъ теперь мовчавъ и чынивъ усе, що загадувала йому жинка.

Другого дня вранци Балабуха пойхавъ въ Мыронивку. Ганушъ згодився даваты урокы Насті. Балабуха несамохить запросывъ до себе въ гости дыректора зъ симьею, бо такъ якось воно выпадало.

Вырядывшы чоловика въ Мыронивку, Балабушыха взяла романъ „Симъ грихивъ смертельныхъ“ и пишла въ садокъ чытаты. Вона выписувала „Собраніе иностранныхъ романовъ“ и зранку до вечора човпла цили здоровецьки томы французькыхъ романивъ, а найбилшь романтычныхъ. На нызыни, недалечко одъ берега Роси розрослась, якъ лисъ, малына. Балабушыха зайшла въ малыну, найилась всмакъ

ягидь, сила въ гульбыщи й почала читаты романъ. Гульбыще було темне. Дыкий виноградъ, переплутаный кручеными-панычами, вкрывавъ просторне гульбыще цилымы гниздамы. Надвори стояла тыша. Балабушыха зачиталася й въ думци все ставыла себе на мисце героини романа, а на мисце героя—Гануша. Вона начасокъ одводила вряды—годы очи одъ книжки, а йи думка все литала коло чудовои постати молодого хлопця. Вона все прыгадувала соби його деликатне лице та золотысти бурци.

— Остобисило мини вже читаты. Щобъ тутъ робыты?

— А зварю лышень я съвижого варення зъ малыны,—подумала вона. Балабушыха дуже любила ласощи й въ куховарстви тильки й тямела, що варыты варення. Вона пишла до хаты, звелила Кылыни вынести тазъ въ берегъ, погнала Настю рваты малыну. Кылына розиклала багаття зъ труску та трисокъ въ тини високого каминя, коло котрого росли высоки вербы. Тазъ бувъ такый нечыстый, якъ у останньої богуславськой жыдивкы. Кылына довго терла його цеглою, шарувала пискомъ у берези, покы тазъ не залыснивъ. Балабушыха сила на стильчыку коло трыножокъ, въ холодку, поклала книжку на каминь и все чытала та поглядала на тазъ. Черезъ кожни десять хвылынъ вона пробувала варення, збирала пивъ блюдычка пины, выйдала все дочыста, ще й ложечку облызувала. Покы скыпило варення, вона выйила його такы чымало.

За такою роботою часъ минувъ швидко. Передъ обидомъ вернувся Балабуха й привизъ звистку, що Ганушъ прыйиде по обиди.

Заразъ такы по обиди Балабушыха кинулась до шафы, выбрала нову, съвиженьку гарну сукню й почала прибиратысь та чепурытысь. Обдывывшысь кругомъ талю, вона, потай одъ дочкы, заперлась въ опочывальни, пидмостила на тали трешкы ваты, надила сукню, потрусела пудрою лице й пидправыла бровы. Тильки що вона выйшла зъ кимнаты, дывытыся, а Настя й соби вытягуе зъ шафы нову найкращу сукню.

— А на-вищо ты, Насте, вытягуешь нову сукню?—спытала вона въ дочкы.

— Надину. Адже жъ до насъ прыйиде гость,—сказала Настя.

— Отъ и выгадала. Цей гость буде прыйизджаты до тебе двичи на тыждень. Заразъ мини покынь нову сукню та надинь стареньку, буденну, бо ты теперичкы школярка.

— Адже жъ вы, мамо, надилы нову одежу. Чомъ же пакъ мини неможна?—сказала Настя кризь слёзы.

— Я госпоdynя въ доми, а ты ще школярка; тоби треба вчытысь, а не прыбиратысь: ты ще мала,—сказала маты.

— Яка жъ я маленька? Мини шиснадцять рокывъ минуло.

Настя насупылася. Вона пишла въ залу й почала плакаты, але, подумавшы, що въ неи будутъ червони очи, а Ганушъ незабаромъ надйиде, вона втерла слёзы, перестала плакаты й пишла въ садокъ.

Тымъ часомъ Балабушыха убралася, густо намазала помадою сыви пасма кысь, опустыла зависы на ти викна, въ котри сягало сонце, сила въ кресло й почала читаты „Симъ грихивъ смертельныхъ“. Вона читала та все зыркала та поглядала въ викно, курячы папиросу: въ останній часъ вона вывчылася курыты й зъ нудьгы курыла незгирше своего чоловіка.

Черезъ годину затупотыли кони, загавкалы собаки. Передъ ганкомъ стала легенька повозочка, блискуча та гарненька, якъ цяцька. Зъ повозкы зскочывъ Ганушъ, увесь закутаний въ бйлый, довгый до земли балахонъ, зъ видлогою на голови. Балабушыха гукнула въ кимнату на Балабуху й ухопылася, по давньому звичаю, за серце, але серце вже не кыдалось та не трипалось по давньому....

Рыпнулы двери, й въ залу ввійшовъ Ганушъ. Балабушыха встала й дуже тонно до його прывыталася. Заразъ ввійшовъ Балабуха, й розмова стала загальною. Ганушъ бувъ убраный въ чорну одежу. На грудяхъ въ його блищала била, якъ сныгъ, сорочка. Винъ теперъ здався Балабушыси ще кращымъ, нижъ переднише. Вона вытрищыла на Гануша

очи й мылувалася його чудовимъ веселимъ лицемъ та здоровою постаттю. Ганушъ заговоривъ своимъ музичнимъ голосомъ, ніби засьпивавъ, и зала сповнылася для Балабушыхы ніби музыкаю.

— А де жъ моя учениця? спытавъ Ганушъ, оглядаючысь кругомъ себе.

— Здається, гуляе въ садку,—сказала Балабушыха.

Поклыкалы Настю. Настя увійшла, поклонилася и зачервонилася, якъ макивка. Їїи було соромъ, що вона не убрана въ нову сукню.

— Вашъ фортепянь стародавній, але часомъ въ старыхъ фортепянахъ буває чудовый голосъ,—сказавъ Ганушъ и проворно одчынивъ крышку фортепяна, сивъ и вдаривъ мицно по клавышахъ. Фортепянь зашыпивъ и задзвенивъ, якъ розбыта бандура. Ганушъ зробивъ кыслу гримасу й промовивъ:

— Фортепянь и добре направляный, але дуже вже розбитый, старый.

Щобъ показаты свое артыстычне майстерство передь дамамы, Ганушъ распочавъ веселу шумну піесу. Винъ ударивъ форте. Бидный фортепянь наче застогнавъ пидъ його пальцямы, ніби його катувалы. На половыни піесы молоточки почалы одскакуваты. Фортепянь почавъ мисцями клацаты, якъ вовкъ зубамы. Одбыты молоточки пидскакувалы й зачиналы разомъ по килькы струнь. Струны почалы дзвениты, якъ цымбалы. Ганушъ ударивъ дрибну та довгу трель и потрапивъ на одбитый клавышъ. Выйшло щось схоже на ти трели, що вироблюють лелекы носамы, стоячы въ гниздахъ. Въ басахъ луснула струна й зашыпила, неначе гусакъ. Ганушъ не вдержався, зареготався й переставъ граты. Въ Балаушыхы почервонилы... вуха, а не щокы... пидъ щыкатуркою.

— Отець протоерей! Треба намъ купыты новый фортепянь рады такого вчытеля, якъ мосе Ганушъ,—сказала Балабушыха.

Отець протоерей лапнувъ зъ переляку рукою за кышеню.

— Треба, треба купити новий фортепянь рады моеи гарної ученици,—сказавъ Ганушъ.

Настя почервонила. Отець протоерей спытавъ:

— А скильки буде коштувать добрый фортепянь?

— А карбованцивъ пятсотъ, або шистсотъ,—сказавъ Ганушъ.

Отець протоерей выпустывъ зъ руки люльку й важко зитхнувъ.

— Одначе можна знайти гарненький фортепянь и за трыста,—сказавъ Ганушъ.

Въ Балабухы стало легше на души; доведеться йихаты по церквахъ,—подумавъ винъ,—або накынута ще по пять карбованцивъ на винчанья та на похороны: ввосены буде багато весилливъ...

— Чы въ васъ въ Богуслави не знайдеться майстра, щобъ посклеювавъ молоточки, покы купите новий фортепянь?—пытавъ Ганушъ.

— Йе въ насъ органысть зъ костьола. Винъ тымъ часомъ полагадыть фортепянь, покы купимо нового,—обизвалася Балабушыха.

— Отъ я незабаромъ пойду до Кыива й, колы схочете, выберу вамъ въ магазыни гарненький фортепянь,—сказавъ Ганушъ.

— Отъ за це мы вамъ подякуемо,—сказала Балабушыха:—я такъ люблю музыку, що не можу жыты безъ музыки; я ладна навить сама вчытысь на фортепяни.

Балабуха й Ганушъ вытрищылы на неи очи.

— Теперь я попрошу мою ученицю систы за рояль,—сказавъ Ганушъ, обертаючысь до Насті:—выбачайте, що я вамъ зроблю малесенький экзамень.

— Мини ніяково письма васъ сидаты за фортепянь. Вы такъ чудово граете, а я сякъ—такъ бренькаю,—сказала кокетливо Настя.

Вона перейшла залу, зовсимъ не по-школярскый выгнула гнучку талію, хытнула граціозно головою й сила за фортепянь. Ганушъ розгорнувъ музычну „школу“ й попросывъ

йїи граты гаммы, а потимъ деяки піесы. Настя кокетливо хытала плечыма й проворнымы пальцями перебігла по клавишахъ показани Ганушемъ піесы. Клавыши клацалы. Струны дзызчалы. Настя грала й реготалась.

— О, зъ васъ буде артистка! Та ще до того въ васъ чудови, довги пальчыкы, неначе сотворени для фортеляна,—сказавъ Ганушъ, скоса поглядаючы то на пальчыкы, то на румяне, гарне Настыне лычко.

Балабушыха насупыла бровы. Йїи дуже заманулось сами сыдты на Настыному мисьци й розмовляты зъ Ганушемъ.

Балабушыха звелила податы самоваръ въ садокъ, въ гульбыще. Йїи хотилось обставыты себе, якъ можна поетичнише, щобъ хочъ трохи розворушыты серце въ Гануша та прывернуты його до себе. Кылына прыйшла й оповистыла, що въ гульбыщи стиль накрытый и самоваръ вже готовый. Балабушыха попросыла гостя пыты чай въ садокъ. Вони выйшлы въ ганокъ.

Сонце сьвityло косымъ проминнямъ и облывало садъ и квітныкъ червонымъ, гарячымъ сьвитомъ. Надвори було тыхо й тепло. Доружкы пашилы тепломъ. Полыти квіткы ажъ сялы въ мокрыхъ клумбахъ кругомъ ганку, що выступавъ въ садокъ. Квіткы вылыся довгымы гырляндамы по обьдва боки шырокои стежки внызъ до самого берега Роси.

— Яка въ васъ тутъ пышнота! Скільки квітокъ! Яки выгяды на ричку й за ричку!—крыкнувъ Ганушъ:—вы тутъ живете, якъ у раю.

— О, я люблю квіткы. Мы зъ Настею зранку до вечора тупцяемо коло клумбивъ, сами навить полываемо,—обизвалась Балабушыха.

Ганушъ одначе роздывився на вси боки й теперъ такы доглядився, що въ тому раю, окримъ квітокъ, було багацько й бурьяну. За клумбамы квітокъ мижъ вышнямы та черешнямы рись такый бурьянъ, що въ йому трохи не вылы вовкы. Высокий на сажень чорнобыль, роскишный лопухъ та бузына ажъ закрывалы густою массою тыны, набигалы

въ середину садка. Гильки волоськихъ горихивъ пхались въ гушавину зъ кропывы та будякивъ. Беризка та хмиль оплутувалы тыны та бурьянъ. Все злылось въ поетичну, але дуже негосподарську зелену массу. На крутыхъ горахъ, пидъ скелямы розрисся густый жостиръ та дыкый терень. Олеся никола й не заглядала въ городъ.

Въ гульбыщи стоявъ накрытый стиль, а на столи шывивъ самоваръ. Балабушыха налыла чай и понаклала въ скляни вазы сьвижого варення. Черезъ здорови двери широкого, неначе шатро, гульбыща було видно Заросся зъ скелямы, вербамы й млынамы.

— Ой, яку чудову картину видно за ричкою черезъ двери! Зовсимъ нибы картина, намальована штучнымъ пензлемъ и вставляна въ зелени ряма. Це певно вы, мадамъ, выбрали мисце для гульбыща, — сказавъ Ганушъ, обертаючысь до Балабушыхы.

— Выбиралы вси гуртомъ, але мисце показала я; це правда, — сказала Балабушыха, прыжмурючы очи до Гануша.

— Велькый же въ васъ смакъ. Вы правдыва артыстка, — сказавъ Ганушъ.

— Чы не хочете до чаю мого варення? Сама сьогодни наварыла, — прыпрошувала Олеся.

— Кола вы сами варылы, то спробую трошкы, — сказавъ Ганушъ, поставившы коло себе цилу вазку зъ малыновымъ вареннямъ.

Одначе Ганушъ такъ пыльно показавъ свою повагу до праці Балабушыхы, що швидко въ вазьци зосталось тилькы дви ягидкы на дни. Балабуха звеливъ прынести пляшку рому. Пражськый мищанинъ почавъ дудлыты пуншъ за пуншемъ и показавъ, що винъ шануе й дамську солодку працю, й гирку — чоловичу. Балабуха запалывъ люльку, Олеся — папиреску, Ганушъ — сыгару. Солодкый духъ малыны змишався зъ пахощамы сыгары й рому, наркотычно залоскотавъ стари нервы Балабушыхы. Вона вхопыла пляшку й бурхнула й соби рому въ свій стаканъ, щобъ пидійты пидъ смакъ Ганушивъ. Пуншъ роздратувавъ йи, й вона забажала выпхнуты

й Балабуху, й Настю зъ гульбыща й зистатысь тильки зъ самымъ Ганушемъ.

Надвори смерклось. Густа тинь впала на Рось, на скели. Надвори було тепло, ажъ душно. Мистечко затыхло. Тильки десь вода на лотокахъ по-мижь каминнямъ шумила неголосно й поетично й гармонизувала зъ тихымъ вечеромъ, зъ ясними зорями й на неби, и въ блискучи води.

— Прынеслы лампу й посьвитылы сьвичкы. Балабуха та Ганушъ все балакалы то за мыронивську сахарню, то за директора. Ганушъ росказувавъ за свою Прагу, за заграничне жыття. Балабуха, повный, ажъ товстый, роскынувся на стильци й, нибы турецькый баша, смоктавъ довгый цыбукъ, за-кынувшы голову на високу спынку стильця.

— Настю! тоби, серце, часъ бы вже й спаты. Йды до хаты та лягай спаты, — промовыла солоденько Балабушыха до дочки, нибы до маленькои.

А Насти дуже не хотилось одходыты одъ Гануша. Вона була ладна сьдиты й до сьвита и дывытысь на Гануша.

— Иды бо, йды, дочко, та роспорядысь у хаты прыслу-гоу,—зновъ сказала Балабушыха: — нехай вынесуть сюды закуску.

Настя зробыла кыслу мину, ажъ скривылась, и, покло-нывшысь Ганушеви, выйшла зъ гульбыща. Балабушыха пересила зъ стильця на лавку й прысунулась блыжче до Гануша. Дымъ одъ його сыгары летивъ йи въ лице. Вона втягувала його въ себе. Одначе вона почувала, що ни блызьке сусидство прынадного кавалера, ни дымъ сигары, ни пуншъ вже не запалюють колышнимсь огнемъ йи сердца. Воно не заклекотило, якъ колысь клекотило, а тихо жеврило, наче гаснучый жаръ.

Балабушыха легенько зитнула. Ганушъ тильки для звычайности часомъ промовлявъ до неи слово та все до-лывавъ стаканъ ромомъ. Балабушыси такъ и не вдалось залыцяння.

Наймычка прынесла вечерю. Письля вечери зновъ по-налывалы пунши, вже зовсимъ холодни, й тильки опивночи

Ганушъ згадавъ, що йому часъ йихаты додому. Вси вийшли зъ гульбыща. Ганушъ спиткнувся, а за нимъ Балабуха.

— Ой, що за чудови вигляды тутъ у васъ и на ричку, й за ричку. Яки скели, яки млыны, яка червона вода въ Роси! Дыво дывне! Зовсимъ червона вода!—гукавъ Ганушъ, дывлячысь на темну ричку, де въ води блыщалы тилькы зори.

Въ голови въ його й справди червонило. Винъ ишовъ на гору й все спотыкався объ каминци й разъ трохы не давъ сторчака. Балабушыха подала йому руку й повела на гору, мицно прытулывшысь до його. Балабуха тилькы сопивъ. Навить въ Балабушыхы гуло въ голови.

Кони стоялы коло ганку. Кылына вынесла бильй Ганушивъ балахонъ одъ пороху. Винъ узявъ його, расплутувавъ, розгортывавъ и нйакъ не мигъ знайти рукавивъ; сунувъ рукою въ видлогу, ажъ вона затрищала. Кылына несамохить зареготалась, вхопыла балахонъ и накнула йому на плечи. Ганушъ сивъ на повозку, й кони рушылы зъ двору вже лягома.

— Ой, що за гарна людына оцей Ганушъ! Вже чы сердся, чы не сердся, а винъ мини страхъ якъ прыпавъ до вподобы!—говорыла Балабушыха до Балабухы.

— Га? Гмъ? Що таке? Гарна людына цей хырный чехъ?—лепетавъ важкый Балабуха, погладжуючы сыву бороду.

Черезъ два дни Ганушъ зновъ прыйхавъ даваты Насти урокъ. Винъ бувъ напомаженный, и на всю съвитлицю розлывалысь одъ його пахощи. Балабушыха такъ напудрыла лыце й нарумяныла щокы, що наймычкы въ пекарни почалы говорыты пошептомъ: — що це за кумедя! наша паня цильй тыждень чорна, а двичи на тыждень стае била, якъ крейда, та гарна, якъ пысанка. Що то воно за знакъ?

Настя на цей разъ, крадькома одъ матери, такы вбралась въ нову сукню й сила зъ Ганушемъ за фортепянь. Органысть уже встыгъ вылычыты клавыши, але струны ще хорувалы й хрыпылы, неначе застужена пелька. Ганушъ жартовлыво й деликатно бравъ Настю за пальчыкы й направлявъ на клавыши. Балабушыха вглядила те, й въ ййц рос-

типани голови несподивано майнула думка: їйи заманулось и соби вчытысь на фортепяни въ Гануша.

— Я буду двичи на тыждень сыдиты зъ нимъ поручъ и попличъ, черкатысь плечемъ объ його плече. Винъ мене буде лапаты за пальци, браты за руки, — думала Балабушыха, жеручы Гануша очыма.

Скинчывся Настынъ урокъ. Балабушыха пидійшла до Гануша й, дывлячысь йому въ-вичи, промовыла:

— Мосье Ганушъ! вы такъ чудово вчыте, а я такъ люблю музыку, що мини сами забажалось вчытысь на фортепяни. Вчить мене разомъ зъ Настею. Мы будемо граты въ чотыри руки.

Ганушъ тилькы вытрищывъ зъ дыва на неи очи й подумавъ, чы не здурила вона на старисть. Въ Балабухы ажъ очи выпнулысь зъ того дыва.

— Правда ты, Марку Павловычу, не пошкодуешъ для мене килькы карбованцивъ. Якъ я люблю музыку! Якъ я люблю музыку! И сказаты, й высловыты не можу! Настя буде граты, а я буду акомпануваты; мини билше й не треба. А ты будешъ слухаты.

Бидный отецъ протоерей згодывся, важко зитхнувшы. Йому здавалось, що якъ винъ не згодыться, то пани протоерейша зниметься зъ мисьця й шугне шуликою кудысь за тры-девять земель, хочъ бы й до Казанцева, або де ынде. Винъ згодывсь.

Ганушъ посадывъ Балабушыху за фортепянь и почавъ розкладаты по клавишахъ їйи сухи, неначе трискы, пальци та показуваты гаммы.

Настя смяялась въ йихъ за спыною. Балабушыха стукала своимы мицнымы, нервовымы пальцямы по клавишахъ, неначе молоточкамы, а скоса все поглядала на повни, малынови Ганушеви губы. Гануша душывъ у горли сьмихъ. Винъ ледви вдержався, щобъ не прыснуты одъ сьмиху. Балабуха курывъ люльку й байдужно дывывся на свою жинку.

Цилу годуны мордувався Ганушъ, направляючы на клавыши пальци своєї старои ученици. Стари одубили пальци, неначе грабли, не слухалысь и не гнулысь. Балабушыха не дуже пыльно вважала на свій урокъ. Їїи не того було треба. Въ кивци годуны Балабушыха ледви змогла перемогты одну гамму. Ганушъ вставъ з-за фортешяна й втеръ питъ на лоби хусточкою. Балабушыха пурхнула зъ стильця, наче молода дивчинка, й гукнула на Балабуху:

— Ну теперъ, панотче, ставъ намъ могорыча: мы скинчылы важку роботу. Звели податы до чаю пляшку рому, а я вынесу своему вчытелеви варення.

Пляшка рому й варення заразъ зьявылысь на столи. Ганушъ вклавъ у копы зъ пивъ фунта варення и почавъ хылыты пунши. Балабушыха повеселишала й неначе помолдчала. Вона курыла папиросы, йила варення та хылыла пунши незгирше свого вчытеля.

Одъ того дня Балабушыха заклала въ берези пидъ вербами справдишню фабрику варення, щобъ догодыты своему вчытелеви й запобигты въ його ласкы. Балабушыха розсылала наймычокъ въ садкы сусиднихъ панивъ та селянъ за гиркымы черешнямы, за агрусомъ, вышнямы — лутовкамы, морелямы, суныцямы, райськымы яблукамы, послала хлопцивъ назбираты ожыны въ лозахъ по-надъ Россю; наварыла сухого варення зъ грушъ, яблукъ, зъ кавунивъ, зъ дынь.

Балабушыха довгенько выбирала такый випадокъ, щобъ зистатысь удвохъ зъ Ганушемъ на самоти. На йїи щастя такый часъ трапывся. Разъ въ Насти болилы зубы, й вона не могла браты урока. Балабуха пишовъ когось сповидаты. Балабушыха стовкла, неначе въ ступи, одну гамму й попросила Гануша пыты чай въ садокъ, въ гульбыще.

Вечиръ бувъ чудовый, тихый та ясный. Покры наймычка наставляла самоваръ, Балабушыха ходыла зъ Ганушемъ по дорижкахъ по-надъ берегомъ Роси й розмовляла. Вона вбралась въ сьвиженьку сукню бузкового кольору й заквиччала косы билою й сыньою астрамы.

— Мосье Ганушъ, вы шаслыва людына! Я вамъ завиду, — сказала Балабушыха.

— Першый разъ за мого жыття чую, що я шаслывый. Може стану й шаслывый зъ вашего легкого слова, якъ зъ легкой руки.

Балабушына зрадила. Їйи здалось, що Ганушъ натякнувъ на те, чого ййи було треба, и до чого вона прямувала въ свои розмови.

— Вы бачылы багато съвита, бувалы въ усякихъ мистахъ, булы въ Парыжи, жылы за гряницею. А мы бидни сыдымо оттутечкы въ оихъ поганыхъ норахъ, неначе ти черныци въ манастыри. Вы бачыте, яке наше жыття? Зъ кымъ намъ знатися? Кругомъ насъ по селахъ просте духовенство; въ Богуслави сами за себе жыды. Охъ, важке наше жыття! Якъ побачышъ просъвичену людыну, то не надывысса й не наговорысса.

Балабушына подывылась на Гануша солоденькымы очыма. Ганушъ згадавъ ти темни й холодни закуткы, де йому доводилось пробуваты въ Европи, й промовывъ:

— Правда, що наше жаття, жыття артыстивъ, веселе. Театры та концерты намъ ажъ пройылысь, ажъ остогыдлы! Мы наче ти птыци, все щебечемо та съпиваемо.

— Шкода, що я не родылась артысткою, а може й родылась, та не вдалась. Вы вольна людына, вольна, якъ птыця; а въ мене на шыи димъ, господарство, городъ, якисъ волы та коровы. Ой, важке наше жыття! Мы ныдіемо та чевріемо оттуть. Не жывемо, а тилькы жывотиемо въ ци глушыни.

Ганушъ прыгадувавъ, чы бачывъ винъ колы въ ййи садыби волы та коровы, та такы й не прыгадавъ.

— А я бъ радый вже будли—де й осистысь. Мини вже трохы обрыдло бурлацьке та цыганське жыття та блуканына.

— Якъ не мини, то може хочъ дочци винъ достанеться. Уже жъ я за съвященика ййи не оддамъ,—подумала Олеся.

Чай бувъ готовый. Балабушыха налыла чаю, сила проты Гануша, сперлась на стиль й пантрувала на Ганушеви очи, якъ кить на сало.

— Знаете, якъ насъ выдають замижъ тутъ на селахъ? Прыйиде панычъ двичи-трычи, побалакае зъ тобою, та й выходи за його, бо може ынчий и не трапыться. Йдешъ замижъ безъ щырого гарячого коханья. Йдешъ, абы выйты. Еть!

Дывлячысь на сиви пасма косы въ Балабушыхы, Ганушь думавъ, що вона провадыть мову за свою дочку.

— Отъ и я вышла за своего протопопа: думала, що люблю його, а потимъ выйшло... еть!—сказала вона, махнувши рукою.

Балабушыха махнула рукою й важко зитхула й задумалась.

— Мосье Ганушь! вы любылы хочъ разъ на вику щыро, гаряче?—спытала Балабушыха згодомъ, и ще блыжче нахылыла голову черекъ стиль до Ганушевого лыця.

Гануша вразылы ти несподивани слова; винъ ажъ пиднявъ голову.

— Я!... я?... Було всего на вику,—сказавъ Ганушь, котрому ти слова зъ усть бабы стали трохы протывни, навить гыдки. Бабабушыха стала пробуваты сылу своихъ очей и пидсолодыла йихъ, неначе нагодувала вареннямъ.

— Кажить бо сьмылыво! Мы тутъ удвохъ. Насъ ниhto не пидслухае й не побачыть. Що до мене, то я безъ коханья не можу жыты. Охъ, якъ важко, якъ тяжко жыты безъ мылого!—сказала Балабушыха й зитхнула, спустывшы очи на стиль.

Ганушь нахыльци мерщи допывъ чай, покынувъ навить варення й дременувъ зъ гульбыща. Балабушыха выскочыла сьлидкою за нимъ.

— Вечиръ чудовый. Хочеться погуляты, походыты,—сказавъ Ганушь, прысьпивуючы якусь арийку.

— Скажить бо, мосье Ганушъ, якихъ вы любылы: чы биявыхъ, чы чорнявыхъ? — зновъ сьмылыво й настырлыво пытала Балабушыха.

— Та такъ, якъ выпадало: одынь рикъ бияву, а другый — чорняву, — щобъ не докучыло, — сказавъ Ганушъ, одмовляючысь жартамы.

— Шыроке жъ въ васъ серце. А яки жъ вамъ билше прыпадають до вподобы: чы блондынкы, чы брынеткы?

— Разомъ усякови: и блондынкы, и брынеткы, абы булы гарни та молоденьки.

Балабушыха повернула по дорижци нанызъ до берега, мижъ густы вербы. Ганушъ пишовъ поручъ зъ нею.

— Чы не любылы вы часомъ по тры разомъ? — спытала зъ жартомъ Балабушыха.

— Трапялось й по чотыри. Вранци побачу одну гарну дивчыну й закохаюсь, увечери побачу ще кращу другу, — зновъ закохаюсь.

— Палка жъ вы людына! зъ вами й гуляты страшно.

— Зовсимъ не страшно. Я спокійный, якъ ягня, й не кусаюсь; я вже зивъ свои зубы, якъ кажуть про волы та кони.

— Зарани! А може то вы не прыдивылысь добре до своихъ зубивъ, — сказала Балабушыха, кусаючы губы.

— Не знаю. Отъ прыйдемо до хаты, то я подывлюсь на свои зубы въ дзеркало.

Ганушови обрыдла така розмова. Балабушыха сама взяла його пидъ руку й тыхесенько ступала по дорижци. Вони дійшли до берега. Одъ дорижки повертала на крутый бикъ горы маленька стежечка по-мижъ терномъ та жостиромъ.

— Яки гарни выгяды на Рось! Отъ якбы ще выйты на той шпыль, та вылизты на отой каминь, статы й подывытысь на Заросся! — сказавъ Ганушъ, пускаючы руку Балабушыхы. Винъ кынувся на стежку й подерся на гору мижъ терномъ. Балабушыха й соби кынулася бигты, але спиткнулася на каминь и трохы не впала одъ старости литъ. Вона й соби подерлася на кручу за Ганушомъ; йиі сукня зачипа-

лась за густый теренъ, шарпалась, лущала й дерлась, а вона все лизла на гору, ажъ засапалась. Ганушъ вылизъ на каминь и дывывся на Заросся. Колы оглянетъся, ажъ коло його вже стоить Олеся.

— О, й вы тутъ?—спытавъ Ганушъ.

— Я такъ люблю прыроду, що вы й мене заманылы на цей поганий шпыль. Бачте, якъ я засапалась!

Ганушеви хотилось просто зъ каминя стрыбнути через тынъ и втикты одъ настырлывои, прычеплывои бабы. Тымъ часомъ на Роси зьяввся хысткый човныкъ. Въ човни сядила дивчына й ганялась за качкамы, щобъ загнаты йихъ на берегъ. Качкы певно вдалысь неслухняни й крутылысь по Роси мижъ каминнямъ. Човныкъ натраплявъ на быструну въ шуми; вода гойдала його, неначе трисочку. Дивчына съпывала чудовымъ дзвинкымъ голосомъ якусь песьню й крутылась човномъ мижъ каминнямъ. Ганушъ задывывся на выгядъ й слухавъ веселу мелодію. Неслухняни качкы переплылы въ Балабушынъ садокъ. Дивчына повернула човныкъ до берега. Ганушъ скочывъ зъ каминя й побигъ зъ горы. Балабушыха попленталась за нымъ. Воны прыйшлы въ берегъ. Дивчына, чорнява та румяна, якъ калына, встала, щобъ выскочыты на берегъ. Ганушъ задывывся на неи й крыкнувъ: „замочыся, чорнобрыва! Трывай, я тебе пересажу на берегъ!“

Винъ ухопывъ дивчыну обома рукамы за станъ и перекынувъ йи на сухе мисце, ущипнувшы за щоку.

— Мосье Ганушъ! Що вы робыте? Теперь я пересвидчылась, що вы любыте чорни бровы та кари очи!—крыкнулъ Балабушыха.

— Вы вгадалы. Ой, кари очи, чорни бривкы! Хто жъ васъ пакъ не любыть?—сказавъ Ганушъ, комично зитхаючы й дывлячысь просто Балабушыси въ очи.

Въ Балабушыхы булы чорни бровы й кари очи. Вона кокетливо спустыла очи додолу, мовчкы похылыла голову й задумалась. Згадала вона, якъ колысь въ тому самому берези становый ловывъ по йи одному слову жабу, дерся на

крутий шпыль за квитками, й зажурылась, що йїи чорни бровы вже навикы втратылы чаривнычу сыду. Балабушыха легенько зитхнула й теперь тилькы почутыла, що поколола терномъ та будякамы пальци й лыткы.

Воны вернулысь въ покои мовчкы. Олеся йшла засмучена.

Тымъ часомъ Балабуха вернувся додому. Ганушъ сказаць йому, що винъ завтра пойиде до Кывива й може купыты въ магазыни для Наси новий фортепянь, навить не за вси готови гроши, а на выплатъ. Балабуха одличывъ йому гроши, важко зитхаючы. Зъ того часу винъ почавъ браты зъ мищанъ таку велыку плату за требы, що мищаны загвалтувалы й почалы гомониты, чы не податы бъ на його прошення до владыкы. Одначе вони постогналы, погомонилы й таку мусилы платыть.

Вже пизненко роспрощався Ганушъ.

— Глядитъ же, мосе Ганушъ, выберить для насъ гарненького фортепяна, — наказувала Балабушыха, стоячы на ганку.

— Для васъ выберу найкращого, якого тилькы знайду въ магазыни, — крыкнувъ Ганушъ вже за ворытмы.

Балабуха пишовъ въ хату, а Балабушыха сила въ ганку на лави й обперлась ликтемъ объ поренчата й довго дывлась въ сьлидъ за Ганушемъ, передумуючы вси выпадкы, яки тилькы—що трапылысь въ берези. Думкы настырлыво йшлы одна за одною й все ворумылы йїи палку вдачу, не давалы спокою... Олеся ажъ голову похылыла.

— Колы я вже не прычарую Гануша очыма та бровамы, то може я прычарую його вирнымы словамы та ласкавистю. Винъ любыть чорни бровы: не дурно жъ винъ задывывся на чорняву дивчыну въ берези. Може... може й мои бровы ще не злынялы. Може я прыверну його до себе. Якый бы презентъ йому зробыты? Вышыю лышень я йому подушку, гарну на продыво. Винъ дуже любыть квиткы,—подумала Балабушыха, и зъ тїєю думкою пишла до Наси на пораду. Воны змовылысь завтра встаты дуже рано й распочаты ро-

боту, щобъ подушка була готова, поки Ганушъ вернуться зъ Кыва.

И Балабушыха, й Балабуха, й Настя звичайно що-дня спали трохи не до пивдня, а за господарями—спали такъ само й наймычкы. Але другого дня Балабушыха схопылась зъ постели трохи не пры сходи сонця. Вона збудыла Настю, побигла въ пекарню, побудыла наймычокъ, звелила ставляты самоваръ, бигала по кимнатахъ та гуркала дверыма. Балабуха прокынувся й спросоння стревожився: йому чогось прыйшло на думку, що його жинка вночи втикла зъ Ганушемъ. Винъ скочывъ зъ постели й выскочывъ въ одни сорочци въ залу.

— Що тутъ трапылось? Чого це люде бигають та рыпають дверыма? Що це за биганына?—пытавъ Балабуха, озыраючысь кругомъ соннымы переляканымы очыма.

— Та це я такъ рано встала,—обизвалась зъ кимнаты Балабушыха.

— Чого жъ це ты встала вдосьвита?—допытувався Балабуха.

— Та треба йты въ крамныци, то й встала. Бачышь, яка я господиня!—говорила Балабушыха, одсуваючы й засуваючы шухляды камоды.

— Чого це тобі прыпало такъ рано йты до крамныць? Ще й сонце не сходило.

— Глянь лышень у викно: вже сонце давно зійшло, а я й такъ заспала.

Балабуха позихнувъ и зновъ упавъ на лижко. Наймычка прынесла самоваръ и позихала безъ сороба на весь ротъ. Балабушыха, хапаючысь, пыла чай, неначе думала выйизджаты въ далеку дорогу. Письля чаю вона зъ Настею побигла въ крамныцю до Вольчыыхы. Коло дверей крамныци высивъ здоровый замокъ. Балабушыха нервово стукнула въ заперти двери кулакомъ. Вольчыыха ще спала.

— Та й спыть же довго въ своихъ жыдивськыхъ бебахъ капосна жыдивка!—казала Балабушыха до Насти.

Вольчыыха одначе встала, одимкнула двери й позихала.

— Чого це ты, Вольчихо, такъ довго спишть? Мабуть вже вси люде на съвити повставали, а ты одна качаєся въ перынахъ,—сказала сердыто Балабушыха.

— Якбы була знала, що вы прийдете, я бь удосъвита встала,—сказала Вочьыха.

Настя розгорнула взирь, на котрому була вымальована райська птыця въ гирлянди зь чудовыхъ рожь усякого кольору. Балабушыха выбрала гарусу. Вона зь дочкою вернулась до дому й такы заразы засила за роботу й не одривалась одь пальцивъ. Олеся ще зроду такъ не працювала, якъ те-перь коло тїен подушкы.

Цилый тыждень вставала Балабушыха раніше за наймычокъ, працювала надь подушкою, гнула спыну. Черезъ тыждень вже на канапи ажъ сяла подушка зь блискучою райською птыцею посередыни, въ винку зь выпнутыхъ стрыженихъ рожь та гвоздычкивъ. Въ неділю привезлы новый гарненькый рояль, а по обиди надь вечирь прийхавъ Ганушъ. Балабушыха пиднесла йому на двоохъ рукахъ презентъ.

Презентъ дуже сподобався артыстови. Винъ звычай-ненько подякувавъ.

Старый фортепянь вынеслы въ возовню, й по йому вже ходылы куры й стрыбалы горобци. Въ залу внеслы новенькый рояль. Ганушъ привизъ зь собою ноты, щобъ на-граться на доброму новому рояли. Винъ сивъ за рояль и почавъ выграваты арїи зь оперь, а потимъ сонаты Бетго-вена та Моцарта. Балабушыха сыдила въ кресли й заслуха-лась. Вона одразу зрозуміла пышну классычну музыку, ча-рующи мелодїи. Багати аккорды, симпатычни арїи розвору-шылы йїи артыстычну вдачу. Вона покынула курыты, згор-нула руки на грудяхъ и неначе замерла. Ганушъ гравъ зь охотою, зь душею; його зроду артыстычна душа почала выльватись въ арїяхъ. Винъ росходився й засьпывавъ сво-ихъ ридныхъ чеськыхъ писень. Невелькый, але мягкый симпатычный барытонъ сповнывъ невелику залу то весе-лымы, то смутнымы мелодїямы. Мелодїи взрушылы фанта-

зію въ Балабушыхы. Передь їи очыма нібы малювалысь якісь картыны, неначе выткани зь туману, въ души заворушылысь якісь дывни мрії, прынадни ї неясни, неначе сны.

Ганушъ засьпивавъ украинської пьсьни. Олесина душа стрепенулась, зачепляна риднымы мелодіямы.

Сонце зайшло, й тилькы червони плямы жеврилы на билыхъ сьтинахъ. Въ куткахъ стали тини. Въ зали розльвися вечерній, стыха рожевий сьвить. Ганушъ розфантазувався й въ кинець всего, засьпивавъ балладу Шуберта „Лисовый царь“. Його мягкый голосъ ставъ неначе шовковый. Винъ артыстычно й штучно удававъ голосомъ, якъ мануть до себе чарамы потаемный голосъ лисового царя. Балабушыха вперше на вику почула справдишню артыстычну музыку, артыстычный сьпивъ. Їи душа нібы прокынулась; вона нібы побачыла очыма дывный лись пры мисяци, ввесь уккрытый ыніемъ, залытый сынюватымъ, фантастычнымъ сьвитомъ. А зь гушавыны того лиса, зь глыбокои долины, закыданой деревомъ въ ыніи, вона нібы почула чаруючий, якъ кохання, якыйсь потаемный голосъ, побачыла пышний чыйсь выдъ. Зь очей їи скотылось дви слъози.

Ганушъ скинчивъ. Балабушыха схопылась зь кресла, простягла руки, якъ простягають на молитви. Їи очи блыщали. Вона швыдко перебігла залу й крыкнула: Боже мій! чомъ мене не вчылы граты й сьпиваты? Я була бъ цилый вкь щаслыва, щаслыва!...

Вона трохы не крыкнула, щобъ Ганушъ вчывъ їи сьпиваты, але схаменулась и чогось засоромылась. Їи теперь одразу стало соромъ за все те, що вона трохы не прызналась въ кохання, що вона чеплялась до молодого хлопця. Їи хотилось просыты, щобъ Ганушъ выбачывъ їи за вси слова, яки вона сказала йому колысь въ саду; їи стало соромъ, що вона задумала браты урокы музыки на старисть. Кровъ кынулась въ їи лице. Вона ходыла по зали та все слухала, якъ Ганушъ перегрававъ піесу за піесою, докы не втомылась и впала на кресло, затульвшы очи долонею. Въ їи вроди прокынулась не тилькы романтична,

а може й справді артыстычна душа, закинута въ сельску глушыну, загубляный выщій даръ Божый, заглушений сельскою мертвотою.

Одъ того часу Балабушыха часто просыла Гануша граты й сьпиваты, й любыла слухаты його, сыдячы въ кресли. Вона покынула свои уроки музыки й годыла йому вже за його артыстычну музыку та пьсьни.

XI.

Въ недилю пьсьля службы прыйихавъ до Балабухы зъ визитомъ дыректоръ сахарни, Шмидтъ. То бувъ здоровый, плечыстый немецъ зъ русявою бородою, вже сывуватою. Його визитъ бувъ дуже короткый. Балабуха выпывъ зъ нымъ по чарци. Шмидтъ закусывъ на швыдку руку й неначе хапався додому. На розставанни одначе просывъ Балабуху й його сямью прыйжджаты до його въ гости. Балабушыха була дуже рада. Вона гадала, якъ бы знайти въ сахарни гарного жепыха для своєї Настуси. Семынарысты зайизджалы до Балабухы, але Балабушыха не выходыла до йихъ и дочкы не выводыла.

Черезъ тыждень Балабушыха зибралась въ гости въ Мыронивку до Шмидта. Вона задумала теперь вбираты Настю, зробыла для неї гарну сукню, а сама, якъ лычыло матери, убралась по-старечый въ усе чорне. Убираючысь передъ дзеркаломъ, Балабушыха прымитыла нови сыви пасма на голови й важко зитхнула.

— Чась мини даты дорогу Насті,—думала Балабушыха, стоячы передъ дзеркаломъ.

Вона простягла руку до скрыньочки зъ пудрою й схаменулась. Скрыньочка выпала зъ йїи рукъ.

— Зъ мене вже будуть люде сьміятысь. И це мини теперычкы не лычыть. Чась мини схаменутысь,—подумала Балабушыха, повертаючысь передъ дзеркаломъ и оглядаючы талію:—а ваты не повысымкую зъ-пидъ таліи: моя талія кругленька й тоненька; може хтось и задывытсь. Пры-

трушу я лице пудрою, тилькы трошечкы, трошечкы, щобъ здаватися молодчою хоть на пять рокивъ.

Настя вбигла въ залу, прыбрана въ нову ясну сукню, й кинулась до дзеркала.

— Пустить, мамо, ще мене до дзеркала. Черезъ васъ минн неможна й вбратысь гараздъ передъ дзеркаломъ,— сказала Настя.

— Иды, йды, доню, дывысь хочъ до вечора. Потрывай лышень, я причепурю тобі голову та почепляю золоти сережки,— сказала Балабушыха.

Балабушыха причепурыла свою дочку, попрышпылювала бантыкы, почепляла въ вуха сережки, надила йй на шыю золотый медальонъ, поправила на голови локоны, потимъ обійшла кругомъ неи, ще разъ поправила, що недобре лежало, й поцилувала Настю. Балабуха мусивъ йихаты зъ нымы.

Край Мыронивкы, на широкий зеленый выгонъ выступавъ рядокъ новыхъ мурованыхъ домкивъ, зовсимъ по-городянському. То були кватыри фабрыцькыхъ офіціялыстивъ. Надъ здоровымъ ставкомъ внызу червонилы сѣтины массивной сахарни, неначе твердыни. Балабуха звеливъ погоничеви статы коло найбилшого дома, де живъ дыректоръ сахарни.

Гости ввійшли въ прыхожу. Черезъ одчыннани двери було выдно въ пекарни на помости цилу батарею глечыкивъ. Дыректорша, вже немолода нимкенья, сухорлявенька та тоненька, зъ довгою шыєю, збирала зъ глечыкивъ сметану. Ййи дочка, молоденька, дуже деликатна блондынка, перелывала зъ глечыка въ молошныкъ молоко. На обохъ були дешевенькы, рябенькы, куденькы сытцевы сукни й били хвартушкы до самой шыи. Балабушыхи здалось, що то пораються клюшныця та нянька, або горнышна.

— Чы дома дыректоръ або дыректорша?—спыталась йихъ Балабушыха.

— Дыратора нема,—пошоль на фабрыкъ,—обизвалась дыректорша, й пры тыхъ словахъ вона одчынула двери въ го-

стынну й попросила до покоивъ гостей, махнувши рукою: вона ледви вмила стулыты килькы украинськихъ фразъ, а йи дочка була зовсимъ неначе нима, бо не вмила зовсимъ говорыты ни по-руський, ни по-украинський.

Гости увійшли въ гостынну. Покои були просторни й дуже високи, зъ здоровымы викнами, й чогось нагадували або фабрыку, або казарму. Сьтины були чысто вымазани вапню. В. покояхъ було мало мебели. Покои здавались порожними. Въ гостынни стояла зибрана на швыдку руку звидусиль простенька мебиль. Въ други кимнати черезъ двери було выдно непомальовани табуреты й навить прости мужычи стильци, тилькы чысто, чысто вымыти. Тилькы чудови заглянышни зависи на викнахъ, чудови килимы, роскыдани на помости, розвишани на сьтинахъ, та роскишни укрывала на лижкахъ, привезени з-за гряныци, натякалы на заможність дыректора. На сьтинахъ высилы въ чорныхъ рамкахъ дви картыни, на котрыхъ были намальовани й розмальовани хварбамы якись мудри машины.

Двери зъ прихожои незабаромъ одчынылысь, и въ гостынну ввійшла дыректорша зъ дочкою, вже безъ хвартушкывъ. Балабушыся й Насти все здавалось, що то слугы. Колы це стариша дама просыть гостей сидаты й сама сяде на канапи рядомъ зъ протопопшею. Коло неи на стильци сила панна. Тилькы тоди гости догадались, що то господиня й йи дочка.

Вси сидилы й мовчалы. Дыректорша ледви вмила стулыты украинськи фразы та ще й до того сылкувалася говорыты по-руський. Вона довго добирала слова й насылу вымовыла, обертаючысь до Балабушыхы.

— Фы дуже любыть музыкъ? фы училь грать въ фортепянь?

— Я дуже люблю музыку, я артыстка душею, але навярядъ чы вивчусь. Отъ моя дочка,—то вивчыться. А вы граете на фортепяни?—спытала Балабушыхы.

— О, я вже старый. Я граль, та вже забуль,—сказала дыректорша.

— А вы любите музыку?—спытала Настя въ дыректоривны.

Дыректоривна тилькы плечыма здвигнула: вона ничого не розумила.

— Вона добре гратъ. Мосье Ганушъ дуже вчыль. Вона любать музыкъ.

— Чы не скучно вамъ жыты тутечкы на сели псыля загрянныци?—спытала Балабушыха.

— Я пиколы въ скучно. Я маю багато робыть; о, багато робыть! Рано робыть, день робыть и поночи робыть. О, я не скучно. А фы не скучно въ Богуславъ?

— Намъ въ Богуслави мабуть нуднише, нижъ вамъ тутъ на сели,—сказала Настя.

— Въ васъ въ сахарни багато оффиціялыстивъ, та ще й зъ смямы: вамъ йе до кого й въ гости питты, йе кого й въ себе прыйняты,—сказала Балабушыха.

— Ни, ни. Въ пасъ вси панычъ, нема жинка, нема дочка. Вси, вси панычъ. Фы весело, я скучно,—сказала дыректорша.

— Ну та й попалысь оце мы. Мабуть довго доведеться слухаты таку любу розмову,—подумала Балабушыха й трохы не позихнула.—Колыбъ хочъ Ганушъ прыйшовъ та загравъ на фортепiani.

А Ганушъ не прыходывъ. Розмова тяглася дуже нудна. И гости й господыня—вси потомылысь. Балабушыха заглянула въ викно й побачыла квиткы на пышныхъ клумбахъ.

— Скильки у васъ квитокъ! Яки гарни роскишни клумбы. Чы въ васъ йе й садокъ? Отъ питты бъ та подывытысь!—сказала Балабушыха, ладна втикты не тилькы въ садокъ, але й далл за садокъ.

— Прошу! я буду показать вамъ квитка,—сказала дыректорша й встала зъ канапы. За нею встали й гости, и господыня повела йихъ у квитныкъ. Балабуха пишовъ за пымы, мовчкы смоклuchy цыбука.

На чыстому повітри гостямъ стало веселише. Гордъбувъ роскпшный, чысто выполотый. Коло дома росли тры

стари дыки груши, а коло йихъ булы роскыдани клумбы, повни квитокъ. Клумбы булы штучно обтыкани черепцею та обплетяни дубцямы зъ лищыны; здавалось, неначе хто роскыдавъ по трави чудови кошыкы, повни усякыхъ квитокъ. На городи, по мижъ грядкамы бурякивъ, морквы й усякои городыны, вылыся дорижки замисьць борозень. Дорижки булы скрызъ обсаджени гирляндамы квитокъ, обплетяни лискою. Дыкый щавель, пересаженный на добре выгнояну землю, розрисся й устлавъ грядкы здоровецькымъ зеленымъ lystомъ. Спаржа, помидоры, сунцы, полуныцы, сыня капуста, квитна капуста, салера, шпинать устелялы грядкы, неначе оксамытовый кылымъ. Нигде не выдно було ни бурьяныны. Це була культура, за яку Олеси навить и не слылось и не прывыджувалось.

Дыректорша водыла гостей и показувала не стилькы квиткы, скилькы огородыну та роскишни щепы шпанокъ—вышень, лутовокъ, яблунь, морель та грушь.

— Та й багато жъ у васъ квитокъ! билше, нижъ у мене. Це вы дбаете за квиткы зъ дочкою?—спытала Балабушыха.

— Ни, ни. Я маю багато робота. То сыны мои сами копавъ, сами садывъ. О, вони любить квитку! — сказала дыректорша.

Довго крутылысь вони по городи. Дыректорша показала вже навить уси грядкы цыбули й петрушкы. Гостямъ не хотилось вертатысь до хаты. Балабушыха нудылась въ дамському, наче нимому товариству й все выглядала Гануша. Колы це одчынылась хвиртка зъ фабрыцького двора. На дорижци зьявився Шмидтъ зъ Ганушемъ, а за нымы йшли два молоди панычи. Дыректорша повела гостей йимъ на зустричъ. Гости поздоровкалысь. Дыректоръ порекомендувавъ своихъ сынивъ. То булы молоди гарни нимчыкы, зъ лыця схожи на паннивъ. Обыдва булы высоки та тонки, убрани въ легеньки литни простеньки костюмы. Але кмитливе око Балабушыхы прыкмитыло на йихъ тонки сорочки зъ голанського полотна, таки тонки й такъ выпрасувани, зъ та-

кымы новомодными комирамы, якихъ вона въ Богуслави не бачыла. Старшого звалы Густавомъ, менчого Германомъ.

— Отъ бы залучыты котрогось красуня для моеи Насти, — подумала Балабушыха.

Господаръ попрохавъ гостей до покоивъ. Товариство стало бише й веселише. Панычи й дыректоръ вже добренько вмилы говорыты по-украинськый, вивчывшысь одъ фабрыцькыхъ робитныкывъ та робитныць. Балабушыха попросыла Гануша заграты на піянини. Піянино було гарненьке, а висока зала мала чудовый резонансъ, ажъ луна лящала по съвитлыци. Балабушыха й Настя повеселишались.

Тымъ часомъ фабрыцьки офіціялысты, побачывшы кони й визъ передъ дыректорськымъ домомъ и купку дамъ въ квитныку, догадалысь, що въ дыратора гости, й почалы забигаты зъ усихъ усюдывъ. Було съвято, день вильный. Въ залу увійшли два французы сахаровары, за ными сълидкомъ прыйшли два полякы зъ канцеляри, якийсь старый кавалеръ, товстый немецъ Монтагъ и механыкъ ангычанынъ. Зала стала повна людей усякыхъ націй.

Зъ однимъ французомъ прыйшла його сестра, немолода панна, котра не вмила говорыты ни по-нимецькый, ни по-украинськый и цилый вечиръ сыдила й мовчала, неначе нима. Французы й ангычанынъ говорылы по-нимецькый такъ, якъ дыректорша по-украинськый. Вся збирна компанія хотила розмовляты мижъ собою й билше розмовляла на мыгахъ, нижъ на словахъ. Въ зали було чуты всяки мовы, перемишани, поламани, чудернацьки. Наймычкы внеслы здоровый пидносъ, заставляный склянымы кухлямы зъ покрышкамы, обкладянымы срибломъ. Въ кухляхъ жовтило пиво. Вся компанія кынулась дудлыты пиво й розвеселылась. Усимъ хотилось балакаты: вси крычали, мишалы нимецьку мову зъ французькою й украинською, й всимъ здавалось, що вони розумили одно одного.

— Ну, й запровадыла жъ мене жинка въ компанію, зовсимъ не протоерейську! — думавъ Балабуха, курячы сыгару й запываючы пивомъ.

Балабушыси й Насти страхъ якъ сподобалось таке орыгинальне товарыство. Нови люде, небачени тыпы, навить чудна мишана розмова мала для йихъ свою прыемнисть. Йимъ здалось, що вони зайихалы за трыдевяць-земель одъ свого Богуслава.

Надудлывшысь пыва, европейськи буржуа задумалы танцюваты. Вони посадылы Гануша за фортепянь. Балабушыха поглядала, хто-то выбере Настю на кадриль. До Насти пидійшовъ Густавъ, старшый дыректоривъ сынъ.

— Буде жепахъ для моеи Насти. Якого я гарного та прыемного зятя матыму!—подумала вона, стоячы въ кадрили проты Насти зъ старымъ нимцемъ, столяромъ Монтагомъ.

Настя стала зъ Густавомъ поручъ. Пара зъ йихъ выйшла дуже гарна.

Густавъ бувъ тонкый, высоченькый, зъ каштановымы кучерымы, сынымы идеальнымы очыма й зъ чудовымъ довговастымъ выразнымъ лыцемъ.

— Поздоровляю тебе, Насте, — сказала тыхенько маты дочки, стрившысь зъ нею въ танци.

— Поздоровляю й васъ, мамо, зъ кавалеромъ,—одказала йи ще тыхише дочка, почервонившы.

Одъ Балабушыного кавалера дуже тхнуло пывомъ та мицнымъ духомъ сыгарь. Той важкый духъ обвивавъ йи лыце й забывавъ духъ. Одначе Балабушыха зносила непрыемный духъ и прывитно розмовляла зъ старымъ нимцемъ. Грубый столяръ такъ ухопывъ и здушывъ йи за талю, що вата пидъ сукнею зсунулась пидъ його пальцямы, и тверди пальци столяра прыщыкнулы талю, неначе зализни общенькы. Балабушыха тыхенько крыкнула, але танцювала, ныбы-то молоденька.

Перегодя подалы чай, на аглыцькый спосибъ, зъ закусками й ромомъ, а писья чаю зновъ подалы кухли зъ пывомъ та портеромъ. Буржуа, налыгавшысь рому та портеру, пиднялы такый гвалтъ, неначе въ хати стало пекло. Все крычалы, змагалысь на всякыхъ мовахъ. По хати розносились ламани урывкы ламаныхъ чудныхъ фразъ. Роз-

мова скочыла на національний ґрунтъ. Нимци выличувалы пруськи побиды й пиднималы Пруссію трохи не до неба. Французы репетувалы за свои побиды: Цорндорфъ! Куенендорфъ! Севастополь, Австерлицъ! Ватерлоо!—розносылось по всіхъ покояхъ. Кожный почавъ выхваляты своихъ героивъ: Фридрихъ, Петро Великий, Наполеонъ, Ней, Мюратъ!—тильки й було чуть на всю залу. Письля розмовы за героивъ, буржуа зновъ пишы въ танецъ. Кавалеры почалы дуже вильно поводитысь зъ дамамы, наче парубкы зъ дивчатамы; хапалы йихъ за таліи, трохи не обнималысь. Дамы пручалысь, втикалы та выщалы. Кавалеры ганялысь за нымы. Одынъ пяненький фронтъ посадывъ соби Настю на коліна; старый столяръ ненарокомъ вщыпнувъ за плече Балабушыху. Письля танцивъ загранишни мищаны почалы зновъ дудлыты пиво та портеръ и, напившысь, стали брататысь, йеднатысь, крычалы, пылы на „брудершафтъ“ одынъ зъ другимъ, заклавы навхрестъ рука зъ рукою зъ кухлямы.

Въ кинци всего старый Монтагъ ставъ показуваты фокусы зъ хусточкою та зъ рукавычкамы, а далі робивъ руками проты свичкы зайчыкивъ та всяки ынчи штуку й выробивъ зъ палцивъ обохъ рукъ таку постать, що на били сътини вийшовъ старый немецъ,—якъ вытовмачывъ винъ,—сильський вчитель зъ запалымы губамы, та зъ гострымъ, птычимъ носомъ: старый немецъ на сътини такъ хымерно роздявлявъ рота й кывавъ та хытавъ головою, а старый Монтагъ такъ хымерно прысьпивувавъ за його пьсьни, що вси ажъ за боки бралысь одъ сьмиху.

Вже опивночи Балабуха догадався, що його жинка—доволи нагулялась, и звеливъ запрягаты кони. На прощанни Балабушыха запрошувала до себе въ гости дыректорову сямью й усихъ йиіи гостей.

— Ой, веселый вечиръ сьогонди бувъ у дыратора!—говорыла Олеся, прыйхавшы додому:—якъ у йихъ все просто, натурально, й безъ церемоніи, й звычайно. Все веселяться та забавляються, якъ кому прышло до вподобы.

— Але вже дуже безъ церемоніи, геть-то по-мищанський. Ця компанія зовсімъ не протопопська,—обизвався Балабуха.

— А хіба жъ веселише буває въ ваши духовни компанії? А одъ вашихъ кавалеривъ и комплиментів не добудешъ,—сказала Олеся.

Балабуха трохи не сказавъ, що жинці вже минувъ часъ для кавалерськихъ комплиментивъ, але прыкусивъ языка. Винъ вже звикъ мовчати та корытись своїми жинці.

Балабуха пишовъ въ свій кабінетъ спати, а Олеся й Настя ще довго не спали та все розмовляли за вечіръ у директора.

— А що, Насте? котрого бъ ты директоренка выбрала собі за жениха, чы Густава, чы Германа?—спытала Балабушыха.

— Не вгадаю, мамо. Обидва гарні, але старший Густавъ неначе кращый,—въ його кучери на голови темниши. Германъ вже дуже білий, неначе панна.

— Якъ на мене, то й я бъ выбрала Густава: въ його чудови каштанови вусыкы, й нисъ довгый, и лице мужне; зъ його выйде здоровый поставный та показный чоловікъ. Та й на вдачу винъ тихый, спокійный. Винъ и зъ батькомъ говорить зъ пошаною й матирь поважає та часто въ руку цидує. Выбирай Густава.

— Я, мамо, примытала, що Германъ трохи непокирлывый и навить палкый, сердытый: разъ такы добре гукнувъ на свою сестру,—сказала Настя, лягаючи въ постіль.

— Це погано, колы чоловікъ непокирлывый та сердытый, та натурыстый—надъ такимъ дуже трудно верховодыты. Намъ лучче, колы чоловікъ буде такый, якъ зъ клочья батигъ,—навчала маты дочку.

— Але, мамо, якъ я любытому свого чоловіка, а винъ мене любытме, то на що здалося те верховодиння? Мы будемо поважаты одно одного, будемо годыты одно одному, й николы не буде мижъ нами ни змагання, ни сваркы та колотнечы,—обизвалась Настя, потягаючи въ постели.

— Еге, еге! не знаешъ ты, доню, тыхъ чоловикивт. Винъ буде й тыхый, и тебе любыме, а все такы буде стягаты гроши въ скрыню, а ты будешъ йому дывытысь въ руки. Все воны якись злыденни, все гребуть на-вищось гроши та замыкають въ скрыню. А ты скачы коло його, якъ винъ тоби скаже! Чы для того жъ намъ Богъ давъ живоття, щобъ мы кожду копійку выканючувалы въ йихъ, якъ старчыы. Живоття для того, доню, щобъ пожыты всмакъ и повеселытысь,—навчала маты Настю.

— А це й правду вы кажете: яке пакъ жыття нашої сусиды, Оныси Степанивны? Цилый викъ товчеться коло роботы, якъ Марко по пекли,—обизвалась Настя:— не живе, а тилькы животіе, хто його зна для чого й на що.

— А ты бѣ стала на йий миспе?

— Ой, Бороны Боже! Я не люблю того господарства, якъ и вы мамо.

— То знай же: якъ выйдешъ замижъ, то не потурай чоловикови: вхопы вижки въ свои руки такы одъ першого дня, то й будешъ правуваты чы собѣ, чы цабе, якъ хочешъ,—сказала маты.

— Воно справди добре смыкаты за вижки та поганяты; багато краще, ніжъ сами попастысь у вижки,—сказала Настя.

Балабушыха балакала зъ дочкою до сѣвита й тилькы сѣвитомъ воны послулы й спалы до пивдня.

Черезъ тыждень въ недилю Балабушыха зъ дочкою сподивалысь вызита одъ Шмидтивъ: обыдвѣ прычепурылысь, надили кращеньки сукни, й все сыдили въ зали та выглядали въ викна. Воны не помылылысь. За воритьмы загуркотивъ визъ. Прозъ викна майнувъ фаетонъ. Въ фаетони сыдила дыректорша зъ дочкою, а прогы йихъ Густавъ и Германъ зъ здоровымы букетамы въ рукахъ, такъ що Настя здалось, нибы воны везуть повный фаетонъ квитокъ.

— Гости йидуть!—гукнула Балабушыха.

— Та ще й зъ букетамы!—писнула Настя й зачервонилась, якъ рожа.

— Тикаймо зъ залы та выйдемо до гостей зъ кимнаты; буде якось ефектніше, — зашепотила Балабушыха. Обыдвы воны бигцемъ побиглы зъ залы й кынулысь до дзеркала.

— Я выйду попереду. а ты заразъ выходи за мною, — сказала Балабушыха: — але ты, Насте, не вмєшь ефектно выходыты до гостей: ты передражняешъ мене, й воно выходыть дуже вже зъ повагомъ. Мини такъ лычыть выходыты, бо я вже литня людына. На мини й чорна сукня съ шлейфомъ. Я выйду ось якъ!

Балабушыха пишла въ опочывальню й въ одчыннани обыдвы половыны дверей выйшла солидною ходю, зъ повагомъ, якось по-театральному.

— А ну, Насте, выходи ты й привытайся до мене, нибы до гостей. Ты выходи швыденько, жваво, нибы пустуючы, навить наче выбижы, пидскакуючы.

Настя выйшла въ опочывальню й выбигла звидтыла рыстю, весело осьмихаючысь. Вона подала руку матери, выгнувши граціозно талію. Маты вхопыла свою пещену йедыныцю долонямы за щокы й поцилувала.

— Легше та зручніше, доню, выгынай талію. А якъ визьмешъ букетъ, то зновъ выгны талію. Зъ дыректоршею поцилуйся разъ, зъ Амалією двичи або й трычи, та не помылляйся часомъ, — не поцилуйся зъ панычамаы. Выходи же заразъ за мною. Кылыно! вставъ у пичъ кофій та пошлы въ лбохъ зибраты до кофію зъ глечыкывъ вершечкы.

— Колы жъ коты вночи геть чысто позйндады глечыкы й одынъ перекынулы: дирка въ прыгребыди вже зъ мисяць незаробляна, — сказала Кылына.

— Бодай ти коты выщезлы й повыздыхаы. Бижы на мисто до жыда та заразъ, заразъ достанъ вершечкывъ, — тыхо сказала Балабушыха.

Кылына оббигала половыну жыдивськыхъ хатъ, докы знайшла вершечкывъ до кофію.

Въ зали гости зашарудылы ногамы, зашелестылы сукнямы.

— Визьму я папіросу,—буде билше шыку,—сказала Балабушыха. И, взявши въ зубы папіросу, вона тихо, тихо поволокла довгый, чорный шлейфъ у залу. Тилькы що вона перецилувалася зъ дамамы, въ залу дрибненькою ходою неначе вкотылася на колищатахъ, вбигла Настя, зробыла граціозный загальный поклинъ и поцидувалася зъ дамамы. До неи пидступывъ Густавъ и подавъ йи букетъ. Настя выгнула талію, якъ мазана кыцька выгынае спынку, й взяла букетъ. Германъ подавъ букетъ Балабушыси. Вона осьмихнулася и неначе помолодчала. Букеты булы складяни зъ чудовыхъ оргыній, астръ та левкоивъ. На бокахъ букетивъ булы выкладяни зъ билыхъ дрибненькыхъ квиточокъ початкови буквы ймення й фамиліи Наси й Балабушыхы. Настя прымытыла ти буквы, кынула карымы очыма на Густава, и въ неи почервонилы не тилькы щокы й лобъ, але навить кинчыкы вухъ.

— Ограбувалы вы свій квитныкъ на букеты,—сказала Балабушыха, попросывшы гостей систы й скоса поглядаючи на чыстеньки, але простеньки костюмы на нимкеняхъ.

— Въ насъ дуже квитокъ. Мы вси любымо квитокъ,—сказала дыректорша.

— Я самъ копаю, сію й саджу цилу весну,—сказавъ Густавъ.

— И я такъ само: циле лито полываю сама й полю,—сказала Настя.

Вона любила тилькы рваты квиткы та робыты букеты, але зроду йихъ не садыла й не полола.

Настя поклала букеты на фортепјани. По зали пышлы тонки пахощи одъ резеды та левкоивъ.

— А вашъ мужъ здоровый?—спытала Балабушыха въ дыректорши.

— „Мусъ“ здоровый, здоровый! вже погналы пастысь въ траву,—сказала дыректорша, змишавшы мужа зъ конемъ, который звався Мусомъ и котрый и справди недавно трохы не здохъ.

Германъ и Густавъ зареготались и переложылы матери Балабушыни слова по-нимецькый. Дыректорша й соби зареготалась.

— Гарный у васъ фортепянь,—сказавъ Густавъ.

— Фортепянь не поганый, та зъ мене не велька музыкантша. Я поганенько граю, хочъ дуже люблю музыку,—сказала Настя.

Густавъ одслонивъ вико фортепяна й взявъ килькы аккордивъ.

— Сидайте та заграйте безъ церемоні!—припрошувала Балабушыха.

Густавъ сивъ и загравъ якогось простенького вальса. Дыректорша й Амалія похвалылы фортепянь. Настя попросила Амалію пограты. Амалія опыналась, трешкы зачервонилась и несмылыво програла якусь піеску, ледви доторкаючысь пальцямы до клавышивъ. Панычи попросылы Настю заграты. Настя й соби довгенько опыналась, церемонилась, одначе сила й не погано заграла варіяцію. Молоди гралысь фортепяномъ, неначе цяцькою.

— Мосье Шмидтъ! сидайте, та заграемо въ чотыри руки,—казала Настя, обертаючысь до Густава.—Я буду граты польку, а вы будете миниакомпануваты. Я вамъ покажу аккорды.

Полька выйшла въ чотыри руки дуже ефекта й голосна. Амалія прысила коло фортепяна поручъ зъ Настею. За нымы стоявъ Германъ. Балабушыха задывылась на чудову купку молодыхъ голивъ и Густава та Настю, котри выглядали з-за цилои горы квитокъ, покладяныхъ на фортепiani. Молоди головы, румяни щокы та губы змагалысь красою съ съвижымы роскишнымы квитками букетивъ.

— Мадамъ Шмидтова! гляньте, яка чудова купка за фортепяномъ! Одни букеты квитокъ на фортепiani, други за фортепяномъ. Букеты, панны й панычы! Чы йе що краще на свити?

Мадамъ Шмидтова глянула байдужнымы очыма на группу й сентыментально зитхнула, пиднявши очи вгору.

—Отъ чудова группа! Я бѣ вышыла йи на подушци гарусомъ,—сказала Балабушыха.—Правда, була бѣ чудова подушка?

— Ой, мій Боже!—зновѣ солоденькымъ голосомъ промовыла Шмидтова й закотыла очи пидѣ лобъ, хочѣ не добре зрозумила Балабушыни слова.

— Гарного зятя буду маты,—подумала Балабушыха.—Кылысь прыйиду до дочки въ гости, та хочѣ надывлюся на його, хочѣ обійму, а може кылы й поцилуюсь по праву матери.

Кылына прынесла кофій. Вершечкы тхнулы цѣвилымъ жыдивськымъ лѣхомъ. Дыректорша й Амалія пылы кофій и трохы поскрывлялысь. Балабушыха прымытыла ти гримасы й почала заговорюваты.

— Чогось зѣ нашихъ коривѣ погане молоко. Якыйсь такий негарный духъ одѣ його. Навить масло зѣ йихъ чымсь одгонуться. Чы не нараялы бѣ вы мни, мадамъ Шмитова, де-небудь кыпыты корову?

— Може ваши коровы пасуть на гиркый травы: йе такий гиркый трава, дуже смердыть, и якъ той смердячий трава ззистѣ корову, то й молоко буде смердыть—сказала дыректорша.

Писля кофію гости трешкы посыдили й попрощалысь. Вони просылы до себе въ гости Балабухѣ. Гости силы въ фаетонѣ и ще разѣ попрощалысь. Балабушыха стояла на ганку й ще разѣ гукнула:

— Не забувайте жѣ насѣ! Прыинздайте до насѣ якъ можна частше!

Вернувшысь у залу, Балабушыха й Настя заразѣ кынулысь до букетивѣ.

— Мини прывизѣ букетѣ Густавѣ. Ось и поднысь йе. Чы вы бачыте, мамо?

— А мини прывизѣ Германѣ. Чы ты ба! Ось и мій пидпысь,—сказала Балабушыха, забувшы, що йи швыдко буде пятьдесятѣ рокивѣ.

— Ой, мамочко! та й гарный же Густавъ! — крикнула Настя:— въ чорному убранни винъ ще кращый одъ Гануша.

— О, ни! Ганушъ кращый. Въ Гануша темни кари очи й постать повниша й поставниша,—сказала Балабушыха.

— А въ Густава сыни очи, наче небо. Я люблю сыни очи,—сказала Настя, нюхаючы букетъ.

— Буде, буде твій Густавъ! Треба, доню, справляты балъ.

— Треба мамо, та ще якъ можна швыдче. Ой якъ мини хочеться потанцюваты!

Балабушыха вхопыла Настю долонямы за щоки й почала йи цмокаты.

— Золото мое дороге! Якъ я буду жыты безъ тебе, якъ завезе тебе Густавъ десь далеко? Ты моя подруга, моя товаришка, моя мазуха, моя йедынычка!—говорила Балабушыха, обнимаючы та цілуючы Настю.

Въ Насти на очахъ выступылы слёзы, неначе вона вже збиралась выйизджаты зъ Густавомъ въ далекий край, за гряныцю.

— Яки то сукни мы справымо соби на балъ,—почала вже клопотатысь Балабушыха:—въ якого кольору сукню я тебе прыберу, моя доню?

— Мабуть въ рожеву, легеньку барежову,—сказала Настя.

— О, ни! Треба тебе враты въ якусь дорожчу. Я думаю зробыты тоби атласну билу: билый кольоръ прыстае найкраще тоби до лыця, бо ты чорнява; въ рожевому ты будешъ блида.

— То нехай буде биле атласне, а до грудей й до плечей прышпылымо рожи въ зеленому лысти. Ой якъ буде гарно!

— А я думаю пошыты соби зелену сукню, якъ не атласну, то прынайми пополовини зъ шовкомъ. Правда, мини зеленый кольоръ прыстае до лыця?—сказала Балабушыха.

— Вамъ, мамо, найкраще въ чорному або въ сирому.

— Ще що выгадай! Хиба жъ пакъ я така вже стара, щобъ убиратысь въ чорне. Мій кольоръ зеленый, и я пошыю соби шовкову зелену сукню.

— Але чы даць папа грошей. На такі сукні грошей треба дуже багата.

— Мы папы не звыклы пытаты. Треба, то й настачай! А намъ треба показаты тебе Густавови въ усї краси. Може винъ повезе тебе й за гряницю.

— Ой, мамочко моя!—крыкнула Настя й кинулась цилуваты матирь. Довго ходылы воны по зали, побравшысь по-пидь руки й махаючы роскишнымы букетамы, докы не прыйшовъ Балабуха, и Кылына подала обидь.

Балабушыха думала справыты балъ восены, якъ спаде жара, щобъ не було важко танцюваты. Щобъ не брала нудьга, докы настане те сьвяте, Балабушыха зъ Настею задумалы для розвагы вышиваты. Настя распочала вышиваты соби покривчыкъ на стильчыкъ до фортепяна, а Балабушыха третю подушку на канапу, таку саму, яку вона вышыла Ганушеви. За вышиванямъ воны прыдумувалы соби костюмы на балъ и выличувалы, що будуть коштуваты рожи, атласни били черевычкы, гирлянды та сукні. Воны налчылы билше сотни карбованцивъ и постановылы прычепытысь до Балабухы.

— Марку Павловичу! а мы оце зъ дочкою задумалы справыты балъ. Густавъ, здаецься, залыцяецься до нашой Насти. Партія була бъ дуже гарна. Я думаю попросыты на балъ нашыхъ фабрыцкыхъ знайомыхъ.

— Кого? Отыхъ мищанъ?—спытавъ Балабуха.

— Якихъ мищанъ? Попросымо дырেকтора зъ сямьею та двохъ, трьохъ його знайомыхъ, кращенькыхъ, — сказала Балабушыха.

— Ты не дуже йихъ напрошуй: и такъ парафіяны вже гомоняты, що до насъ въ димъ йиздять тилькы ляхы та нимци. Ты знаешъ, що наши духовни дывлятыся на фабрыцкыхъ панычывъ, якъ на пройдысьвитивъ та бурлакъ. Намъ потрибна добра слава для Насти. Богъ видае, яки тамъ люде на сахарняхъ. Семынарысты обмынатымутъ насъ, заговоряты, — сказавъ Балабуха.

— Нехай говорити! я за духовного не думаю давати своєю дочки,—сказала Балабушыха.

— Такъ парафіяны одвернуться одъ сьвященъкивъ; а хибя це гарно?—сказавъ Балабуха.

— Ото й добре. Я й сама давно одъ йихъ одвернулася. Але не объ тимъ мова. Треба Насті справити сукню, якъ не шовкову, то билу атласну; та й соби я думаю пошити нове убрання.

— Атласну билу сукню? та ще й вечирь? А скільки жъ вона коштуватиме?

— Мы поличылы зъ Настею, й выходыть на вси уборы трохи билше сотни карбованцивъ, або й усихъ дви.

— Сто карбованцивъ або й двисьти!.. крикнувъ Балабуха й скочывъ зъ стільця, не вважаючи на свою постать, вже зовсимъ обважнилу.

Винъ почавъ ходити по хати, перехняблюючиься на ходи.

— Сто карбованцивъ! Въ мене въ кишени нема й двадцяты.

— То мы наберемо наборъ у Волька,—Волько дасть на квытокъ,—сказала Балабушыха.

— А хибя въ насъ и безъ того мало тыхъ квыткивъ: мы жъ недавно заплатылы за фортепянь; платымо скажеи гроши Ганушеви за Настыни урокы музыки,—говорывъ зъ серцемъ Балабуха, ажъ жинка й дочка здывувалысь.

— Уже якъ хочъ, а намъ треба новыхъ суконь. Треба браты на квыткы.

— То прожены Гануша—менче буде траты. На що намъ та музыка? Настя вже вивчылася граты; буде зъ неи.

Балабушыха подумала, що вона билше не бачытиме Гануша двичи на тыждень, и сказала:

— Ни, ще треба браты урокы. Я вмру безъ музыки. А ты намъ такы дай грошей.

— А якъ нема? Легко сказаты—дай. Отъ мищаны збираються позываты мене въ мытрополита за вельку платку на требы; самъ чувъ сьюгодні на базари, якъ мене лаялы.

— Нехай лають, а гроши нехай платять. А Насті такы треба прыбраться,—вона вже на пори стала, вже дорбсла дивчына.

— Про мене, якъ хочешъ, а я грошей не дамъ, бо не маю. Та й той балъ не карбованцемъ одбудешъ.

Балабуха пиднявъ голосъ такъ, що Балабушыха й Настя тилькы очи повытрищали на його. Балабуха знавъ, що теперъ його жинку не вкраде той старый нимецъ столяръ, що щыпавъ йи за плечи въ дыректора; знавъ, що вона не втиче до батька въ Хохитву, бо батько й маты померлы—й ставъ сьмиливишый.

— Якъ не дасы намъ грошей, то мы й сами наберемо наборъ на убрання въ Волька,—сказала Балабушыха.

— А якъ я скажу Волькови, щобъ винъ вамъ ничего не дававъ, бо я не буду платыть?

— О, ты цього не зробишь, и не робы. Це буде скандалъ, а въ тебе—дочка.

— А якъ зробию? Де я вамъ наберу тыхъ грошей. Не домовыкы жъ минн носять гроши?

— Господы! Я не знаю, шо ты за людына. Якбы не було треба, я бъ тоби не говорила й не просыла. А мы все-таки пошыемо соби атласни сукни.

Балабуха ходывъ по хати й сопивъ. Въ його лице налылось кровью, а потимъ зблидло. Выдно було, що винъ не жартувавъ. Настя подумала, що вже й не буде бала, й почала плакаты. За нею почала говорыты кризь слёзы й маты. Дочка такъ вже звыкла марыты за билу атласну сукню, що йи здавалось, нибы та сукня вже прыросла до неи. Балабушыха спала й бачыла себе й въ снахъ въ зелени, блискучи сукни въ кадрили зъ Ганушемъ, або хочъ зъ нимцемъ столяромъ. Вони пидняли гвалтъ кризь слёзы.

— Ты хочешъ, щобъ твоя дочка вбиралась, якъ старчыха, zostалась старою дивкою? Це безглуздя!—репетувала Балабушыха.

— Хто жъ цього хоче? Але минн здається, що можна выйты замижъ и безъ атласной сукни,—обиззався Балабуха.

— Еге! спробуй вийди замижъ въ пистрьови сукни!— сказала Балабушыха.

— Мини замижъ не выходыты, а Настю ни хто жъ не вбирае въ пистрю. Справъ для неи якусь дешевшу сукню, сама вберысь въ стару: хиба въ тебе мало суконь?

— Ты хочешъ занастыты вижъ свои дытны, хочешъ заперты йи въ манастыр! Ты насъ хочешъ поробыты черныцями, прохачкамы!—репетувала Балабушыха.

Балабуха махнувъ рукою й втикъ въ кабинетъ. Балабушыха й Настя довго сьидили й мовчали.

— Знаешъ що, Настю? замкну я шафу й не дамъ йому горилки. Не бійсь, на горилку для себе не шкодуе грошей: що Божого дня хылыть по дви чаркы передъ чаемъ, по дви до обида, ще й писля обида одну.

— А чай папа усе пье зъ ромомъ. Хиба мало йде грошей на ромъ?—обизвалась Настя, втераючы сльозы.

— А не дамъ я йому й рому й горилки! Добре, що ты прыгадала,—сказала Балабушыха.

Вона побигла швиденько до шафы, замкнула й ключи сховала въ кышеню. Наставъ часъ обида. Посидалы за стиль. Балабуха окынувъ очыма стиль и примитывъ, що на столи нема графына зъ горилкою.

— А чомъ це вы не поставылы на стиль горилки?—спытавъ Балабуха въ дамт.

Балабушыха й Настя сьидили, спустывшы очи, й мовчали.

— Насте, встань та подай графынъ!—сказавъ Балабуха. Настя сьидила й мовчала.

Балабуха разсердився, вставъ зъ стильця, пишсвъ до шафы, смыкнувъ, пошкрябавъ пальцями дверци. Шафа була замкнута.

— Олесю, де ключи одъ шафы?—спытавъ Балабуха.

Олеся мовчала й сердыто дывылась въ тарилку. Вона трохы не зареготалась. Настя осьмихнулась, втераючы сльозы хусточкою.

— Насте, пошукай ключивъ въ себе въ кышени,—сказавъ Балабуха.

Настя й пальцемъ не ворухнула.

Балабуха комично стоявъ середь хаты й ждавъ. Обыдвими дами понадымалысь и мовчали.

— Чы на васъ сьогонди наслано, чы вы понимили?—спытавъ Балабуха, розводячы рукамы.

Дамы мовчали й навить не глянулы на його.

Балабуха зрозумивъ жинчыни штуку, зитхнувъ и сивъ за стилъ. Безъ горилкы йому не йшовъ на душу обидь. За обидомъ ниhto й слова не промовывъ. Настя ничего не йила. По обиди винъ зновъ попросывъ ключивъ одъ шафы. Олеся й Настя мовчали й навить не дывылысь на його. Балабуха пишовъ въ кабинетъ, гуркнувъ, хрюпнувъ дверыма й зачынывся. Балабушыха й Настя переглянулысь и осьмихнулысь.

Наставъ вечирь. На стилъ подады самоварь. Настя налыла чай. Балабуха гланувъ на стилъ: на столи не було графынчыка зъ ромомъ.

— А чомъ вы оце не подады до чаю рому?—спытавъ Балабуха вже мякишымъ тономъ.

Балабушыха й Настя сьидилы понадымавшись и мовчали. Балабуха вставъ, пишовъ до шафы, пошкрябавъ у дверци. Шафа замкнута. Вранци Балабуха почутывъ, що въ його жывить чогось неначе порожній. Винъ вгадувавъ, що передь обидомъ зновъ буде те саме, що й вчора, пишовъ у пекарню й пославъ Кылыну до жыда по горилку.

Балабушыха чула, якъ винъ рыцнувъ дверыма въ пекарни, якъ Кылына выскочыла й побигла черезъ синны, й заразу за все дагадалась. Вона посадыла Настю коло викна стерегты Кылыну, якъ вона буде вертатысь зъ горилкою.

— Яки чудни вижки выдумала мама на тата,—думала Настя.—Невже вона поверне ными тата, куды намъ треба? Одначе треба й соби мотаты це на вусъ: може колысь прыгодыться.

Кылына затупотила въ синяхъ. Настя дала знаты матери: Балабушыха стала за дверыма й ждала. Кылына увійшла въ столову й поставыла на стиль горилку. Въ Балабухы заграло нутро, неначе въ йому загралы цымбалы. Тилькы що Балабуха одчынивъ двери зъ кабинета й хотивъ взяти пляшку, Балабушыха скочыла з-за дверей, загарбала пляшку въ руки й замкнула въ шафу. Балабуха тилькы тоди зоглядився, якъ дзенькнувъ замокъ, и Олеся выбигла зъ столовой. Винъ стовпомъ ставъ. Въ його нутри неначе разомъ вси струны порвалысь.

Постоявши на одному мисьци, Балабуха пересъвидчывся въ тому, що жинка не жартуе й обвела його такимъ кордономъ, черезъ який и Кылына зъ пляшкою не проскочыть. Часъ обида наблыжався. Балабуха почувавъ, що довше не выдержыть. Винъ одимкнувъ камоду, взявъ останни пятнадцать карбованцивъ, вынисъ въ залу, де сыдила жинка зъ дочкою за п'яльцями, й кынувъ гроши на стиль.

— Оце вамъ останни гроши! Про мене, що хочете, те й робить! цилуйтесь зъ т'єю н'аволоччю!—сказавъ Балабуха й вийшовъ зъ хаты.

— Мы решту й наборъ доберемо, якъ на що не стане цихъ грошей,—обизвалася Балабушыха.

Балабуха вийшовъ до столу на обидь. На столи, на старому мисьци, стоявъ графынъ зъ горилкою. Балабушыха почала любенько заговорювати зъ чоловікомъ. Настя стала весела: вона вже неначе распочала гуляты на балу й вже марыла про билу атласну сукню. Але Балабуха надувся, мовчавъ и тры дни потимъ не говоривъ до жинкы.

По обиди маты й дочка побиглы въ крамныцю до Вольчыхы. Балабушыха выбрала соби зеленой матеріи на сукню; билого доброго атласу не знайшлы въ усихъ крамныцяхъ. Вольчыха мала йихаты незабаромъ до Кыива, й Балабушыха звелила йи привезты атласу на сукню й атласни били черевычкы, гирляду й били рукавычкы для Насты.

Вольчыха пойхала до Кыива й барылась та дьялась, неначе пойхала по свою смерть. Цылый тыждень Настю брала нетерплячка, що—дня вони бигалы до Волька напереминку, щобь спытаты, чы не вернулась Вольчыха зь Кыива. Ажь другого тыжня Вольчыха прыйихала й прынесла закупкы.

Балабушыха розстелыла матерію въ зали на столи. Сьвижий блыскучый атласъ перелывався деликатными сутинкамы, спадаючы ажь до помосту фалдамы. Настя поставыла на столи били черевычкы, роскыдала на канапи на вышываныхъ подушкахъ рукавычкы, блонды, рожи й не могла на йихъ надывытысь. Балабушыха, якъ звычайно, похожала по зали й фантазувала, курячы папиросу.

— Сидай, Насте, за фортепянь та заграй, щобь твои черевычкы добре танцювалы на балу,—сказала Балабушыха.

Настя сила за фортепянь и, поглядаючы на убрання переграла до рукавычокъ чотыри полькы та до черевычкивъ тропака. Вона згадала Густава й засьпивапа гарненькый романсь: „Что это за сердце? что же за такое, что ни днемъ, ни ночью не даетъ покою?“

Награвшысь и насыпивавшысь, Настя послала за кравцемъ Мошкомъ и звелила йому прынести картынкы зь моднього журнала. Мошко прыйшовъ и прынесъ засмальцьовани картынкы модь; вони втрюхъ вчынылы раду, якъ шыты сукни.

— Тоби, Насте, треба шыты сукню декольте, якъ на оци фигури, а я соби одслоню тилькы шыю та трошкы плечей,—сказала Балабушыха.

Настя глянула на заялозену картынку. На фигури булы одслоняни вси плечи, груды до половины й руки трохы не пидъ пахвы.

— Ой мамочко! мини здаватиметься, що я гола,—крыкнула Настя.

— Ото й добре! ты, нивроку, тилыста соби. Въ тебе плечи й руки повненьки й биленьки,—йихъ варто одслониты.

— И зроду—звику не хочу! Мини буде соромъ выйты до гостей....

— Дурненька ты! Густавъ швидче старостивъ зашле,— сказала Балабушыха Насти на вушко.

Настя спашнула, але все-таки згодылась одслоньты ту прынаду: чымало плечей та руки по ликти.

Мошка посадылы шыты сукни въ себе въ покояхъ, щобъ винъ часомъ не вкравъ материн та не вкоротивъ шлейфивъ. Черезъ тыждень сукни булы готови. Балабушыха зъ Настею пойихалы до Шмидта й попросылы всю його симью на балъ, а зъ нею разомъ и всихъ своихъ новыхъ фабрыцькыхъ знайомыхъ.

Балабуха, надывывшысь, якъ його жинка й дочка тягалыся зъ тымы уборами та прыбираннямъ на балъ, сивъ за свій дйярыушъ и напысавъ: „Запастія й ожерелія, або жиночка суета“. Пофилософствувавши на цю тему, згадавъ, скилькы перетерпивъ, не пывшы два дни горилкы та пуншу, й напысавъ байку про добраго чоловика Мыкыту та лыху жинку Феську, котра не давала йому пыты, а сама що-дня хылыла горилку въ корчми.

Наставъ день бала. Балабушыха й Настя ще завидна повбиралысь и похожалы по зали, оглядаючы себе кругомъ въ дзеркали. Настя роспустыла по плечахъ роскишни чорни локоны. Въ локонахъ биливъ пучокъ билыхъ трояндъ, котрый чудово прыстававъ до йин чорныхъ бривъ та матового деликатного лыця. Рожеви пучечкы, пришыпыляни на персахъ и коло плечей, кокетливо зминялы однотонність цилого убору. Настя вся блыщала въ деликатныхъ тонахъ и сутиняхъ, крутылась, вертилась коло дзеркала й гримала на сонце за те, ще воно такъ довго ве заходьты.

Зайшло й сонце. Въ покояхъ посъвитылы лампы й свичкы. Вже прийшлы жыдкы й загралы въ синяхъ „на добры-вечеръ“. Колы це въ двори загуркотило, неначе хто котывъ гарматы пидъ самымы викнамы. Въ синяхъ затупотила така сыла нигъ, неначе цила громада врывалась въ димъ.

— Иды, Насте, въ свою кимнату та выйдешъ тоди, якъ уси госги вже повходять въ залу. Я скажу, що ты вб-раеця,—сказала маты.

Настя дрибненько выбигла зъ залы й прычыныла двери.

Довго тупцялы гости въ прыхожи, довго роздягались та чепурылысь. Въ кинци всего двери зъ прыхожи одчынылысь, и въ залу вскочывъ Ганушъ, неначе актьоръ на сцену. Винъ бувъ у фраку, въ паловыхъ рукавичкахъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, напомаженный, пахучый, ривный, якъ тополя. Балабушыси здалось, що въ зали звидкильсь зійшло сонце. Вона трохы не кинулась йому на шыю.

За Ганушемъ влетили въ залу Густавъ и Германъ, такъ само убрани. Ихъ молоди, ривни, чепурни постати чудово вызначалысь въ фракахъ и въ паньському чорному убранни.

За Густавомъ та Германомъ увійшла дыректорша и йи дочка, убрани простенько, зовсимъ не по-бальному. На дыректорши була чорна вовняна сукня. Балабушыха трохы насупылась.

— Знать мене не поважають оди нимкени: повбиралысь, неначе на похоронъ,—подумала Балабушыха.

Зъ прыхожи входывъ довгый рядъ гостей, довгый, неначе йому й кинця не було. Увійшовъ французъ, потимъ старый немецъ Монтагъ, а за нымъ ще якийсь молодой немецъ, тры сахаровари зъ сусидной Хохитвянської сахарни, та тры полякы. Въ кинци всего увійшли несъмилыво якийсь два столяри, стари немци въ заялзеныхъ сиртукахъ и въ такихъ старомоднихъ узенькихъ штанынятахъ, що йихъ сухи тонки ноги byly схожи на цалыши. Здорови чоботы простой роботы byly обхвачени штрыбками. Черезъ узьки рукавы стремилы гостри лигты.

Въ залу всунулась вся Мыронивська сахарня, поклякавшы зъ собою свою близьку сусиду, Хохитвянську сахарню. Мыронивськи офіціялысты рекомундувалы хазяйци своихъ знайомахъ зъ Хохитвянської сахарни. Балабушыха

була рада й привитно подавала руку навіть старымъ столярамъ въ кучьхъ штанынятахъ на штрыбкахъ.

Выйшовъ Балабуха й привытався до гостей. Гости зашумили, сповнывши всю залу, загомонили на усякихъ мовахъ. Балабушыха сила коло дыректорши й розмовляла зъ нею. Въ зали стоявъ якыйсь гоминь, навіть клекисть, чудный для вуха. Убоги столяри нимци несъмилыво посидали рядкомъ и, поклавшы руки на колинахъ, мовчали. Ще загуркотило надвори, й въ залу увійшовъ англчанынъ зъ своимъ прытелемъ зъ Хохитвянської сахарни. Въ кинци всього въ одчияни двери увійшовъ батюшка зъ другои мискою церкви зъ сыномъ семинарыстомъ. Балабушыха не просыла на вечирь ни одного батюшкы, ни одніен матушкы. Вона зачудувалась одъ такои несподиванои дизгармоніи на балу й глянула на Балабуху дуже сердыто.

Балабуха знавъ, яка компанія буде въ його доми, й тыхонько одъ жинкы запросывъ до себе батюшку, щобъ було прынаймни зъ кымъ розмовляты.

— Насте! виходь вже въ залу! Все гости зйихалысь,— сказала Балабушыха, увійшовшы въ кимнату, де сидила Настя:—ну та й гостей наклыкала я тоби! А якый гарный Ганушь! якый убраный! яка його постать у ффраку!

— А Густавъ у ффраку, чы ни?—спытала Настя.

— Атожь! Тамъ у зали чыста заграниця. Мини здалось, що я не въ Богуслави, а десь въ Парыжи, або въ Рыми.

— Ой, пиду й я мерщи въ ту заграницю! — сказала Настя.

— Але колыбъ ты знала мое горе: въ залу прыперся заросянський попыще та ще й зъ сыномъ. Оце такъ оказія!

— Невже? Поганый знакъ пры виходи зъ попомъ стрипутысь,— сказала Настя й задумалась.

— Отъ и выгадала,— сказала Балабушыха й затулыла Насти рота пальцями.

Музыкы загралы маршь.

— Выходь, Насте: саме добрый часъ,— музыкы грають маршь. Билше буде еффекта!

Настя увійшла въ залу проворненько, але не дуже швидко, саме такъ, якъ приставало до сукни зъ шлейфомъ. Клекить въ зали въ одну мить затыхъ. Вси обернули очи на Настю. Стари столяри въ кущыхъ натягнутыхъ рейтузахъ схопылысь зъ мисця й вытяглысь, неначе передъ дыректоромъ. Настя привыталась зъ дамами й стала коло стола. До неї потяглася довга процессія зъ двохъ сахарень. Одни подавали йїи руки, бидниши нимци цилували йїи въ билу рукавичку. Жыды урочысто дерлы смычкамы по скрипкахъ; контрабасъ прыхкавъ, неначе хто гунавъ добнею въ дошку. Музыкы переносылы думку въ корчму: здавалось, ныбы десь за сьтиною дивчата й хлопци танцюють козачка.

— Та й гупае жъ Янкиль! Ця музыка тоди найкраще грае, якъ не грае,—обизвався батюшка, въ котрого нервы були дуже слабкы

Настя привыталаъ до всихъ и сила коло Амаліи. Вони обидви мовчали й тилькы дывылысь одна на другу, бо Амалія була для Насти нима, а Настя для Амаліи—такъ самонима. Въ зали пиднявся клекить на всякихъ мовахъ. Настя оглянула залу, й йїи здалось, що вона и справди за-грянницею. Подалы чай. Гости розбрелысь по зали. Настя, намовчавшысь всмакъ зъ Амалією, трохы не позихнула й встала. До неї пидійшовъ Густавъ. Настя окынула окомъ його поstattь, и трохы не вмерла. Вони почалы гуляты по зали.

— Ваша Настя буде король бала,—промовыла дыректорша, до Балабушыхы.

Балабушыха осьмихнулась, окынула окомъ залу й тоди тилькы прымытыла, що панычивъ була повна зала, а дамъ всего пять, прыдаючы до гурту й стару дыректоршу.

— Боже мій! адже-жъ мои Насти не буде надъ кымъ королюваты, хйба надъ старою дыректоршею та нимою французенкою. Зъ кымъ же будуть танцюваты мои кавалеры? Отъ тоби буде балъ!

Балабушыха встала, кывнула на Настю, й вони вийшли зъ залы.

— Моя мыла Насте! Чы ты знаешъ, що на нашому бали нема дамъ?

— И справди? А я й не примитыла,—сказала Настя.

— Ты, серце, за своимъ Густавомъ никого не прими-чаешъ. Йи Богу,—забула попроситы на балъ дамъ. И навищо Богъ сотворивъ тыхъ гыдкыхъ дамъ? Чомъ на свити не одни тилькы кавалеры?—сказала Балабушыха.

— Та колы вже Богъ сотворивъ дамъ, то треба й йихъ про-ситы на балъ. Пышитъ заразъ, мамо, до двоохъ докторивъ, до становой та до... матушкы.

— Ой, до матушкы не хочу пысаты. Въ одного доктора тры стари панны, въ другого—двѣ, такъ само вже пидтоп-тани та дождали, та може прыйде станова зъ дочкою,—та й буде,—сказала Балабушыха:—але сядь, доню, та сама напышы, бо я забула й перо въ рукахъ держаты.

Настя сила коло столыка й напысала лысты. Балабу-шыха пидпысалась и наробыла граматычныхъ помылокъ въ пидпыси трохы не въ кожнѣ буквѣ.

— Ну, це була бь штука! Добре, що вы, мамо, зачасу згадали,—сказала Настя, встаючы з-за столыка.

Черезъ годыну попрыизджалы дамы. Письля чаю Гу-ставъ звеливъ заграты вальсь, обхопывъ за талю Настю гнучкою рукою, й легкымъ витромъ полетила молода чудова парочка по зали. Били Настыни нижкы мыготилы, неначе весняна блискавка въ легкихъ хмарахъ атласного шлейфа. Каштанова, кучерява голова Густава гармонизувала зъ чор-нымы дрибнымы локонамы классычної Настыной головки. Йи била матова шыя перелывалась чудовыми сутинямы, якъ атласъ йи билон сукни. Граціозна постать молодого верткого та жвавого хлопця въ чорному убранни була нибы высичена зъ темного мрамора. Пара карыхъ блискучыхъ великыхъ очей брызкала ыскрамы; пара синихъ очей тыхо съвитылась, неначе рання зирка: здавалось, нибы ясный пал-кый день обнявся зъ тыхою зоряною ниччою, нибы вечирня зоря въ темному неби зійшлась докупы зъ ранньою зорею

въ билому съвити нового дня, въ букети рожевыхъ легкихъ хмарокъ.

— Правда, чудова парочка!—промовыла Балабушыха до дыректорши, зробившы солодку мину й зъ щырымъ почуваннямъ показуючы на Настю та Густава.

Дыректорша тилькы похытала головою, нибы говорячы: ой, гарни воны обое, ой яки гарни!

Густавъ подякувавъ Насти. До неї заразъ прылетивъ Ганушъ и вхопивъ йїи въ свои довги дужи руки; його велычня голова зъ цылымы фылямы ясныхъ кучеривъ ясно выризалась проты билыхъ сътинъ. Высокий лобъ заблыщавъ. Мужня постать, котра вже наливалась и змицнила, ще ясьнише выступыла середь просторной зальы, неначе на освичени сцени. Въ його рухахъ було билше граціи, плавкости, нижъ въ Густава. Балабушыха задывылась на його дужу стать и граціозный станъ и зитхнула зъ самой глыбыни.

— Чомъ я не така молода, якъ Настя, якъ я була колысь? Чомъ людына не повикъ молода, не повикъ цъвите? Нащо одцьвитаються пышни квиткы?—думала вона, схылившы голову.

Вона глянула, якъ Ганушъ обнявъ тонкий Насынъ станъ, якъ його довги пальци впялысь въ йїи талю, й вона жалкувала, позавыдувала Насыни краси й молодости.

По зальи заворушылысь пары. Фабрыцькы кавалеры зъ нудьгы неначе хапалысь натанцюватись. Вся просторна зала неначе закрутылась, завертилась. Семынарыстъ пидійшовъ до Насти. Настя не пишла зъ нымъ у танецъ. Стари стояри довго сыдили, але въ кинецъ усього й йихъ узыла охота до танцивъ. Одынъ старый насымилывся такы пидійты до Насти й простягъ до неї тонки сухи руки, неначе цапыни нижкы. Настя пишла зъ нымъ танцюваты. Старый нибы брыкавсь своимы тонкымы ногамы та здоровымы чобитымы коло Насти, неначе худый жыдивськый цапъ спявся до граціозной Насынои достати, якъ до пышногo куща рожь.

— Ой, яка карлючка танцюе зо мною!— подумала Настя:— але хочъ и карлючка, а все-такы загранишна,—й це миннı приемно.

Въ кинци бала та карлючка попросила Балабушуху на кадрилъ. Балабушуха по-царськый походжала зъ карлючкою въ кадрили, хочъ затуляла нисъ хусточкою: одъ старого нимця дуже тхнуло табакою. Письля старого нимця Ганушь змылосердывся надъ Балабушухою й пишовъ зъ нею въ кадрилъ. Балабушуха неначе ожыла й засяла, и подумала соби: „а може, а може! всего буває на свити!“ Балабушуха танцювала, й очей не зводила зъ Насти. Настя найбилше й найчастіше танцювала зъ Густавомъ. Здавалось, нібы винъ не вышускавъ йи зъ рукъ.

— Слава Богу, слава Богу! не пропала атласна сукня, не пропали атласни черевычки,—думала Балабушуха.

Опивночи подали вечерю. Гостей було багато. Весь натовпъ не помистывсь за столомъ. Панычи попарувалысь у зали зъ паннами й приносили йимъ туды страву. Густавъ сивъ зъ Настею удвохъ коло маленького столыка пидъ дзеркаломъ. Балабушуха глянула черезъ двери й моргнула очыма на Настю. Настя прыжмурыла очки до матери.

— Слава Богу: не дурно такы Балабуха два дни горилкы не пывъ. Чудового зятя буду маты,—подумала Балабушуха.

Гости зъ голодными шлунками потрощылы вечерю до останнього шматка хлиба, до рисочки й писля вечери пишли зновъ въ танецъ, вже зовсимъ не по-загранишному. Одна карлючка зачепылась закаблукомъ за Настыну сукню й роздерла йи внызу. Друга карлючка настоптала Балабушыси закаблукомъ на пальци зъ могодзулямы такъ, що вона ажъ ухопылась рукою за ногу. Въ кинець усього столяръ Монтагъ показавъ на сѣтини зайчыкивъ и старого сільського вчителя нимця. Гости розйихалысь вже свитомъ. Другого дня Балабушуха й Настя спалы цилый день до самого вечора.

Цилу зиму йиздылы Густавъ та Германъ въ гости до Балабухы, якъ близькы сусиды. На Риздво й въ мясныци Балабушуха давала рады Густава вечори. Дило наче бъ то зовсимъ ишло вже до винця, якъ здавалось Балабушыси.

Але разъ писля Велькодня Балабушуха пойихала зъ Настею въ гости до Шмидта. Весна стояла у вси краси.

Настя ажъ палахкотила одъ коханя до Густава. Балабушы-си хотилось хочъ всмакъ надывытысь на Гануша. З-за лиса зачорнивъ высокій стовпъ сахарни. Пышна весьяна година сприяла йихъ веселымъ почуваннямъ и гармонизувала зъ ными.

— Колыбъ ты, Насте, знала: якъ угляжу я сахарню, то неначе пьяныця вглядить корчму,—сказала Балабушыха трохы вульгарно.

— А я, якъ углядила отой чорный стовпъ, то мини здалося, що винъ заквиччаний рожами. Мини чогось здається, що тутъ десь пахне резеда,—сказала Настя.

Воны вйихали въ фабрыцькый двирь и стали коло дыректорового двора.

— Мабуть вже зацьвили весьяни квиткы въ дыректоровимъ квитныку,—сказала Балабушыха:—оттамъ, мабуть, саме красуються чудови квитныкы на зелени травыци, повни, тюльпанивъ, нарцызивъ та пивоній... Ой яки тамъ гарни клумбы! Я бъ йихъ вышыла на подушци. А ты, Насте?

— И я бъ вышыла. А побижимъ та хочъ гляньмо черезъ частокиль.

Воны побиглы й заглянули черезъ частокиль въ квитныкъ. Квитныкъ бувъ навить не скопанный. Земля на грядкахъ чорнила, й дорижкы вже заростали бурьяномъ. Кошыкы—клумбы були порожни. Тюльпаны та леліи були навить повыкопувани. Хвиртка була одчынiana. Въ клумбахъ безкарно рылы землю свини.

— Що це за диво? Чомъ це Густавъ та Германъ не опрядылы й доси квитныка?—сказала Балабушыха.

Воны увйшли въ прыхожу, роздяглыся, повишалаы одержу на килочкахъ и прожогомъ убиглы въ залу. Настя думала стринуты Густава, Балабушыха—Гануша.

Зала була порожня, неначе пустка. Зъ другои кимнаты выйшовъ сторожъ, якыйсь дидь, нечупарный, ще й выдроокый.

— Що це за диво?—крыкнула Настя й почутыла, що йи сердце затрипалось въ грудяхъ, неначе зъ переляку.

— Де дилысь Шмидты?—спытала Балабушыха въ сторожа.

— Вчора выйихалы чы за гряныцю, чы въ Варшаву: Богъ його знае, куды. Тутъ зайизджавъ до дыректора нашъ пань, та якъ почалы шварготиты, та якъ почалы крычаты та змагатысь, та трохы не побылысь. А другого дня дыректоръ знявся зъ мисья та й выйихавъ похапцемъ зъ симьєю десъ далеко за гряныцю, чы що,—сказавъ сторожъ.

Настя, якъ стояла, такъ и впала додолу, зомлившы. Балабушыха, сыдячы на нызькому одвиркови на викни, схылыла голову до сьтины.

— Воды! Прынесы, диду, мерщи воды!—крыкнула вона зъ викна. Дидъ почымчыкувавъ и прынесъ кухоль воды. Балабушыха напылась, потимъ прыснула зъ рота водою въ лице Насти. Настя росплющыла очи. Балабушыха вывела йи по-пидь руки й посадыла на повозку. Вони вернулесь, прямуючы „з-за гряныци“ въ Богуславъ, вбыти горемъ.

— Пойихалы й навить зъ нами не попрощалесь,—заговорила Балабушыха вже ажъ пидь лисомъ.

Настя й слова не сказала, тилькы плакала.

А бувшый на балу въ Балабушыхы семынарысть, сердытый на загрянышний Балабушынъ балъ, пойихавъ до Кыива й въ класси зъ кафедры оповистывъ усимъ товаришамъ за той балъ и за те, якъ Настя й йи маты нехтувалы семынарыстамы й гулялы зъ фабрыцькымы панычамы та зъ столярамы нимпямы. Одъ того часу до Балабухы въ хату не заглянувъ ни одынъ семынарысть.

Настя довго писья того ждала женихивъ. Ще висимъ рокивъ Балабушыха варыла зъ Настею варення, вышывала усяки квиткы та чытала „Собраніе иностранныхъ романовъ“. Зъ горя та зъ великои нудьгы за мылымъ Густавомъ Настя вывчылась курыть, а сусиды тыхесенько говорылы, що вона потаенци навить пыла зъ мамою пунши зъ ромомъ, тилькы легесеньки. Въ довги зимни вечори Настя выгравала на фортепяни усяки фантази, а маты ходыла по зали, слухала музыку й передумувала все свое жыття, свои радости й свои прыгоды. Черезъ висимъ рокивъ въ Богуславъ

прыйхавъ не молодой становый, удивецъ, та ще й зъ трьома дитьмы. Настя йому сподобалась, и становый заславъ до неї старостивъ. Балабушыха, придержуючысь выщого тону, не звелила справляты сільського бучного весилля зъ музикамы й танцямы. Молоди прыйшли одъ винчання, выпылы шампанського, повечерялы въ маленьки компаніи ридни, й пишла Настя на готову симью вже литнього прыстаркуватого удивця. Выржаючи зъ дому Настю, Балабушыха гирко плакала.

— Прощай, моя дорога доню, моя прыятелько! Теперычкы я зостанусь сама въ хати, якъ былына въ поли. Я зъ твоєю молодистю неначе вдруге пережыла й перебула свою молодисть,—говорила Балабушыха, выржаючи Настю.

Балубаха не спромится дати за Настю прыданого ни мидного шага й тилькы надаривъ своимъ благословеннямъ на дорогу.

Балабуха посывивъ и ставъ ажъ бильий. Балабушыха помарнила й зсохлась, якъ опеньокъ, але й въ старости зосталась проворною та говоруючою. На сьомому десяткови вона почувала, що йи сылы слабишають, фантазія згасае й замырае, сонъ тикае одъ неї. Вона прокыдалась вночи, въ четверти, навить въ трети годыни, а щобъ пидсылыты свои нервы й прогнаты нудьгу, чотыри разы на день пыла чай. Наймычка часомъ ставляла для неї самоваръ въ глупу пивничь. Здається, Олеся тилькы й жыла чаемъ та тютюномъ. Папиросы вона курыла слыве цильий день. И теперь вона любить веселу молоду компанію, цили вечори дывытыся, якъ танцюють та бавлятыся молоди панычи та панны, слухае музыку та все чытае романы. Неважка наука, безробитне жыття на довгий часъ збереглы йи сылы. Балабуха вже оглухъ, але ще й доси добре бачыть. Въ Балабушыхы навить цили уси зубы. Вона дуже не любить ни говорыты, ни навить слухаты за смерть.

1881 року.

Сочиненія

И. С. Нечуя-Левицкаго.

Повѣсти й оповидання т. 1, 2, 3 и 4 по	1 50	11) Помижъ ворогамы, пов. — 75	
1) Старосьвицьки батюшки та матушки выд. трете . . .	1 25	12) Надъ Чернымъ моремъ, повѣсть	1 25
2) Бурлачка, повѣсть	— 60	13) Кыйивськи прохачи, пов. — 60	
3) Запорожци	— 15	14) Мыкола Джеря, повѣсть . — 60	
4) Баба Параска та баба Па- лажка	— 15	15) Голодному й опенькы мясо, мищанська комедія выд. друге	— 15
5) Два братья, казка	— 15	16) Чортяча спокуса, опови- данья, друге выд.	— 12
6) Витрогонъ, оповидання . . .	— 10	17) Не той ставъ, повѣсть . . .	— 50
7) Прыятлы, оповидання . . .	— 15	18) Два московкы, позистъ, друге выд	— 25
8) Рыбалка Панась Круть, оповидання	— 15	19) На кожумякахъ, мищанська комедія, друге выд.	— 25
9) Невынна, оповидання . . .	— 15	20) Стари Гультаи друге выд. — 5	
10) Бидный думкою багатѣ, фантазія и „Попалысь,“ дытячи риздвяни сценкы — 15			

Къ каждому произведенію приложенъ портретъ автора.

Готовятся къ печати повѣсти **И. С. Нечуя-Левицкаго**: Т. V „Хмары“ и т. VI „Народныя повѣсти и драматическія произведенія.“

УКРАИНСКІЙ ДЕКЛАМАТОРЪ

ДОСВИТНИ ОГНИ

Збирка поэзіи й прозы до читання й декламаціи упорядкувавъ **Б. Грипченко**. Томъ свыше 400 стр. на хорошей бумагѣ. Книга украшена орнаментами, виньетками и 50 портретами украинскихъ писателей, поэтовъ и артистовъ.

Въ этотъ сборникъ вошли главнѣйшія произведенія всѣхъ выдающихся украинскихъ поэтовъ, и писателей, начиная съ родоначальника малорусской литературы **И. П. Котляревскаго** и кончая поэтами и писателями нашихъ дней.

Въ сборникѣ помѣщена мелодекламація—музыка **Н. В. Лисенно**.

Цѣна книги до выхода въ свѣтъ по подпискѣ 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., по выходѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

